

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ
В ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ

ОБЩЕСТВЕННОЕ
ДВИЖЕНИЕ
В ПОРЕФОРМЕННОЙ
РОССИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“

Б. П. КОЗЬМИН

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Общественное
движение
в пореформенной
России

СБОРНИК СТАТЕЙ

К 80-летию со дня рождения

Б. П. КОЗЬМИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва · 1965

Сборник подготовлен Группой по изучению общественного движения в пореформенной России при секторе истории СССР периода капитализма Института истории Академии наук СССР

Редакционная коллегия:

Э. С. ВИЛЕНСКАЯ, Л. М. ИВАНОВ (отв. редактор),
Б. С. ИТЕНБЕРГ, М. Г. СЕДОВ, В. А. ТВАРДОВСКАЯ

Научно-организационная подготовка осуществлена
С. А. ЛИВШИЦ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Революционно-демократическое движение пореформенной России, длительное время не разрабатывавшееся, стало активно изучаться после XX съезда КПСС. Многие историки в центр своих научных интересов поставили проблему народничества — коренную тему разночинского этапа освободительного движения в России. Изучение общественной борьбы в России позволяет правильно решить проблему предшественников пролетарской партии в нашей стране, проследить развитие общественно-политической мысли и революционной теории, выяснить основные закономерности и характер революционно-демократического движения.

Настоящий сборник статей представляет собой некоторые итоги работы Группы по истории общественно-го движения в пореформенной России, организованной при секторе истории СССР периода капитализма Института истории АН СССР. Эта Группа возникла в январе 1961 г. и объединила исследователей разных городов нашей страны, занимающихся революционно-демократическим движением, рабочим движением на разночинском этапе, вопросами интернациональных связей, второй революционной ситуацией, историей демократической журналистики и др. Состав сборника определяют эти многогранные направления исследовательской мысли. Изучение истории общественного движения в России имеет ряд сложных, еще не решенных вопросов и спорных проблем. Вполне понятно поэтому, что в предлагаемом сборнике содержатся различные точки зрения, постановка некоторых вопросов представляется дискуссионной.

Сборник открывается статьей С. С. Волка (Ленинград) «Карл Маркс, Фридрих Энгельс и „Народная воля“», в которой выясняется отношение основоположников научного коммунизма к героической борьбе народовольцев, прослеживаются связи русских революционеров с вождями международного пролетариата.

Истории «Народной воли» посвящены также статьи В. А. Твардовской и С. Л. Эвенчик: в первой рассматривается влияние революционной ситуации на программу и тактику «Народной воли», во второй раскрываются характер и особенности пропаганды народовольцев среди крестьян после 1 марта 1881 г.

В работе Е. Р. Ольховского (Ленинград) подробно описаны возникновение и деятельность чернопеределеческих кружков Петербурга и Москвы.

Взаимоотношение революционных народников и передовых рабочих анализируется в статьях Р. В. Филиппова (Петрозаводск) и В. П. Крикунова (Грозный). В полемической работе Р. В. Филиппова делается попытка определить роль пропаганды народников в формировании революционных взглядов наиболее сознательных рабочих. В. П. Крикунов затрагивает более частную тему: организацию не известного в литературе «Рабочего союза» в Тифлисе (1887—1888 гг.) и его идеологические основы.

Представлена в сборнике и история демократической журналистики (нелегальной и легальной), а также деятельность выдающихся публицистов-народников. Статья Г. М. Лифшица, написанная на основе архивных документов, позволяет полностью воссоздать картину возникновения программы нелегального журнала «Вперед». В статье М. Г. Седова «К вопросу об общественно-политических взглядах Н. К. Михайловского» ставится задача привлечь внимание исследователей к изучению роли Н. К. Михайловского в русском общественном движении. В сообщении В. Г. Серебренниковой рассматри-

ваются вопросы политической и социально-экономической направленности журналов «Дело» и «Отечественные записки» в конце 70-х — начале 80-х годов XIX в.

Вопросам интернациональных связей посвящена статья Е. К. Жигунова и Е. Б. Рашковского «Из истории русско-польских революционных связей 1878—1880 гг.», в которой исследуются контакты П. Л. Лаврова с польскими революционерами.

Судебный процесс над участниками «хождения в народ» (процесс «193-х») и социальный состав участников революционного движения 70-х годов XIX в. рассматриваются в работах Н. А. Троицкого (Саратов) и В. С. Антонова. В сборнике помещены библиография работ по истории революционного народничества и хронологический обзор заседаний Группы по истории общественного движения в пореформенной России.

Разумеется, в настоящем сборнике представлены далеко не все проблемы, связанные с общественным движением на разночинском этапе. Он является лишь первым шагом на пути выполнения широких замыслов исследователей.

Настоящее издание посвящается памяти одного из крупнейших марксистских исследователей революционного прошлого нашей страны — Бориса Павловича Козьмина в связи с 80-летием со дня его рождения. Многочисленные труды выдающегося советского историка явились крупным вкладом в историографию революционно-демократического движения в России.

С. С. Волк

КАРЛ МАРКС, ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС И «НАРОДНАЯ ВОЛЯ»

Карл Маркс и Фридрих Энгельс с величайшим вниманием следили за освободительным движением в России. От революционного переворота, назревавшего в стране после крестьянской реформы 1861 г., они ждали толчка, изменяющего «облик всей Европы»¹. Они с большой симпатией относились к деятельности революционных народников, гордились своей дружбой с народо-вольцами. Как писал В. И. Ленин, «...героическая борьба малочисленной кучки русских революционеров с могущественным царским правительством находила в душах этих испытанных революционеров самый сочувственный отклик»².

* * *

Историки 20-х — начала 30-х годов (Е. Ярославский, В. И. Невский и др.) правильно осветили взаимоотношения основоположников марксизма и деятелей народнического движения³. Однако их работы, как правило, носили слишком общий характер и оставляли в стороне многие, тогда уже известные источники. В последующие два десятилетия об отношении Маркса к народничеству и «Народной воле» упоминалось весьма бегло, а главное односторонне.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, стр. 347.

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 13.

³ Е. Ярославский. Карл Маркс и революционное народничество. М., 1933; В. И. Невский. Маркс и русское революционное движение.— «История пролетариата СССР», 1933, сб. 1—2, стр. 36—72; М. Поташ. Маркс и Энгельс о народническом социализме в России.— Сб. «Маркс, Ленин и Плеханов о народничестве и „Народной волей“». М., 1931, стр. 9—41.

В книгах и статьях советских исследователей, изданных за последние годы и посвященных влиянию марксизма на русское освободительное движение, а также выяснению взглядов Маркса и Энгельса на Россию, обычно затрагивается вопрос об их взаимоотношениях с «Народной волей»⁴, но особой работы на эту тему пока не имеется.

Исследование этих вопросов является тем более необходимым, что в буржуазной литературе Запада, стремящейся скомпрометировать марксизм как научную идеологию, настойчиво пытаются провести абсурдную мысль о том, будто Маркс и Энгельс разделяли заблуждения народников и оттолкнули от себя первых русских марксистов. «Сам Маркс был против русских марксистов»⁵,— заявляет историк и литературовед А. Ярмолинский в полном согласии с рядом других американских авторов.

Настоящая статья представляет собой попытку восполнить этот пробел и проследить, с одной стороны, отношение народолюбцев к марксизму, а с другой — охарактеризовать взгляды Маркса и Энгельса на «Народную волю» (в связи с их общей оценкой народничества) и осветить их связи с Исполнительным Комитетом «Народной воли».

⁴ А. Л. Реуэль. Русская экономическая мысль 60—70-х годов XIX века и марксизм. М., 1956; Ш. М. Левин. Общественное движение в России в 60—70-е годы XIX века. М., 1958; Ю. З. Полевой. Зарождение марксизма в России. 1883—1894 гг. М., 1959; О. И. Калекина. Издание и распространение трудов К. Маркса и Ф. Энгельса в России. М., 1962; В. Ю. Самедов. Распространение марксизма в Азербайджане. Баку, 1962. Следует назвать также статьи: Б. С. Итенберг. Связи передовых рабочих России с революционным движением Запада (70-е годы XIX в.).— «Вопросы истории», 1956, № 9; Р. П. Конюшая. Фридрих Энгельс о революции в России.— «История СССР», 1960, № 6; Р. П. Конюшая. К. Маркс и Ф. Энгельс об историческом развитии России.— «Очерки истории исторической науки в СССР», т. 2. М., 1960; Н. Г. Сладкевич. К. Маркс и передовое студенчество Петербургского университета 60—80-х годов XIX в.— «Очерки по истории Ленинградского университета», т. 1. Л., 1962.

⁵ A. Jarmolinsky. Road to Revolution. N. Y., 1962, p. 324; S. Baron. The First Decade of Russian Marxism.— «The American Slavic and East European Review», 1955, October, p. 323; I. Deutscher. Marx and Russia.— «Russia in Transition». N. Y., 1957, p. 159—164.

Первым переводом на иностранные языки главного труда Маркса — «Капитала» — был русский перевод. Революционизирующее значение этой книги было сразу оценено деятелями русского народнического движения. По свидетельству П. Л. Лаврова и некоторых других народников,⁶ появление в 1872 г. русского перевода «Капитала» немало способствовало возбуждению умов молодежи, уже потрясенной событиями Парижской Коммуны. Неудивительно, что это легальное издание в 70—80-х годах отбиралось при обысках наравне с нелегальной литературой. Хотя далеко не все участники революционных кружков прочли «Капитал», знакомство с экономическими взглядами Маркса становилось как бы обязательным для каждого революционера. Но даже усвоив отдельные экономические идеи «Капитала», народники оставались на позициях утопического социализма и считали своими учителями Чернышевского и Добролюбова, Бакунина и Лаврова.

Обычно Маркса называли лишь в числе других мыслителей, владевших умами молодежи, помещали в один ряд с Прудоном и Луи Бланом, Лассалем и Родбертусом⁷.

Еще в начале 70-х годов «Капитал» изучали студенты и курсистки известного кружка «чайковцев», из которого вышла С. Л. Перовская⁸. О популярности «Капитала» в середине 70-х годов писала другая героиня «Народной воли» — В. Н. Фигнер, которая впрочем серьезно занялась чтением этого труда лишь летом 1881 г.⁹ Еще до образования в 1879 г. «Народной воли» познакомились с «Капиталом» такие видные ее деятели, как Н. А. Морозов и С. Г. Ширяев, его изучали

⁶ П. Л. Лавров. Народники-пропагандисты 1873—1878 гг. Л., 1925, стр. 31; Старик (С. Ф. Ковалик). Движение 70-х годов по большому процессу (193-х). — «Былое», 1906, № 10, стр. 5—6.

⁷ М. Ю. Ашенбреннер. Военная организация «Народной воли». — «Былое», 1906, № 7, стр. 6.

⁸ А. Корнилова-Мороз. Перовская и основание кружка «чайковцев». — «Каторга и ссылка», 1926, № 1, стр. 16.

⁹ В. Н. Фигнер. М. Н. Тригони. — «Голос минувшего», 1917, № 7—8, стр. 201; она же. Полн. собр. соч., т. V. М., 1932, стр. 103, 105.

М. Ю. Ашенбреннер, А. Н. Бах, Н. К. Бух, А. П. Корба, М. Р. Ланганс и многие другие¹⁰.

В письме к Марксу от 25 октября 1880 г. Исполнительный Комитет «Народной воли» сообщал, что переводная русская интеллигенция с восторгом встретила появление его научных работ: «„Капитал“ сделался настольной книгой образованных людей»¹¹. Распространение «Капитала» в народовольческих кружках, пропаганда народовольцами некоторых экономических сочинений Маркса подтверждают это заявление. Энгельс в 1884 г. писал, что в России среди революционеров-практиков экономические идеи марксизма «всегда встречали понимание и симпатию»¹².

Несомненно, что наибольшим вниманием «Капитал» пользовался в студенческих кружках. В Петербургском университете в начале 1881 г. возник народовольческий кружок по изучению Маркса. В нем участвовал, в частности, В. Г. Богораз, который позже, опираясь на Маркса и Лассаля, читал лекции по политической экономии в рабочих группах на юге¹³.

В гектографированной в Петербурге в начале 1882 г. «Программе для чтения» (издание Центрального студенческого кружка «Народной воли») для изучения общественной науки прежде всего рекомендовалось изучение «Капитала». При этом он характеризовался как труд, где «лучше всего» изложено «существо современной формы экономических отношений, общей большинству европейских народов, и по мнению многих, и России в ближайшем будущем», т. е. капитализма. Для менее подготовленных читателей предлагались также статьи Н. И. Зибера («Экономическая теория

¹⁰ Н. Морозов. Карл Маркс и «Народная воля» в начале 80-х годов.— «Каторга и ссылка», 1933, № 3, стр. 144; «Автобиографическая записка С. Ширяева».— «Красный архив», 1924, т. 7, стр. 76; Вера Фигнер. Запечатленный труд, т. 1. М., 1964, стр. 296; «Автобиография А. Н. Баха».— Энциклопедический словарь «Гранат», т. 40. Приложение, стр. 7; Н. К. Бух. Воспоминания. М., 1928, стр. 34; А. П. Корба. Народная воля. М., 1926, стр. 32; «Процесс 20-ти народовольцев в 1882 г.» Ростов-на-Дону, 1906, стр. 100.

¹¹ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями». М., 1951, стр. 251.

¹² Там же, стр. 277.

¹³ «Автобиография В. Г. Богоразы».— Энциклопедический словарь «Гранат», т. 40. Приложение, стр. 351; Д. Кузьмин [Е. Колосов]. Народовольческая журналистика. М., 1930, стр. 179.

Маркса) ¹⁴. В отличие от других нелегальных указателей того времени (изданных в Одессе и Челябинске) в экономический раздел петербургской «Программы для чтения» включались только работы Маркса и Зиберера. Это свидетельствует о стремлении авторов подвести читателя к другим социологическим проблемам лишь после ознакомления с марксистской точкой зрения. Так, раздел «Городские рабочие классы» открывается главой из «Капитала» — «Рабочий день» и популярной статьей В. Покровского «Рабочий день по Марксу» (из № 4 «Отечественных записок» за 1870 г.) ¹⁵. Правда, в других параграфах «Программы для чтения» ее составители не выдерживали, да и не могли еще в то время выдержать, принципа предпочтительной рекомендации марксистской или близкой ей по духу литературы. В большинстве рубрик (община, народные бунты, земские соборы и т. д.) сохранялась явная народническая направленность. Тем не менее петербургская народо-вольческая «Программа для чтения» способствовала распространению среди студенческой молодежи марксистской литературы.

«Возможно большего распространения и возможно большей популярности» желал «Капиталу» автор статьи, посвященной памяти Маркса, в № 4 гектографированного журнала «Студенчество» (1883 г.) — органе народо-вольческого кружка Петербургского университета. «Раздумывая над «Капиталом» читатель сам поймет, как цельно, прочно и солидно воплотил Маркс в своей книге всю нужду пересоздания современного общественного строя!» ¹⁶ — говорилось в статье.

В литературе уже разбирался одесский народо-вольческий «Каталог систематического чтения» ¹⁷, в котором «заметно определенное стремление к популяризации экономического учения Маркса предпочтительно перед другими школами» ¹⁸. В конце 1883 или начале 1884 г.

¹⁴ «Знание», 1876, № 10—12; 1877, № 2; «Слово», 1878, № 1, 3, 9, 12.

¹⁵ ЦГИА СССР, ф. Вещественные доказательства к делам Министерства Юстиции (1410), оп. 3, д. 619.

¹⁶ «На венки Марксу». — «Каторга и ссылка», 1933, № 3, стр. 171.

¹⁷ «Каталог систематического чтения». Одесса, 1882.

¹⁸ Н. В. Здобнов. История русской библиографии до начала XX века, изд. 2-е. М., 1951, стр. 428. Популярные изложения «Капи-

«Каталог систематического чтения» с рукописными дополнениями был отобраан при аресте члена киевского народовольческого кружка студента М. А. Корниенко. В разделе политической экономии было от руки вписано: «Изложение «Капитала» (по Мосту) и «Манифест Коммунистической партии». Указанное изложение «Капитала» жандармы отобрали у другого члена кружка — студента К. М. Козловского.

У организатора кружка каменец-подольской молодежи И. Г. Ткаченко наряду с гектографированной копией одесского народовольческого «Каталога систематического чтения» весной 1883 г. была обнаружена «Программа для изучения социального и экономического развития Западной Европы и России», где параграф о практических задачах борьбы заключался именем Маркса¹⁹. В несколько измененном виде эта «программа» была отобраана в январе 1884 г. у студента Киевского университета Г. Г. Климовского. Каждый раздел здесь сопровождался указанием рекомендуемых для его изучения авторов. В большинстве случаев первым назывался Маркс, однако вслед за ним следовали имена философов и экономистов весьма различных направлений.

Марксистская экономическая литература изучалась в 1882—1883 гг. и в народовольческих студенческих кружках Москвы, Казани, Ярославля, Дерпта²⁰ и других городов. Сочинениями Маркса заинтересовались тогда и учащиеся гимназий. «Капитал» пытались штудировать в 1883 г. в кружке сочувствовавших народо-вольцам учеников ростовского реального училища²¹. В мае 1883 г. жандармы обнаружили популярные изло-

тала» намечалось ввести в каталог систематического чтения, который готовился в начале 1883 г. одесским народовольческим кружком молодежи (Г. Борзяков. Революционная молодежь в Одессе в 1882—1884 гг.—«Каторга и ссылка», 1929, № 8—9, стр. 133).

¹⁹ ЦГИА СССР, ф. Министерства юстиции (1405), оп. 83, 1883 г., д. 11100, л. 18; ф. 1410, оп. 1, д. 420, л. 1 об.; ср. д. 463, л. 2—3.

²⁰ Там же, ф. 1410, оп. 1, д. 421, л. 10—11; Ф. В. Смирнов. Отголоски «Народной воли» в Ярославле и Рыбинске в 1882—1887 гг.—«Народовольцы», сб. III. М., 1931, стр. 238; П. С. Рейфман. Тартуская народовольческая типография.—«Вопросы истории Эстонской ССР», т. II. Тарту, 1961, стр. 437.

²¹ П. К. Пешекеров. Пропаганда среди рабочих в Ростове-на-Дону в 1882—1884 гг.—«Народовольцы после 1 марта 1881 г.». М., 1928, стр. 119.

жения «Капитала», а также выписки из Маркса у учеников Немировской гимназии (вблизи Винницы на Украине)²². Впрочем «Капитал» нередко оказывался не под силу юным читателям. Бывали случаи, рассказывает в своих воспоминаниях руководитель народо-вольческого кружка в Елизаветграде А. Тарковский, когда после нескольких строк гимназистки, расплакавшись, откладывали книгу, так ничего и не поняв²³.

Как можно судить по воспоминаниям Э. Серебрякова, «Капитал» читали в морском кружке в Кронштадте²⁴, а по показанию офицера Ф. В. Стратановича — на нескольких собраниях Одесского кружка²⁵. При обыске это произведение в начале 1883 г. было найдено у штабс-капитана Крайского²⁶. Стоявший во главе южных кружков подполковник М. Ю. Ашенбреннер, по отзыву В. Н. Фигнер, хорошо изучив Маркса, читал офицерам Николаевского кружка рефераты, излагавшие его экономическое учение²⁷. Впрочем это делалось скорее всего не по приобретенному им незадолго до ареста «Капиталу», а по статьям Н. И. Зиберы²⁸, публиковавшихся в журналах «Знание» и «Слово», которые были выписаны в полковую библиотеку специально для кружкового чтения. Экземпляр выделенных из этих журналов очерков Зиберы «Экономическая теория Маркса» был обнаружен полицией на квартире Ашенбреннера²⁹. Очевидно, это же самое сочинение («Экономическая теория Маркса») было изъято в начале

²² ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 85, 1884 г., д. 10241, л. 45 об., 59, 78 об.

²³ О. Тарковський. Начерк історії революційного руху в м. Єлизаветграді.— «За сто літ», т. V. Харків — Київ, 1930, стр. 237.

²⁴ Э. Серебряков. Революционеры во флоте.— «Былое», 1907, № 4, стр. 123.

²⁵ ЦГВИА, ф. Петербургского военно-окружного суда (545), оп. 3, 1885 г., д. 51, т. XXII, л. 11 об.

²⁶ Там же, т. XXI, л. 129 об.

²⁷ Вера Фигнер. Запечатленный труд, т. 1, стр. 296; ЦГВИА, ф. 545, оп. 3, 1885 г., д. 51, т. XVII, л. 463. Показания И. П. Ювачева.

²⁸ ЦГВИА, ф. 545, оп. 3, 1885 г., д. 51, т. XXII, л. 411. Показание И. И. Успенского; ср.: «Автобиография М. Ю. Ашенбреннера». — Энциклопедический словарь «Гранат», т. 40. Приложение, стр. 13—14.

²⁹ ЦГВИА, ф. 545, оп. 3, 1885 г., д. 51, т. XXI, л. 3 об.; ср. М. Ю. Ашенбреннер. Военная организация «Народной воли». М., 1924, стр. 69.

1882 г. при обыске у подпрапорщика Н. М. Якимова, служившего в Воронеже³⁰.

Особенно важно отметить, что народовольцы, продолжая традицию народников середины 70-х годов, стремились познакомить с некоторыми экономическими идеями Маркса кружки наиболее развитых рабочих. Кое-где и прежде всего в Петербурге пропагандисты-народовольцы на занятиях с рабочими читали отдельные главы «Капитала»³¹. Конечно, из этого не следует, что в основе народнической пропаганды среди рабочих лежали экономические идеи марксизма.

Книги Маркса на немецком и французском языках были отобраны в 1881 г. у студента М. А. Энгельгардта (сына автора «Писем из деревни»), привлеченного к делу о пропаганде среди петербургских рабочих³². Знакомы были с «Капиталом» и некоторые другие столичные пропагандисты: Е. М. Сидоренко³³ и И. И. Попов. Последний сообщает, что члены образовавшейся в 1882 г. «Подготовительной группы партии „Народная воля”» вели занятия с рабочими по Чернышевскому («Примечания к Миллю»), Лассалю, Марксу. Готовились рефераты по Марксу, которые затем гектографировались³⁴. В. А. Бодаев подтверждал в письме к С. Н. Валку знакомство пропагандистов-студентов с «Капиталом» и статьями Н. И. Зиберера³⁵.

Сходное известие содержат и воспоминания И. И. Майнова. Майнов, у которого «Капитал» был обнаружен полицейским агентом еще в 1878 г.³⁶, сообщает, что московские пропагандисты в 1881 г. знакомили своих слушателей с теорией стоимости Маркса «обыкновенно изустно или по одному из многочисленных в то время рукописных конспектов, составлявшихся чуть ли не во

³⁰ ЦГАОР СССР, ф. Особого присутствия Правительствующего сената (112), оп. 1, д. 526, л. 269 об.

³¹ «Памяти Гриневицкого». — «Былое» (загр.), вып. 1. Ростов-на-Дону, 1906, стр. 7.

³² ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 80, 1881 г., д. 8710, л. 229.

³³ Е. Сидоренко. Гимназические и студенческие годы 1878—1881. — «Кандалыный звон», 1926, № 4, стр. 78.

³⁴ И. И. Попов. Революционные организации в Петербурге в 1882—1883 гг. — «Народовольцы после 1 марта 1881 г.», стр. 55, 57.

³⁵ С. Н. Валк. Молодая партия «Народной воли». — «Проблемы марксизма», 1930, № 1, стр. 98.

³⁶ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 76, 1878 г., д. 7390, л. 3.

всех городах, где только велась пропаганда, и затем ходивших по рукам»³⁷. В частности, такой конспект в виде тетради с заглавием «Экономическая теория Маркса» (видимо, по статье Н. И. Зиберы) был обнаружен полицией у А. Буланова (известного черноперельца, примкнувшего в конце 1881 г. к «Народной воле» и связанного с московскими рабочими кружками)³⁸. С «Капиталом» были очевидно знакомы один из руководителей народофильской пропаганды среди московских рабочих С. Н. Халтурин³⁹ и некоторые другие пропагандисты, например М. Чикоидзе⁴⁰, а также В. С. Панкратов, который в конце 1882 г., переехав в Ростов, а затем в Елизаветград, рекомендовал знакомить тамошних, менее развитых рабочих с теорией прибавочной стоимости по статьям Н. И. Зиберы. В ростовских железнодорожных мастерских наибольшей популярностью пользовалась упомянутая уже статья В. Покровского «Рабочий день по Марксу»⁴¹. В рабочем народофильском кружке в Елизаветграде эту же статью, а может быть, даже соответствующую главу «Капитала» читал в начале 1883 г. Е. Хороманский⁴².

Статья Зиберы «Экономическая теория Маркса» фигурировала в качестве вещественного доказательства и у одного из организаторов рабочей пропаганды в Перми В. А. Померанцева, близкого по своим взглядам к народофильцам⁴³.

Надо полагать, что в том же духе велась в конце 1879 — начале 1880 г. пропаганда среди киевских рабочих кружков М. Р. Поповым, который, еще будучи землевольцем, читал и объяснял на Ижорском заводе «Рабочий день» и некоторые другие главы «Капитала», а также его изложение по Мосту⁴⁴. Спустя два года, в Киеве

³⁷ Н. Волков (И. И. Майнов). Народофильская пропаганда среди московских рабочих в 1881 г. — «Былое», 1906, № 2, стр. 181.

³⁸ ЦГАОР СССР, ф. 112, оп. 1, д. 537, л. 55 об., 59.

³⁹ Там же, ф. III отд. (109), 3 эксп., 1880 г., д. 538, ч. 1, л. 307 об., 319 об.

⁴⁰ «Былое», 1907, № 8, стр. 8.

⁴¹ В. С. Панкратов. Воспоминания. Как приходилось работать среди рабочих в 1880—1884 гг. М., 1923, стр. 66.

⁴² ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 85, 1884 г., д. 11000, л. 239 об.

⁴³ Там же, оп. 83, 1883 г., д. 11332, л. 47 об.

⁴⁴ М. Р. Попов. Записки землевольца. М., 1933, стр. 46—60.

вели пропаганду «основательно» изучившие «Капитал» А. Н. Бах и Н. Д. Захарин⁴⁵. В 1884 г. в Харькове обнаружили при обыске у П. С. Шаповалова 51 экземпляр известной брошюры самого А. Н. Баха «Царь-голод», где в популярной форме излагался «Капитал»⁴⁶.

Из рабочих народовольческих кружков выходили такие талантливые, но преждевременно погибшие революционеры, как, например, Андрей Карпенко, токарь ростовских железнодорожных мастерских, который организовал в 1883 г. выпуск журнала «Рабочий», где в близком к марксизму духе излагались начала политической экономии⁴⁷. Переехав в Екатеринослав, Карпенко вел занятия с рабочими, руководствуясь трудами Маркса и Лассалья⁴⁸. Карпенко, как и некоторые другие рабочие-народовольцы, по воспоминаниям В. С. Панкратова, поразил Германа Лопатина своей начитанностью и знанием сочинений Маркса⁴⁹.

Несомненные заслуги имели народовольцы и в распространении «Манифеста Коммунистической партии», а также некоторых других произведений Маркса и Энгельса. Вплоть до появления в 1882 г. перевода Г. В. Плеханова «Коммунистический манифест» сравнительно редко встречался в революционных кружках, в том числе и народовольческих. Однако его нашли в марте 1881 г. при аресте у Н. И. Кибальчича, который еще в 1875 г. стал переводить его на русский язык⁵⁰, а также в начале 1882 г. у И. В. Калюжного — одного из членов московской рабочей группы. Последний экземпляр ранее, по-видимому, принадлежал Плеханову, так как на титульном листе была надписана его фамилия⁵¹. Невольно возникает вопрос, не был ли этот экземпляр

⁴⁵ А. Н. Бах. Записки народовольца. М.—Л., 1929, стр. 32.

⁴⁶ ЦГАОР СССР, ф. Департамента полиции (102), 7-е дел-во, 1884 г., д. 897, л. 123.

⁴⁷ С. Н. Валк. «„Рабочий” — ростовский журнал 1883 г.».— «Литературное наследство», т. 2. М., 1932, стр. 100.

⁴⁸ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 87, 1886 г., д. 10145, л. 431 об.

⁴⁹ Г. Н.-ин. Из жизни рабочих народовольческих кружков (Памяти Андрея Карпенко).— «Каторга и ссылка», 1929, № 8—9, стр. 208.

⁵⁰ Б. С. Итенберг и А. Я. Черняк. Ранний перевод «Манифеста Коммунистической партии».— «Исторический архив», 1959, № 2, стр. 224.

⁵¹ ЦГАОР СССР, ф. 112, оп. 1, д. 526, л. 48 об.

прислан в редакцию «Народной воли», с которой был связан И. В. Калюжный, из Женевы Л. Г. Дейчем вместе с предисловием Маркса и Энгельса к русскому переводу? Как известно, в 1882—1883 гг. в России стало распространяться издание «Коммунистического манифеста», выпущенного в 1882 г. в Женеве в переводе Плеханова и с предисловием Маркса и Энгельса к русскому изданию. Это предисловие за несколько месяцев до выхода брошюры с плехановским переводом появилось в № 8—9 «Народной воли».

Плеханов, лично не знакомый в это время с основоположниками марксизма, уговорил П. Л. Лаврова в декабре 1881 или в начале января 1882 г. обратиться к ним с просьбой о написании предисловия⁵². Маркс и Энгельс почти тотчас откликнулись на эту просьбу. «Предисловие» (автограф Энгельса), помеченное 21 января 1882 г., Маркс послал 23 января на имя Лаврова в Париж⁵³. Из Парижа оно, очевидно, тотчас было отправлено в Женеву к Плеханову. Видимо, в связи с тем, что Плеханов к этому времени еще не успел завершить работу над переводом «Манифеста»⁵⁴, Л. Г. Дейч, активно занятый в это время перепиской с Исполнительным Комитетом по делам Красного Креста и заграничной народофильской типографии, 2 февраля 1882 г. выслал в Россию немецкий и русский (в переводе Плеханова) тексты «Предисловия» с просьбой поместить его «в ближайшем номере Народной воли»⁵⁵. В Москве в это время заканчивался набор № 8—9 «Народной воли» (помеченный 5 февраля 1882 г.). Чтобы не задерживать номер, «Предисловие» поместили в числе его последних статей. В редакции все же сочли необходимым самостоятельно перевести текст оригинала или во всяком случае пересмотреть перевод Плеханова⁵⁶.

⁵² «Письма Г. В. Плеханова к П. Л. Лаврову». — «Дела и дни», 1921, кн. 2, стр. 89.

⁵³ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 257.

⁵⁴ «Письма Г. В. Плеханова к П. Л. Лаврову». — «Дела и дни», 1921, кн. 2, стр. 89, 92.

⁵⁵ Л. Г. Дейч и Я. Стефанович. Переписка. — Сб. «Группа „Освобождение труда“», № 3, М., 1925, стр. 172.

⁵⁶ В тексте «Народной воли» можно обнаружить ряд шероховатостей перевода, а из более серьезных ошибок — неправомерное упрощение текста об Америке (экономическую основу политического

«Предисловие» сопровождалось редакционным примечанием: «С удовольствием помещаем „Предисловие“, имея в виду глубокий научный и практический интерес затронутых в нем вопросов. Нам особенно приятно отметить заключительные слова: в них мы видим подтверждение одного из основных положений теории народолюбства»⁵⁷. Здесь шла речь о высказанной Марксом и Энгельсом мысли, что русская община, сильно уже пошатнувшаяся, может перейти к высшей форме коммунистического землевладения только в том случае, если русская революция сомкнется с революцией пролетариата на Западе⁵⁸. Таким образом, в «Народной воле» «Предисловие» появилось почти за три месяца до выхода русского перевода «Манифеста» в Женеве.

Предисловие Плеханова к его переводу «Манифеста» первоначально распространялось в списках. Один из таких списков был найден у студента Московского университета П. А. Рождественского⁵⁹. Первые известия о распространении нового издания в России относятся к осени 1882 г. В литографированном виде (возможно, издание московских народолюбцев) оно имелось в офицерских кружках в Одессе и Николаеве⁶⁰. В Елизаветграде «Манифест» штудировали в это время в кружке саморазвития, которым руководил В. Н. Ценьковский⁶¹. А в Харькове народолюбческому кружку в 1883 г. даже удалось его гектографировать⁶².

стройка Америки составляет, по этому переводу, «мелкое и среднее фермерство», в то время как у Плеханова правильно: «мелкая и средняя поземельная собственность фермеров»). Правда, в двух-трех случаях народолюбческий перевод точнее. Плеханов, например, пропустил слова «paamentlich England» («главным образом Англия»). Ближе к буквальному тексту народолюбцы в выборе двух эпитетов и т. д. (ср. «Литература партии „Народная воля“». М., 1930, стр. 178; «Манифест Коммунистической партии». Женева, 1882).

⁵⁷ «Литература партии „Народная воля“», стр. 178. Вероятно, автором примечания был член ИК В. С. Лебедев, входивший в то время в состав редакции «Народной воли» (Д. Кузьмин [Е. Колосов]. Указ. соч., стр. 190).

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 521, д. 415, л. 44 об.

⁶⁰ «Автобиография М. Ю. Ашенбреннера». — Энциклопедический словарь «Гранат», т. 40. Приложение, стр. 13—14.

⁶¹ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 85, 1884 г., д. 11000, л. 165, 169.

⁶² Л. А. Левин. «Манифест Коммунистической партии» в России. М., 1956, стр. 82.

В Петербурге народовольческая организация в университете, восхищенная «пророческой новизной взглядов», выпустила два издания «Манифеста»: первое (1882 г.) рекламировалось на обложке подпольного журнала «Студенчество», вышедшего в январе 1883 г.⁶³, второе — 9 июля 1883 г.⁶⁴ В 1883 или 1884 г. его стали выпускать и распространять среди рабочих кружков московской народовольческой молодежи⁶⁵.

Видимо, летом 1883 г. эти (а иногда и другие) издания «Манифеста» петербургские студенты развезли по родным городам. В течение 1883—1884 гг. «Манифест» находили при обысках и арестах чуть не по всей Европейской России — в Перми (у В. А. Померанцева), в Киеве (у К. Зильберберг и Г. Залкинд), в Харькове (у А. И. Белинской и П. С. Шаповалова), в Риге (у И. Д. Внукова)⁶⁶. Какими-то судьбами «Манифест» попал в сентябре 1883 г. даже в глухой город на верхней Волге — Мологу⁶⁷. Его нашли также среди народовольческой литературы, запакованной в посылку, сданную на почте в Ковно в декабре 1883 г.⁶⁸ В ящике с нелегальной литературой, найденном несколько месяцев спустя на линии Московско-Брестской железной дороги, также имелся экземпляр «Манифеста»⁶⁹. На одном из экземпляров «Манифеста» сохранилась печать: «Книжная агентура „Народной воли”»⁷⁰.

Можно также назвать несколько других работ Маркса и Энгельса, распространявшихся народовольцами. В рабочие кружки Петербурга и Москвы они приносили книгу Э. Бехера «Рабочий вопрос», в приложении

⁶³ ЦГИА СССР, ф. 1410, оп. 1, д. 422.

⁶⁴ Там же, оп. 3, д. 436. На обложке этого издания помещен вензель с монограммой «В. Р. П.—1883—В. Р. П.». («Вольная русская печать»? — С. В.).

⁶⁵ В. Бурцев. Из моих воспоминаний.— «Свободная Россия», 1889, № 1, стр. 48—49.

⁶⁶ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 83, 1883 г., д. 11250, л. 64; д. 11332, л. 45; д. 11101, л. 57, 107; д. 11324, л. 23; оп. 85, 1884 г., д. 10924, л. 69 об., 112; ЦГВИА, ф. 545, оп. 3, 1885 г., д. 51, т. I, л. 56, 149—151.

⁶⁷ Там же, 1883 г., д. 11278, л. 1—2.

⁶⁸ ЦГИА БССР, ф. Канцелярии Витебского гражданского губернатора (1430), оп. 1, д. 37632, л. 1.

⁶⁹ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 85, 1884 г., д. 10865.

⁷⁰ Там же, ф. 1410, оп. 1, д. 489.

к которой был напечатан написанный Марксом «Устав Интернационала». Студенческий кружок Петербургского университета выпустил в 1883 г. в гектографированном виде «Научный социализм» Энгельса и два издания «Гражданской войны во Франции» Маркса⁷¹.

Обе последние брошюры (чье издание — нам неизвестно) читали рабочим московские народовольцы в 1883—1884 гг.⁷² В 1885 г. эти брошюры нашли при обнаружении народовольческой типографии В. Переляева в Дерпте⁷³. Разумеется, было бы неверным приписывать все найденные в народовольческих кружках марксистские произведения издательской деятельности только самим народовольцам. Энергичную работу по выпуску гектографированных перепечаток «Манифеста» и других трудов основоположников марксизма проводило с лета 1883 г. также московское «Общество переводчиков и издателей», которое, как известно, являлось нелегальной организацией переходного типа — одни участники тянули «Общество» назад к народовольчеству, другие приближались к марксизму⁷⁴.

Кроме «Предисловия» к «Манифесту», народовольцами было впервые опубликовано еще одно произведение Маркса. В 1884 г. Энгельс разыскал в бумагах своего друга неотправленное письмо последнего в редакцию «Отечественных записок» (1877 г.). Маркс возражал в этом письме против попыток Н. К. Михайловского представить марксизм как ключ ко всем историческим замкам, как фаталистическую философию истории, предписывающую всем народам общий и обязательный путь. Исходя не из философских посылок, а из условий экономического развития в России, Маркс указывал, что в стране намечается тенденция «стать капиталистической нацией»⁷⁵. Энгельс в 1884 г. это письмо послал

⁷¹ ЦГИА СССР, ф. 1410, оп. 3, д. 430. Экземпляр литографированного издания брошюры К. Маркса «Гражданская война во Франции» был обнаружен у харьковского народовольца П. С. Шаповалова в 1884 г. (ЦГАОР СССР, ф. 102, 7-е дел-во, 1884 г., д. 897, л. 123 об.).

⁷² В. Бурцев. Указ. соч., стр. 48—49.

⁷³ П. С. Рейфман. Указ. соч., стр. 235.

⁷⁴ Ю. З. Полевой. Указ. соч., стр. 337. См. «История Москвы», т. IV.

⁷⁵ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 220—223.

В. И. Засулич, которая перевела его и обещала напечатать⁷⁶. Этот или другой экземпляр имел также Г. А. Лопатин, который, очевидно, и доставил его в Россию, где распространились его рукописные копии⁷⁷. В Петербурге студенческий народовольческий кружок напечатал письмо тиражом в 300 экземпляров, но все это издание в 1885 г. полностью попало в руки полиции при аресте одного из членов кружка А. М. Магата⁷⁸. В 1886 г. это письмо было опубликовано в «Вестнике „Народной воли“»⁷⁹. Таким образом, заслуги определенной части народовольцев в ознакомлении революционной среды начала 80-х годов с марксистской литературой и с некоторыми марксистскими взглядами несомненны.

* * *

Русские революционеры-народники обратились к изучению «Капитала» и других марксистских трудов еще до выхода рабочего класса на широкую арену общественной борьбы. Представители разночинского периода освободительного движения до начала 80-х годов не имели, таким образом, достаточно подготовленной почвы для того, чтобы подойти к пониманию общественной жизни с точки зрения насущных классовых интересов пролетариата.

Главной революционной силой в глазах народовольцев (как и их предшественников) оставался не рабочий класс, а крестьянство. Слабое развитие капитализма в России приводило их к представлению, будто капитализм — явление случайное, наносное. А отсюда следовал вывод, что Россия может приблизиться к социализму не через пролетарскую революцию, а посредством террора, устрашающего правительство, посредством «захвата власти» заговорщической группой революционной интеллигенции. Таким образом, и для народовольцев сохраняла свою силу теория «русского» «крестьянского социализма», в той или иной степени проникнутая бакунистскими, полуанархическими пережитками.

⁷⁶ Там же, стр. 306.

⁷⁷ «Былое», 1919, № 15, стр. 153.

⁷⁸ М. В. Брамсон. Орывки из воспоминаний (1883—1886).— «Народовольцы после 1 марта 1881 г.», стр. 85.

⁷⁹ «Вестник „Народной воли“», 1886, № 5, стр. 215—218.

Поэтому признание народолюбцами «Капитала» вовсе не означало принятия теории научного коммунизма в целом. Классовая сущность марксизма как теории пролетарского социализма не проникала в их сознание. Даже в том случае, когда народники (например, Г. А. Лопатин) заявляли о признании учения Маркса единственно верной системой социализма, они оказывались неспособными применить его к задачам революционной борьбы в России⁸⁰.

Об этом В. И. Ленин писал: «С одной стороны, социалисты не понимали теории Маркса, считали ее неприменимой к России; с другой стороны, русское рабочее движение оставалось еще в совершенно зачаточной форме»⁸¹.

Знакомство с марксизмом революционной молодежи 70-х, а отчасти и 80-х годов ограничивалось обычно усвоением лишь некоторых сторон экономического учения (например, теории прибавочной стоимости). Другие стороны марксизма — его учение о пролетарской революции и диктатуре пролетариата, его философские взгляды — народолюбцы, как и другие народники, не восприняли. Им оставалась неясна целостность марксистской теории. К народолюбцам можно отнести известный отзыв Г. В. Плеханова о лавристах: «Философско-историческая часть учения Маркса осталась для них непрочитанною главою любимой книги; они слишком верили во всемогущее влияние своей пропаганды, чтобы искать для нее опоры в объективных условиях общественной жизни»⁸².

Некоторые из народолюбцев, знакомые порой с Марксом даже не по подлинникам, а по популярным изложениям, выступали с критикой его экономических идей.

Н. К. Бух, например, подверг критике теорию стоимости Маркса⁸³. Критиковали экономические взгляды

⁸⁰ Ю. М. Раппопорт. Из истории связей русских революционеров с основоположниками научного социализма (К. Маркс и Г. Лопатин). М., 1960, стр. 79.

⁸¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 4, стр. 245.

⁸² Г. В. Плеханов. Соч., т. II, стр. 39.

⁸³ «Автобиография Н. К. Буха». — Энциклопедический словарь «Гранат», т. 40. Приложение, стр. 52—53.

Маркса А. И. Зунделевич и Л. С. Златопольский⁸⁴. Более характерным было стремление народовольцев эклектически соединить идеи Маркса с народническими убеждениями. Иногда это принимало причудливые формы. Так, Г. Г. Романенко, который перевел вульгаризаторскую брошюру о социалистических теориях бывшего австрийского министра Шефле, но не был согласен с его критикой марксовой теории стоимости, защищая Маркса, пытался сочетать научный социализм с терроризмом. Будучи арестован, Романенко написал обращение к Александру III, в котором доказывал совместимость самодержавия с марксизмом⁸⁵. Если точка зрения Романенко представляла собой крайность народнического эклектизма, то большинство народовольцев рассматривало экономические идеи марксизма как подтверждающие их народнические взгляды. «Капитал» служил для них лишь подкреплением их собственных убеждений, но отнюдь не опорой для пересмотра утопического мировоззрения.

Не имела марксистского характера вопреки позднейшим воспоминаниям⁸⁶ и речь студента-народовольца П. П. Викторова (впоследствии советского психиатра) на защите диссертации профессором Московского университета И. И. Иванюковым в марте 1881 г. Подготовленная совместно с руководителями московских народовольцев П. А. Теллаловым и В. С. Лебедевым в качестве политической демонстрации речь, по отзыву Лебедева, являлась «обширным теоретическим, широко мотивированным обоснованием программы „Народной воли“ и ее основ»⁸⁷. Ссылки Викторова на Маркса служили, таким образом, лишь подтверждением народнических принципов. В. Н. Фигнер, изучавшая «Капитал» в 1881 г., рассказывала: «Прежние взгляды лежали

⁸⁴ Л. Г. Дейч. 16 лет в Сибири. М., 1924, стр. 128; А. В. Прибылев. Записки народовольца. М., 1926, стр. 127.

⁸⁵ «Письмо Г. Г. Романенко Н. А. Морозову 18 октября 1880 г.»; ЦГАОР СССР, ф. 102, 3-е дел-во, 1883 г., д. 1532, л. 46—91; ср. С. Н. Валк. Г. Г. Романенко.—«Каторга и ссылка», 1928, № 11, стр. 53—56.

⁸⁶ П. П. Викторова. Первое открытое революционно-марксистское выступление в России.—«Пролетарская революция», 1923, № 6—7, стр. 32.

⁸⁷ «Народовольцы после 1 марта 1881 г.», стр. 162.

основным пластом, а сверху расположилось все, почерпнутое из книги „Капитал“. И эти два слоя не перемешивались сверху донизу, но как-то таинственно объединялись, удваивая силу убеждения и решимость бороться»⁸⁸.

Для народолюбцев (как и для их предшественников) «Капитал» был не столько научным трудом, сколько гневным обличением западноевропейского капитализма. Неудивительно, что решение важнейшего теоретического вопроса о судьбах русского капитализма по существу не отличалось от прежнего, народнического.

Исходя из той же «сентиментальной критики капитализма»⁸⁹, народолюбцы решали вопрос о путях развития России. Опираясь на Маркса, они в то же время пытались опровергнуть марксистскую постановку проблемы по отношению к России и доказывали «искусственность» русского капитализма. В этом отношении они большей частью следовали за небезызвестным народническим теоретиком В. В. (Воронцовым), который также с помощью Маркса опровергал возможность развития капитализма в России. Статью В. В. «К вопросу о развитии русского капитализма»⁹⁰ конспектировал деятель московской народолюбческой группы А. Буланов, а В. Н. Фигнер читала ее в кружке кронштадтских моряков⁹¹. Эту статью, как «весьма замечательную», настоятельно рекомендовала и «Программа для чтения», изданная Центральным народолюбческим кружком Петербургского университета. Ее авторы, видимо, полностью соглашались с выводами В. В. о неблагоприятных условиях для развития капитализма в России, которые они приводят почти дословно⁹². О том, что

⁸⁸ В. Н. Фигнер. Полн. собр. соч., т. V, стр. 103, 105.

⁸⁹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 540.

⁹⁰ «Отечественные записки», 1880, № 9.

⁹¹ ЦГАОР, ф. Особого присутствия Правительствующего сената (112), оп. 1, д. 537, л. 55 об.; «Каторга и ссылка», 1925, № 5, стр. 221.

⁹² «Народное производство и благосостояние приходят в упадок, будучи бессильны в борьбе с политической силой, с государственной властью, одержимой фантазией насадить в России капитализм, как ранее насаждалось дворянство..., но наряду с упадком народного производства капитализм представляется карликом, развитым в миниатюрных размерах, он не завоевывает новых областей производства, иногда даже напротив,— исторические условия не благоприятствуют развитию капитализма» (ЦГИА СССР, ф. 1410, оп. 3, д. 619).

сочувствие выводам В. В. было почти общим среди народовольцев, свидетельствует, например, А. С. Борейша, слышавший беседы в типографии «Народной воли» по поводу статей В. В. о «невозможности капитализма в России». Совершенно недвусмысленные на этот счет заявления есть и в самой «Народной воле»⁹³.

Народовольцы искали в произведениях Маркса подтверждения своего тезиса о «лучших принципах русской жизни»⁹⁴, имея в виду прежде всего якобы социалистическую сущность сельской общины, чем обосновывалось их представление о готовности России к революции и к социализму.

Эклектический и непоследовательный характер носят все народовольческие популяризации Маркса. Достаточно упомянуть одну из лучших народовольческих брошюр, излагающих учение Маркса, «Царь-голод», автором которой был А. Н. Бах.

Брошюра эта возникла из конспектов бесед, которые Бах вел в рабочих кружках Киева и Казани в 1882—1883 гг.⁹⁵ В Казани она как будто и была впервые выпущена⁹⁶. В этой маленькой книжке, рассчитанной не только на передовых, но и на тогдашних «средних» пролетариев, в доступной форме рассказывалось о сущности капитализма и капиталистической эксплуатации. Бах внимательно изучал «Капитал», но в его брошюре очень заметно влияние статей Н. И. Зиберы, много сделавшего для критики экономических взглядов народников. Статьи Зиберы были очень популярны в народовольческих кружках. Бах пользовался его выводами о кустарном промысле как начальной стадии капитализма, статьями о роли машин, о капитализме в земледелии США и т. д. Но там, где уязвим Зибер, уязвим и Бах. Бах, например, так же как и Зибер, ничего не говорил о путях перехода от капитализма к социализму, умалчивал об исторической роли пролетариата.

⁹³ ЦГАОР СССР, ф. 112, оп. 1, д. 529, л. 39. Показание А. С. Борейши; «Литература партии „Народная воля“», стр. 3, 26, 28—29, 131—132 и др.

⁹⁴ «Литература партии „Народная воля“». Париж, 1905, стр. 969.

⁹⁵ А. Н. Бах. Записки народовольца, стр. 74.

⁹⁶ ЦГАОР СССР, ф. 102, 3-е дел-во, 1884 г., д. 417, ч. I, л. 5; ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 85, 1884 г., д. 10294, л. 69 об., 112 об.

В брошюре Баха содержались и существенные элементы лассальянства — «железный закон заработной платы»⁹⁷. Надо отметить, что подобное соединение Маркса с Лассалем было нередким в кружках самых различных народнических направлений. Кроме того, брошюра Баха не была свободна от народнической идеализации общинных порядков. Тем не менее удачное изложение некоторых экономических выводов марксизма сделало эту брошюру популярной и в социал-демократических кружках⁹⁸. В 1887 г. намеревался ее распространить среди казанских рабочих молодой Ленин⁹⁹.

О том, как примитивно народники понимали в то время Маркса, свидетельствует длительная полемика в легальной и нелегальной печати начала 80-х годов о взаимоотношении «политики» и «экономики». В народо-вольческих кругах сложилось даже убеждение о полном якобы равнодушии Маркса к собственно политической борьбе¹⁰⁰.

Для народо-вольческих теоретиков, не знакомых со многими из сочинений Маркса, непонимание взаимосвязи вопросов «экономики» и «политики», а также ведущей роли последней в классовой борьбе весьма характерно. Этим отчасти объясняется и склонность народо-вольческих публицистов к дюрингианству.

Горячим поклонником Дюринга был тогда и Н. К. Михайловский, который пользовался большим авторитетом в Исполнительном Комитете и имел, в частности, большое влияние на Л. А. Тихомирова.

По воспоминаниям Г. В. Плеханова, Тихомиров в спорах с русскими марксистами не раз «с ученым видом знатока изрекал сугубые пустяки»¹⁰¹, обнаруживая полное непонимание Маркса, которого он стремился представить сторонником политического квиетизма. Поэтому в брошюре «Социализм и политическая борьба» Плеханов специально опровергал мнение о том, что учение Маркса и Энгельса отрицает политическую борьбу

⁹⁷ [А. Н. Бах]. Царь-голод. СПб., 1895. Издание «Группы народо-вольцев», стр. 56.

⁹⁸ Ю. З. Полевой. Указ. соч., стр. 124, 332.

⁹⁹ А. И. Иванский. Молодой Ленин. М., 1964, стр. 360—361.

¹⁰⁰ Н. С. Русанов. Идейные основы «Народной воли». — «Былое», 1907, № 9, стр. 53.

¹⁰¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. XIII, стр. 29—30.

бу и будто бы «автор «Капитала» придает политическому строю общества лишь самое ничтожное значение»¹⁰².

В одной из своих легальных статей Тихомиров открыто присоединился к Дюрингу против Маркса, которого он объявил «немножко маньяком» и заявил в полном согласии с дюрингианской «теорией насилия», что «для общества факт насилия между людьми — элемент более важный, чем производство»¹⁰³.

В уже упомянутой «Программе для чтения» Центрального студенческого кружка в Петербурге (1882—1883 гг.) целый параграф был отведен вопросу о роли экономического строя в общественной жизни. Здесь заявлялось, что роль экономики в общественной жизни — вопрос крайне темный, не разъясненный даже на Западе. Марксу в связи с этим противопоставлялся «другой ученый» — Дюринг, которого орган Центрального кружка, журнал «Студенчество», именовал «одним из симпатичнейших современных мыслителей»¹⁰⁴. Авторы «Программы для чтения» с большим сочувствием рекомендовали статью Тихомирова в журнале «Дело». В этой статье экономический строй рассматривался лишь как один из социологических факторов, из которых «все имеют значение, различное по силе и никаким образом не исключают значение других факторов»¹⁰⁵. Вставая на точку зрения множественности социологических факторов, авторы «Программы для чтения» по существу далеко уходили от марксистской точки зрения, к которой они старались приблизиться в параграфе, посвященном экономическому строю общества.

Были, однако, среди народовольцев и сторонники более близких к марксизму взглядов в этом вопросе, хотя, разумеется, и их еще нельзя было назвать марксистами. Одним из таких защитников «политики» был Н. И. Кибальчич.

В статье «Политическая революция и экономический вопрос», вышедшей в канун 1 марта 1881 г. в № 5

¹⁰² Там же, т. II, стр. 47—48.

¹⁰³ И. Кольцов. [Л. Тихомиров]. К вопросу об экономике и политике.— «Дело», 1881, № 5, стр. 4, 12.

¹⁰⁴ ЦГИА СССР, ф. 1410, оп. 1, д. 422; «Студенчество», № 1.

¹⁰⁵ Там же, оп. 3, д. 619, л. 2—3.

«Народной воли», Кибальчич показал, что ссылки противников политической программы народовольчества на Маркса несостоятельны, что их утверждение о том, что «всякое изложение экономических отношений может произойти лишь как результат борьбы в экономической же сфере и что поэтому никакая политическая форма, никакая политическая революция не способны ни задержать, ни вызвать экономический переворот», является передержкой. Возражая против подобного фаталистического толкования марксизма, Кибальчич отмечал, что такие «ученики Маркса идут дальше, чем сам учитель», и из его верного теоретического положения о том, что экономические отношения и формы лежат в основе всех других общественных отношений и форм, делают совершенно абсурдные практические выводы. В доказательство Кибальчич цитировал в своем переводе то место из «Гражданской войны во Франции», где Маркс определял историческое значение Парижской Коммуны: «это была найденная, наконец, политическая форма, в которой должно осуществиться экономическое освобождение труда»¹⁰⁶. Хотя Кибальчич и не раскрыл взаимосвязи «экономики» и «политики» в приложении к русским условиям, он стоял на пути к правильному представлению об их взаимозависимости в общетеоретическом плане.

«Народная воля» признает, заявлял Кибальчич, «тесную связь и взаимодействие политического и экономического факторов, полагает, что ни экономический переворот не может осуществиться без известных политических изменений, ни, наоборот, свободные политические учреждения не могут установиться без известной исторической подготовки в экономической сфере»¹⁰⁷. Правда, Кибальчич ошибался, выдавая это за синтез взглядов «Набата» и «Черного передела», но несомненно, что это правильное само по себе суждение было обусловлено чтением работ Маркса, на которого тут же ссылался Кибальчич.

По справедливому утверждению Н. С. Русанова, в руководящем ядре народовольческой партии, хотя и

¹⁰⁶ «Литература партии „Народная воля“», стр. 108; ср. К. М а р к с. Гражданская война во Франции. [Женева], 1871, стр. 27.

¹⁰⁷ «Литература партии „Народная воля“», стр. 107.

были сторонники идейного сближения с Марксом, большинство все же склонялось к Дюрингу¹⁰⁸. Сторонником последнего был и ведущий народовольческий публицист, впоследствии ренегат, Л. А. Тихомиров. По приезде в 1882 г. за границу он сначала занимал двойственную позицию по отношению к марксизму, а затем открыто заявил себя его противником¹⁰⁹. В переговорах об издании за границей «Вестника „Народной воли“» Тихомиров не возражал сначала против постепенной замены основных положений народовольчества марксистскими взглядами¹¹⁰. Однако вскоре выяснилось, что в действительности заграничный народовольческий центр (Тихомиров — Ошанина) просто хочет приспособить марксизм к народовольческой идеологии в качестве дополнительной опоры.

Редакция первого тома «Вестника „Народной воли“» отклонила антинародническую статью Плеханова «Социализм и политическая борьба», но все же поместила написанные в марксистском духе рецензию Г. В. Плеханова (на книгу Аристова о Щапове) и статью П. Б. Аксельрода. Хотя Маркса с одобрением цитировали и в других статьях, но в целом первый номер «Народной воли» явно свидетельствовал о непонимании и искажении народовольцами марксизма. В том же номере Н. С. Русанов, например, включил в число представителей научного социализма Родбертуса, проповедника прусского государственного социализма, а также пытался соединить марксизм с дюрингианской «теорией насилия» и с бланкистско-народовольческой идеей «захвата власти» революционной боевой организацией¹¹¹. В период пребывания за границей Русанов все более утрачивал те симпатии к марксистской теории, которые проявлялись у него в 1880—1881 гг. В 1882—1883 гг. он явно тяготел к чисто народовольческим теориям в той их форме, которую представляли в последний период своей деятельности в России

¹⁰⁸ Н. С. Русанов. Указ. соч., стр. 51.

¹⁰⁹ Л. Тихомиров. Воспоминания. М.—Л., 1927, стр. 299.

¹¹⁰ «Письма Тихомирова Лаврову от 3 и 4 августа 1883 г.».— Сб. «Группа „Освобождение труда“», № 3, стр. 275.

¹¹¹ Н. Тарасов [Н. С. Русанов]. Банкротство буржуазной науки.— «Вестник „Народной воли“», 1883, № 1, стр. 69, 83, 84, 89.

Л. А. Тихомиров и М. Н. Ошанина. Попытки Плеханова склонить его к марксизму не увенчались успехом ¹¹².

Ошанина в расчете на объединение «Народной воли» с чернопередельцами сначала предлагала Русанову объяснить деятельность «Народной воли» с точки зрения марксизма, считая «выгодным» укрепить народо-вольческие теории учением, «которое пользуется в Европе большой популярностью». Когда же выяснилось, что объединение это невозможно, она решительно и цинично посоветовала колеблющемуся Русанову: «пускайте по боку ваш надтреснувший марксизм и становитесь политиком» ¹¹³. «Вестник „Народной воли“» и в дальнейшем считал марксизм учением, не пригодным для России.

П. Л. Лавров с большим уважением отзывался о взглядах «великого учителя» Маркса, благожелательно излагал содержание работ основоположников марксизма, защищал марксизм от нападок со стороны его критиков и даже выражал «твердое убеждение», что программа деятельности русских революционеров «может быть совершенно определено и точно» связана с марксистскими основами научного социализма ¹¹⁴. Но при этом Лавров даже и не пытался применить марксистские взгляды к развитию России, к русскому революционному движению, а Русанов и Тихомиров прямо подчеркивали западноевропейскую «ограниченность» марксизма. Тихомиров, например, утверждал, что труды Маркса «не объясняют развития России с той полнотой и глубиной, как они это делают по отношению к капиталистическим странам», и в заключение приходил к следующему выводу: «Поэтому формулы нашего революционного процесса мы у Маркса не найдем. Нашего будущего он не предсказывает, а потому и не подсказывает нам программы деятельности. В Европе — Маркс не только великий ученый, но и политический вождь. У нас он не имеет этого последнего значения» ¹¹⁵.

¹¹² «Письма Л. Г. Дейча к П. Б. Аксельроду». — Сб. «Группа „Освобождение труда“», № 1, стр. 166.

¹¹³ Н. С. Русанов. В эмиграции. М., 1929, стр. 83—85. Под «политикой» в данном случае понималось принятие лозунга «захвата власти» и «теория насилия».

¹¹⁴ П. Л[авров]. Заметки о новых книгах. — «Вестник „Народной воли“», 1884, № 3, стр. 41.

¹¹⁵ Л. Тихомиров. Запросы времени. — «Вестник „Народной воли“», 1885, № 4, стр. 261—262. По воспоминаниям Л. Г. Дейча,

В России, однако, влияние идей Маркса все возрастало. Непоколебимая прежде вера в народовольческие принципы ослабла настолько, что в некоторых кружках не боялись признать, правда, в весьма общей форме, что деятельность Маркса как политического вождя является примером и для России. На такой позиции, в частности, стоял журнал петербургского университетского кружка «Студенчество». Этот журнал уже отходил от некоторых народовольческих традиций, но различные тенденции его авторов противоречивы и отражали период колебания революционной мысли. Однако в начале и середине 80-х годов задавали тон пока еще приверженцы традиционных народовольческих взглядов, которые использовали марксистские произведения главным образом как памфлеты против европейского капитализма или как предостережение против русского. Такое прочтение Маркса, конечно, противоречило самому духу марксизма. Впоследствии причины подобного применения марксистской литературы очень ярко охарактеризовал В. И. Ленин: «Оригинальное явление: марксизм был, уже начиная с 80-х годов (если не раньше), такой бесспорной, фактически господствующей силой среди передовых общественных учений Западной Европы, что в России теории, враждебные марксизму, не могли долгое время выступать открыто против марксизма. Эти теории софистичировали, фальсифицировали (зачастую бессознательно) марксизм, эти теории как бы становились сами на почву марксизма и „по Марксу“ пытались опровергнуть приложение к России теории Маркса!»¹¹⁶.

* * *

Великие основоположники марксизма глубоко верили в близость русской революции, ждали от нее толчка, ускоряющего течение всемирной истории к коммунизму. Этим в первую очередь и определялось их отношение к «Народной воле», являющее собой пример свободного от предвзятости и догматизма отношения марксистов к ре-

сходного мнения придерживался А. И. Зунделевич: «Для Германии он по-прежнему оставался социал-демократом, а для России все взгляды Маркса оказывались неверными» (Л. Г. Дейч. 16 лет в Сибири, стр. 128).

¹¹⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 20, стр. 162—163.

волюционным партиям стран, еще недостаточно развитых экономически и политически.

Непримиримые к программным ошибкам социал-демократии капиталистического Запада, основоположники научного социализма предъявляли иные требования к деятельности революционно-демократических партий в странах, где рабочее движение делало лишь первые шаги. Здесь важнейшим критерием для них служила готовность к самоотверженной борьбе за свободу. Исходя из этого, Маркс и Энгельс всемерно поддерживали народо-вольцев, готовивших революционный взрыв в России. Необходимо, однако, отметить, что вопреки утверждениям некоторых современных иностранных авторов проведенный Марксом и Энгельсом анализ социально-экономических отношений в России после крестьянской реформы 1861 г. отнюдь не совпадал по своим результатам с выводами и догмами народников.

Внимательно изучая в течение многих лет пореформенную Россию, Маркс и Энгельс постепенно пришли к выводу, что она неуклонно следует по капиталистическому пути развития¹¹⁷. Народники хотя и не отрицали очевидности этого процесса, но считали его для России случайным. Для большинства народнической интеллигенции возможность некапиталистической эволюции страны все еще представлялась совершенно непреложным фактом. Народовольцы, как и вообще народники, видели в «социалистических» свойствах общины исходный пункт для такого преобразования России. Несомненно, однако, что в начале 80-х годов в революционной среде уже рождались сомнения в благодетельной роли общины, в связи с чем Исполнительный Комитет и просил Маркса написать статью на эту тему¹¹⁸. Маркс и Энгельс с большим скептицизмом относились к идеализации общины, признавая ее архаической хозяйственной формой. В своих трудах (письмо Маркса в редакцию «Отечественных записок», «Предисловие» к русскому переводу «Коммунистического манифеста») они указывали на то единственное условие, при котором, по их мнению, возможно было сохранение и обновление общины,— на победу пролетар-

¹¹⁷ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 221, 297.

¹¹⁸ Там же, стр. 300—301.

ской революции в капиталистически развитых странах Запада. Это предвидение возможности для народов остальных стран миновать капиталистическую стадию развития явилось выдающимся открытием марксистской теории, приобретающим особую важность в наши дни. Однако, печатая «Предисловие» к «Коммунистическому манифесту», редакция «Народной воли» совершенно не поняла этой идеи Маркса и Энгельса и увидела в нем лишь «подтверждение одного из основных положений теории народовольчества»¹¹⁹.

В народовольческой среде еще была прочна старая вера в общину¹²⁰ и мысль о том, что главная сила революции и человек будущего в России—крестьянин-общинник, сохранивший якобы с древности социалистические инстинкты. Но для Маркса и Энгельса в общем было несомненно, что без поддержки промышленного пролетариата Запада Россия «ни через общину, ни через капитализм, не может достичь социалистического переустройства общества»¹²¹.

Народовольцы, как и все народники, не понимали социально-экономических основ русского государства, считали его надклассовым учреждением, характеризовали русское правительство как «железный колосс на глиняных ногах»¹²², который доживает свои последние дни и может умереть естественной смертью, если никого не найдется, кто добил бы его. Подобная оценка царской власти способствовала упрочению среди народовольцев представления о том, что победа над самодержавием может быть легко достигнута действиями самой революционной партии путем террора и заговора.

Творцы научного социализма, конечно, не могли разделять этих иллюзий народовольцев, так как для них было ясно, что самодержавно-помещичье государство

¹¹⁹ «Литература партии „Народная воля“», стр. 478.

¹²⁰ См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 414.

¹²¹ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 297. О взглядах К. Маркса на общину впоследствии очень определенно рассказывал в одном из своих писем Г. А. Лопатин: «Маркс никогда не высказывал мне ни в категорической, ни в сколько-нибудь определенной форме своих надежд на то, что русская община поможет России миновать капиталистическую стадию развития. Не думаю, чтобы он верил в это хотя одну минуту» («Былое», 1919, № 15, стр. 153).

¹²² «Литература партии „Народная воля“», стр. 4.

может быть уничтожено только народной революцией, а победа социализма в России будет обусловлена участием в революции рабочего класса. Однако отношение к классам и партиям у Маркса и Энгельса всегда было пронизано историзмом. В условиях, когда в стране только еще формировался пролетариат как класс, они не могли предъявлять к революционному движению России тех требований, которые предъявляли к западноевропейскому. Беспощадно враждебные и насмешливые к анархизму и другим разновидностям мелкобуржуазной идеологии в капиталистических странах Европы, где эти течения играли реакционную роль в рабочем движении, Маркс и Энгельс, боровшиеся с теоретическими взглядами таких «отцов» народничества, как Бакунин и Ткачев, не переносили этой критики на движение народо-вольцев, чтобы не ослаблять революционный дух борцов-практиков. Они горячо одобряли действия «Народной воли» как партии, выдвинувшей самую насущную в ту пору задачу мирового освободительного движения — задачу свержения царизма.

Пристальное изучение русских общественных отношений привело основоположников марксизма еще в начале 70-х годов к выводу, что России «предстоит грозная социальная революция»¹²³.

Спустя несколько лет, анализируя пореформенное развитие страны, а также роль русско-турецкой войны, Маркс высказал мнение, что Россия стоит на пороге больших переворотов. «Революция начнется на этот раз на Востоке», — писал он Ф.-А. Зорге 27 сентября 1877 г.¹²⁴ Тогда же, в конце 70-х годов, неоднократно отмечал революционные перспективы в России и Энгельс. В письме к И.-Ф. Беккеру в 1879 г. Энгельс говорил, что революция в России «...будет ближайшим поворотным пунктом во всемирной истории»¹²⁵. Маркс и Энгельс, с нетерпением ожидавшие крушения самодержавия как цитадели европейской реакции, своевременно подметили возникновение революционной ситуации в стране. Но они порой пе-

¹²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 32, стр. 364. Письмо Маркса Энгельсу от 12 февраля 1870 г. по поводу книги Флеровского «Положение рабочего класса в России».

¹²⁴ Там же, т. 34, стр. 230.

¹²⁵ Там же, стр. 344.

реоценивали готовность крестьянства к революции, реальные возможности народовольчества, а потому и близость революции¹²⁶.

Впоследствии Энгельс так характеризовал этот период: «Тогда в России было два правительства: правительство царя и правительство тайного исполнительного комитета заговорщиков-террористов. Власть этого второго, подпольного правительства возрастала с каждым днем. Свержение царизма казалось близким; революция в России должна была лишить всю европейскую реакцию ее сильнейшей опоры, ее большой резервной армии, и тем самым дать новый могучий толчок также и политическому движению Запада»¹²⁷. В этой переоценке повинны были, как известно, и сами народовольцы, верившие, что крушение царизма произойдет в ближайшие месяцы и чуть ли не дни, в том числе те из них (Л. Н. Гартман, Н. А. Морозов, а также П. Л. Лавров и Г. А. Лопатин), которые непосредственно доставляли Марксу информацию о шаткости и непрочности правительства, о силах и способностях революционной организации в России.

Образование «Народной воли» как партии самоотверженной борьбы против царизма горячо приветствовалось Марксом и Энгельсом. В письме к М. К. Горбуновой-Каблуковой от 22 июля 1880 г. Энгельс (писавший также и от имени Маркса) высоко оценил создание в России революционной партии, обладающей «неслыханной энергией и способностью к самопожертвованию»¹²⁸.

Последовательный сторонник всякого демократического движения, Маркс всецело поддерживал политическую программу народовольцев. Очень характерно, что при этом он включал деятельность народовольцев в общий фронт пролетарской борьбы на Западе. В письме от 5 ноября 1880 г. к Зорге он писал, что в России «наш успех еще значительнее. Мы имеем там ...*центральный комитет террористов*»¹²⁹.

¹²⁶ На эту переоценку обратил внимание в 1903 г. Г. В. Плеханов (Соч., т. XII, стр. 327).

¹²⁷ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 294.

¹²⁸ Там же, стр. 239.

¹²⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, стр. 380.

Хотя с весьма многими положениями «Программы Исполнительного Комитета» Маркс, конечно, не мог быть согласен, он не вступал в полемику по теоретическим вопросам с революционерами, которые в этот момент находились в разгаре борьбы. Как отмечали близкие к Марксу свидетели, его сближение с народовольцами, так же как и с Лавровым, носило политический, а не теоретический характер¹³⁰.

Спустя две недели после того, как Маркс отправил только что цитированное письмо к Зорге, в Петербурге был отпечатан новый программный документ народо-вольчества — «Программа рабочих, членов партии „Народная воля“».

Историки «Народной воли» и особенно биографы Желябова ссылались и продолжают ссылаться на замечания Маркса, сделанные на полях этой «Программы». Приводятся даже целые вставки, якобы сделанные рукой Маркса. Между тем публикация В. Л. Бурцевым этих пометок Маркса в заграничном «Былом» в 1903 г. вызывает сомнение.

Бурцев опубликовал «Программу» с пометками Маркса по экземпляру, хранившемуся тогда в библиотеке немецких социал-демократов в Берлине¹³¹. До сих пор проверка этой публикации не производилась, хотя она и вызывала недоуменные вопросы. На фотокопии, полученной в 20-х годах из Берлина Институтом марксизма-ленинизма, карандашные пометки Маркса были воспроизведены плохо. Сам же документ в период гитлеровского режима исчез вместе с частью библиотеки Маркса. Последняя была обнаружена в Берлине только в 1953 г., и в ней среди прочих изданий находилась народо-вольческая «Программа» для рабочих, посланная Марксу. В ноябре 1962 г. документ был передан Институтом марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ в дар Институту марксизма-ленинизма при ЦК КПСС¹³². Его сопоставление с публикацией Бурцева подтвердило сомнение в ее точности.

¹³⁰ K. Kautsky. *Erinnerungen und Erörterungen*. Hague, 1960, S. 455; Э. Бернштейн. Карл Маркс и русские революционеры. Харьков, 1923, стр. 60.

¹³¹ «Былое», вып. 1, стр. 159—165.

¹³² ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, д. 4033.

Народовольцы, по утверждению В. Л. Бурцева (а также Н. Русанова), послали эту «Программу» Марксу в 1880 г. «почти одновременно с письмом к нему»¹³³.

Большинство воспроизведенных в «Былом» пометок Маркса имеются на этом экземпляре. Однако совпадают далеко не все пометки. Отчасти это можно объяснить весьма небрежной передачей Бурцева, применявшего одни и те же условные обозначения для различных пометок Маркса. Но главное расхождение публикации с документом состоит в том, что на экземпляре, имеющемся в ЦПА, нет не только ни одной из тех вставок, о которых глухо упоминает Бурцев, но и той единственной, которую он приводит в качестве примера. Принадлежность этой вставки Марксу вызывает сомнения.

Бурцев не обратил внимания на небольшие отличия в текстах некоторых последующих изданий «Программы» и поэтому не смог обнаружить, что фраза, которую он принял за вставку Маркса («Кружки должны быть связаны между собою, но в то же время тайными...»), содержится уже в первом издании «Программы».

Кроме того, представляется сомнительным, чтобы Маркс давал рекомендации по столь частным вопросам движения. Несомненно, что и он, и Энгельс сознавали свою недостаточную осведомленность о положении дел в каждый данный момент, а потому вряд ли сочли бы возможным давать конкретные советы, особенно частного характера, а тем более навязывать категорические формулировки действующим в России революционерам. Об этом можно судить по более позднему письму Энгельса к Засулич (1885 г.), где он замечал, что, не зная всех условий России, не может быть «компетентным судьей в частных вопросах тактики, которой следует придерживаться там в тот или иной момент». Он пояснял, что ему почти незнакома «внутренняя, сокровенная история русской революционной партии, в особенности за последние годы... Мои друзья из народовольцев мне о ней никогда не говорили. А это — необходимое условие, чтобы составить себе определенное мнение»¹³⁴.

¹³³ «Былое», вып. 1, стр. 167.

¹³⁴ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 309. С какой осторожностью Маркс и Энгельс давали советы революционерам разных стран, можно судить

Как же в таком случае объяснить сообщение Бурцева? Нам представляется, что, сравнивая экземпляр с пометками Маркса (первого издания «Программы») и имевшийся у него собственный экземпляр (видимо, одно из последующих изданий), Бурцев при переносе этих пометок на свой экземпляр заметил некоторые отличия текстов, выписал их на полях, а затем по ошибке приписал их Марксу. Известная небрежность и торопливость Бурцева в обращении с документальными материалами дает право на такого рода заключение.

Рассмотрим известные нам в подлиннике пометки Маркса на экземпляре первого издания «Программы»,¹³⁵ полученном Марксом не ранее ноября 1880 г. (первое издание было выпущено 5 ноября 1880 г.). Пометки эти сделаны черным карандашом. Маркс очень тщательно изучил «Программу», как это видно из множества пометок черным карандашом. Отдельные фразы отмечены линиями на полях (до 28 случаев), некоторые строки, а иногда слова подчеркнуты (в 11 случаях), неразборчиво напечатанные слова выписаны на полях печатным шрифтом (в 2 случаях).

Судя по отметкам на полях, его привлекла не столько теоретическая преамбула «Программы» (раздел «А»¹³⁶), сколько характеристика социально-экономического положения в России (раздел «Б»), обоснование необходимости политической борьбы и социалистических задач партии (разделы «В» и «Г»), а также тактика революционной борьбы (раздел «Е»).

Не всегда можно с точностью установить, по каким мотивам отмечены те или другие положения «Программы». Иногда Маркс отмечал одобрявшиеся им положения и формулировки. Например, пункт, провозглашавший самоопределение входящих в Российскую империю наций, который он подчеркнул и, кроме того, отметил

по письму Ф. Энгельса к Э. Бернштейну от 25 октября 1881 г. (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, стр. 190).

¹³⁵ Пометки Маркса на его экземпляре «Программы рабочих, членов партии „Народная воля“» воспроизводятся фототипически во 2-м томе документального сборника «Революционное народничество 70-х годов XIX века» (М.—Л., 1965).

¹³⁶ Первый раздел (раздел «А»), по мнению некоторых сотрудников ЦПА ИМЛ, хорошо изучивших методы работы Маркса с книгой, перечеркнут еле заметной синей чертой кем-то другим.

крестом на полях. В разделе «В» им подчеркнуто положение о том, что сила рабочего народа «в союзе всех работников». Иногда же Маркс отчеркивал неверные положения. В других случаях Маркс, вероятно, просто отмечал интересные для него факты; он подчеркнул, например, место (в разделе «Б») об ограничении правительством крестьянского самоуправления.

Хотя преимущественно Марксом отмечались положительные с его точки зрения места, делать какие-либо выводы по отдельным его пометкам можно, разумеется, лишь с осторожностью. В целом же отношение Маркса к «Программе рабочих, членов партии „Народная воля“» было, по-видимому, вполне благожелательным. Ведь только за 12—15 лет до того рабочее движение в Германии отделилось от либерального, еще формировались пролетарские партии в Англии и Франции. На Западе все еще приходилось вести борьбу с анархическим отрицанием политики (Малон, Мост и др.). Поэтому провозглашение «Народной волей» лозунгов демократического переворота и введения политических и гражданских свобод встретило безусловную поддержку Маркса, и это представлялось в то время более важным, чем критика отсталых теоретических воззрений народолюбцев. Он хорошо понимал, что время для организации самостоятельной рабочей партии в России приближается. Участие же русских рабочих в общей политической борьбе он рассматривал как верный путь, содействующий формированию классового самосознания, как подготовительный этап к образованию пролетарской партии ¹³⁷.

Убийство Александра II, внушавшее большинству народолюбцев чрезмерные надежды на немедленные политические перемены, рассматривалось Марксом и Энгельсом как одна из первых ступеней на тяжелом и сложном пути освободительного движения. В приветствии председателю Славянского митинга, созданного 21 марта 1881 г. в Лондоне в честь годовщины Парижской Коммуны, они писали о «длительной и жестокой борьбе» на пути «к созданию Российской Коммуны» ¹³⁸.

¹³⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, стр. 378, 383.

¹³⁸ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 253.

Все присутствующие и прежде всего председатель митинга (им был заграничный представитель «Народной воли» Л. Н. Гартман) должны были понять, что сама по себе смерть царя еще не ведет к победе, что революция в России делает только первые шаги.

К вопросу о терроре Маркс и Энгельс подходили не «вообще», а учитывая вполне назревшее, по их мнению, революционное положение в России.

В России, где не было самостоятельного рабочего движения, террор, с их точки зрения, мог оказаться эффективным средством, как защитная мера против произвола правительственных агентов или же как средство устрашения и дезорганизации самого правительства¹³⁹. Сходной позиции они придерживались, как известно, по отношению к действиям ирландских фениев.

Признавая несостоятельность индивидуального террора как революционной тактики и средства политической борьбы пролетариата, Маркс и Энгельс были целиком на стороне народовольцев в их отважном поединке с царизмом, сила которого казалась тогда явно поколебленной. Стратеги пролетарской революции наделись, что отчаянные толчки, которые давала «Народная воля» царизму, приведут к вспышке народного гнева. Переоценивая готовность страны к революции, они склонны были в связи с этим рассматривать террор как эффективный в данных условиях метод политической борьбы, как средство, могущее ускорить революционную развязку.

Как видно из письма к Бебелю в конце 1882 г., всякое революционное событие в России, будь то новый взрыв или созыв Национального собрания, по мнению Энгельса, означало движение вперед и подготовляло бы революцию в Германии¹⁴⁰. Вместе с тем Маркс с видимым удовольствием подчеркивал, что в среде русских революционеров сознают ограниченное значение террора и не стараются представить его универсальным и наиболее успешным методом действия, как это делал отступивший на анархические позиции социал-демократ Мост. Маркс с уважением отозвался о казненных перво-

¹³⁹ К. Маркс ed F. Engels. Scritti italiani. Milano — Roma, p. 128.

¹⁴⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, стр. 347.

мартовцах: «Это действительно дельные люди, без мелодраматической позы, простые, деловые, героические». Он подчеркнул, что манера петербургского ИК «очень далека от мальчишеской манеры Моста и других ребячливых крикунов, проповедующих царевбийство как «теорию» и «панацею»... они, наоборот, стремятся убедить Европу, что их *modus operandi* (способ действия.— С. В.) является специфически русским, исторически неизбежным способом действия»¹⁴¹.

Сочувственно встретили Маркс и Энгельс известие о письме ИК «Народной воли» к новому царю с требованием политических реформ. Одобрительный отзыв Маркса о манифестах ИК (в письме к дочери Женни от 11 апреля 1881 г.)¹⁴² Энгельс подтвердил в 1883 г. в беседе с Г. А. Лопатиным: «И я, и Маркс находим, что письмо Комитета к Александру III-му положительно прекрасно по своей политичности и спокойному тону. Оно доказывает, что в рядах революционеров имеются люди с государственным складом ума»¹⁴³.

Взгляды основоположников марксизма на задачи революции в России, и, в частности, на деятельность «Народной воли» нашли отражение и в известном сообщении Г. А. Лопатина о его беседе с Энгельсом в письме к М. Н. Ошаниной от 20 сентября 1883 г.¹⁴⁴

Многие исследователи справедливо замечают, что при пользовании этим документом необходима осторожность, так как Лопатин мог по-своему толковать некоторые суждения своего собеседника или изложить их в чересчур краткой форме, порой упрощающей и даже искажающей смысл. Сам Лопатин, рассказав по свежей памяти о содержании беседы Лаврову, отказался дать согласие на ее опубликование. Он писал Лаврову: «Не думаю, чтобы беседа с Энгельсом была удобна для печати. Ведь он говорил со мной, как с другом, не подозревая во мне interviewer'a. В этом последнем случае

¹⁴¹ Там же, стр. 147—148.

¹⁴² Там же, стр. 147.

¹⁴³ «Письмо Г. А. Лопатина о беседе с Ф. Энгельсом о России». — «Голос минувшего», 1923, № 2, стр. 148.

¹⁴⁴ Это письмо публиковалось несколько раз («Материалы для истории русского социально-революционного движения», т. 1. Женева, 1893; «Летописи марксизма», 1929, № 7—8 и др.). Наиболее исправный текст дан в публикации В. Н. Фигнер («Голос минувшего», 1923, № 2, стр. 146—148).

он, конечно, смягчил бы многие выражения, а главное постарался бы обставить их аргументами, которые у меня пропущены»¹⁴⁵.

Спустя 10 лет после беседы, ее содержание было все же опубликовано. Перед тем Лавров запрашивал у Энгельса, нет ли у него каких-либо возражений против этой публикации, и обещал проследить за ее точностью¹⁴⁶. Энгельс, видимо, дал согласие¹⁴⁷, но, вероятно, так и не видел письма вплоть до его выхода в свет. Известно только, что он просил выслать ему эту публикацию¹⁴⁸, в чем ему вряд ли было отказано.

Энгельс, насколько известно, никогда не оспаривал точности этого документа, а сопоставление высказанных в нем мнений со взглядами, развитыми и в других произведениях Маркса и Энгельса (и особенно с письмами Ф. Энгельса к В. Засулич от 6 марта 1884 г. и 23 апреля 1885 г.), свидетельствует в пользу точности лопатинского изложения беседы с Энгельсом. Возможные ошибки относятся скорее к отдельным словам и выражениям, чем к содержанию. Следует, однако, учитывать, что письмо Лопатина, будучи лишь кратким и потому несовершенным изложением, видимо, довольно продолжительной беседы, представляет собой только отчасти живую запись разговора. В целом это изложение тезисоз, конспективный обзор беседы.

Лопатин в своем письме сначала пересказывает слова Энгельса, а затем, по его словам, цитирует отдельные его мысли, ручаясь за то, что они воспроизведены с «буквальной точностью». Разумеется, записанные не в процессе беседы, а только после нее, не на слух, а по памяти, эти цитаты также могут содержать разного рода погрешности. Думается, что они все же в общем правильно передают не только мысли, но и терминологию Энгельса.

В беседе с Лопатиным Энгельс повторил нередкое для него в то время сравнение России с предреволюци-

¹⁴⁵ В. Антонов. Герман Лопатин. Липецк, 1960, стр. 115.

¹⁴⁶ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 282.

¹⁴⁷ Из письма Г. А. Лопатина к М. Н. Ошаниной («С родины и на родину», 1893, № 2, стр. 97. Примечание).

¹⁴⁸ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 283—284.

онной Францией: «Россия — это Франция нынешнего века». Как и в «Предисловии» к «Коммунистическому манифесту», Энгельс подчеркивал международное значение русской революции, которая подтолкнет на революционный путь другие народы, уничтожив последний оплот монархизма и реакции в Европе.

Лопатин сообщал вместе с тем о несомненном несогласии Энгельса с народовольческой установкой на «захват власти» с целью немедленного осуществления социалистических идеалов. Это неодобрение Лопатин даже оговорил специальной фразой («все это, быть может, не вполне понравится вам»), которую В. Н. Фигнер правильно истолковала как лопатинский «намек на якобинизм Ошаниной»¹⁴⁹.

Какой же путь для развязывания революции считал тогда наиболее целесообразным Энгельс? Как передает Лопатин его мысли, Энгельс надеялся, что революционная партия в России направит в данную минуту все силы к тому:

«1) чтобы или принудить государя созвать Земский собор,

2) или же путем „устранения“ государя и т. п. вызвать такие глубокие беспорядки, которые привлекли бы иначе к созыву этого собора, или чего-либо подобного»¹⁵⁰.

Энгельс полагал, что Земский собор неизбежно приведет к радикальному, не только политическому, но и социальному переустройству и считал невозможной чисто либеральную конституцию без основательной экономической перестройки. В случае же отказа правительства от уступок он полагал важным только одно: «...разбить роковую силу застоя, выбить на минуту народ и общество из состояния косности и неподвижности, произвести такой беспорядок, который принудил бы правительство и народ заняться внутренним переустройством, который всколыхнул бы спокойное народное море»¹⁵¹.

Если на терминологии этого отрывка («беспорядки»), вероятно, лежит печать полуанархических взглядов Лопатина, то сама мысль этого отрывка, несомненно,

¹⁴⁹ «Голос минувшего», 1923, № 2, стр. 147.

¹⁵⁰ Там же, стр. 146.

¹⁵¹ Там же, стр. 147.

принадлежала Энгельсу, что подтверждается его письмом к В. И. Засулич от 23 апреля 1885 г. В этом письме, написанном спустя полтора года после беседы с Лопатиным, Энгельс высказывал предположение, что в России революция «*может* разразиться каждый день» и что переворот может быть произведен «одним небольшим толчком». Он не придавал при этом особого значения вопросу о том, что именно послужит этим толчком: «Помоему, важно, чтобы в России был дан толчок, чтобы революция разразилась. Подаст ли сигнал та или иная фракция, произойдет ли это под тем или иным флагом, это не столь важно для меня. Пусть это будет дворцовый заговор — он будет сметен на другой же день»¹⁵².

В этом письме раскрыта и другая мысль Энгельса, его отношение к вопросу о «захвате власти». «...Если когда-либо,— писал он,— бланкистская фантазия — вызвать потрясение целого общества путем небольшого заговора — имела некоторое основание, так это, конечно, в Петербурге»¹⁵³.

В глазах Энгельса, признанного знатока революционной военной стратегии и тактики, народовольческому «захвату власти» отводилась роль не более чем запала: «люди, которые подожгли фитиль, будут подхвачены взрывом, который окажется в тысячу раз сильнее их и будет искать себе выход там, где сможет, в зависимости от экономических сил и экономического сопротивления»¹⁵⁴.

В беседе с Лопатиным Энгельс также говорил о неизбежном и непрерывном углублении революционного потока. Раз начавшись, «революция не может быть остановлена никакими силами». «Народ сумеет найти себе красноречивых выразителей своих нужд и стремлений». «Результаты явятся сами собою, и именно те, которые возможны, желательны и осуществимы для данной

¹⁵² «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 309—310. Хотя в России с 1882 г. началась полоса реакции, Ф. Энгельс продолжал еще надеяться на революционный кризис в стране, несомненно, переоценивая шаткость правительства, силы революционеров и степень готовности народа к революции.

¹⁵³ Там же, стр. 310.

¹⁵⁴ Там же.

эпохи». Он, указывая Лопатин, «не верит в моментальное осуществление коммунизма или чего-либо подобного, но лишь того, что уже назрело и в жизни, и в душе народа».

Несомненно, что Энгельс имел в виду проведение буржуазно-демократических реформ, однако он понимал, что развитие русской революции на этом этапе не остановится, и потому считал, что России (здесь Лопатин передает его буквальное выражение) «законно и правомерно принадлежит революционная инициатива нового социального переустройства»¹⁵⁵.

Таким образом, иллюзии народовольцев не помешали Энгельсу увидеть реальные объективные последствия и далекие перспективы их борьбы. В то время когда Энгельс беседовал с Лопатиным, его симпатии еще целиком принадлежали народовольцам (что, вероятно, и укрепило Лопатина в мысли примкнуть к «Народной воле») ¹⁵⁶. Спустя полтора года, деятельность группы «Освобождение труда» по изданию классических трудов марксизма и ее пропаганда марксистских взглядов в собственных работах позволили Энгельсу по-новому оценить политические группировки в России. В цитированном письме к В. И. Засулич от 23 апреля 1885 г. Энгельс мог уже заявить: «..я горжусь тем, что среди русской молодежи существует партия, которая искренне и без оговорок приняла великие экономические и исторические теории Маркса и решительно порвала со всеми анархическими и несколько славянофильскими традициями своих предшественников. Сам Маркс был бы так же горд этим, если бы прожил немного дольше. Это прогресс, который будет иметь огромное значение для развития революционного движения в России»¹⁵⁷.

Признав, что симпатии его в области теории целиком на стороне русских марксистов, Энгельс еще не считал своевременным отказаться от поддержки народо-

¹⁵⁵ «Голос минувшего», 1923, № 2, стр. 147.

¹⁵⁶ В. Антонов. Русский друг Маркса Г. А. Лопатин. М., 1962, стр. 80. Правда, в ноябре 1883 г. Энгельс в письме к Бернштейну отметил, что русские (имелся в виду Плеханов) «окончательно порвали со своими анархическими традициями» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 64).

¹⁵⁷ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 309.

вольцев. Даже весной 1885 г. он все еще полагал, что революционная ситуация продолжается, и допускал, что революцию в России совершит именно «Народная воля»¹⁵⁸. Поэтому Энгельс и не спешил выступить с критикой народовольчества, которое, по его мнению, еще имело большое общественное значение. Он все еще надеялся на объединение всех революционных сил в России на основе демократической платформы «Народной воли».

Плеханов хорошо понял осторожно высказанное Энгельсом в письме к Засулич опасение, как бы критика Плеханова и его друзей не ослабила энергии народовольцев («если бы получилось так, что эти иллюзии придали им большую силу воли, сто́ит ли на это жаловаться?»). Плеханов потом справедливо заметил по этому поводу, что Энгельс не знал, что народовольческая партия была тогда уже «при самом последнем издыхании»¹⁵⁹.

С середины 80-х годов о ходе общественной жизни в России Энгельсу сообщают уже не народовольцы, а первые русские марксисты. В последние годы жизни Энгельса его переписка с Лавровым постепенно затухает, а переписка с Плехановым и Засулич становится более частой. По свидетельству Л. Г. Дейча, Энгельс при первой встрече с Плехановым в 1889 г. говорил, что раньше был плохо информирован своими народовольческими друзьями¹⁶⁰.

К началу 90-х годов, когда выяснилось, что в России вырастает сильный рабочий класс, когда группа «Освобождение труда» завоевала значительный авторитет, а народовольчество так и не смогло сплотиться воедино ни в организационном, ни в идейном смысле, когда, наконец, выявились либеральные склонности многих народнических деятелей, Энгельс стал уже сторонником начавшейся в России борьбы против народничества.

В 1890 г. он писал Засулич: «Вполне согласен с Вами,

¹⁵⁸ Лишь летом 1885 г. Энгельс в письме к Бернштейну обронил замечание о том, что «у русских дело, по-видимому, застопорилось» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 299).

¹⁵⁹ Г. В. Плеханов. Соч., т. XXIV. М.—Л., 1927, стр. 160.

¹⁶⁰ Предисловие Л. Г. Дейча к публикации письма Ф. Энгельса к В. И. Засулич от 23 апреля 1885 г. (Сб. «Группа „Освобождение труда“», № 3, стр. 24).

что необходимо бороться против народничества — немецкого, французского, английского или русского»¹⁶¹.

Русанов, который спустя два года (весной 1892 г.) встретился с Энгельсом, заметил, что последний «чересчур» подчеркивал (и здесь Русанов приводит как бы слова самого Энгельса, заключая их в кавычки) «истинную социалистическую деятельность Плеханова и его друзей», противопоставляя ей «политический романтизм» «старых народовольцев». Энгельс разъяснял Русанову, что он и его товарищи «слишком отстали от понимания общественной эволюции собственной страны»¹⁶².

К 1895 г. Энгельс, постоянно информируемый Плехановым и Засулич о русских делах, окончательно убедился в безнадежной архаичности идейного багажа народничества. Говоря о Даниельсоне, он писал Плеханову: «совершенно невозможно полемизировать с тем поколением русских, к которому он принадлежит и которое все еще верит в стихийно коммунистическую миссию, якобы отличающую Россию, истинную святую Русь, от других неверных народов».

Энгельс объяснял возникновение «самых невероятных и причудливых сочетаний идей» «этих чудаков-мыслителей» отсталостью страны, окруженной к тому же «интеллектуальной китайской стеной, воздвигнутой деспотизмом»¹⁶³.

Строго осуждая за эти иллюзии ученого либерально-народнического толка Н. Даниельсона, Энгельс по-другому оценивал историческое значение заблуждений революционных народников. В «Послесловии» к статье «Об общественных отношениях в России» (1894 г.) Энгельс, касаясь народнической веры в чудодейственную силу крестьянской общины, из недр которой якобы следует социальное возрождение, писал: «...эта вера сделала свое дело, подняв воодушевление и энергию героических русских передовых борцов. Этих людей, которых было каких-нибудь несколько сот человек, но которые своей самоотверженностью и отвагой довели царский абсолютизм до того, что ему приходилось уже

¹⁶¹ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 314.

¹⁶² Н. С. Русанов. В эмиграции, стр. 196.

¹⁶³ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 341.

подумывать о возможности капитуляции и об ее условиях,— таких людей мы не потянем в суд за то, что они считали свой русский народ избранным народом социальной революции. Но это вовсе не обязывает нас разделять их иллюзии»¹⁶⁴.

Раскрывая утопический, наивный характер теоретических взглядов народничества, иллюзорность их идеалов, Маркс и Энгельс в то же время высоко оценивали революционную отвагу народовольцев и подходили к ним с точки зрения демократических задач, борьбы против царского деспотизма. Историческая оценка народничества, данная основоположниками марксизма, была унаследована и развита В. И. Лениным, который не раз отмечал, с каким горячим сочувствием следили Маркс и Энгельс за развитием революционного движения в России.

* * *

Внимательно изучая общественные отношения в России, Маркс и Энгельс и лично, и письменно общались с русскими учеными и общественными деятелями. «Маркс и Энгельс,— писал В. И. Ленин,— оба знавшие русский язык и читавшие русские книги, живо интересовались Россией, с сочувствием следили за русским революционным движением и поддерживали сношения с русскими революционерами»¹⁶⁵. Особенно дружескими были их отношения с революционерами П. Л. Лавровым, Г. А. Лопатиным, Л. Н. Гартманом.

Весьма тесный характер отношения с русскими революционерами приобрели в 1880—1881 гг., когда самоотверженная борьба народничества против царизма выдвинула Россию в авангард революционного движения в Европе. К сожалению, о дружеских связях Маркса с народовольцами известно очень немного. Не сохранилось то обращение Маркса к Исполнительному Комитету «Народной воли», о котором имелись неясные сведения в начале XX в.¹⁶⁶ Исчезли письма Маркса и Эн-

¹⁶⁴ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 296.

¹⁶⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 13.

¹⁶⁶ «Былое», вып. 1, стр. 18; Н. С. Русанов. Идеиные основы «Народной воли»,— «Былое», 1907, № 9, стр. 51.

гельса, направленные заграничному представителю Исполнительного Комитета Л. Н. Гартману. Остались ненаписанными мемуары Гартмана о его встречах с Марксом, которые предполагалось напечатать в 1903 г. в заграничном «Былом», а обещанные в том же «Былом» мемуары Н. А. Морозова¹⁶⁷ появились в «Каторге и ссылке» спустя 30 лет, когда многое уже путалось, а кое-что успело сгладиться в памяти старого народовольца. Наконец, не разысканы еще некоторые письма самого Гартмана Исполнительному Комитету, а также друзьям о своих встречах с Марксом. Не опубликованы пока два письма Гартмана к Марксу, которые цитируются ниже.

В 1880 г. по обоюдной инициативе установилась прямая связь между Марксом и «Народной волей». Когда Гартман, освобожденный по требованию общественности из французской тюрьмы приехал в Лондон, он обратился к Марксу с просьбой принять его.¹⁶⁸ Маркс, восхищенный успехами революционного движения в России, устроил в его честь прием. По сообщению В. И. Иохельсона, на этом приеме и Маркс, и Энгельс пили с Гартманом на брудершафт¹⁶⁹. Летом 1880 г. Гартман — частый гость у Маркса и Энгельса, которые всегда тепло и дружески его принимали. Сохранилось известие, что однажды они и сами заходили к Гартману, но не застали его дома¹⁷⁰. Некоторые деятели европейской социал-демократии, такие, например, как Э. Бернштейн, поражались, как оба великих мыслителя, при беседах с которыми у них всегда сохранялось известное «расстояние», совсем по-братски, «на ты» обращаются с молодым человеком, отнюдь не являвшимся крупным политическим

¹⁶⁷ «Былое», вып. 1, стр. 167. В письме к Бурцеву от 23 марта 1908 г. уже тяжело больной Гартман обещал написать «воспоминания об отношениях с Марксом» и выслать их «через несколько дней». Болезнь, а затем смерть помешали Гартману выполнить это обещание.

¹⁶⁸ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 234.

¹⁶⁹ В. И. Иохельсон. Из переписки с П. Л. Лавровым.— «Былое», 1923, № 21, стр. 150. Что касается Энгельса, сообщение Иохельсона неточно, ибо Гартман познакомился с ним не весной, а летом 1880 г.

¹⁷⁰ ЦГАОР СССР, ф. П. Л. Лаврова (1762). Письмо Л. Н. Гартмана к П. Л. Лаврову от 27 августа 1880 г.

деятелем¹⁷¹. Английский социалист (впоследствии оппортунист) Г. Гайндман рассказывает, что во время его беседы с Марксом тот немедленно принял Гартмана, лишь только служанка подала его карточку. Когда после ухода Гартмана Гайндман пренебрежительно отозвался о его внешнем виде, Маркс оборвал его приблизительно такой фразой: «Они действуют в любом виде»¹⁷².

В начале мая 1880 г. в кругах русской революционной эмиграции во Франции и Швейцарии возник план организации большой еженедельной газеты демократического направления под названием «Нигилист». Газета должна была выходить в Лондоне, Париже и Женеве на английском языке, а ее главной задачей было завоевание общественного мнения Европы на сторону борцов с русским самодержавием. Предполагалось, что редактором газеты будет Засулич, а основными сотрудниками — Лавров, Кропоткин, Плеханов, Дейч, Стефанович, Морозов, Клячко.

В письме к Клячко от 5 мая 1880 г. Гартман детально рассказывает о своем плане издания этой газеты и о тех переговорах, которые он весьма энергично вел в Лондоне. Гартману удалось заручиться поддержкой нескольких влиятельных деятелей английской демократической печати, а также Маркса и его младшей дочери Элеоноры, которая вызвалась переводить французские материалы на английский язык. «Особенно светлыми очами смотрит на дело Маркс, впрочем нет человека, который бы сомневался в успехе газеты, — писал Гартман. Маркс говорит, что газета вызовет громадный интерес, что первый номер надо сделать стереотипным и выпустить в 15 тыс. экз. В случае требования — 2-й выпуск. Цена номера с фотографией не менее 3 пен[сов], если не 4. Он предложил мне познакомить меня с Энгельсом, его другом, чтобы я мог пользоваться помощью последнего, о чем он сам будет просить его. Я долго говорил с Марксом по поводу средств на издание. Вопрос об этом поднял сам Маркс. Он просил меня составить поскорее примерную смету издания и прислать поскорее ему. По всему видно, что он рассчитывает достать нам

¹⁷¹ Э. Бернштейн. Указ. соч., стр. 66.

¹⁷² Н. М. Гундман. The Record of an Adventurous Life, London, 1911, p. 280.

средства у Энгельса. Мнение Маркса о величине выпуска газеты и цены ее разделяют и другие»¹⁷³.

Гартман в этом письме переоценил реальные возможности издания газеты, объединяющей все революционные и демократические силы эмиграции под идейной эгидой «Народной воли». «Нигилист» так и не появился¹⁷⁴. Провозглашение лозунга политической борьбы, на что рассчитывал Гартман, не входило в планы большинства эмигрантов, стоявших в то время на анархической или полуанархической точке зрения. Многие не соглашались и с террористической практикой народовольцев. Не вполне ясно изложил, быть может, Гартман и позицию Маркса. Собственные письма Гартмана в последующие дни в Женеву к Морозову помогают точнее определить отношение Маркса к этому делу. В письме от 27 мая 1880 г. Гартман передает его мнение о русских революционных организациях — «Народной воле» и «Черном переделе»: «Выбирая из двух, он решительно становится на сторону и за программу террористов». Здесь следует добавление: «В следующем письме объясню тебе»¹⁷⁵.

А в письме от 29 июля 1880 г. Гартман, отвечая, видимо, на вопрос своего женевского корреспондента о возможном участии Маркса в другом (задуманном Морозовым) органе — на этот раз чисто террористического направления, писал: «На Маркса, т. е. на статью его, не надейся. Не будет писать: он может сочувствовать, так сказать, тайно, т. е. непечатно, но печатно нет, ибо, говорит он, программа террористов — не социалистическая. Словом, он осторожен»¹⁷⁶. По всей вероятности, Маркс не мог одобрить путаной программы Морозова (а также его тогдашнего единомышленника Г. Г. Рома-

¹⁷³ Архив ЛОИИ АН СССР, фотокопия. Это письмо известно по выдержкам, приведенным в сборнике «Н. В. Чайковский» (Париж, 1929, стр. 173—175; ср. «Каторга и ссылка», 1930, № 4, стр. 191). Клячко в начале 70-х годов руководил московским кружком «чайковцев», с 1873 г. — в эмиграции. Летом 1880 г. по рекомендации Лаврова он виделся с Марксом («Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 235).

¹⁷⁴ Последующее издание В. Сидорацкого под таким заглавием (Париж, 1883) не имело к первоначально задуманному плану никакого отношения (ЦГИА СССР, ф. 1410, оп. 1, № 449).

¹⁷⁵ ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 4, д. 625, л. 29.

¹⁷⁶ Там же, д. 578, л. 9 об.

ненко), сочетавшей в себе элементы терроризма и бланкизма, а главное ограничивавшей политические задачи борьбы в России¹⁷⁷.

Как знак своей симпатии к народолюбцам, Маркс в августе послал через Гартмана Исполнительному Комитету две своих фотографии с подписями по-французски¹⁷⁸. Но вскоре они попали в руки полиции, и уже 3 января 1881 г. Гартман обратился одновременно к Марксу и к Энгельсу с просьбой от имени своих петербургских товарищей вновь прислать свои фотографии¹⁷⁹. Зная, таким образом, о дружеском расположении Маркса, пересылая ему «Народную волю» и другие свои издания¹⁸⁰, Исполнительный Комитет 25 октября (6 ноября) 1880 г. обратился к Марксу со специальным посланием.

Вряд ли это послание выражало мнение всех членов ИК, из которых многие тогда тяготели к Дюрингу. Но, по свидетельству близкого к народолюбцам Русанова, в начальный период «Народной воли» в руководящем ее ядре были «влиятельные члены, которые не только не считали свою деятельность противоречащей взглядам автора «Коммунистического манифеста», «Гражданской войны во Франции» и «Капитала», но, наоборот, живо интересовались его отношением к тогдашним русским делам, старались даже установить с ним более тесные идейные и практические связи»¹⁸¹. Судя по тому, что наиболее влиятельным лицом в партии в то время был А. И. Желябов (летом 1880 г. он, как известно, от имени ИК обращался к Драгоманову), который был также автором посланной тогда же Марксу «Программы рабочих, членов партии „Народная воля“», именно он выступал

¹⁷⁷ С. Н. Валк. Г. Г. Романенко.— «Каторга и ссылка», 1928, № 11, стр. 38—42.

¹⁷⁸ Письмо Л. Гартмана к В. Иохельсону от 25 августа 1880 г. (В. И. Иохельсон. Из переписки с П. Л. Лавровым.— «Былое», 1923, № 21, стр. 148). Гартман переслал эти фотографии в Женеву Иохельсону, а тот их направил в Россию (там же, стр. 150). Получение Исполнительным Комитетом портрета Маркса подтверждается в показаниях В. Н. Фигнер («Из автобиографии В. Н. Фигнер».— «Былое», 1917, № 4, стр. 68).

¹⁷⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, д. 4233, 4234.

¹⁸⁰ «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. 4, 1924, стр. 357—358.

¹⁸¹ Н. С. Русанов. Идейные основы «Народной воли»,— «Былое», 1907, № 9, стр. 51.

за упрочение дружбы с основоположником научного социализма. В одной из своих статей Фигнер прямо называет его имя среди членов ИК, которые обратились к Марксу в поисках союзников против самодержавия¹⁸².

В своем послании Исполнительный Комитет с глубоким уважением говорил о значении научных трудов Маркса и, в частности, о том, что «„Капитал“ стал ежедневным чтением интеллигентных людей». Народовольцы с горячей симпатией отмечали постоянный интерес и внимание Маркса к деятельности русских революционеров и просили его помочь Гартману в информации западной прессы об истинном положении общественной жизни в России.

Несмотря на стремление народовольцев представить труды Маркса как признание народнических доктрин («Лучшие тенденции русской жизни нашли в них свое научное подтверждение») и проявленное тем самым непонимание марксизма как революционной теории пролетариата, это письмо имело большое значение в укреплении дружеских связей Маркса с народовольцами¹⁸³.

Неизвестно точно, ответил ли Маркс на это письмо, но Фигнер, со слов Гартмана, с которым она вела тогда переписку (однако соответствующими письмами мы пока не располагаем), сообщала, что «Маркс с гордостью показывал письмо Комитета своим друзьям и знакомым»¹⁸⁴.

Народовольцы не раз обращались к Марксу и Энгельсу с различного рода просьбами и вопросами, старались по мере возможности информировать о событиях в России, о деятельности партии. Своим неперенным долгом Маркс считал помогать народовольцам. Маркс, например, обещал в июле 1880 г. принести Гартману надежный берлинский адрес для «сообщений» с «Народной волей»¹⁸⁵. К сожалению, до нас дошли только немногие

¹⁸² В. Н. Фигнер. Андрей Иванович Желябов.— Сб. «1 марта 1881 г. Воспоминания участников и современников». М., 1931, стр. 15.

¹⁸³ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 251. Оригинал этого письма на французском языке переписан рукой А. П. Корба. Впервые письмо было напечатано в газете А. Рошфора «Энтрансижан» („L'Intransigeant“) уже 18(30) ноября 1880 г. с копии, присланной из Петербурга («Былое», вып. 1, стр. 16). Русский оригинал см.: «Былое», 1917, № 1, стр. 54.

¹⁸⁴ Вера Фигнер. Запечатленный труд, т. 1, стр. 246.

¹⁸⁵ ЦГИА СССР, ф. П. Е. Щеголева (1093), оп. 1, д. 261, л. 3. Письмо Л. Н. Гартмана к В. И. Иохельсону от 22 июля 1880 г.

из писем к Марксу, а письма самого Маркса к народо-вольцам и, в частности, к Гартману, видимо, утрачены.

К Марксу обращался в конце 1880 г. перед отъездом в Россию Н. А. Морозов, у которого также сложилось впечатление, что Маркс чрезвычайно интересовался народо-вольческими делами¹⁸⁶. Морозов просил Маркса от имени партии сотрудничать в совместном заграничном издании народо-вольцев и чернопередельцев — «Социально-революционной библиотеке». Как сообщал Морозов, Маркс по его просьбе обещал написать статью о русской общине для Исполнительного Комитета¹⁸⁷ и вручил ему на прощание пять или шесть своих книг, обещая написать предисловие к той, которую народо-вольцы выберут для печати¹⁸⁸. Летом 1881 г. к Марксу обращался за советом и помощью народо-волец В. Луцкий, желавший получить патент на аппарат по обработке писем с целью обратить вырученные деньги в пользу революционной деятельности в России¹⁸⁹. Энгельс не раз ссужал деньгами бедствовавшего за границей Гартмана¹⁹⁰. Судя по переписке Гартмана с Лавровым, первый служил посредником в обмене литературы между Марксом и Лавровым¹⁹¹. В одном из писем Гартман цитирует обращенный к нему по-английски вопрос Маркса о биографии председателя редакционных комиссий (по реформе 1861 г.) Ростовцева²¹⁹.

Гартман довольно регулярно информировал Маркса о революционных делах в России. Характерно письмо

¹⁸⁶ Н. А. Морозов. Карл Маркс и «Народная воля» в начале 1880-х годов.— «Каторга и ссылка», 1933, № 3, стр. 146—147.

¹⁸⁷ «Карл Маркс. Даты жизни и деятельности. 1818—1883». М., 1934, стр. 369.

¹⁸⁸ Н. Морозов. У Карла Маркса.— «Известия», 7 ноября 1935 г. Не следует, однако, доверять ошибочному сообщению Н. А. Морозова о том, что именно он передал Плеханову «Манифест Коммунистической партии». Экземпляр «Манифеста» Плеханов получил от Лаврова («Дела и дни», 1921, кн. 2, стр. 88—89).

¹⁸⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, д. 4295. Письмо от 11 августа 1881 г.

¹⁹⁰ ЦГАОР СССР, ф. 1762. Письмо Л. Н. Гартмана П. Л. Лаврову от 19 декабря 1880 г.

¹⁹¹ Через Гартмана Маркс получил, например, от Лаврова летом 1880 г. статью «Задолженность частного землевладения» из январской книжки «Отечественных записок» за 1880 г. (ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 1, д. 102, л. 2).

¹⁹² Там же, оп. 4, д. 102, л. 77. Письмо к П. Л. Лаврову от 30 марта 1881 г.

Гартмана к Марксу от 3 января 1881 г. Ссылаясь на сведения из Петербурга, он объяснял временное затишье в России тем, что «партия пока не приступала к террору, чтобы не помешать организации, которой она занималась». Одновременно Гартман от имени Исполнительного Комитета спрашивал мнение Маркса, как отзовутся покушения на царя (этот вопрос задавался за два месяца до событий 1 марта) на отношениях между русским правительством и Европой. «До сих пор мои друзья мало задумывались над Западом... Теперь, однако, они хотят читать английские газеты, чтобы наблюдать за повышением и понижением морального и экономического курсов русского правительства».

В заключение Гартман просил Маркса уделить ему на этой неделе один час, так как обстоятельства требуют быстрого ответа друзьям¹⁹³. Маркс всячески стремился ввести Гартмана в курс дел европейской социал-демократии, предлагал ему сотрудничать в английской социалистической газете¹⁹⁴, познакомил его с П. Лафаргом и В. Либкнехтом и, наконец, помог устроить агитационную поездку в Америку¹⁹⁵. Хотя мысль об этой поездке возникла еще в сентябре 1880 г., Гартман отправился за океан с рекомендациями Маркса и Энгельса к Зорге и Суинтону только следующим летом¹⁹⁶. О результатах этой поездки он сообщал Марксу в еще неопубликованном письме от 24 августа 1881 г. В Нью-Йорке Гартману удалось убедить сотрудничать с Марксом редактора газеты немецких эмигрантов «Нью-Йоркер Фольксцейтунг» С. Шевича, который просил Гартмана сообщить, что он готов выполнять в своей газете инструкции, которые дадут ему Маркс и Энгельс, и в соответствии с ними изменить программу своей газеты¹⁹⁷.

¹⁹³ ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, д. 4233, л. 1.

¹⁹⁴ В. И. Иохельсон. Из переписки с П. Л. Лавровым.— «Былое», 1923, № 21, стр. 149. Письмо Л. Н. Гартмана к В. И. Иохельсону от 25 августа 1880 г.

¹⁹⁵ ЦГАОР СССР, ф. 1762. Письма Л. Н. Гартмана П. Л. Лаврову от 27 августа и 29 сентября 1880 г.

¹⁹⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, стр. 157.

¹⁹⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, д. 4299. Письмо Л. Н. Гартмана К. Марксу от 24 августа 1881 г. Ср. письмо к Ф. Энгельсу от 24 августа 1881 г.— «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 255.

Гартман, который много сделал для ознакомления Маркса и Энгельса с деятельностью «Народной воли», несмотря на дружеские отношения с ними, так и не сумел подняться до марксистского мировоззрения и продолжал колебаться между народовольческими и чернопередельческими симпатиями (не зная, однако, об эволюции Плеханова в то время в марксистском направлении)¹⁹⁸. К тому же Гартман не обладал качествами политического деятеля, отличался неустойчивостью взглядов, отчасти даже легкомыслием¹⁹⁹. По отзыву часто бывавшего в 1880 г. у Маркса и Энгельса К. Каутского, по высказываниям Гартмана можно было заключить, что «его политические и социальные идеи были неясны и неглубоко обоснованы, что свидетельствовало и о недостаточной его стойкости»²⁰⁰.

Действительно, Гартман очень тяготел к буржуазному радикалу Рошфору и охотно сблизился с перешедшим на позиции анархизма немецким социал-демократом Мостом. Его поведение в этом отношении не одобрял даже склонный к примирению всех направлений Лавров. «Очень жаль, что Гартман грызется, как он пишет, с Марксом из-за Моста»²⁰¹, — сообщал он Морозову. Иногда, в Америке Гартман действовал не так, как ему советовал Маркс, что опять-таки вызвало упреки Гартману со стороны Лаврова. Оправдываясь перед Лавровым, Гартман, поглощенный к тому времени своими изобретательскими и финансовыми делами, заявил, что он не желает идти «рука об руку» с Марксом и безусловно принять его руководство²⁰².

Произошла «размолвка» и с Энгельсом²⁰³. В 1881 г.

¹⁹⁸ ЦГАОР СССР, ф. 1762. Письмо Л. Н. Гартмана П. Л. Лаврову от 29 октября 1881 г.

¹⁹⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, стр. 1159.

²⁰⁰ Fr. Engels. Briefwechsel mit K. Kautsky. Wien, 1955, S. 19.

²⁰¹ ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 3, д. 79, л. 2. Письмо от 27 января 1881 г.

²⁰² ЦГАОР СССР, ф. 1762. Письмо Л. Н. Гартмана П. Л. Лаврову от 20 октября 1881 г.

²⁰³ ЦГИА СССР, ф. 1093, оп. 1, д. 261, л. 56. Письмо Л. Н. Гартмана В. И. Йохельсону от 21 ноября 1881 г. Энгельс в 1882 г. писал о Гартмане Зорге: «Он большой чудаки, и его нужно предоставить самому себе» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, стр. 275). Хотя деловые сношения Маркса и Энгельса с Гартманом к концу 1881 г. прекратились, Энгельс еще не раз помогал последнему небольшими суммами денег.

переписка Гартмана с Исполнительным Комитетом многократно прерывалась из-за многочисленных арестов и провалов. К концу 1881 г. в народовольческом центре о нем попросту забыли. Связь Маркса и Энгельса с «Народной волей» прервалась, хотя Исполнительный Комитет в конце 1881 — начале 1882 г. мог располагать уже более авторитетным посредником, чем Гартман, а именно Лавровым, который в то время связал свою судьбу с «Народной волей», приняв предложение участвовать в ее заграничном Красном Кресте.

После 1 марта внутри Исполнительного Комитета уже не было сколько-нибудь определенного и постоянного интереса к поддержанию переписки с Марксом, и она постепенно к 1882 г. прекратилась. Тихомиров и Ошанина, приехав в 1882 г. в Париж, не пожелали возобновить переписки с Марксом и Энгельсом, с которыми уже переписывались в то время через Лаврова и Засулич будущие основатели группы «Освобождение труда».

Дружеское внимание Маркса к деятельности «Народной воли», к сожалению, не оставило крупных литературных работ. Видимо, осталась нереализованной идея Маркса написать по высказанному в конце 1880 г. предложению «Народной воли» статью об аграрном вопросе в России и русской сельской общине²⁰⁴. Следы подготовки этой статьи допустимо, вероятно, искать в черновиках ответа Маркса на письмо с тем же предложением, написанное в феврале 1881 г. Засулич²⁰⁵.

Передовая русская общественность с глубокой скорбью восприняла весть о кончине Маркса. «От имени всех русских социалистов» прощальный привет послал Лавров. Это письмо над могилой Маркса (15 марта 1883 г.) прочитал Лонге. Тесно примыкавший в то время к народовольцам Лавров называл Маркса «одним из величайших умов» и «одним из энергичнейших борцов против эксплуататоров пролетариата», а «Капитал» — «евангелием современного социализма». «Русские социалисты, — писал он, — склоняются пред могилой человека, сочувствовавшего их стремлениям во всех превращениях их страшной борьбы, борьбы, которую они

²⁰⁴ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 301.

²⁰⁵ Там же, стр. 299—300.

продолжают и будут продолжать, пока не восторжествуют окончательно принципы социальной революции»²⁰⁶. Потрясло известие о смерти Маркса и его русского друга Лопатина, переходившего после бегства из ссылки в этот роковой день русскую границу. Вскоре Лопатин вновь вернулся на родину и возглавил народовольческий центр внутри страны. Лавровым, который в то время фактически примкнул к «Народной воле», в самом конце марта был получен перевод из Петербурга «от студентов Технологического института и от русских учащих женщин» для «венка на могилу Карла Маркса»²⁰⁷. В Технологическом институте и на Высших женских курсах в 1882—1883 г. существовали кружки народовольческого направления, связанные между собой через Ю. И. Гомолицкую, которая одновременно входила и в кружок бестужевков (С. Обуховская, З. Судакова и др.), и в кружок технологов (И. Прозоровский, Ф. Ястрембский и др.)²⁰⁸. Венки на могилу были возложены также от студентов Петербургского и Одесского (Новороссийского) университетов²⁰⁹. Трагическое известие о кончине Маркса потрясло и провинциальную молодежь, среди которой, как правило, преобладали народовольческие настроения. Елизаветградский народовольческий кружок устроил специальный мемориальный вечер. Руководитель кружка А. Тарковский рассказал о сочинениях и деятельности Маркса, а затем был прочитан отрывок из «Манифеста Коммунистической партии»²¹⁰.

Отметила кончину Маркса и народовольческая печать. В вышедшем летом 1883 г. «Календаре „Народной воли“» был помещен «Некролог Карла Маркса». В некрологе приводились основные даты жизни и деятельности Маркса и назывались экономические труды: «Капитал» и «К критике политической экономии». Правда,

²⁰⁶ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 261.

²⁰⁷ Там же, стр. 267—268.

²⁰⁸ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 85, 1884 г., д. 10986.

²⁰⁹ И. И. Попов. Революционные организации в Петербурге в 1882—1885 годах.— «Народовольцы после 1 марта 1881 г.», стр. 49; «Деятели революционного движения в России», т. III, вып. 2, М., 1934, стр. 876—877; К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 355—356.

²¹⁰ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 85, 1884 г., д. 11000, л. 169 об.

о борьбе с бакунизмом в Интернационале говорилось невнятно, зато отмечалось, что Маркс с симпатией относился к революционному движению в России и обещал для Исполнительного Комитета брошюру «о возможном развитии нашей общины»²¹¹.

Раньше, чем эмигрантский центр, на смерть Маркса откликнулся Центральный студенческий кружок Петербургского университета. В № 4 гектографированного журнала «Студенчество» была опубликована статья «На венок Марксу». И тон, и направленность этой статьи, несомненно, отличаются от суховатого некролога эмигрантского «Вестника». В этой статье Маркс предстает и как гениальный ученый-экономист, и как вождь рабочего движения, который «ни на минуту не спускал своего священного знамени борьбы за угнетенных» и был «духом живым» Интернационала. Из заключительных строк статьи видно, что автор, отходя от народнических традиций, надеялся на создание в России в недалеком будущем рабочей организации в духе немецкой социал-демократии и Интернационала²¹².

Статья студенческого журнала, как и отклики других местных организаций, показывает, что в 1883 г. в некоторых народовольческих кружках России возрос интерес к научному социализму, а понимание значения Маркса было несравненно более верным, чем у руководителей народовольческой эмиграции.

* * *

Великие основоположники научного социализма, с напряженным вниманием следившие за развитием русских общественных отношений после реформы 1861 г., первыми увидели, что в России начинает вздыматься вал народной революции. В глазах Маркса и Энгельса демократическое движение в России являлось восточным флангом европейского рабочего движения, но этому

²¹¹ «Некролог Карла Маркса». — «Календарь «Народной воли» на 1883 г.». Женева, 1883, стр. 178—180. Автор некролога не раскрыт в воспоминаниях составителя «Календаря» (В. Иохельсон. «Календарь „Народной воли“». Из воспоминаний. — «Музей революции», сб. 1, Пг., 1923).

²¹² «На венок Марксу». — «Студенчество», 1883, № 4. Перепечатано в «Каторге и ссылке» (1933, № 3, стр. 167—172).

флангу принадлежала честь первым начать наступление и дать сигнал к развертыванию революции на Западе. Поэтому в «Предисловии» к русскому переводу «Манифеста Коммунистической партии» Маркс и Энгельс указали, что «Россия представляет собой передовой отряд революционного движения в Европе»²¹³.

Эти пророческие слова, впервые опубликованные на страницах «Народной воли», явились не только гениальным предсказанием грандиозного размаха и всемирно-исторической роли русской революции, но и признанием боевых заслуг народников и особенно народовольцев, вступивших в отважное единоборство с царизмом в то время, когда народные массы страны еще не были готовы к выступлению.

«Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине *выстрадала* полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы»²¹⁴, — указывал В. И. Ленин.

Свою роль в поисках правильной революционной теории сыграли и народовольцы. Лучшие из них стремились к изучению трудов основателей научного социализма, установили дружеские связи с Марксом и Энгельсом, принимали участие в распространении марксистской литературы и тем самым внесли свою долю в подготовку идейной почвы для утверждения марксизма в России.

Известное число народовольцев впоследствии примкнуло к лагерю русских марксистов, оказалось в стане большевиков.

Несмотря на утопический, мелкобуржуазный характер их социалистических убеждений, народовольцы вслед за Герценом, Белинским, Чернышевским и революционными народниками 70-х годов являются предшественниками русской социал-демократии²¹⁵.

²¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 305.

²¹⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 8.

²¹⁵ См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 25.

В. А. Твардовская

ВТОРАЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ В РОССИИ И БОРЬБА «НАРОДНОЙ ВОЛИ»

Народовольчество — концентрированное выражение возросшего недовольства народных масс, их нежелания жить по-старому — явилось одним из важных факторов революционной ситуации, способствовавшим ее назреванию и дальнейшему развитию. В то же время «Народная воля» и сама испытала на себе влияние революционной ситуации. Возникновение и оформление народовольчества — «политического» направления в народничестве, порвавшего с анархизмом, провозгласившего политическую борьбу с правительством — было ускорено обстановкой назревавшего революционного кризиса. В условиях начавшихся колебаний и растерянности в «верхах», оживления движения в крестьянстве, роста рабочих волнений особенно остро встало противоречие между полуанархистской программой «Земли и воли» и требованием русской действительности, выдвигавшей на первый план задачу ликвидации самодержавия. Дальнейшее развитие революционной ситуации, совершавшееся под огромным влиянием борьбы «Народной воли», в свою очередь оказывало воздействие на программу и тактику этой организации. Именно этой последней стороне диалектического взаимодействия народовольчества и революционной ситуации посвящена данная статья.

Проблема эта специально еще не ставилась в литературе о «Народной воле», не разрабатывалась она и в исследованиях о революционной ситуации конца 70-х — начала 80-х годов¹. Между тем ее решение позволяет

¹ Она отсутствует и в наиболее обобщающей из последних работ о «Народной воле» — статье В. В. Широковой «К вопросу об оценке деятельности „Народной воли“» («Вопросы истории», 1959,

глубже осмыслить важные вопросы истории народовольчества. Оговоримся, что в статье речь пойдет о том периоде революционной ситуации, который совпадает с деятельностью оформленной уже организации «Народная воля» — конец 1879—1881 г.

Вторая революционная ситуация в России отличалась от первой, в частности, тем, что в это время действовала наиболее крупная из ранее существовавших революционных организаций — «Народная воля» — организация конспиративная, централизованная, разветвленная, со строгой дисциплиной. Исключительность переживаемого страной момента должна была наложить и наложила отпечаток на ее борьбу.

Своеобразие политической обстановки в тот период революционеры хорошо уловили и почувствовали. Это своеобразие они видели в обострении и чрезвычайной напряженности борьбы «новых исторических условий и потребностей» «энергическими силами будущего» со старыми формами «подорванных историей, отживших, но еще сильных вековой рутинной элементов»². «Наше время — очень критическое время, — писала „Народная воля“, — революция и деспотизм все ближе сходятся лицом к лицу, все ожесточеннее схватываются, все громче слышится с обеих сторон угрожающее: «либо мы, либо вы»³. Передовая первого номера «Народной воли»

№ 8). В исследовании С. С. Волка в центре внимания автора стоит вопрос о том, «какие течения внутри Исполнительного Комитета заставляли вносить коррективы в лозунги движения». Что касается влияния обстановки в стране на изменения программы «Народной воли», то оно скорее констатируется, чем исследуется (С. С. Волк. Программные документы «Народной воли». — «Вопросы историографии и источниковедения истории СССР». М. — Л., 1963). В наиболее обстоятельной работе о второй революционной ситуации в России — книге М. И. Хейфеца — автор ограничивается выдвиганием самого общего тезиса о том, что «народовольчество было попыткой приспособить народническую доктрину и тактику к объективным условиям общенационального кризиса (М. И. Хейфец. Вторая революционная ситуация в России. М., 1963, стр. 63). Но как осознавались народовольцами эти объективные условия, какую именно форму народнической доктрины пытались приспособить к ним народовольцы и можно ли вообще говорить о какой-либо общенароднической тактике? Таков далеко не полный перечень вопросов, на которые эта книга ответа не дает.

² «Литература партии „Народная воля“». М., 1930, стр. 127.

³ Там же, стр. 49.

(октябрь 1879 г.) определяла переживаемый момент как «крайне тяжелый, но вместе с тем крайне интересный по своим вероятным последствиям...», как итоговый момент «ликвидации русских общественных направлений и симпатий», когда «русская жизнь подводит счеты всем направлениям, начиная с правительственного и кончая различными фракциями революционного»⁴. И в дальнейшем народовольцы постоянно подчеркивали критический, чрезвычайный характер этого периода — периода «первостепенной важности», являющегося для правительства «роковым моментом, а для всех оппозиционных партий — поверочным испытанием их политической зрелости, ... их способности служить родной стране»⁵.

Для народовольческой публицистики тех лет характерен образ грядущей бури, символизировавший неизбежность революционного взрыва. «Густые черные тучи нависли над исстрадавшейся Русской землей; нет света, нет воздуха, нет простора дыханию в этой душной необъятной темнице, называемой Российской империей. Все смутно жаждут живительной грозы, которая рассеет эти мрачные тучи и даст простор дыханию и жизни»⁶. «Быть грозе,— провозглашала народовольческая „Рабочая газета“,— и горе тому, кто преградит дорогу народному движению!»⁷

В такой оценке положения в стране народовольцы не были оригинальны. Именно так оно и воспринималось передовой русской общественной мыслью. Даже на страницах легальных демократических журналов «Отечественные записки», «Слово», «Дело», «Русское богатство» чувствовалась эта атмосфера напряженного ожидания назревавших общественных перемен.

Солидарны с «Народной волей» в оценке текущего момента были и революционеры «Черного передела»⁸. Их орган отразил ту же предгрозовую обстановку, когда «гроза чувствуется уже в воздухе, ощущается в болезненно нервном, напряженно раздражительном настроении на-

⁴ Там же, стр. 2.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 16—17.

⁷ Там же, стр. 287.

⁸ «Черный передел», орган социалистов-федералистов 1880—1881 гг. М.—Пг., 1922, стр. 141, 185, 191, 239.

рода, на нее указывает самое поверхностное понимание народной психологии»⁹.

Однако характер воздействия конкретно-исторической обстановки на политическую партию в значительной степени определяется ее программой, пониманием ею своих целей и задач. Отсюда совершенно различные заключения, которые делали для себя народовольцы и чернопеределцы, анализируя современные им события.

«Народная воля» считала этот период крайне благоприятным для своей борьбы с правительством, для проведения политического переворота. Она делала вывод о необходимости усиления этой борьбы с целью использования сложившихся условий. «Россия переживает серьезный момент, и тем энергичнее, тем беспощаднее мы будем вести подготовленную историей борьбу»¹⁰. «Народная воля» призывала не только понять обстоятельства, но и «овладеть ими». Партия должна «взвесить историческое значение момента и ...приготовиться»¹¹, — писали народовольцы в одном из первых номеров своего органа.

Революционеры «Черного передела», признавая «всю важность переживаемого нашим отечеством политического и экономического кризиса», утверждали, что «современное положение дел в России не только не требует сосредоточения всех наших сил на политической арене, но более чем когда-либо вызывает спрос на них со стороны народа...»¹² Они упрекали народовольцев в том, что те «под влиянием исключительных условий минуты» «фактически отказались от живых, признанных наукой принципов»,¹³ т. е. от деятельности в народе, в деревне с целью подготовки крестьянского восстания. И в период наивысшего развития революционной ситуации в стране чернопеределцы по-прежнему отгораживались этими полубакунистскими догмами от самой насущной и первоочередной задачи русского революционного движения — от политической борьбы с самодержавием.

⁹ «Черный передел», орган социалистов-федералистов 1880—1881 гг. М.—Пг., 1922, стр. 243.

¹⁰ «Литература партии „Народная воля“», стр. 130.

¹¹ Там же, стр. 92.

¹² «Черный передел», стр. 191.

¹³ Там же, стр. 141.

В чем же выразался, в понимании народовольцев, этот исключительный характер переживаемого страной момента?

Прежде всего в особом состоянии правительственной власти, которое воспринималось революционерами как состояние критическое, кризисное. Еще в 1878 г. неизвестный «киевский социалист» в письме, перехваченном III отделением, характеризовал «политическую перспективу» в России как «бешеный деспотизм, находящийся в конвульсиях социалистической отравы и финансового голода,— деспотизм, пожирающий сам себя и других»¹⁴.

Будущий народоволец А. А. Квятковский писал в 1879 г., что революционерам приходится присутствовать в момент переходный, когда «изменения в государственном организме какие-либо непременно должны произойти...»¹⁵

Народовольцы все яснее понимали неспособность правительства управлять по-старому. «Наша высокая порта прекрасно сознает непрочность своего положения и неудовлетворительность своих отношений к стране,— писала «Народная воля»,— она сознает, что многое нужно исправить, уладить, примирить». Эту невозможность правительства сохранить свое положение в прежнем виде народовольцы усматривали в «беспокойных метаниях от мероприятия к мероприятию правительства», в «ежедневной перетасовке лиц и учреждений», в «остром опасении за свое существование», заставившем правительство обратиться «за поддержкой общества»¹⁶.

Ярко охарактеризовал состояние правительства А. И. Желябов: «Как зверь, почувствовавший глубокую рану, стало правительство рвать и метать, не разбирая своих и чужих, а Дамоклов меч по-прежнему недосыгаемо грозно висит над его головой... Пришло раздумье на начальство, не поступиться ли?... Своевременно уступить под благовидным предлогом — таково требование политики, но не того хочет властолюбивый старик и,

¹⁴ ЦГАОР СССР, ф. III отд. (109), Секретный архив, оп. 1, д. 832.

¹⁵ «Архив „Земли и воли“ и „Народной воли“». М., 1930, стр. 98.

¹⁶ «Литература партии „Народная воля“», стр. 83.

по слухам, его сын. Отсюда двойственность, колебания во внутренней политике...»¹⁷

Произведенные правительством преобразования в системе управления — учреждение Верховной распорядительной комиссии, упразднение III отделения, отставка министра просвещения гр. Толстого, смещение и назначение ряда других министров — «Народная воля» расценивала как «перетасовку лиц и учреждений» внутри того же самодержавного правительства, курс которого от этого не изменился. Народовольцы сумели понять, что эти мероприятия по-своему служили укреплению самодержавного государственного аппарата, его большей централизации¹⁸. Лорис-Меликов, по определению «Народной воли», «систематизировал абсолютизм, принявший за предшествующий год какой-то бестолковый характер»¹⁹. Так же отнеслись народовольцы и к цензурным послаблениям. «Пределы свободного слова остаются прежними» — такова была их общая оценка «Народной волей»²⁰.

Это был период, когда «весь обыденный строй государственной жизни переделывается»²¹. Установление фактической диктатуры Лорис-Меликова (февраль 1880 г.) было воспринято революционерами как проявление того же кризиса правительственной власти, стремление ее найти новые пути борьбы с нарастающим революционным движением. Если в либеральном обществе диктатор сумел возбудить надежды, то революционеров его политика не обманула. По словам В. Н. Фигнер, они понимали, что политика эта «ничуть не изменяла сущности отношений правительства к обществу, народу и

¹⁷ «Письмо А. И. Желябова М. П. Драгоманову». — «Былое», 1906, № 3, стр. 72.

¹⁸ «Литература партии „Народная воля“», стр. 83.

¹⁹ Там же, стр. 76.

²⁰ Там же, стр. 89. Мысль о невозможности улучшений в печати при существующем строе удалось отчетливо провести в одной из подцензурных статей Л. А. Тихомирову, редактору органа «Народной воли». «Свобода печати возможна и даже мыслима всегда в тех пределах, в каких свободна общественная самодеятельность», — писал Тихомиров, доказывая, что в современной России всякая общественная самодеятельность неминуемо придет в столкновение с законом, с властями (И. Кольцов. Жизнь и печать. — «Дело», 1881, № 2, отд. II, стр. 127).

²¹ «Литература партии „Народная воля“», стр. 4.

партии...»²². Революционным чутьем народовольцы угадали смысл лорис-меликовского режима за его внешней, показной стороной: «сомкнуть силы правительства, разделить и ослабить оппозицию, изолировать революцию и передуть всех врагов порознь...»²³.

Народоволец С. А. Иванов вспоминал, как отстаивал эту общепартийную оценку диктатора А. И. Желябов, объясняя ему, еще молодому члену организации, что «Лорис-Меликов под прикрытием либеральных фраз ведет деятельную борьбу с революцией, что она ведется им не хуже всякого другого на его месте, даже лучше, пожалуй, потому что удары направляются им с выбором и расчетом, а не бьют, как это бывало часто прежде, по пустому месту...» По словам Желябова, запомнившимся Иванову, «далее жалких заплат он не пойдет, а не ими зачинить русское дырявое рубище»²⁴.

В то же время революционеры в своей деятельности попытались использовать все возможности, предоставленные в той или иной степени новым режимом. Как рассказывает Фигнер, «отсутствие полицейских придинок и жандармских облав за этот период диктатуры Лорис-Меликова очень благоприятствовало работе среди учащейся молодежи и рабочих»²⁵. Именно к 1880 г. относятся наибольшие успехи «Народной воли» в агитационно-пропагандистской деятельности среди всех слоев населения. В то время создавались рабочие, военные и студенческие организации «Народной воли».

Народовольцы ясно отдавали себе отчет в том, что режим Лорис-Меликова не способен вывести правительство из кризиса, а лишь подготавливает его новое обострение. «В расчете лишить революцию поддержки Лорис родит упования, но бессильный удовлетворить их, приведет лишь к пущему разочарованию», — выразил Желябов общее мнение революционеров²⁶.

В такой характеристике кризиса «верхов» сказалась классовая позиция народовольцев — идеологов кре-

²² Вера Фигнер. Запечатленный труд, т. 1. М., 1964, стр. 232.

²³ «Литература партии „Народная воля“», стр. 72.

²⁴ С. А. Иванов. Из воспоминаний о 1881 годе. — «Былое», 1906, № 4, стр. 230.

²⁵ Вера Фигнер. Указ. соч., т. 1, стр. 232.

²⁶ «Письмо А. И. Желябова М. П. Драгоманову». — «Былое», 1906, № 3, стр. 72.

стьянской демократии. Выход из кризиса в понимании «Народной воли» был лишь один — ликвидация самодержавия, установление политических свобод. «Народная воля» не уставала пропагандировать это убеждение в своем органе, доказывая, что ни на какой новый курс правительство не пойдет, что оно даже после незначительных уступок «с удвоенной энергией возвращается на традиционную дорожку, начинает искать исцеление всех бедствий в различных комбинациях старого принципа»²⁷.

Народовольцы слишком хорошо видели, что творческие силы самодержавия исчерпаны. «Косность, рутинность, неспособность приспособляться — вот какие свойства лицом к лицу с требованиями новой жизни проявляет этот одряхлевший старческий организм»²⁸. Общество ожидало от диктатора «таких постановлений, действий, мероприятий, которые бы более или менее определенно выяснили ему направление, характер средств и широту той программы, выполнение которой поставила себе целью означенная (Верховная распорядительная. — В. Т.) комиссия»²⁹. И «Народная воля» из номера в номер печатала материалы и документы, в том числе секретные правительственные, имеющие цель показать, «насколько основательны надежды людей, чающих либеральных реформ от воцарения Лориса»³⁰. Ответ на это у народовольцев был один: надежды на преобразования ничего общего не имеют с правительственными намерениями³¹. Показывая всю относительность «либеральных» мероприятий диктатора, революционеры в то же время подчеркивали, что он не прекратил борьбы с революционным движением, а сделал ее более проду-

²⁷ «Литература партии „Народная воля“», стр. 83.

²⁸ Там же.

²⁹ «Отечественные записки», 1880, № 3. Внутреннее обозрение, стр. 127.

³⁰ «Литература партии „Народная воля“», стр. 73. Ряд из них посвящен специально разбору политики Лорис-Меликова. Отметим среди них статьи Н. К. Михайловского «К характеристике Лорис-Меликова». («Листок „Народной воли“», № 2) и «Еще раз о лисьем хвосте и волчьей пасти» («Листок „Народной воли“», № 3). Характеристика диктатора в этих статьях получила впоследствии одобрение В. И. Ленина (см. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 5, стр. 42).

³¹ «Литература партии „Народная воля“», стр. 71, 75.

манной и целенаправленной. Репрессии, ссылки, казни продолжали осуществляться диктатором с неуклонной твердостью, и народовольцы знали, что имеют в его лице убежденного и последовательного противника.

В этой связи «Народная воля» высказала мысли о влиянии правительственного кризиса на развитие общественного движения, на популяризацию идеи политического переворота. Бесцеремонное, циничное разоблачение правящей властью самой себя, «своих принципов, своей неспособности служить России» должно было, по словам «Народной воли», способствовать общественному движению в стране, побудить народ выйти из состояния инерции. «Чем изолированнее правительство, чем менее видимой связи между его деятельностью и интересами народа, тем сильнее возбуждается общественная мысль, тем популярнее становится идея о необходимости переворота»³². Однако, несмотря на отдельные верные положения в оценке правительственного кризиса конца 70 — начала 80-х годов, в целом «Народная воля» не смогла правильно понять его природу и сущность, его роль в сложившейся предреволюционной обстановке и соответственно с этим сообразовать свою программу и тактику.

Прежде всего революционеры значительно преувеличили размеры кризиса правительственной власти. Его проявления «Народная воля» отождествляла с признаками «близкого, неотвратимого конца» самодержавия. В колебаниях правительства она увидела агонию, «последние предсмертные конвульсии» умирающего деспотизма³³. «Так или иначе современная правительственная система доживает свои последние дни, — с уверенностью заявляли народовольцы, — если не найдется никого, кто добил бы ее, она умрет и сама естественной смертью...»³⁴ Мысль о «естественной смерти» старого порядка, о возможности «самоликвидации» одряхлевшего правительства, ликвидации его «вследствие собственного истощения» неоднократно высказывалась в программных документах и органе «Народной воли»³⁵. О возможности такого исхода, когда «враги народа уступят

³² Там же, стр. 2.

³³ Там же, стр. 16, 28.

³⁴ Там же, стр. 4.

³⁵ Там же, стр. 25, 313.

без боя», упоминает и самый зрелый народовольческий документ — «Программа рабочих, членов партии „Народная воля“». О том, что дни правительства сочтены, что достаточно «два-три толчка при общей поддержке, и правительство рухнет»³⁶, писал один из наиболее дальновидных политиков «Народной воли» член Исполнительного Комитета А. И. Желябов.

Надежды на скорое падение самодержавия разделялись многими современниками «Народной воли», представителями различных течений и групп, в частности революционерами «Черного передела»³⁷.

Эти иллюзии относительно скорого падения самодержавия, для которого достаточно одного-двух-трех толчков, имели в своем основании не только переоценку результатов деятельности «Народной воли», но и определенные объективные условия действительности того времени, прежде всего особую остроту кризиса «верхов». Этот кризис, говоря словами В. И. Ленина, касается «основ государственного устройства, а вовсе не каких-либо частных его, касается фундамента здания, а не той или иной пристройки, не того или иного этажа»³⁸. Проявления кризиса «верхов» во второй революционной ситуации были ярки и определены³⁹. Взятые сами по себе, вне связи с другими факторами революционной обстановки в стране (а именно так и рассматрива-

³⁶ «Письмо А. И. Желябова М. П. Драгоманову». — «Былое», 1906, № 3, стр. 72.

³⁷ «Нет никакого сомнения, что мы переживаем последние дни неограниченной монархии, — заявляли в своем органе чернопередельцы, — и революционные толчки всероссийскому трону лишь ускоряют роды конституционного режима в России» («Черный передел», стр. 266). Распространенность этого убеждения в революционной среде подтверждается, например, прокламациями неизвестного революционного кружка, именующего себя Центральным Комитетом социально-революционной партии (1880 г.): «Граждане! Именем отечества призываем вас к борьбе за свободу! Еще один удар и ненавистное народу правительство рухнет» (ЦГАОР СССР, ф. Коллекция нелегальных изданий (1741), № 16277, 16278). Надежда эта была свойственна и некоторым представителям международного социалистического движения. В письме французского социалиста, опубликованном в «Народной воле», выражалась та же твердая уверенность, что «скоро рухнет последний оплот военно-феодальной реакции» («Литература партии „Народная воля“», стр. 54).

³⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 300—301.

³⁹ М. И. Хейфец. Указ. соч.

ли их народовольцы) они способны были внушить серьезные надежды на «естественную смерть» и «самоликвидацию» старого порядка, на падение его от одного сильного удара. Такому восприятию народовольцами правительственного кризиса способствовали и государственные воззрения революционеров. Для «Народной воли» самодержавное государство — сила надклассовая, не выражающая интересы какого-либо определенного класса или сословия, а существующая сама для себя и потому не имеющая корней в русском обществе⁴⁰. Отсюда и неправильное осмысление революционерами самой сущности кризиса «верхов». Для них это кризис не политики господствующих классов, а крах самодержавия как органа надклассового, которое «рвет последнюю связь со всеми классами населения»⁴¹, открыто заявляет «свою полную несолидарность с интересами какой бы то ни было части населения...»⁴². Содержание кризиса народовольцы видели в усилении изолированности власти от всего русского общества, окончательном противопоставлении ему самодержавия. Такое понимание подкрепляло заговорщические иллюзии «Народной воли», ее линию на захват власти революционным меньшинством, ее веру в правильность избранного пути — в террор. В обстановке кажущейся «агонии» самодержавия при слабости массового движения террор представлялся наиболее целесообразным средством политической борьбы, тем ударом, толчком, которого только и не хватает, чтобы свалить деспотизм.

Вместе с тем результаты начавшейся борьбы с правительством, роль террора в создании правительственного кризиса революционеры чрезвычайно преувеличивали. Они утверждали, что только одну «Народную волю» принимает правительство в соображение, с нею одной полагает нужным считаться. По их мнению, «ни земские протесты, ни разъединенные протесты сельских масс, ни беспорядки городского населения, ни пропаганда в народе идей социализма не вынуждали правительство напрягать до крайности свои силы, не приводили его в замешатель-

⁴⁰ Подробно этот вопрос изложен мною в статье «Проблема государства в идеологии народовольчества» («Исторические записки», 1963, т. 74).

⁴¹ «Литература партии „Народная воля“», стр. 2.

⁴² Там же, стр. 96.

ство»⁴³. Быстрый рост влияния «Народной воли», успех ее террористической деятельности воспринимались революционерами прежде всего как результат их субъективных стремлений, правильности избранного ими пути и форм борьбы. Они не понимали, что деятельность «Народной воли», ее террор были страшны для самодержавия не сами по себе, а именно на фоне этого всеобщего, чрезмерного недовольства, «протестов сельских масс» и «беспорядков городского населения».

Другим признаком, определявшим для «Народной воли» исключительность современной обстановки, было резкое обострение нужды и бедствий народных масс. Вызванное еще тяготами русско-турецкой войны 1877—1878 гг.⁴⁴, оно было сразу же замечено революционерами. В полный голос заговорили о нем народнические нелегальные газеты «Начало», «Земля и воля», «Листок „Земли и воли“». Как свидетельство обсуждения в революционной среде этого бедственного положения народных масс приведем упоминавшееся выше письмо неизвестного «киевского социалиста» (ноябрь 1878 г.), где ближайшей «экономической перспективой» автор считает «всероссийский голод, истребление всех орудий производства», т. е. не только нищету народа, но и «национальную нищету». В будущем он видит «народную громаду, доведенную хроническим голодом до отупения, а потом до бешенства...»⁴⁵.

Бедственное положение народа еще более усилилось в 1880—1881 гг. в результате неурожая, падежа скота и эпидемий, охвативших в то время ряд южных и юго-восточных губерний страны⁴⁶.

Газета «Народная воля» как орган нелегальной печати могла в полный голос говорить всю правду о «великом народном бедствии», охватившем страну, — о голоде сельского населения как результате плохого урожая, появлении жучка и саранчи, страшном падеже скота от

⁴³ «Литература партии „Народная воля“», стр. 96.

⁴⁴ Война вызвала расход в 1 020 578 489 руб., который был покрыт внутренним и внешним займами, а также выпуском кредитных билетов на сумму 500 млн. руб. (И. С. Блюх. Финансы России XIX столетия, т. II. СПб., 1882, стр. 237).

⁴⁵ ЦГАОР СССР, ф. III отд. (109). Секретный архив, оп. 1, д. 832.

⁴⁶ «Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства», т. II. СПб., 1897,

бескормицы и повальных болезней, небывалой смертности детей и взрослых от болезней эпидемических» — как явлениях, «резко выступающих на сером фоне и без того невыносимо тягостной жизни русского народа»⁴⁷. Отмечая районы, наиболее пострадавшие от голода, «Народная воля» и народовольческая «Рабочая газета» называют Среднее Поволжье — Самарскую, Саратовскую, Казанскую губернии, южные и юго-восточные губернии России — Екатеринославскую, область Войска Донского, губернии средней полосы — Курскую, Орловскую. «Народная воля» имела в этих районах своих корреспондентов и давала на своих страницах подробную информацию о положении в этих губерниях — о ценах на хлеб и скот, пище крестьян, сообщала о мероприятиях правительства и земств по борьбе с голодом, показывая их неспособность ликвидировать бедствие⁴⁸. Пристальное внимание к материальному положению народа, его нуждам, характерное для революционеров-народников, в этот период особенно усиливается⁴⁹. Они видели более глубоко

⁴⁷ «Литература партии „Народная воля“», стр. 79—80.

⁴⁸ Там же, стр. 79—81, 94—95.

⁴⁹ Об этом говорит ряд документов и материалов, относящихся к 1880—1881 гг. Конспиративный документ «Провинциальная деятельность учащейся молодежи» «...предписывает местным народовольческим кружкам знакомиться с положением крестьянства и систематически доставлять сведения о нем в центральную организацию...» (ЦГИА СССР, ф. Министерства юстиции (1410), оп. 1, д. 344). Разные варианты программы для собрания сведений о крестьянстве, ставящие вопросы об экономическом положении народа, способах эксплуатации его, его нуждах, найдены при аресте у революционеров И. В. Старцева и Н. Н. Волкова. «Программа для собрания сведений в народе», отобранная у Старцева, содержит вопросы о положении крестьян в голодающих местностях (ЦГАОР СССР, ф. 112, оп. 2, д. 2766, 2811). В записках, изъятых у народовольца Т. М. Михайлова, находятся цифровые подсчеты, определяющие необходимый прожиточный минимум средней крестьянской семьи и доказывающие невозможность ведения хозяйства при существующих наделах, тяжести податей и стоимости жизни, (там же, д. 2719). У ближайшего агента ИК Н. И. Кибальчица при обыске (март 1881 г.) найдены рукописи со «сведениями о крестьянах», о «материальном положении рабочего класса и состоянии крестьянских наделов» (там же, оп. 1, д. 523, л. 47). Ряд рукописей о положении рабочих был найден в редакционном архиве второй народовольческой типографии (там же, д. 507, л. 90 об.). В архиве третьей народовольческой типографии обнаружена рукопись «О бедственном положении рабочих и крестьян при существующем правительственном и экономическом строе» (там же, д. 526, л. 48 об.—50).

кие причины кризиса, чем неурожай, и говорили о язвах, лежащих «в самом строе социальной жизни народа, которые глубоко подъели корни его благосостояния»⁵⁰. Они прямо связывали голод 1880/81 г. с последствиями реформы 1861 г. Газета «Народная воля» и народовольческая «Рабочая газета» объясняли, что правительство «непомерными поборами, далеко превышающими доходность крестьянских участков, истощило вконец крестьянскую землю и, оставаясь глухо к народным заявлениям и протестам, породило всеобщую нищету и вырождение народа»⁵¹.

В голоде миллионов крестьянских масс летом 1880 г. народовольцы увидели «новый фактор народной жизни, фактор чрезвычайного значения, обращающий положение дел в исключительное...»⁵².

Революционеры правильно понимали, что «постоянно-го гнета государственной машины с ее атрибутами — полным неуважением к правам личности, обиранием народных масс, истощением всех производительных сил страны — как бы не вполне достаточно для того, чтобы вывести народ на путь активной борьбы со злом»⁵³. Действовавшие в эпоху, когда крестьянская масса еще не проснулась к политической жизни, они отмечали ее инертность, консерватизм, говорили, что она «больше всего дорожит спокойствием, и нужно много усилий со стороны правительства, чтобы она перестала предпочитать самое плохое, но уже привычное настоящее — неизвестному и рискованному будущему»⁵⁴. По убеждению народо-вольцев, «необходимо могучее содействие неотразимых сил природы или чудовищное проявление бесчеловечия правителей, чтобы народ сознал и почувствовал необходимость какого-нибудь исхода, хотя бы даже и насильственного»⁵⁵. Такая точка зрения резко отличалась от господствующего в середине 70-х годов среди революционеров бакунистского убеждения в том, что народ посто-

⁵⁰ «Литература партии „Народная воля“», стр. 95.

⁵¹ Там же, стр. 80, 293. Подобное объяснение причин бедственного положения народа давал и орган чернопредельцев («Черный передел», стр. 242).

⁵² «Литература партии „Народная воля“», стр. 92.

⁵³ Там же, стр. 79.

⁵⁴ Там же, стр. 9.

⁵⁵ Там же, стр. 79.

янно находится в состоянии активного протеста, всегда готов на бунт. Понадобился опыт нескольких лет «хождения в народ», и революционеры в лице народолюбцев заговорили о том, что лишь чрезвычайные обстоятельства могут пробудить активность масс: «голод, повальные болезни, мор или разорительные войны». «Народная воля» как определенную закономерность отмечала, что «революционным движениям масс, восстаниям и бунтам предшествовали всегда великие народные бедствия, отчасти даже стихийного свойства»⁵⁶. Признаки этих чрезвычайных обстоятельств революционеры наблюдали с лета 1880 г., делая соответствующие выводы о возможности народного движения. Такая постановка вопроса о возможности народного восстания свидетельствует о том, что народолюбцы во многом приблизились к пониманию объективного, т. е. независимого от их желаний и стремлений, характера условий для народного восстания. В этом смысле они настроение народных масс относили к числу «неизвестных величин в инсurreкции»⁵⁷.

Народолюбцы высказали по этому поводу ряд политически трезвых и правильных суждений. «Революционные брожения, — писала „Народная воля“, — не могут вызываться и крепнуть благодаря случайным причинам, не связанным тесно и неразрывно со всем государственным и общественным состоянием страны...»⁵⁸ В письме к императору Александру III (10 марта 1881 г.) утверждалось, что «революционное движение не такое дело, которое зависит от отдельных личностей. Это процесс народного организма...»⁵⁹ Ту же мысль развил в своем письме к Александру III (март 1881 г.) один из выдающихся теоретиков народолюбчества Н. И. Кибальчич: «разве возможно одними усилиями партии, как бы она ни была многочисленна и влиятельна, вызвать народную революцию?» — спрашивал он, всей логикой своего письма отрицательно отвечая на это⁶⁰. Подобную же точку зрения разделял и народолюбец

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же, стр. 92.

⁵⁸ Там же, стр. 96.

⁵⁹ Там же, стр. 316.

⁶⁰ «Н. И. Кибальчич и император Александр III». — «Былое», 1917, № 3, стр. 35—36.

Н. А. Морозов. «Мне кажется,— писал он в начале 1881 г. из тюрьмы,— инсurreкция — явление стихийное, и как ученым со всеми их физическими приборами не вызвать бури в природе, так и нашей интеллигенции не вызвать инсurreкции в народе, если она не должна в данный момент произойти сама»⁶¹. Однако в проведении этого взгляда на революцию народо-вольцы не были последовательны. Более того, не он оказался преобладающим в их программных документах, не он определял их тактику.

Нельзя не увидеть определенных отличий в постановке проблемы народного восстания в начале революционной ситуации — в год возникновения «Народной воли» (1879) и в самый разгар ее (середина 1880 — начало 1881 г.)⁶².

Не видя никаких значительных признаков активности народных масс, революционеры в ранних программных документах (конец 1879 — начало 1880 г.) почти не рассчитывают на народное восстание, не принимают во внимание его возможность. «Программа ИК» «Народной воли», созданная осенью 1879 г. и опубликованная в январе 1880 г., говорит о «придавленности народа», о том, что правительство «частыми усмирениями может очень надолго сдерживать общее революционное движение». Хотя «Программа» и предусматривала как возможность «путь самостоятельной революции», однако ее главная ориентация была на силы самих революционеров, на захват ими власти путем заговора⁶³.

В конспиративном программном документе «Подготовительная работа партии» (начало 1880 г.) речь идет о подготовке противорправительственного восстания силами партии при содействии рабочих, студенческой молодежи, войска. Крестьянство, как и в «Программе ИК», почти

⁶¹ «Былое», 1907, № 8, стр. 296.

⁶² Изменения эти не были отмечены литературой о «Народной воле». Даже в статье С. С. Волка, специально посвященной эволюции народо-вольческих программных документов, эта проблема не поставлена. Речь в ней идет только о коррективах, внесенных «Народной волей» в понимание роли рабочих (С. С. Волк. Указ. соч.).

⁶³ «Литература партии „Народная воля“», стр. 51. Мы не имеем здесь возможности коснуться различных точек зрения на этот вопрос, соответствующих разным течениям в народо-вольчестве. В этой статье речь идет об общепартийной линии и ее эволюции.

не принимается во внимание. «Не ведя массовой пропаганды, должно, однако, сходиться с лучшими из крестьян, обращая их по возможности в сознательных сторонников партии» — так ставится здесь задача деятельности в народе⁶⁴. Крайняя затрудненность и нецелесообразность этой деятельности, утверждалось в передовой первого номера «Народной воли» (октябрь 1879 г.), уподобляет ее наполнению бездонных бочек Данаид⁶⁵. И не без оснований поэтому чернопередельцы в первом же номере своего органа упрекали «Народную волю» в излишнем скептицизме по отношению к народу. «Нам кажется,— обращались они к народовольцам,— что вы слишком уж мрачно смотрите на деревенскую деятельность, слишком мало верите в способность народа к революционной организации»⁶⁶.

Близкий к Исполнительному Комитету народоволец А. В. Тырков рассказывает о совещании его членов, созванном весной 1880 г. для обсуждения вопроса, «возможно ли ожидать восстания, в какой форме оно может проявиться». По его свидетельству, большинство революционеров было склонно рассчитывать только на свои силы — настолько слабой казалась возможность восстания⁶⁷.

Но в связи с надвигающимся голодом, признаки которого обнаруживались уже летом 1880 г., у народовольцев появились надежды на возможность народных бунтов, восстаний и расчеты использовать их, слить в единое движение под руководством партии и направить против самодержавия. Именно в это время (в конце 1880 г.) по-новому подошли народовольцы к проблеме народного движения. «Нам кажется теперь более чем когда-либо уместным определенно поставить вопрос о желательной роли народных масс в революции», — заявляла «Народная воля» в декабре 1880 г.⁶⁸

«Народная воля» увидела возможность массового движения целых областей, значительного расширения русла революционного движения. «Настоящий год с его

⁶⁴ Там же, стр. 307.

⁶⁵ Там же, стр. 4.

⁶⁶ «Черный передел», стр. 139.

⁶⁷ А. В. Тырков. К событию 1 марта 1881 г.— «Былое», 1906, № 5, стр. 143.

⁶⁸ «Литература партии „Народная воля“», стр. 92.

повсеместной голодовкой, — писала народовольческая газета, — очень может вызвать в народе настроение и инстинкты, о которых в прошлом году можно было только мечтать, и привлечет, может быть, в революционное движение величины, которые даже и в настоящий момент не могут быть вполне известны»⁶⁹. Это еще только предположения со стороны народовольцев, а не уверенность, не точный расчет, но само их возникновение не смогло не отразиться на их практических планах. «Мы не думаем, чтобы теперешнее социальное положение России представляло все симптомы приближающегося революционного движения в народе..., но некоторые симптомы, указывающие на возможность в России более или менее обширных бунтов, существуют в наличности»⁷⁰. И народовольцы, стремясь к народному восстанию, жадно искали эти симптомы, предвещавшие его, зачастую преувеличивая их, принимая желаемое за действительность⁷¹.

В варианте «Программы для собирания сведений в народе», выпущенном в это время (не позднее 1 марта 1881 г.), народовольцы особое внимание обращали на положение крестьян в местностях, охваченных голодом, считая важным выяснить такие вопросы: не было ли здесь случаев грабежей хлеба, «не высказывают ли крестьяне таких местностей сравнительно большие склонности сопротивляться взиманию податей, не было ли вообще крестьянских волнений, вызванных голоданием»⁷².

В своем органе народовольцы отмечали все известные им крестьянские беспорядки, бунты, случаи неповиновения властям и «аграрной мести» (поджогов,

⁶⁹ «Литература партии „Народная воля“», стр. 92.

⁷⁰ Там же, стр. 79.

⁷¹ Крестьянское движение во второй революционной ситуации в России было слабым. Оно значительно уступало по своим масштабам движению на рубеже 50—60-х годов. По данным, приведенным в книге М. И. Хейфеца, обобщившим все имевшиеся до сих пор в литературе сведения о крестьянских выступлениях, их число непрерывно росло с конца 70-х до начала 80-х годов. М. И. Хейфец на основании собранных им данных утверждает, что крестьянские волнения охватывали в 1879—1880 гг. «более половины всех губерний». Но какой тип крестьянского выступления по глубине конфликта с властями, числу участников и т. д. подразумевается здесь под «волнением», остается неясным. Создается впечатление, что автор несколько преувеличил размах крестьянского движения в этот период (М. И. Хейфец. Указ. соч.).

⁷² ЦГАОР СССР, ф. 112, оп. 2, д. 2766.

убийств особо ненавистных эксплуататоров). С этой же точки зрения они анализировали статистику государственных преступлений в России, уделяя особое внимание обвинениям против крестьян. Крестьянские преступления против властей и собственности народовольцы прямо рассматривали как одну из форм социального протеста⁷³.

Новый подход к проблеме народного движения отразился и в программе «Народной воли». В выпущенной в ноябре 1880 г. «Программе рабочих, членов партии „Народная воля“» в отличие, например, от «Программы ИК» (1879 г.) самым определенным образом говорится об опасности для правительства «общего бунта», «возмущения не только в городе, но и в деревне». Здесь утверждается, что партия должна собирать силы не только в обществе, но и в народе, в крестьянстве, устраивая «крестьянские союзы», чтобы тем самым облегчить народу возможность подняться и «произвести повсеместный переворот»⁷⁴. «Программа рабочих, членов партии „Народная воля“» проникнута идеей совместного выступления рабочих и крестьян в готовящейся революции. Это отличает ее от ранних программных документов «Народной воли». Для понимания определяющего влияния на нее революционной ситуации особенно интересно ее расхождение с «Подготовительной работой партии» (начало 1880 г.), так как в создании этих двух документов главная роль принадлежит одному и тому же лицу — А. И. Желябову. Думается, что не случайно в уставном документе «Народной воли» «Общие начала организации» (не ранее второй половины 1880 г.) в разделе о местных центральных группах появилось примечание о

⁷³ «Литература партии „Народная воля“», стр. 100—101, 109—112. О постоянном наблюдении революционеров за настроением и поведением крестьянства в этот период говорит ряд документов. У Н. И. Кибальчича при обыске найдена рукопись со сведениями о крестьянах — государственных преступниках, где особо отмечены так называемые преступления «против его императорского величества» (ЦГАОР СССР, ф. 112, оп. 1, д. 526). У А. Буланова при аресте был изъят конверт со вложенными вырезками на тему: «Случаи крестьянских бунтов, сопротивления властям» (там же, д. 537): Заметки о беглых и бродягах из крестьян обнаружены у арестованного Ю. Богдановича (там же).

⁷⁴ «Литература партии „Народная воля“», стр. 312—313.

«самостоятельно возникшем инсurreкционном движении в данной местности», в котором группа «может принять участие на свой страх и риск»⁷⁵. Подобного пункта нет ни в предшествующих этому документу договорах Исполнительного Комитета с местными группами⁷⁶, ни в более позднем по происхождению «Уставе местной центральной группы»⁷⁷ (начало 1881 г.).

В возросшей активности масс народолюбцы увидели определенную возможность работы в народе, на отсутствие которой они прежде жаловались. «Беспримерные бедствия нынешнего года в Южной и Юго-восточной России расширяют область обязательного воздействия на народ в десять раз»⁷⁸, — писала «Народная воля» в декабре 1880 г. Продолжая разрабатывать планы подготовки противоправительственного восстания, революционеры утверждали, что «сельское население при этом не может не приниматься в расчет». Успешный исход восстания прямо ставится в зависимость от участия народа. «Чем шире будет вестись пропаганда и агитация в селах, чем сильнее будет связь города с деревней, тем смелее может вестись борьба, тем надежнее будут народные завоевания»⁷⁹. Именно в конце 1880 г. делаются попытки разработать планы практической деятельности революционеров в деревне — попытки, впервые после раскола «Земли и воли» возобновленные народолюбцами в общепартийном масштабе. В наметках этого плана видно стремление учесть неудачный опыт «хождения в народ» и поставить работу в деревне в зависимость от главной задачи партии — политической борьбы с правительством. «В видах экономии сил и целесообразного их приложения деятельность в деревне не должна вестись разбросанно, как это было до сих пор». По соображениям народолюбцев, она должна сосредоточиться в районах крупных промышленных и административных центров, «как наиболее возможных очагов восстания»⁸⁰.

⁷⁵ «Четыре уставных документа „Народной воли“». — «Исторический архив», 1962, т. 3, стр. 136.

⁷⁶ «Архив „Земли и воли“ и „Народной воли“», стр. 115.

⁷⁷ «Устав местной центральной группы партии „Народная воля“». — «Былое», 1906, № 12, стр. 34.

⁷⁸ «Литература партии „Народная воля“», стр. 93.

⁷⁹ Там же, стр. 97.

⁸⁰ Там же.

Однако эта новая постановка вопроса о роли народных масс в революции, о необходимости для «Народной воли» активизировать деятельность в деревне осталась чисто теоретической. В этот период особого напряжения сил в единоборстве с самодержавием народовольцы не захотели и не смогли уделить какую-либо часть их для деятельности в народе. По свидетельству члена ИК А. П. Корба, план организации крестьянского восстания в голодном Поволжье был осенью 1880 г. предложен на обсуждение ИК А. И. Желябовым. Однако никто из членов ИК не согласился на отсрочку очередного покушения на царя, неизбежную в случае принятия плана, и он был отклонен⁸¹.

Но и не получив практического применения, новая постановка проблемы народного восстания была все же очень важным фактором в понимании программы и тактики народовольчества в период наивысшего развития революционной ситуации. Она показывает определенную тенденцию выйти за рамки борьбы заговорщической, террористической, расширить русло революционного движения, является свидетельством стремления «Народной воли» слить свою борьбу с борьбой масс. Между этим стремлением и путем, избранным народовольцами (политическим террором), существовало неразрешимое противоречие. Как писала в свое время ленинская «Искра», тяга «Народной воли» к народному движению, ожидание его не мешали «ее террору, в силу внутренней логики, присущей этому средству борьбы, быть на деле *отрицанием* всякого народного движения»⁸². Те изменения, которые произошли в программных документах под влиянием развития революционной ситуации, заставляют думать, что при объективных возможностях — наличии в стране широкого массового движения — неизбежно видоизменилась бы тактика народовольцев⁸³.

⁸¹ «Народовольцы», сб. III, М., 1931, стр. 17—20.

⁸² «Кое-что о терроре». — «Искра», вып. 1, Л. 1925, стр. 79.

⁸³ С этой точки зрения вызывает возражение та постановка вопроса о народовольчестве в период революционной ситуации, которая дается в упомянутой уже работе М. И. Хейфеца. Историк предъявляет «Народной воле» обвинение в том, что она не опиралась на рабочий класс, не была связана с массой крестьянства, сосредоточилась на терроре. Он упрекает народовольцев в том, что они «не смогли на основе научной оценки обстановки выработать революционную программу и тактику, опирающиеся на массовое

Однако значительной активности масс в смысле готовности их к самостоятельному историческому действию не было даже в самый разгар революционной ситуации. «Нежелание низов жить по-старому», растущее их недовольство, усиление активности свидетельствовали скорее о потенциальной революционной энергии. Второй революционный кризис в России протекал в эпоху, когда крестьянские массы еще спали глубоким сном, а в рабочем классе не было «ни широкого движения, ни твердой организации»⁸⁴. Все это объясняет, почему народовольцы, даже отмечая благоприятные условия для народного восстания, слабо верили в способность крестьянства к революционной самостоятельности. «В самом народе нет такой силы, которая взяла бы на себя инициативу движения»⁸⁵,— утверждали народовольцы в 1880 г.— в период наивысшего развития революционной ситуации. Такой инициативной силой, по убеждению большинства революционеров, должна была стать их партия, которая своим выступлением против самодержавия, политическим переворотом, захватом власти открыла бы дорогу и народному движению. «Партия должна взять на себя почин самого переворота, а не дожидаться момента, когда народ будет в состоянии обойтись без нее»⁸⁶,— заявляла «Программа ИК».

В публицистике и программных документах 1880—1881 гг. еще более ясно отразилось стремление «Народной воли» во что бы то ни стало и как можно скорее реализовать созданные революционным кризисом в стране обстоятельства, выступить, не дожидаясь народного восстания, немедленно перейти к решительным действиям. «Всё ли будем теревить социалистические теории да готовиться к чему-то или, покорные воплю го-

движение и способствующие его организации и развитию», в том, что «Народная воля» не могла возглавить растущее и усиливавшееся стихийное движение угнетенных классов и превратить его в единый и организованный революционный натиск» (М. И. Хейфец. Указ. соч., стр. 66, 228 и др.). И все это говорится без какой-либо попытки раскрыть объективные причины тактики народовольцев, действовавших при отсутствии условий для восстания.

⁸⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 5, стр. 44.

⁸⁵ «Литература партии „Народная воля“», стр. 106.

⁸⁶ Там же, стр. 51.

лодного, кликнем: „действовать нужно, как подобает истинному народному революционеру“?» — читаем в передовой четвертого номера «Народной воли» (декабрь 1880 г.)⁸⁷. Этот призыв перекликается по своему смыслу с известным положением П. Н. Ткачева о том, что революционер не подготавливает, а «делает» революцию⁸⁸.

К безотлагательному политическому перевороту народолюбцев толкал и страх перед развитием капитализма в стране, стремление приостановить, задержать его. Революционеры верили, что государственный переворот в пользу народа положит конец существованию еще слабой и неформившейся русской буржуазии, что она «так же сойдет со сцены, как сошло дворянство, потому что она в сущности создается тем же государством»⁸⁹. «Теперь время для этого еще не упущено», — писалось в одной из первых статей «Народной воли», — но если бы мы, пренебрегая политической деятельностью, допустили существование современного государства еще на несколько поколений, то это, очень вероятно, затормозило бы народное дело на целые столетия...»⁹⁰ «Теперь или никогда» — так в связи с этим ставили народолюбцы вопрос о политической и социальной революции, повторяя тем самым дилемму Ткачева⁹¹. В условиях революционного кризиса эта дилемма приобрела самое категорическое звучание — осуществление переворота мыслилось в ближайшие два-три года. В своей публицистике и прокламациях (1880—1881 гг.) народолюбцы прямо заявляли, что существующее положение не может долго длиться. «Россия, истомленная голодом, измученная самоуправством администрации, постоянно теряющая силы сынов своих на виселицах, на каторге, в ссылке, в томительном бездействии, вынужденном существующим режимом, Россия не может жить так далее»⁹². В своих показаниях Н. Рысаков ссылался на

⁸⁷ Там же, стр. 92.

⁸⁸ «Набат». Программа журнала.— П. Н. Ткачев. Соч., т. III. М., 1933, стр. 221.

⁸⁹ «Литература партии „Народная воля“», стр. 23.

⁹⁰ Там же, стр. 24—25.

⁹¹ «Набат». Программа журнала.— П. Н. Ткачев. Соч., т. III, стр. 219—220.

⁹² «Литература партии „Народная воля“». Париж, 1905, стр. 898.

сообщение А. И. Желябова о том, что партия надеялась на восстание не позже 1881 г. Указывая на исключительность этого года — голод, падеж скота и т. д., Желябов будто бы говорил, что «упустить подобный год было бы для партии непростительной глупостью, не сделав всего возможного от нее ведущего к восстанию, что среди рабочих и студентов проводится мысль о баррикадах»⁹³. Про обсуждение в ИК вопросов о конкретном сроке восстания (в феврале 1881 г.) рассказывает В. Н. Фигнер⁹⁴. Благоприятным, или, по выражению Желябова, «удобным» моментом для политического переворота народовольцы считали такое время, когда «сами обстоятельства значительно облегчают задачу заговорщиков». К таким обстоятельствам они относили «народный бунт, неудачную войну, государственное банкротство, разные усложнения европейской политики»⁹⁵. Однако революционеры допускали возможность выступить и при отсутствии этих «экстраординарных случайностей». Более того, революционеры верили в возможность самим создать условия для восстания: «партия должна иметь силы создать сама себе благоприятный момент действий, начать дело и довести его до конца»⁹⁶. Такой постановкой вопроса «Народная воля» фактически отрицала объективный характер условий для политического переворота. Создать условия для победоносного восстания против самодержавия, в понимании народовольцев, значило дезорганизовать правительство террором, обеспечить поддержку революционерам всех слоев населения, укрепить и усилить революционную организацию. Рамки статьи не дают возможности рассмотреть обстоятельно этот широкий план подготовки восстания. Поэтому здесь остановимся лишь на некоторых его от-

⁹³ «Из показаний Н. И. Рысакова». — «Красный архив», 1926, т. 6, стр. 188.

⁹⁴ Вера Фигнер. Указ. соч., т. 1, стр. 260—261.

⁹⁵ «Литература партии „Народная воля“», стр. 305. Цитируя эти строки в своей статье, С. С. Волк делает заключение, что здесь народовольцы «подошли к фактическому признанию необходимости революционной ситуации» (С. С. Волк. Указ. соч., стр. 431). На мой взгляд, строки эти — свидетельство как раз того, как народовольцы были далеки от такого признания. Ведь речь идет об условиях благоприятных, но необязательных для восстания.

⁹⁶ «Литература партии „Народная воля“», стр. 305.

дельных чертах с точки зрения проведения их в жизнь в обстановке революционной ситуации и изменений, которым они подверглись под ее воздействием.

Народовольцы подчеркивали необходимость при подготовке восстания учитывать совокупность, взаимозависимость этих условий⁹⁷. На практике, однако, им не удалось добиться сколько-нибудь устойчивого равновесия между этими различными сторонами своей деятельности. С развитием и обострением политической борьбы, с углублением революционного кризиса в стране все большее значение начинает приобретать террор. «Программа ИК» еще не отводила террору как форме политической борьбы главного места в арсенале средств политической борьбы. Многие в понимании ею террора близко землевольческой программе⁹⁸. Арестованные в декабре 1879 г. члены ИК А. А. Квятковский и С. Г. Ширяев, принимавшие участие в обсуждении «Программы ИК», объясняли на суде (в октябре 1880 г.), что террор не есть средство борьбы «Народной воли» с существующим строем, а лишь орудие самозащиты, и что он занимает незначительное место в ее деятельности⁹⁹.

«Народная воля» поспешила опровергнуть это утверждение в своем органе, заявив (в декабре 1880 г.), что революционеры характеризовали на суде задачу террора, как она ставилась в 1879 г. Будучи оторваны от жизни тюрьмой, они не имели возможности «взвесить и оценить всех последствий активной борьбы партии

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ В «Программе ИК» говорится о терроре и как об орудии мести и самозащиты партии: «уничтожение наиболее вредных лиц правительства», защита партии от шпионства, наказание наиболее выдающихся случаев насилия и произвола со стороны правительства, администрации и т. п. («Программа Исполнительного Комитета» — «Литература партии „Народная воля“», стр. 51; ср. с программой «Земли и воли». — «Архив „Земли и воли“ и „Народной воли“», стр. 62). Думается, что неправ С. С. Волк в утверждении, что «„Программа ИК“, без сомнения, отразила положение партии осенью 1879 г., когда террор занял ведущее место в деятельности „Народной воли“, превратившись в универсальное средство агитации и борьбы» (С. С. Волк. Указ. соч., стр. 410). В противоречии с этим находится его заключение на стр. 470, представляющееся единственно верным, о том, что в «Программе ИК» террор отнюдь не занимал того заметного места, которое он занял в практической деятельности партии.

⁹⁹ «Литература партии „Народная воля“», стр. 97.

с правительством», «наблюдать за ростом партии и действием террора на сознание народных масс»¹⁰⁰.

Террор, идейные корни которого лежали в самой идеологии народничества с ее верой в готовность народа к социалистической революции, в обстановке революционной ситуации при остром кризисе «верхов» и слабости массового движения, казался наиболее действенным средством борьбы. Прав был Л. А. Тихомиров, когда впоследствии определил народовольческий террор начала 80-х годов как попытку «начать революцию с наличными средствами»¹⁰¹.

Превращению террора в основной способ борьбы «Народной воли» с самодержавием способствовала и сама его внутренняя логика развития. Фактически террор был отрицанием всяких иных форм борьбы, надежды на его успех молчаливо предполагали ненужность остальных видов политической борьбы, участия в ней масс.

Террор требовал столько сил и средств, что в тех условиях он мог развиваться успешно лишь за счет остальных сторон деятельности. И чем больше сил и средств отдавали ему революционеры, тем больше надежд связывали с ним. Террор мыслился не только как могучее средство дезорганизации государственной машины, но и как способ революционной агитации, целью которой было подорвать влияние правительственной власти, давать непрерывные доказательства возможности борьбы с ней, поднимать дух народа и веру в успех дела. Наконец, — и этому назначению террора в процессе подготовки восстания уделялось все больше внимания — он должен был «формировать годные и привычные к бою силы»¹⁰². Вместо старого согласования частей широкого и сложного плана подготовки к восстанию, который предусматривался ранними программными документами, народовольцы все больше втягивались в террор¹⁰³.

¹⁰⁰ «Литература партии „Народная воля“», стр. 97.

¹⁰¹ «Воспоминания Льва Тихомирова». М.—Л., 1927, стр. 104.

¹⁰² «Литература партии „Народная воля“», стр. 51.

¹⁰³ Вызывает возражение и высказанный в статье С. С. Волка взгляд, что вера в террор народовольцев уже к осени 1880 г. «была несколько поколеблена» и их охватили «серьезные сомнения» в его целесообразности (С. С. Волк. Указ. соч., стр. 435).

Одно за другим совершают народовольцы покушения на царя¹⁰⁴.

Народовольческий террор сыграл несомненную роль в углублении революционной ситуации, в частности кризиса «верхов». По словам В. И. Ленина, террор «Народной воли» действительно устрашал¹⁰⁵, нанес удары¹⁰⁶, заставил самодержавие «пойти на уступки»¹⁰⁷. Однако непригодность террора как способа общественной борьбы особенно ярко доказана именно народовольческим террором периода революционной ситуации. Даже обстановка революционного кризиса не смогла сделать плодотворным это средство борьбы. По мере обострения борьбы русло ее не расширялось. Истощение революционных сил шло неизмеримо быстрее их пополнения. Все это привело к тому, что в стране не оказалось силы, которая могла бы использовать обстановку революционной ситуации.

Важнейшим вопросом подготовки восстания был для «Народной воли» вопрос о его движущих силах. Конкретное решение он получал в ходе борьбы, в ходе развития революционного кризиса в стране. После выхода «Программы ИК» и трех первых номеров ее органа многим ее современникам еще неясным казалось это решение. В первом номере своего органа чернопередельцы

¹⁰⁴ Под Александровском — 18 ноября 1879 г. (организаторы и основные участники — члены ИК А. И. Желябов, А. В. Якимов, Г. П. Исаев, агенты ИК Н. И. Кибальчич, рабочие М. В. Тетерка, И. Ф. Окладский, Я. Т. Тихонов); в Москве на Московско-Курской железной дороге — 19 ноября 1879 г. (организаторы и участники — члены ИК А. Д. Михайлов, С. Л. Перовская, Г. П. Исаев, Н. А. Морозов, С. Г. Ширяев, А. Н. Баранников, агенты ИК Л. Н. Гартман, А. Б. Арончик, Г. Ф. Чернявская, Г. Д. Гольденберг); в С.-Петербурге в Зимнем Дворце — 5 февраля 1880 г. (организаторы — члены ИК А. А. Квятковский, А. Д. Михайлов, А. И. Желябов, исполнитель — агент ИК С. Н. Халтурин). С целью царубийства производились приготовления, которые по различным обстоятельствам не были доведены до конца, — в Одессе в октябре — ноябре 1879 г., в Одессе весной 1880 г., в С.-Петербурге летом 1880 г. (закладка мин под Каменным мостом), в С.-Петербурге в феврале 1881 г. (закладка мин при подкопе на Малой Садовой, на пути обычного маршрута царя), наконец, кульминационный пункт борьбы «Народной воли» — исполнение смертного приговора над императором Александром II 1 марта 1881 г.

¹⁰⁵ См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 173.

¹⁰⁶ См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 4, стр. 267.

¹⁰⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 5, стр. 39.

спрашивали своих идейных противников — революционеров «Народной воли»: «Скажите, каким образом вы думаете осуществить политический переворот в России? Думаете ли опереться на какие-либо сословия или же на собственные силы?» По убеждению «Черного передела», «кроме заговора — дворцового или военного — других путей для осуществления политического переворота... в настоящее время нет»¹⁰⁸.

У народовольцев на это был свой, специфически «народовольческий» взгляд. Думая о восстании, они рассчитывали прежде всего на свои силы — силы центральной и местных народовольческих организаций, а также специальных (рабочих, студенческих, военных) групп и кружков. Именно организация «Народная воля» призвана была начать восстание и довести его до конца.

Большое значение придавала «Народная воля» участию в восстании самых широких слоев населения — рабочих, военных, студенчества. Все они призваны были поддержать восстание, обеспечить ему победу. С середины 1880 г., как уже говорилось, у народовольцев прибавилась надежда, что восстание городских рабочих «может подать сигнал к бунту миллионов голодного крестьянства»¹⁰⁹. Для того чтобы низвергнуть правительство, писала «Народная воля», революционерам «необходима общая активная поддержка и обильный приток сил, необходимо движение общее...»¹¹⁰. Это убеждение при всей его непоследовательности особенно ярко выражено народовольцами в тот период их борьбы, который совпал с наивысшим развитием революционной ситуации. Программные документы — «Подготовительная работа партии» и особенно «Программа рабочих, членов партии „Народная воля“» и «Устав рабочих дружин», — относящиеся ко второй половине 1880 г., содержат идею массового вооруженного восстания¹¹¹.

Именно так понимают политический переворот и отдельные члены организации «Народной воли». Так, С. Л. Перовская, по свидетельству народовольцев, утверждала, что «без широкого участия рабочих и без под-

¹⁰⁸ «Черный передел», стр. 132.

¹⁰⁹ «Литература партии „Народная воля“», стр. 109.

¹¹⁰ Там же, стр. 47.

¹¹¹ Там же, стр. 305; «Исторический архив», 1962, т. 3, стр. 136.

держки войска переворот немислим»¹¹². Арестованный в конце 1880 г. агент ИК Н. В. Клеточников показал на следствии, со слов А. Д. Михайлова и А. Н. Баранникова, что цель народовольцев заключалась в том, чтобы «выставить против правительства тесную, сплоченную и воодушевленную одной идеей огромную массу народа с вожаками, знающими до мелких подробностей, что надо делать в день революции и после...»¹¹³

Особую роль в восстании народовольцы отводили рабочим. В этом нельзя не видеть результата эволюции народнических взглядов под влиянием революционной практики. Уже с самого возникновения революционной ситуации народники «вопреки теории», по выражению Г. В. Плеханова, начинают уделять все большее внимание рабочим. Рабочее движение — один из важных факторов революционной ситуации — само обратило на себя их внимание, заставив по-новому поставить вопрос о роли рабочих в будущей революции. Эту роль народовольцы выделяют как «особо важную». Из своих наблюдений за современными событиями народовольцы делают вывод, что, «судя по большей развитости и подвижности городского населения, судя, наконец, по тому, что деятельность партии должна дать бóльшие результаты в количественном и качественном отношении в городе, нежели в деревне, нужно думать, что не деревня, а город даст первый лозунг восстания»¹¹⁴. Однако, думается, не правы те исследователи, которые считают, что народовольцы смотрели на рабочих «как на главную ударную силу революции»¹¹⁵. Что касается социалистической революции, то «Народная воля» учила рабочих, что «главная народная сила не в них, а в крестьянстве»¹¹⁶. В политическом же перевороте главная роль отводилась самой партии. Тот план восстания, который существовал в народовольческих программных документах, подтверждает это. После того как партия сделает все, чтобы создать себе условия для восстания, она должна начать это восстание — выделить из себя «боевой союз», кото-

¹¹² «К биографии А. И. Желябова и С. Л. Перовской». — «Былое», 1906, № 8, стр. 127.

¹¹³ ЦГАОР СССР, ф. 112, оп. 1, д. 505, л. 344.

¹¹⁴ «Литература партии „Народная воля“», стр. 109.

¹¹⁵ С. С. Волк. Указ. соч., стр. 445.

¹¹⁶ «Литература партии „Народная воля“», стр. 312.

рый нападет на правительство, расстроит его и приведет в замешательство. Таким сигналом к восстанию должно было служить царевубийство. Этим успешным террористическим актом революционеры должны были побудить к возмущению городских рабочих и, возможно, деревню. Чтобы обеспечить сразу же успешный ход восстанию, партия должна была закрыть фабрики и заводы, двинуть на улицу массы рабочих «с сочувственным отношением к восстанию»¹¹⁷. Отдельные выступления сельского и городского населения на местах «Народная воля» должна была возглавить, слить в единое движение и направить против правительства.

Такой план восстания, отводивший народу, рабочим роль второстепенную, вспомогательную, имел в виду готовность к выступлению прежде всего самой партии. Обсуждения вопроса о возможности восстания, проводившиеся в начале 1881 г., по свидетельству В. Н. Фигнер, были обсуждениями вопроса о наличных силах партии¹¹⁸. И даже при том понимании ее роли, какое существовало у народовольцев, силы эти не могли внушить твердой уверенности в успехе переворота. Однако в обстановке революционного кризиса он все же мог казаться реальным.

В связи с вопросом о подготовке к политическому перевороту, о расстановке сил в политической борьбе в период революционной ситуации стоит проблема отношения народовольчества к либеральному движению. Для семидесятников было характерно резко отрицательное отношение к либерализму, в котором они видели враждебное народу течение, буржуазное по своему характеру. Постановка «Народной волей» задач политической борьбы должна была вызвать и новый взгляд на либералов. Уже «Программа ИК» обращала внимание революционеров на необходимость приобретать «влиятельное положение и связи в обществе». Оживление земского и либерального движения заставило еще более серьезно отнестись к этому вопросу. В «Подготовительной работе партии» имеются уже более конкретные указания по этому поводу. «В отношении к либералам следует, не скрывая своего радикализма (т. е. социалистической и рево-

¹¹⁷ «Литература партии „Народная воля“», стр. 307.

¹¹⁸ Вера Фигнер. Указ. соч., т. 1, стр. 260—261.

люционной программы.— Примечание редакции «Календаря „Народной воли“ за 1883 г.» — В. Т.) указывать на то, что при современной постановке партийных задач интересы наши и их заставляют совместно действовать против правительства». Местным группам предписывалось по возможности сходиться с местными либералами и конституционалистами¹¹⁹. Так же ставит вопрос о союзе с либералами и «Программа рабочих, членов партии „Народная воля“», подчеркивая его относительный и временный характер. «Народная воля» в своей политической борьбе стремилась использовать либералов как временных союзников¹²⁰. При этом, по свидетельству члена ИК М. Н. Ошаниной, «от либералов никогда не ждали самостоятельных действий, придавали им значение постольку, поскольку они являлись пособниками, сочувствующими, ... всегда думали на них *воздействовать*, а не входить с ними в те или иные соглашения»¹²¹.

Однако даже такие весьма ограниченные планы использования либералов в борьбе против самодержавия оказалось невозможным осуществить на практике. Революционная ситуация крайне обнажила и заострила классовые и социально-политические противоречия, сделав более явной сущность отдельных течений и группировок в общественной жизни страны. С этой точки зрения вторая революционная ситуация еще более способствовала размежеванию революционного народничества в лице «Народной воли» с либерализмом. В период революционного кризиса революционерам пришлось окончательно утвердиться в характеристике либерализма — идеологии русской буржуазии — как течения ничтожного, трусливого, индифферентного к общественным задачам¹²².

В то время как «Народная воля» напрягала все свои силы в единоборстве с самодержавием, либералы предали интересы русского освободительного движения, отказав революционерам в поддержке и проявив неспособность оказать самостоятельное давление на правительство. «Русское общество, — чем оно себя заявило? —

¹¹⁹ «Литература партии „Народная воля“», стр. 307.

¹²⁰ Там же, стр. 311.

¹²¹ М. Н. Полонская. Показания.— «Былое», 1907, № 6, стр. 8.

¹²² «Литература партии „Народная воля“», стр. 130.

спрашивали в разгар революционного кризиса народо-вольцы. — Своею дряблостью, пассивностью оно вычеркнуло себя из ряда борющихся общественных сил»¹²³.

* * *

Явившись одним из факторов революционной ситуации, «Народная воля» в свою очередь испытывала на себе ее воздействие, сказавшееся на эволюции программных взглядов и тактики революционеров. Понятие революционной ситуации как совокупности условий, без которых невозможна революция, народовольцам не было доступно. Они увидели отдельные признаки предреволюционной обстановки — кризис «верхов», резкое ухудшение положения масс, вызывавшее усиление их недовольства и рост активности. Однако в сознании революционеров эти социально-экономические и политические факторы не объединялись в тот комплекс закономерностей, который создает единственную возможность для революции в стране. Каждый из элементов революционного кризиса народовольцы воспринимали вне его взаимной связи с другими, как условие, само по себе благоприятное для подготовляемого политического переворота, облегчающее его, но не обязательное. Решающим же условием для революционного выступления мыслилась всесторонняя готовность к нему самой организации «Народной воли».

В программе и тактике «Народной воли» того периода (1879—1881 гг.) отразилось стремление революционеров опереться на реальные условия в стране, учесть их, сообразоваться с ними. Особенно характерны в этом смысле программные документы второй половины 1880 г. — «Программа рабочих, членов партии „Народная воля“», «Устав рабочих дружин», передовые статьи четвертого и пятого номеров органа «Народной воли». Однако определяющим для общепартийной линии оказался все же не столько объективный анализ реальной обстановки, сколько произвольное истолкование ее в соответствии со своими стремлениями, пожеланиями, планами.

¹²³ «Литература партии „Народная воля“», стр. 91.

Программные и идеологические устои «Народной воли» — ее вера в готовность народа к социалистической революции, в возможность совершить одновременно не только политический, но и социалистический переворот, чрезвычайное преувеличение ею субъективного фактора — роли партии, революционного меньшинства — вступали в непримиримые противоречия с наблюдениями над действительностью, зачастую правильными и точными, подчиняли их себе.

Выдвинув лозунг восстания, народовольцы не имели за собой материальной силы. Несмотря на революционный кризис, в стране не было всенародного подъема, и «Народная воля» опиралась в своей подготовке восстания на заговор. Революционеры считали свою партию главной силой восстания, способной победить сопротивление правительства, сломить его, захватить власть и увлечь тем самым за собой народ. Однако сделать этого «Народная воля» не смогла. Вторая революционная ситуация не переросла в революцию. Волна революционного движения, на гребне которой были народовольцы, оказалась отбитой правительством. У «полководцев революции», по меткому выражению одной из ранних социал-демократических листовок о «Народной воле», не было армии, и они потерпели поражение¹²⁴. Но значение иных поражений в истории освободительного движения очень велико. Опыт борьбы «Народной воли» в период революционной ситуации имел большое значение для дальнейшего развития русского революционного движения. И его имел в виду В. И. Ленин, определяя закономерности развития революционной ситуации, когда противопоставлял органическое перерастание революционного кризиса в восстание искусственному переходу к нему, выдуманному горсткой интеллигентов¹²⁵.

¹²⁴ «Листовка Тверского комитета РСДРП». — Библ. ИМ. ЦЛ—123
1964. III.

¹²⁵ См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 11, стр. 364.

С. Л. Эвенчик

ИЗ ИСТОРИИ НАРОДОВОЛЬЧЕСКОЙ
ПРОПАГАНДЫ СРЕДИ КРЕСТЬЯНСТВА
ПОСЛЕ 1 МАРТА 1881 г.

Революционная деятельность народовольцев 70-х годов освещалась за последние годы в ряде работ советских историков¹. Между тем революционное народовольческое движение 80-х годов по-прежнему остается слабо исследованной областью исторической науки. В до-революционных исследованиях В. Я. Богучарского² лишь поверхностно затронуты некоторые факты террористической деятельности народовольцев после 1 марта и в весьма общем виде с либеральных позиций освещаются отдельные стороны народовольческой пропаганды среди военных и рабочих. В. О. Левицкий (В. Цедербаум)³ отводит «Народной воле» послемартовского периода всего лишь несколько страниц, касаясь главным образом факторов разгрома «Народной воли» после 1 марта 1881 г. В советской литературе последнего времени к революционному движению 80-х годов часто относят только марксистское социал-демократическое движение, народовольчество же 80-х годов рассматривается в основном в одном ряду с либеральным народничеством⁴. Ошибоч-

¹ Ш. М. Левин. Общественное движение в России в 60—70-е годы XIX века, гл. III. М., 1958; В. А. Твардовская. Организационные основы «Народной воли». — «Исторические записки», 1960, т. 67; А. Я. Черняк. Николай Кибальчич — революционер и ученый. М., 1960; А. В. Клеянкин. Андрей Желябов — герой «Народной воли». М., 1959; В. В. Широкова. К вопросу об оценке деятельности «Народной воли». — «Вопросы истории», 1959, № 8.

² В. Я. Богучарский. Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х годах XIX в. М., 1912.

³ В. Левицкий (В. О. Цедербаум). Партия «Народная воля». Возникновение. Борьба. Гибель. М.—Л., 1928.

⁴ «История СССР», т. II, гл. IX; М. И. Хейфец. Вторая революционная ситуация в России. — «Вопросы истории», 1962, № 2. Исключением является книга Ю. З. Полевого, где признается влия-

ность такой точки зрения уже отмечалась в нашей печати⁵. Такой подход к общественному движению 80-х годов страдает, как нам кажется, известным схематизмом и упрощенным представлением о процессе перерождения революционного народничества в буржуазное реформаторство, механически связывающим расслоение пореформенной деревни с вырождением народничества.

Преобразующее действие капитализма в сельском хозяйстве тормозилось сильными остатками крепостничества, и потому процесс этот в России был чрезвычайно замедленным. В. И. Ленин отмечал, что даже к концу XIX в. новая социальная противоположность в деревне находилась «в зачаточном, придавленном состоянии»⁶.

Более того, спустя несколько лет после русской буржуазно-демократической революции В. И. Ленин писал: «...остатки крепостничества в деревне оказались гораздо сильнее, чем мы думали, они вызвали общенациональное движение крестьянства, они сделали из *этого* движения оселок всей буржуазной революции»⁷. Этим же объяснялась живучесть утопической народнической идеологии в пореформенной капиталистической России. В. И. Ленин видел сущность народничества «...в протесте против крепостничества (стародворянское наслоение) и буржуазности (новомещанское) в России с точки зрения крестьянина, мелкого производителя»⁸. Всякий мелкий товаропроизводитель, покрывающий свои расходы самостоятельным хозяйством, при господстве капиталистических общественных отношений в стране — это мелкий сельский буржуа, который «...соединяется рядом переходных ступеней с парцелльным „крестьянином“ и с сельским пролетарием, наделенным кусочком земли. Это обстоятельство,— писал В. И. Ленин,— является одною из причин

ние народовольчества на революционную среду в 80-х годах XIX в. (Ю. З. Полевой. Зарождение марксизма в России 1883—1894 гг. М., 1959, стр. 123, 201, 205 и др.).

⁵ См. рецензию П. Г. Рындзюнского на кн.: «История Ленинграда», т. II.— «Вопросы истории», 1958, № 4; Р. В. Филиппов. В. И. Ленин о письме Исполнительного Комитета «Народной воли» от 10 марта 1881 г.— Сб. «Вопросы истории», вып. I. Петрозаводск, 1961, стр. 3—12.

⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 355.

⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 16, стр. 269.

⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 355.

живучести тех теорий, которые не различают в „крестьянстве“ сельской буржуазии и сельского пролетариата»⁹.

Народовольцы 80-х годов, как и их предшественники, усматривали причину угнетенного положения крестьянина не в общественной организации самого крестьянского хозяйства, а в политике правительства, помогающего богатому. Поэтому в революционной народовольческой среде и после 1 марта сохранялась вера в общинный социализм, в возможность миновать капитализм посредством немедленной социальной революции. Не сразу стало ясно, что силы «Народной воли» исчерпаны, что попытки развернуть пропагандистскую деятельность и закрепить ее результаты эфемерны. Лишь в результате дальнейших неудач революционной практики, а затем и под воздействием марксистской критики (прежде всего работ Плеханова) влияние народовольческих идей и вера в их осуществимость постепенно падали.

Попытки народовольцев развернуть пропагандистскую деятельность были малоэффективны — пропагандисты в большинстве своем погибали раньше, чем могли подвести итог своей деятельности и сделать из него реальные выводы. Однако неуспех революционной деятельности народовольцев не дает нам права сбрасывать ее со счетов. Уместно вспомнить, как резко критиковал В. И. Ленин либерального народника Кривенко, стремившегося затушевать разницу между либеральной и революционной деятельностью народников на основании неуспеха последней. «Ведь это же все равно, — писал он, — как если бы кто-нибудь стал сравнивать неуспех деятельности лица, старавшегося разрушить данную постройку, с успехом деятельности того, кто хотел ее укрепить!»¹⁰

Высоко ценя революционные традиции демократической борьбы¹¹ (от которых по мере экономической эволюции страны и роста рабочего класса отrekliсь те народники, которые чурались революционного подполья), В. И. Ленин отмечал наличие демократической тенденции и в народничестве 80-х годов XIX в. Он указывал, что две исторические тенденции, наметившиеся в народ-

⁹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 308.

¹⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 288.

¹¹ См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 22, стр. 120—121.

ничестве в эпоху реформы 1861 г., расходились на протяжении всего пореформенного периода, служили отражением вопроса о двух путях и были обусловлены двумя тенденциями капиталистического развития России¹².

В настоящей статье на основе материалов, извлеченных из архивов, а также прокламаций «Народной воли», народовольческой журналистики и мемуарной литературы делается попытка охарактеризовать важнейшие факты революционной народовольческой пропаганды среди крестьянства после 1 марта.

В своих первых прокламациях, выпущенных после 1 марта, народовольцы уделяли наибольшее внимание вопросу о популяризации самой партии, осуществившей царубийство, возлагая при этом большие надежды на дальнейший подъем революционного движения в стране и воздействие его на правительственную политику. Идея царубийства органически вытекала из программы народовольцев, рассматривавших политическую борьбу как заговор партии, поддерживаемый народом. Воодушевленные идеями самобытности России, видя в общине «еще живыми, хотя всячески подавляемыми, его старые традиционные принципы: право народа на землю, общинное и местное самоуправление, зачатки федеративного устройства, свободы совести и слова»¹³, народовольцы придавали новой государственной власти решающее значение в деле развития этих принципов¹⁴. Не исключая возможности политического переворота «как результат самостоятельной революции»¹⁵, Исполнительный Комитет «Народной воли» из-за слабости революционного движения в результате подавленности народа существующей государственной властью признал необходимым «взять на себя почин самого переворота»¹⁶. Местные народовольческие кружки в короткий домартовский период своего существования отмечали неудачу деятельности в крестьянстве¹⁷.

¹² См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 20, стр. 166, 176.

¹³ «Программа Исполнительного Комитета». — «Литература партии „Народная воля“». М., 1930, стр. 50.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, стр. 51.

¹⁶ Там же.

¹⁷ В. А. Твардовская. Указ. соч.

На деле, таким образом, народовольцы признали единственной формой переворота заговор партии. Главную свою задачу по отношению к народу они видели в том, чтобы подготовить его «содействие перевороту» и обеспечить условия для его успешной борьбы на выборах после переворота с целью проведения «чисто народных депутатов»¹⁸. Как справедливо указывал Плеханов, народовольцы были убеждены, что в составе Учредительного собрания «90% депутатов явятся сторонниками социальной революции»¹⁹. Исходя из такого понимания политической борьбы, они сформулировали в своих программных документах следующие задачи пропагандистской деятельности: популяризацию идей политического переворота, популяризацию программы партии, приобретение «влиятельного положения и связей в администрации, войске, обществе и народе», приобретение «влиятельных сторонников и в выдающейся части крестьянства». Пропагандисты прежде всего стремились «поддерживать в народе репутацию партии»²⁰. Этой же цели должна была служить и террористическая деятельность. В ней народовольцы видели средство «подорвать обаяние правительственной силы, давать непрерывное доказательство возможности борьбы против правительства, поднимать таким образом революционный дух народа и веру в успех дела...»²¹

Задачи революционной деятельности среди крестьянства были изложены и в литературе партии «Народная воля». В декабре 1880 г. в газете «Народная воля» заявлялось: «Чем шире будет вестись пропаганда и агитация в селах, чем сильнее будет связь города с деревней, тем смелее может вестись борьба». Признавалось важным проводить «подготовительную работу» в сельских местностях, расположенных в районах крупных промышленных и административных центров, «как наиболее возможных очагов восстания»²². Вместе с тем обосновывалась необходимость «в видах экономии сил и целесообразного их приложения» организовать работу в деревне не разбросанно, как это было до сих пор, а так, чтобы

¹⁸ «Литература партии „Народная воля“», стр. 51.

¹⁹ Г. В. Плеханов. Соч., т. II, стр. 42.

²⁰ «Литература партии „Народная воля“», стр. 51.

²¹ Там же.

²² Там же, стр. 97.

«в момент сильного толчка, данного от города, восставшее сельское население могло его поддержать»²³.

За три недели до царевубийства Н. И. Кибальчич писал, что партия, «прочно укрепившись среди городского и фабричного населения и заняв удобные и многочисленные позиции в крестьянстве, может послужить тем ферментом, который необходим для возбуждения городского и деревенского движения». Он считал, что «первая удача в городе может подать сигнал к бунту миллионов голодного крестьянства»²⁴.

Таким образом, революционная деятельность в крестьянстве не отвергалась, но она крайне ограничивалась и подчинялась главной специфически народовольческой задаче — подготовке политического переворота путем заговора партии, поддерживаемого народом.

В. Н. Фигнер, отрицавшая органическую связь террористической деятельности «Народной воли» со всем духом ее программы, впоследствии писала, что террор привлекался только для того, чтобы предотвратить дальнейшее развитие реакции, «мешающей организационной работе», что стремление как можно скорее перейти к организационной работе было «единственной причиной, почему, лишь только Исполнительный Комитет сформировался как центр «Народной воли», он задумал одновременно предпринять в четырех местах покушение на жизнь Александра II»²⁵. Однако из ее же слов следует, что, перенося в домартовский период центр тяжести своей деятельности на подготовку царевубийства, народовольцы рассчитывали именно на то, что политическая катастрофа 1 марта, «низвергая императора, освободит живые силы народных масс, недовольных своим экономическим положением, а они придут в движение, и в то же время общество воспользуется благоприятным моментом и выявит свои политические требования»²⁶. Эти расчеты отчетливо видны и в прокламационных документах послемартовского периода. При этом политические требования в воззваниях «Народной воли» постепенно нарастают и уточняются. В первой прокламации, выпущенной от имени Исполнительного Комитета 1 марта,

²³ Там же.

²⁴ Там же, стр. 109.

²⁵ Вера Фигнер. Запечатленный труд, т. 1. М., 1964, стр. 207.

²⁶ Там же, стр. 345.

объявлялось, что цареубийство было предусмотрено постановлением революционной партии от 26 августа 1879 г. Оно характеризуется как акт мести за «человекоубийственное самоуправство» царя²⁷. В этой прокламации народ призывался к борьбе против деспотизма, чтобы вывести Россию «на путь свободного и самостоятельного развития».

Вторая прокламация «От рабочих, членов партии „Народная воля“», датированная 2 марта, хотя и была адресована «русскому рабочему люду», однако под «рабочим людом» в ней подразумевались общественные «низы», и ничего специфического, связанного с нуждами рабочего класса, прокламация не отражала.

Как и в первой прокламации, здесь мотивировалось цареубийство, разоблачалась грабительская политика царских слуг — урядников, станowych, полицейских, которые «разоряли и грабили народ, мучили и убивали крестьян, а царь за это награждал, а не наказывал их», — и отмечалось, что социалистов, которые стоят «за народ и за правду», царь «вешал и высылал на каторгу и в Сибирь». В этой прокламации конкретизированы и действия народа. В ней предлагалось предъявить новому царю следующие требования: «Пусть он призовет народных выборных от всех деревень, заводов, фабрик, пусть узнает мужицкое горе и нужду и, видя, царствует по правде. Пусть у него советниками в сенате будут народные выборные. Тогда царь даст мужику и землю, и подати уменьшит, и волю даст народу. Подавайте все прошения об этом из городов, из деревень...». В этих словах видны явный расчет на агитационное действие 1 марта, наивная вера в возможность широкого общественного подъема и решительное воздействие его на внутреннюю политику правительства. В заключение в прокламации содержался призыв действовать «смело», как Петр Алексеев, Пресняков, Ширяев и другие «социалисты из крестьян и мещан», которые «не убоялись никакой муки, ни каторги, ни самой смерти, стоя за правду», и внушалась мысль, что этой смелостью можно добиться, чтобы на русской земле не было «ни нищеты, ни слезного горя»²⁸.

Наконец, третья прокламация, вышедшая за под-

²⁷ «Первое марта 1881 г. Прокламации и воззвания, изданные после цареубийства». Пг., 1920, стр. 7.

²⁸ Там же, стр. 8.

писью «Комитет „Народной воли“», была озаглавлена «Честным мирянам, православным крестьянам и всему народу русскому. Объявление» и датирована тоже 2 марта 1881 г. В этой прокламации также давалась мотивировка цареубийства, но еще конкретнее был изложен план действий. Предлагалось посылать к царю ходяков с прошениями, выбирая при этом «надежных»; уточнялось содержание народных требований: новая нарезка земли без всякого выкупа, уменьшение податей, а в политической области — ограничение царя выборными «от деревень и от всего народа, чтобы царскими советниками были не господа, а крестьяне», без совета которых «царь ничего не делает — ни податей не назначает, ни ведет войны»²⁹.

Любопытно сравнить содержание требований этой прокламации с текстом чернового наброска «Манифеста от Исполнительного Комитета тайного общества „Народной воли“ к голодающему, обезземеленному, подавленному податями и налогами крестьянскому люду»³⁰, который был найден при обыске, произведенном в тайной типографии в Петербурге на Подольской улице. Здесь до мая 1881 г., т. е. до разгрома типографии, печатались все прокламации Исполнительного Комитета. Возможно, что этот черновой набросок являлся одним из вариантов прокламации к крестьянству. Некоторые требования, выдвинутые в опубликованной прокламации, совпадают с намеченными в черновом наброске «Манифеста». Однако в целом в последнем шире сформулированы требования по земельному вопросу: передел «всей земли поровну между всеми, кто ее обрабатывает своим, а не наемным трудом». Здесь же содержатся и требования созыва «Земского собора» «от крестьян и всех сословий», уничтожения постоянной армии и замены ее народным ополчением при выборности офицеров и командиров «самими ополченцами», выборности станowych и т. д. Исполнительный Комитет рекомендовал не верить «сладким речам» царских чиновников и брал на себя обязательство «неусыпно и зорко» следить за ходом крестьянских прошений и уведомлять крестьян «своевременно о ходе дел»³¹.

²⁹ Там же, стр. 9.

³⁰ «Неизданный „Манифест“ Исполнительного Комитета „Народной воли“». Публикация Р. М. Кантор. — «Красный архив», 1924, т. 7, стр. 247—249.

³¹ Там же.

Приведенные прокламации показывают, что Исполнительный Комитет «Народной воли» видел в цареубийстве акт, который обеспечит ему поддержку широких масс и явится толчком к подъему освободительной борьбы по стране в целом и, в частности, приведет в движение крестьянство. В «Письме Исполнительного Комитета Александру III» от 10 марта 1881 г. отношение народа к цареубийству характеризовалось как вполне единодушное с мнением самого Исполнительного Комитета. В нем говорилось: «...цареубийство вызывает в огромной части населения радость и сочувствие! Да, Ваше величество, не обманывайте себя отзывами льстецов и прислужников. Цареубийство в России очень популярно»³². Это мнение нашло свое отражение и в позднейших документах. В статье, посвященной годовщине 1 марта, в газете «Народная воля» говорилось, что террористический акт против царя должен был «развязать руки русскому обществу»³³.

В «Письме Исполнительного Комитета» были выдвинуты задачи демократического преобразования России. Исполнительный Комитет при этом «предупреждал» царя, что, если эти требования не будут удовлетворены, революция неизбежна. В. И. Ленин впоследствии высоко оценил это письмо. Он писал: «...деятели „Народной воли“ в самом начале царствования Александра III „преднесли“ правительству альтернативу именно такую, какую ставит перед Николаем II социал-демократия: или революционная борьба, или отречение от самодержавия. (См. письмо Исполнительного комитета „Народной воли“ к Александру III от 10-го марта 1881 г., где поставлены два условия: 1. общая амнистия по всем политическим преступлениям и 2. созыв представителей от

³² «Первое марта 1881 г. Прокламации и воззвания, изданные после цареубийства», стр. 11—15. Это положение, очевидно, разделялось не всеми народовольцами. Так, член военного центра капитан Н. Д. Похитонов сообщает о следующей беседе с В. Н. Фигнер: «Разговор шел по поводу письма Александру III. Причем я высказал свое замечание, что фраза „цареубийство у нас популярно“ не согласна с действительностью» (ЦГВИА, ф. Петербургского военно-окружного суда (545), 1884 г., оп. 3, д. 51, т. 21, л. 104).

³³ «Литература партии „Народная воля“», стр. 157.

всего русского народа при всеобщем избирательном праве и свободе печати, слова и сходок)»³⁴.

Однако позицию Исполнительного Комитета, обратившегося к Александру III с требованием демократических свобод, разделяли, очевидно, не все народовольцы. Так, в прокламации «От харьковских социалистов-революционеров» от 20 марта 1881 г.³⁵ было выражено несогласие «с ожиданием конституции»: «Право болтать языком и читать либеральные пакости, т. е. все, что может дать Российская конституция, народным социалистам-революционерам не нужно». В прокламации утверждались необходимость и неизбежность террористических актов, «которые никакая конституция не позволит»³⁶.

30 марта 1881 г. на киевской почте губернскими властями было вскрыто письмо учителя Нежинского городского училища Григория Пархоменко на имя студента Киевского университета Владимира Бычкова, который вовлек Пархоменко в организацию «Народная воля» еще в 1880 г. Жандармское донесение так передает содержание этого письма: «Между прочим, относительно события 1 марта Пархоменко в своем письме высказывает так: „Оно откроет многим простолюдинам глаза, умалит величие, святость и проч. Не обманываетесь ли вы на счет ожиданий от Александра III? Что-то всякие мероприятия говорят плохо в его пользу!“»³⁷.

Казнь первоапрельцев, а затем опубликование правительством манифеста 29 апреля о незыблемости самодержавия свидетельствовали о том, что расчет народовольцев на изменение государственной политики под давлением террористической тактики не оправдался. В связи с этим изменилось и направление прокламаций. Царю стали угрожать новой расправой. 4 апреля, на следующий день после казни первоапрельцев, Исполнительный Комитет выпустил новую прокламацию. Напоминая об альтернативе, выдвинутой в письме к Александру III от 10 марта 1881 г. (либо реформирование по-

³⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 5, стр. 56—57.

³⁵ ЦГАОР СССР, ф. Коллекция нелегальных изданий, 1881 г., № 28941.

³⁶ Там же.

³⁷ ЦГИА СССР, ф. Министерства юстиции (1405), оп. 80, 1881 г., л. 8462, л. 3 об.—4.

литического строя в духе партии, либо революция), Исполнительный Комитет «Народной воли» констатировал, что «верховная власть избрала второй путь — путь обращения к Фролову»³⁸ (т. е. палачу.— С. Э.), и угрожал Александру III еще более «грозным заговором», чем 1 марта. Однако сколько-нибудь реальными силами для выполнения этой угрозы Исполнительный Комитет не располагал³⁹.

После разгрома народовольческой типографии в Петербурге В. Н. Фигнер была крайне озабочена созданием новой типографии для издания новой прокламационной литературы. Но Исполнительный Комитет не смог сразу выпустить новые прокламации. Лишь 22 июля появился «Листок „Народной воли“». Он вышел под № 1. Этот «Листок» широко использовался в пропагандистской деятельности народовольцев. В нем отражено стремление его издателей в условиях наступающей реакции показать жизнедеятельность партии. 1 марта снова называется «великим днем», позволившим якобы поставить и решать задачи партии «прямее и шире»⁴⁰. В «Листке» резко критиковалось поведение либералов, людей «типа славянофила Аксакова и его круга», людей «без веры, без идеалов», привыкших «утробно жить и действовать», «ничем не жертвуя ни злобе, ни любви», людей, «рассчитывающих раболопием добиться маленьких фикций правового порядка»⁴¹. Этим деятелям противопоставлялись деятели революционной партии, осуществившие свой замысел 1 марта, результаты которого, по утверждению газеты, «далеко превзошли самые смелые наши ожидания»⁴². Не располагая, однако, для такого вывода реальными фактами, редакция «Листка „Народной воли“» для доказательства широты народного движения прибегла

³⁸ «Первое марта 1881 г. Прокламации и воззвания, изданные после царевубийства», стр. 16—17.

³⁹ После казни первоартовцев в апреле были арестованы члены Исполнительного Комитета А. А. Квятковский и Н. Е. Суханов. Уехала за границу М. Н. Ошанина. В мае была раскрыта типография на Подольской улице в доме № 42 в Петербурге. Невозместимые потери после 1 марта, по выражению А. П. Прибылевой-Корба, «обескровили партию и ее комитет» (А. П. Прибылева-Корба. «Народная воля». Воспоминания о 1870—1880 гг. М., 1926, стр. 208).

⁴⁰ «Литература партии „Народная воля“», стр. 119.

⁴¹ Там же, стр. 120.

⁴² Там же, стр. 122.

к ссылке на антиеврейские погромы на юге России, спровоцированные, как известно, самим правительством.

В «Листке» заявлялось также, что «на смену выбывшим из строя борцам» приходят новые силы, готовые с той же страстью продолжать революционную работу «во имя великой идеи», «неистребимой идеи воплощения правды и справедливости в общественных отношениях». «Организация революционной борьбы,— заявлялось в «Листке»,— расширяется и крепнет, готовясь нанести решительный удар врагу».

Однако эти заявления были далеки от действительности. Редакция обещала выпустить следующий номер не позднее августа и в следующих выпусках дать «доводы, подтверждающие основные положения нашей программы как с научной, теоретической стороны, так и на основании русской жизни и истории»⁴³. Но на деле народо-вольцы не располагали даже такой возможностью, как регулярный выпуск печатного органа. После провала петербургской типографии они смогли лишь к концу октября 1881 г. выпустить очередной, № 6 «Народной воли». Типография с трудом была налажена в Москве⁴⁴. Все же в августе 1881 г. Исполнительному Комитету удалось отпечатать в московской типографии новую прокламацию под названием «Русскому рабочему народу» за подписью «Комитет „Народной воли“»⁴⁵ (прокламация датирована 24 августа).

«Все сделано руками рабочих,— писалось в ней,— поле вспахано, засеяно, сжато, все крестьянин старался; дороги железные выстроены — опять мужиком; дом многоэтажный — опять рабочим „выведен“». «Все, что есть на свете, все рабочим сделано», а между тем «всем пользуются господа дворяне, господа купцы, господа фабриканты». В прокламации вскрывалась связь правительства и помещиков. Правительство «вместе с господами грабит народ». Чтобы сделать эту мысль яснее, далее говорилось: «Кому, например, нужен помещик? Сам ничего не работает, а с мужиков неизвестно за что деньги берет. Точно так же и фабрикант: рабочие трудятся, а он де-

⁴³ Там же, стр. 119—120.

⁴⁴ С. Лившиц. Подпольные типографии 60—70-х годов.— «Каторга и ссылка», 1929, № 1, стр. 27.

⁴⁵ «„Народная воля“ в документах и воспоминаниях». М., 1930, стр. 127.

нежки загребают». Такие порядки должны быть изменены. «Мы хотим, чтобы земля принадлежала крестьянам, фабрики и заводы — рабочим». Как же этого добиться? Теперь не рекомендуется уже подавать заявления царю, ибо правительство не хочет заботиться о народе. «Мы решили поэтому поднять бунт по всей России и теперешнее правительство низвергнуть, а на место его устроить другое из выборных от крестьян, от рабочих, от всего народа». Это правительство и должно будет, как сказано в прокламации, «наделить крестьян землей, а фабрики и заводы отдать рабочим артелям». Таким образом, читатель подводился к мысли о необходимости смены правительства, «которое никуда не годится».

Как же мыслилось это восстание?

«Для того чтобы устроить восстание по всей России, чтобы все было обделано толково, у нас назначен особый Исполнительный Комитет, который этим делом заведует». Что касается народа, то он призывался быть «наготове»: Исполнительный Комитет брал на себя почин восстания. «Как только мы начнем бунт, идите к нам на помощь», — говорилось в прокламации. Народу рекомендовалось «сговариваться между собой», вступать в «дружные кружки», «запасаться оружием», а главное «не робеть», «не верить начальству», готовому «сулить горы золотые, лишь бы вы мирно сидели». Авторы прокламации призывали народ верить только «социалистам», среди которых «немало рабочих» (перечислялись имена Желябова, Ширяева, Тимофея Михайлова и др.)⁴⁶. Так снова пропагандировалась идея переворота, осуществляемого партией путем заговора, поддерживаемого народом, и этой идее была посвящена вскоре выпущенная листовка Исполнительного Комитета от 3 сентября 1881 г.: «Славному казачеству войска Донского, Уральского, Оренбургского, Кубанского, Терского, Астраханского, Сибирского и иных войск от Исполнительного Комитета „Народной воли“. Объявление».

«Атаманы-молодцы» призывались «на помощь» русскому народу, как это делали их деды и прадеды — Степан Разин и Емельян Пугачев. Листовка заканчивалась призывом: «Вспомните же, атаманы, свою старую славу. Вы не царские слуги, а народные витязи. Царям нужны

⁴⁶ «„Народная воля“ в документах и воспоминаниях». М., 1930, стр. 127.

холопы, вольные люди им не угодны. Идите же вместе с нами выручать русскую землю из неволи, как выручали ваши предки...»⁴⁷

Итак, объявив решительную борьбу абсолютизму, народовольцы крайне сузили эту задачу. После казни первомаковцев идея заговора с особой силой звучит в прокламационных документах «Народной воли». Эти прокламации раскрывают известное положение В. И. Ленина: «Традиции бланкизма, заговорщичества страшно сильны у народовольцев, до того сильны, что они не могут себе представить политической борьбы иначе, как в форме политического заговора»⁴⁸.

Мы видим, что в особо тяжелых условиях полицейских преследований после 1 марта Исполнительный Комитет сумел наладить печатание прокламаций, обращенных к крестьянству, в которых разоблачалась позиция царского правительства и выдвигались демократические требования. Но эти прокламации существенно отличаются от народовольческих документов первомаковского периода. Тогда народовольцы действовали в расчете на изменение правительственной политики под давлением царубийства и общественного подъема в стране, в связи с чем наметили в письме к Александру III широкую программу демократических требований и призывали крестьян подавать прошения царю с требованием прирезки земли. Теперь же, когда эти расчеты не оправдались, идея переворота, осуществляемого партией при содействии народа, становится ведущей в прокламационных документах «Народной воли».

Рассматривая политическую борьбу как переворот, осуществляемый партией, народовольцы тем не менее продолжали революционную пропаганду среди крестьян. Ее проводили как отдельные народовольцы, так и уцелевшие от разгрома народовольческие группы, а также привлекаемые ими отдельные представители местной интеллигенции, в том числе и военные и отдельные лица из крестьян. Пропаганда велась без соблюдения необходимых условий конспирации. К распространению прокламаций привлекались люди часто мало известные; одно-

⁴⁷ Г. А. Куклин. Итоги революционного движения в России за сорок лет (1862—1902). Женева, 1903, стр. 40—41; см. также «Народная воля» в документах и воспоминаниях», стр. 204—208.

⁴⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 459.

временно распространялись противоположные по своему содержанию прокламации как доапрельского, так и послеапрельского периода. Результаты распространения прокламаций оставались для распространителей мало известными и не закреплялись.

Революционная народовольческая пропаганда среди крестьян велась в ряде губерний. Дела Министерства юстиции, Департамента полиции, дела Особого присутствия Правительствующего сената свидетельствуют о распространении прокламаций «Народной воли» среди крестьян Харьковской, Курской, Самарской, Саратовской, Пензенской, Воронежской, Тамбовской, Тульской, Московской, Эстляндской губерний и Области Войска Донского. Наряду с прокламациями Исполнительного Комитета «Народной воли» распространялись и местные прокламации народовольческого направления. Уже в двадцатых числах марта 1881 г. в Харькове на стенах домов и заборах расклеивалась гектографированная прокламация, написанная церковнославянским шрифтом и явно рассчитанная на крестьян, приезжающих в город. В прокламации заявлялось, что 1 марта «крестьянин Фомин» (так в тексте) и мещанин Рысаков «казнили царя Александра» «за измену народу русскому». Далее пояснялось, в чем состояла эта измена: «25 лет все ждали, что вот передел будет, а передела все не было. Сначала думали, что паны все мешают, а потом и сомневаться стали. Наконец, в прошлом году царь издал грамоту, где прописал народу, чтоб не ждали черного передела и что земли никакой не будет. Не побоялся царь написать грамоту: видно думал, что мужики не накажут его за измену: где им, дуракам, достать меня во дворце? Да плохо разумел. Глас народа — глас божий». Таким образом, в этой местной прокламации убийство Александра II было объявлено делом рук самих мужиков. В заключение выражалась уверенность, что и в дальнейшем от «гласа народа» не спасут царя ни крепости, ни дворцы, ни паны, ни чиновники, как не спасли Александра II, и что «черный передел все-таки будет. Придет день, и отнимутся земли и фабрики у тех, кто не работает, и отойдут к народу...» «Только черный передел делается самим народом, а на царей надеяться нечего»⁴⁹.

⁴⁹ ЦГИА СССР, ф. Вещественные доказательства к делам Министерства юстиции (1410), оп. 1, 1881 г., д. 290, л. 1.

Наряду с этой прокламацией в Харькове и Харьковской губернии распространялась прокламация Исполнительного Комитета от 2 марта 1881 г. «Честным мирянам, православным крестьянам и всему народу русскому. Объявление».

Одновременно с этими прокламациями, призывавшими подавать прошения царю, разбрасывались прокламации «К русскому рабочему народу», объявлявшие о подготовке партией захвата власти. О том, как именно действовали пропагандисты, свидетельствуют события, происходившие в апреле 1881 г. В окрестностях Харькова на большой дороге около «питейного заведения», куда стекалось немалое число крестьян, жандармами были задержаны двое молодых людей, предлагавших проходившим крестьянам прокламации «Народной воли». Распространителями прокламаций оказались бывший студент Харьковского университета дворянин А. А. Сипович и ученик Харьковского реального училища С. Ц. Обидзинский⁵⁰. При задержании у Обидзинского было обнаружено 30 экземпляров прокламации «Честным мирянам...» Как свидетельствуют материалы дознания, Обидзинский совал прокламации в руки встречавшимся ему крестьянам, бросал их в телеги проезжавшим. Однажды, передавая одну прокламацию крестьянину Плохотченко и узнав при этом, что Плохотченко неграмотный, Обидзинский сказал ему: «Ничего, возьми домой, там пусть прочитают на волостном сходе»⁵¹.

Обидзинский был связан с харьковскими народовольцами Михаилом Овсянниковым, Виктором Корониным и студентом Харьковского университета Павлом Федоренко⁵², которые применяли те же методы пропаганды.

Овсянников распространял прокламации и в Щигровском уезде Харьковской губернии. Он вместе с Федоренко ездил также в Курск, где по случаю выноса «чудотворной» иконы из окрестных деревень собралось много народу. Здесь они встретились и с Виктором Корониным, у которого были экземпляры «Народной воли», «Письмо Исполнительного Комитета Александру III», прокламация «Честным мирянам...» При аресте у Овсянникова

⁵⁰ Там же, ф. 1405, оп. 80, 1881 г., д. 8250, л. 1—2.

⁵¹ Там же, л. 33.

⁵² Там же, л. 5.

был найден также лист бумаги, на котором, как свидетельствуют власти, «начерно» было написано «повествование, предназначавшееся, очевидно, для народа»⁵³. Написанное «простым народным слогом», оно должно было «предметом своим представить положение крестьян во время предпринимаемых побудительных мер к взысканию с них недоимок и переход продаваемого на пополнение этих недоимок крестьянского имущества в руки капиталистов»⁵⁴. Таким образом, на местах создавались свои пропагандистские документы.

Тесно связан был с указанными выше харьковскими народовольцами и Алексей Макаренко, ученик Харьковского реального училища, который, находясь во время летних каникул 1881 г. в с. Еременке Усманского уезда Тамбовской губернии у своего родственника, мещанина Слепченко, «заводил знакомство с местными крестьянами»⁵⁵. В беседах с крестьянами он высказывал «суждение о необходимости брать дорожку с крупных землевладельцев за обработку земли, внушая им, что в скором времени предстоит раздел земли»⁵⁶.

Очевидно, весьма распространенным был способ разбрасывания прокламаций близ сел. В начале октября 1882 г. на огородах слободы Ефремовки Волчанского уезда Харьковской губернии крестьянкой Павленковой было найдено пять конвертов с надписью: «Рабочему русскому народу от социально-революционной партии. Читать на сходках». В этих конвертах, как говорится в «Еженедельных записках» Департамента полиции, оказались «печатные и гектографированные преступные издания тайного сообщества»⁵⁷.

Начальник Харьковского губернского жандармского управления сообщает при этом, что в текущем году это был второй случай распространения в Волчанском уезде «преступных изданий посредством подбрасывания их близ сел на огородах»⁵⁸.

На Украине имели место факты распространения гек-

⁵³ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 80, 1881 г., д. 8250, л. 39.

⁵⁴ ЦГИА СССР, ф. 1410, оп. 1, 1881 г., д. 290, л. 1.

⁵⁵ Там же, л. 29.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ ЦГАОР СССР, ф. 102, Еженедельные записки, 1882 г., ч. II, л. 180.

⁵⁸ Там же.

тографированных прокламаций, выпущенных якобы Исполнительным Комитетом, но в действительности не принадлежавших к его изданиям. Эти прокламации рассылались отдельным лицам. Так, в Елизаветграде Херсонской губернии почтовой конторой было задержано пять писем, адресованных некоторым крестьянам Елизаветградского уезда, в которых оказались гектографированные прокламации «К украинскому народу» за подписью Исполнительного Комитета «Народной воли», поддерживавшие погромное движение. В «Еженедельных записках» Департамента полиции сообщалось, что они написаны студентом Киевского университета Иваном Колбасенко, а адреса на конвертах — студентом того же университета Митрофаном Цветковым⁵⁹. В. Я. Богучарский приводит свидетельство М. П. Драгоманова, что «прокламация эта была встречена сильным неудовольствием во многих революционных кругах и потому распространение ее было прекращено»⁶⁰.

27 июня 1881 г. в с. Воскресенском (имение Пензенского губернатора Татищева), в 13 верстах от Пензы, был задержан состоящий под гласным надзором уволенный в запас подпоручик С. М. Артоболевский. Еще в 1880 г. он привлекался к дознанию по делу воспитанников Пензенской духовной семинарии за распространение подпольной литературы. Артоболевский был задержан при разбрасывании в с. Воскресенском прокламаций Исполнительного Комитета «Народной воли». В погреб крестьянина Емелина Артоболевский опустил завернутые в красный кумач прокламации «Честным мирянам...»⁶¹ Задержавшим его крестьянам Артоболевский сказал: «Хотя вы меня поймали, но нас много ходит — всех не переловите»⁶². Свое имя он отказался назвать.

⁵⁹ Там же, л. 111. Ш. М. Левин считает автором этих прокламаций Герасима Романенко (оказавшегося впоследствии предателем), привлеченного В. Н. Фигнер в члены Исполнительного Комитета «Народной воли» (см. примечания Ш. М. Левина к «Воспоминаниям Льва Тихомирова». М.—Л., 1927, стр. 469).

⁶⁰ В. Я. Богучарский. Из истории политической борьбы 70—80-х годов. М., 1912, стр. 222. Драгоманов говорит, что прокламация была доставлена к жившей тогда в Одессе В. Н. Фигнер, которая ее уничтожила, так как не одобрила содержание ее (там же). Автора прокламации Богучарский не называет.

⁶¹ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 80, 1881 г., д. 8449, л. 30.

⁶² Там же, л. 30 об.

Село Воскресенское Артобелевский знал по своим прежним землемерным занятиям. Занимаясь народо-вольческой пропагандой в Пензенской губернии, он был связан с группой лиц, участвовавших в революционной пропаганде среди крестьян. Решение распространять прокламации в селах Пензенской губернии было принято на загородной сходке, где присутствовали состоящие в Пензенской губернии под гласным надзором: бывший студент Казанского университета, выходец из офицерской семьи Толузаков, пензенские мещане И. С. Лапин и Д. Ф. Никольский. На этой сходке присутствовали также подпоручик 60-го пехотного полка Н. П. Котов, по инициативе которого и была созвана сходка, и мастеровой Степан Григорьев ⁶³. Лапин и Григорьев объявили, что берутся разбрасывать прокламации на ярмарочной площади в Пензе; Котов же взял на себя обязанность распространять прокламации по дорогам, ведущим в села Засечное и Терновку. Толузаков решил распространять прокламации в с. Бессоновке, а Никольский — по дороге в с. Васильевку ⁶⁴. На сходках, происходивших на квартире у Толузакова, участники пропаганды «рассуждали вообще о неудовлетворительности общественного устройства и правительственных распоряжений» ⁶⁵. Котов и другие были связаны с революционными деятелями Самары, в том числе и с чернопредельцами, однако Котов, по его собственному свидетельству, был «приверженцем „Народной воли“».

На участие Артобелевского, а также капитана 90-го резервного пехотного батальона Бассинского и доктора Скребицкого в распространении народо-вольческих прокламаций в Казани и Самаре указывалось и в «Еженедельных записках» ⁶⁶: у капитана Бассинского было найдено 16 экземпляров «Программы „Народной воли“».

В прямой связи с делом Котова и других пропагандистов находится и дело о революционной пропаганде в с. Чемодановке Городищенского уезда Пензенской гу-

⁶³ В «Еженедельных записках» Департамента полиции указана фамилия мастерового Коваленкова (ЦГАОР СССР, ф. 102, Еженедельные записки, 1881 г., ч. I, д. 110).

⁶⁴ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 80, 1881 г., д. 8449, л. 34.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ ЦГАОР СССР, ф. 102, Еженедельные записки, 1881 г., ч. I, л. 110—111.

бернии⁶⁷. Крестьянин с. Чемодановки Федор Одинок, будучи учеником Пензенской гимназии, познакомился с Котовым. У Котова он встречался с Толузаковым и Никольским. Котов, посещая крестьян сел Чемодановки и Селиксы, проводил с ними беседы, призывал их «подайте не платить, не давать в солдаты своих крестьян, начальства не слушаться». Он убеждал крестьян, что «землю отберут от помещиков, разделят поровну», что «в Пензе для того готовится бунт и скоро будет». Котов просил их, чтобы они подговаривали всех крестьян к бунту, чтобы сами бунтовать не боялись, так как в Пензе «таких бунтарей много»⁶⁸.

В с. Селиксы Котов, выясняя, «признают ли крестьяне властей», не растерялся, когда получил ответ, что в Евангелии сказано: «всякая душа да повинуется властям предержащим»; он ответил на это, что «в Евангелии есть и противоположный текст, и, вынув из кармана Евангелие, показал тот текст...»⁶⁹ Села Чемодановку и Селиксы Котов посетил на пасху с юнкером 1-й роты Казанского пехотного училища Соловьевым. В ночь с 27 на 28 июня 1881 г. в Пензе и окрестных селах найдено 19 прокламаций, в том числе 18 прокламаций «Честным мирянам...» Эта прокламация и «Письмо Исполнительного Комитета Александру III» были отправлены из Пензы на имя разных должностных лиц в Вятку, Глазов, Яранск (Вятской губернии), в Краснослободск (Пензенской губернии). Прокламация «Честным мирянам...» была найдена также крестьянкой с. Засечного Лукерьей Гордеевой на поле⁷⁰.

Представляет интерес материал об Иване Калюжном, Надежде Смирницкой, Савелии Златопольском для характеристики приемов пропаганды и способов распространения прокламаций. При обыске у Калюжного и Смирницкой (народовольческая типография в Москве) были обнаружены списки крестьян и мещан Московской и других «окрестных губерний», а также различных лиц, проживающих в Кубанской, Терской и Донской областях, Волынской, Тамбовской, Воронежской и Ставропольской губерниях. Списки эти были написаны на отдельных

⁶⁷ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 80, 1881 г., д. 8449, л. 49 об.— 50.

⁶⁸ Там же, л. 45 об.

⁶⁹ Там же, л. 49 об.— 50.

⁷⁰ Там же, л. 55 об.

клочках бумаги; на одном из них карандашом была сделана надпись: «адреса казаков для рассылки прокламаций»⁷¹.

При расследовании выяснилось, что эти списки составлялись в Воронежском 71-м резервном пехотном полку. Начальник Воронежского губернского жандармского управления по этому делу сообщал в апреле 1882 г. в Петербургское жандармское управление: «Негласным дознанием по поводу найденных у Калюжного адресов Воронежской губернии обнаружено, что все они относятся к лицам, сыновья коих находятся в военной службе, в учебной команде при 71-м пехотном резервном полку, расположенном в г. Воронеже. Главным преподавателем в команде состоит подпрапорщик Якимов, привлеченный к дознанию»⁷². Подпрапорщик Якимов «преподавал нижним чинам русский язык, заставлял их писать под диктовку с книги; однажды, именно в начале минувшего февраля, он под видом обучения правильной адресации писем заставил всю команду написать на досках и в тетрадях адреса своих родных»⁷³. Это было подтверждено как показаниями солдат⁷⁴ (показания дали 12 человек), так и сравнением адресов, найденных у них⁷⁵.

Распространение народовольческих прокламаций обнаружено было и в Николаевском уезде Самарской губернии, где в пропаганде участвовали сами крестьяне. Крестьянин с. Криволучья (Ивановки) Матвей Горбачев, встретившись в апреле 1881 г. с крестьянином дер. Губернаторовки Иваном Елисеевым, рассказал ему о своей связи с «преступным сообществом», о своем знакомстве с лицами, «занимающимися революционной пропагандой»⁷⁶. Горбачев был связан с находившимся в Самаре поднадзорным Михаилом Началовым⁷⁷, исключенным ранее из Харьковского ветеринарного института за участие в студенческом движении и распростране-

⁷¹ ЦГАОР СССР, ф. 112, оп. 1, 1882 г., д. 526, л. 51.

⁷² Там же, л. 130.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же, л. 393—399.

⁷⁵ Там же, л. 130.

⁷⁶ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 80, 1881 г., д. 8608, л. 39.

⁷⁷ Гласный надзор за Началовым был учрежден на 4 года, а Горбачев был с ним связан еще с 1879 г.

ние революционных изданий. Прокламации распространяли также жена Началова Анна и «лишенный прав» Илларион Кожин, присужденный Харьковским окружным судом в 1880 г. к ссылке в Самарскую губернию. Эти лица, как свидетельствуют жандармские власти, «в течение лета 1881 г. получали и распространяли прокламации Исполнительного Комитета и другие названия революционного содержания»⁷⁸. Горбачев стал регулярно получать от Началова прокламации с весны 1881 г. Такие же прокламации от Началова получал и писмоводитель мирового судьи 4-го участка Самарского уезда Д. Н. Назаров «как для чтения, так и для распространения таковых в народе»⁷⁹. Горбачев знал от Началова, что в дальнейшем подобные прокламации можно всегда получать также и у фельдшера Екатерининской больницы Самарского уезда Н. Юнеева. На квартире Началова получал «Листки „Народной воли”» и крестьянин Елисеев⁸⁰.

По делу о распространении народовольческих прокламаций в Самарской губернии была привлечена фельдшерица Сергиевской больницы Бутурлинского уезда Ортогриня, которая распространяла их на постоялом дворе, где постоянно останавливались приезжавшие в Самару крестьяне. Живя у своих родственников в деревне, Ортогриня проводила и устную пропаганду: «вела разговоры явно преступные», неоднократно утверждала, что придет время, когда нужно будет «бить и избивать помещиков, что вскоре будет осуществлено полное равенство и т. д.»⁸¹. Одеваясь всегда во все черное, Ортогриня после 1 марта 1881 г. «стала носить все красное»⁸².

Таким образом, в распространении народовольческих прокламаций и в устной пропаганде в духе этих документов участвовали представители местной интеллигенции и военные. Чтобы расширить дело распространения прокламаций в губернии, Началов незадолго до ареста собирался устроить в с. Утевке Николаевского

⁷⁸ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 80, 1881 г., д. 8608, л. 39.

⁷⁹ Там же, л. 42.

⁸⁰ Там же, л. 40 об.

⁸¹ Там же, л. 41 об.— 42.

⁸² Там же, л. 42 об.

уезда Самарской губернии лавочку «для более удобного распространения противоположительственных изданий»⁸³.

В деле Началова в качестве вещественных доказательств фигурируют «Листок „Народной воли“» от 22 июля 1881 г., прокламация «Честным мирянам...», «Письмо Исполнительного Комитета Александру III», а также прокламация «Суд и пытка»⁸⁴, опубликованная от имени «Черного передела».

Возможно, что распространение народовольческих прокламаций содействовало поддержанию различных слухов среди сельского населения Поволжья, что отмечается в полицейских донесениях и в народовольческой прессе. Так, в газете «Народная воля» (№ 6 за октябрь 1881 г.) сообщалось: «Объявления (имеется в виду прокламация «Честным мирянам...». — С. Э.), разосланные Исп[олнительным] Ком[итетом] по Поволжью, возбуждали среди крестьянства самые оживленные толки». «В тех деревнях, где Объявления были действительно получены, они читались обыкновенно на сходках, и чтение нередко заканчивалось выбором ходоков для представления царю народных желаний и сбором денег, необходимых на поездку ходоков». В газете указывалось, что «в некоторых местах крестьяне в своих прошениях находили требования, поставленные Объявлениям, недостаточными, а именно — «увеличение наделов» заменяли предоставлением всей земли крестьянству». Сообщалось также, что выборные ходоки часто возвращались с дороги, так как к губернатору их не допускали. Иногда ходоки утверждали, что губернатор сам якобы обещал известить крестьян, когда можно будет подавать прошения⁸⁵. В том же номере «Народной воли» сообщалось об ожиданиях в Воронежской губернии «новой нарезки земель повсеместно», а также о том, что в деревнях распространяются «толки» по поводу революционных прокламаций⁸⁶.

Сообщения властей о распространении в Ставропольском уезде Самарской губернии отставным унтер-офицером Макеевым в декабре 1881 г. «ложных слухов», что «все податные недоимки прощены и что от владель-

⁸³ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 80, 1881 г., д. 8608, л. 41.

⁸⁴ Там же, л. 40 об.

⁸⁵ «Литература партии „Народная воля“», стр. 140—141.

⁸⁶ Там же, стр. 143.

цев будут отрезаны земли, а уездные полицейские власти впредь будут избираемы по выбору обывателей»⁸⁷, представляют интерес в том отношении, что и здесь содержание «слухов» совпадает с требованием о прирезке земли, выдвинутом в народовольческой прокламации «Честным мирянам, православным крестьянам и всему народу русскому. Объявление».

По официальным данным, в Петровском и Сердобском уездах Саратовской губернии крестьяне собирали сельские сходы для чтения революционных прокламаций, а в одном селе, «когда волостной писарь, чтобы предотвратить чтение прокламации на сходе, изорвал ее, то его сильно избили»⁸⁸.

Прокламации «Честным мирянам...», «Славному казачеству Войска Донского, Уральского, Оренбургского, Кубанского, Терского, Астраханского, Сибирского и иных войск от Исполнительного Комитета „Народной воли“» распространялись и на Северном Кавказе⁸⁹. Иван Рафаилов, занимавшийся адвокатурой в Ростове-на-Дону, разъезжал по окрестным хуторам и селам с крестьянином Дубченко, разбрасывая пакеты с прокламациями. На квартире Рафаилова были найдены как экземпляры «Народной воли» и прокламации «Украинскому народу», так и списки с именами и фамилиями разных крестьян. Листовка «Славному казачеству...» распространялась и в Области Войска Донского⁹⁰.

В Области Войска Донского весной 1881 г. крестьянин поселка Золотаревского Трофим Кувиченков составил приговор земледельческого общества этого поселка, содержание которого сводилось к следующему⁹¹: крестьяне обязывались принадлежащую им землю обрабатывать сообща, причем все имущество, которым заведовало лицо, избираемое обществом, объявлялось общей собственностью; выдача отдельным членам из этого общего имущества денег, вещей и прочего должна была производиться с согласия всех членов общины; государствен-

⁸⁷ ЦГАОР СССР, ф. 102, Ежедневные записки, 1882 г., ч. II, л. 13.

⁸⁸ «Крестьянское движение в России. 1881—1889 гг.» М., 1960, стр. 70.

⁸⁹ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 82, 1882 г., д. 9229, л. 4—5.

⁹⁰ Там же, оп. 80, д. 8690.

⁹¹ Там же, д. 8193, л. 10—10 об.

ные подати должны были уплачиваться по разверстке непосредственно общиной. В случае желания кого-либо из членов выйти из общины ему выделялась часть, определенная общественным приговором⁹². По поводу событий 1 марта, как свидетельствует крестьянин Сафрон Писаненко, Кувиченко заявлял: «Теперь без государя будет лучше, потому прежде один государь наживался, а теперь Россия будет наживаться; теперь государя будут баллотировать, как баллотируют станичного атамана, и над выборным государем будет следить вся полиция и наблюдать за его действиями»⁹³.

Усиление «утихших было слухов» в Тамбовской губернии о предстоящем якобы переделе земли было зарегистрировано в июле 1881 г. и в «Еженедельных записках», причем отмечалось, что слухи, «несомненно, поддерживаются в среде населения лицами, принадлежащими к революционной партии»⁹⁴. Там же в сентябре сообщалось о распространении гектографированных прокламаций в Воронежской губернии, обращенных «к русскому крестьянству» и «всему русскому народу»⁹⁵. Очевидно, имелись в виду народовольческие прокламации «Честным мирянам...» и др.

В Бирюченском уезде Воронежской губернии крестьяне с. Сухачева «имели на сельском сходе суждение об обремененности для крестьян выбирать сотских и десятских, причем один крестьянин по этому поводу высказал, что Сухачевское общество отстало в сем от прочих, так как в других местах крестьяне давно уже засевают помещичью землю». Он заявил, что слышал об этом в прошлом году при проезде через Харьковскую губернию на одном из постоянных дворов⁹⁶.

Крестьяне Бобровского и Воронежского уездов Воронежской губернии «под влиянием ложных слухов о каком-то указе отказывались наниматься на уборку владельческих запашек... Особенно проявилось это, — пишет министр внутренних дел Игнатьев, — в базарных селах Щучье и Бутурлиновке»⁹⁷.

⁹² ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 80, 1882 г., д. 8193, л. 10—10 об.

⁹³ Там же, л. 12.

⁹⁴ ЦГАОР СССР, ф. 102, Еженедельные записки, 1881 г., ч. II, л. 83—84.

⁹⁵ Там же, л. 183.

⁹⁶ Там же, л. 286.

⁹⁷ «Крестьянское движение в России. 1881—1889 гг.», стр. 53.

В ноябре 1882 г. сообщалось, что в Вейденском уезде Лифляндской губернии писарь Ромман и некоторые другие лица «организуют социалистическое сообщество, имеющее целью огнем и револьвером удалить из края всех помещиков и богатых людей». Организаторами этого «сообщества», по мнению Департамента полиции, являлись учителя Андриан, Карп и Стипрейс, «занимающиеся в настоящее время переводами на латышский язык подпольного издания „Народная воля“»⁹⁸.

В августе 1881 г. директор Департамента полиции сообщал, что и в Орловской губернии «многие жители получают по почте письма с вложением воззваний и листовок преступного содержания от имени сообщества „Народная воля“» и что «вообще в империи усилилась посылка по почте разным лицам изданий тайного преступного сообщества»⁹⁹.

В конце 1881 г. Департамент полиции, оценивая факты революционной пропаганды, констатировал: «Нельзя сказать, чтобы прокламации не производили никакого влияния на настроение умов в среде крестьян и таким образом уже окончательно не достигали своей преступной цели. Во многих местах крестьяне с любопытством читали их на сельских сходах, нарочно для этой цели созываемых сельскими старостами»¹⁰⁰.

Жандармские власти свидетельствуют в донесениях о распространении слухов относительно передела земли в подавляющем большинстве украинских губерний, а также и в поволжских губерниях, в ряде которых, как уже было сказано, велась народовольческая пропаганда.

Между тем в воспоминаниях народовольцев мы не находим сколько-нибудь существенных материалов о революционной пропаганде в деревне после 1 марта. Можно привести лишь воспоминания В. Н. Головина, в которых сообщается о распространении прокламаций в Тульской губернии. Здесь у крестьянина Жукова в 1881 г. было отобрано воззвание «Русскому рабочему народу» (прокламация Исполнительного Комитета с призывом к восстанию), а у крестьянина Кенаркина — еще две

⁹⁸ ЦГАОР СССР, ф. 102, Еженедельные записки, 1882 г., ч. II, л. 191.

⁹⁹ Там же, л. 94—95.

¹⁰⁰ «Крестьянское движение в России. 1881—1889 гг.», стр. 70.

прокламации «Народной воли», название которых автор не приводит¹⁰¹. Вместе с тем Головнин говорит в своих воспоминаниях в самой общей форме «относительно широкого распространения среди крестьянства народнической, в частности, народовольческой литературы»¹⁰².

По подсчетам народовольца Л. Л. Бермана, к делам «по оскорблению его величества» было привлечено с 1 июня 1881 г. по 1 января 1882 г. 1038 человек. По мнению автора, широкое распространение такого явления «вызвано именно деятельностью „Народной воли“»¹⁰³. К сожалению, так же как и Головнин, Берман не приводит никаких конкретных данных, подтверждающих такой общий вывод.

На аграрной почве в 1881 г. движение развернулось в Виленской, Киевской, Минской, Ковенской, Лифляндской, Витебской, Полтавской, Черниговской, Казанской, Самарской, Саратовской, Рязанской, Тамбовской, Курской, Уфимской губерниях и Области Войска Донского¹⁰⁴. Движение выразилось в активном сопротивлении проведению землемерных работ при отведении наделов, в выступлениях против стремлений помещиков лишить крестьян их сервитутных угодий и арендной земли, в попытках «самовольно» расширить свое землепользование за счет захвата помещицкой и казенной земли, а нередко и в вооруженных сопротивлениях распоряжениям царских властей при взыскании недоимок, выселениях и арестах крестьян.

В ряде перечисленных выше губерний жандармские власти «обнаруживали» народовольческую пропаганду. Разумеется, нет оснований утверждать, что там, где ее не удалось обнаружить, эта пропаганда не велась. Но также нет оснований считать, что крестьянское движение вызывалось непосредственно революционной пропагандой народовольцев. Однако, разоблачая в своих прокламациях грабительскую политику царизма, бичуя общие порядки в деревне, проводя в этом же духе устную пропаганду, народовольцы, несомненно, внесли свою лепту в то «усилившееся в 1881 г. повсеместное брожение

¹⁰¹ В. Н. Головнин. Из воспоминаний народника.— «Народовольцы», сб. III. М., 1931, стр. 214.

¹⁰² Там же, стр. 214.

¹⁰³ Там же, стр. 276.

¹⁰⁴ «Крестьянское движение в России 1881—1889 гг.»

умов», которое отмечают в своих донесениях жандармские власти¹⁰⁵.

В своих расчетах на массовую подачу крестьянами прошений о прирезке земель, а затем в призывах крестьян «к бунту» против правительства народовольцы оказались «не поддержанными народом революционерами»¹⁰⁶. Вопреки самым лучшим намерениям, народовольцы не умели и не могли неразрывно связать свое движение с борьбой, развернувшейся внутри деревни. У народовольцев не оказалось и организационных возможностей для успешной организации пропаганды.

Впоследствии В. Н. Фигнер признавалась, что «веры в живые силы народа того времени было больше, чем могла оправдать действительность, что и показало 1-е марта, не сопровождавшееся никаким массовым движением»¹⁰⁷. «Народ безмолвствовал»,— писала она¹⁰⁸. Тем не менее дать объяснение этому факту она не смогла, как не смогли этого сделать и другие участники и руководители движения.

К началу 1882 г. «Народная воля» на страницах своей газеты открыто отказалась от пропаганды в крестьянстве. Газета писала: «Организация крестьянских сил не входит в наши расчеты»¹⁰⁹. Крестьянское движение оценивалось как движение, способное «в минуту действия породить не более как хаос и анархию»¹¹⁰.

Отказ от «организации крестьянских сил» обосновывался историческими экскурсами, безрезультатностью крестьянских движений в прошлом, в частности в период подготовки и проведения реформы 1861 г., которая, по признанию газеты, хотя и была результатом непрерывных крестьянских бунтов и борьбой от Пугачева до Н. Г. Чернышевского, но не удовлетворила «мужика в экономическом отношении»¹¹¹. Организация заговора

¹⁰⁵ Там же, стр. 61.

¹⁰⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 5, стр. 45. По данным центральных архивов, нам известна лишь одна попытка составления прошения царю о наделении крестьян землей в Везенбергском уезде Эстляндской губернии (ЦГАОР, ф. 102, Ежедневные записки, 1881 г., ч. II, л. 179).

¹⁰⁷ Вера Фигнер. Указ. соч., т. 1, стр. 312.

¹⁰⁸ Там же, стр. 380.

¹⁰⁹ «Литература партии „Народная воля“», стр. 159.

¹¹⁰ Там же, стр. 164.

¹¹¹ Там же, стр. 163.

для низвержения самодержавия без всяких надежд на какое бы то ни было самостоятельное народное движение и централизация боевых элементов¹¹² для захвата власти — вот что провозгласила газета, указывая, что организация вступает «в открытый бой с врагом, во имя свободы и счастья своего народа»¹¹³. Но народовольцы выдвигали эту задачу в условиях «отчаянного положения нашего центра»¹¹⁴, как впоследствии писала В. Н. Фигнер.

Уже к концу 1881 г., когда стал очевидным крах надежд на подъем крестьянского движения, «Народная воля» придала еще большее значение деятельности своей военной организации и работе среди офицерства, воздействию на которое и посвящаются основные уцелевшие силы народовольческого центра.

Приведенный нами материал свидетельствует о том, что в труднейших условиях, наступивших после 1 марта 1881 г., народовольцы вели революционную пропаганду среди крестьян как в форме распространения прокламаций, так и устной пропаганды. В народовольческих прокламациях разоблачались царизм и полицейские порядки в стране, выдвигались демократические требования как в области политической, так и аграрной.

В требованиях передачи земли крестьянам и в разоблачении грабительской политики царизма отражался стихийный протест крестьянства, для которого пережитки крепостничества становились все тяжелее по мере развития капитализма в сельском хозяйстве.

Из-за своей теоретической несостоятельности народовольцы не могли проанализировать причины неудач своей деятельности среди крестьянства до 1 марта и рассчитывали на осуществление цареубийства как на средство вывести крестьян из пассивного состояния, чтобы закрепить результаты первоапрельской «победы» проведением широких политических и социальных преобразований. Исчерпав надежды на агитационное действие 1 марта, они не выдвинули новых творческих положений и отстаивали фантастическую идею «заговора», почин которого брали на себя.

¹¹² «Литература партии „Народная воля“», стр. 165.

¹¹³ Там же, стр. 164.

¹¹⁴ Вера Фигнер. Указ. соч., т. 1, стр. 301.

Отказ от пропаганды в крестьянстве, высказанный «Народной волей» в 1882 г., свидетельствовал о том, что народовольцы не смогли дать сколько-нибудь правильной оценки характера крестьянского движения в послемартовский период, не смогли связать свою деятельность с непрекращавшимся на аграрной почве крестьянским движением.

Народовольцы продолжали видеть причину угнетенного положения крестьян не в общественной организации самого крестьянского хозяйства пореформенной России, а в политике правительства.

Неспособность дать правильные выводы из своего собственного революционного опыта, неудачи революционной деятельности в крестьянстве (призывы народо-вольцев, обращенные к крестьянам, оказались неосуществленными,— все это не могло не способствовать росту разочарованности в народнической доктрине у известной части интеллигенции. Кроме того, неудача деятельности не могла не усиливать и либеральной тенденции в народничестве 80-х годов, когда процесс складывания новых антагонистических классов в деревне усиливался. Тем не менее неуспех деятельности народо-вольцев не дает оснований отрицать эту деятельность и затушевывать разницу между революционными народниками 80-х годов и либералами, чуравшимися революционного подполья.

Е. Р. Ольховский

**К ИСТОРИИ «ЧЕРНОГО ПЕРЕДЕЛА»
(1879—1881 гг.)**

Петербургские кружки

Предметом споров в среде русского революционного народничества в конце 70-х годов был прежде всего вопрос о том, какое место должен занимать в программе революционной партии террор. Как известно, первые разногласия по этому поводу явственно обозначились уже весной 1879 г. в связи с подготовкой покушения А. К. Соловьева на Александра II. К лету сторонники политического террора, усматривавшие в нем важнейшее тактическое оружие партии и считавшие царубийство первоочередной задачей, объединились между собой. 15—17 июня они созвали втайне от организации съезд в Липецке. Не представляя собой единого идейного направления, сторонники политической борьбы все же пришли к Воронежскому съезду «Земли и воли» сплоченным отрядом.

Их идейные противники внутри организации отстаивали старую программу, считали главным в работе революционную пропаганду в народе, в первую очередь в деревне. Но не видеть незначительности итогов своих многолетних трудов они также не могли, а потому испытывали немалые колебания. Во время поездки одного из руководителей «деревенщиков» М. Р. Попова по земельческим поселениям выяснилось, что многие члены провинциальных групп на Воронежский съезд вообще не приедут. Предварительные совещания сначала в Тамбове, а потом в Воронеже убедили Г. В. Плеханова в том, что активных борцов за старую программу очень мало. Он и не ждал осуждения террора на съезде, а стремился свести до минимума силы и средства, затрачиваемые на него¹.

¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. XXIV, стр. 308.

На Воронежском съезде из 19 участников не сочувствовало террористическому направлению 7 человек: Г. В. Плеханов, М. Р. Попов, О. Е. Николаев, Н. А. Короткевич, О. В. Аптекман, Ю. М. Тищенко, С. А. Харизоменов. Из неарестованных землевольцев отсутствовало 5 человек: Г. (Е.) Н. Преображенский, А. А. Хотинский, Н. Мощенко, В. Н. Игнатов, М. К. Крылова — все «деревенщики». Твердых сторонников политической борьбы было 9 человек². В этих условиях сторонники политической борьбы не хотели сразу давать открытого боя. Поэтому в новой редакции программы центральное место занимала пропаганда среди крестьян. Съезд постановил «предоставить в распоряжение „деревенщины“ необходимые средства и людей, способных и готовых заняться этим делом в деревне»³. Им отводилось $\frac{2}{3}$ денежных средств партии.

Система аграрного террора, узаконенного съездом, вполне уместилась в рамки дезорганизаторской деятельности, допускавшей старую землевольческую программу.

«Политики» стремились сохранить единство «Земли и воли» и потому просили наиболее непримиримых сторонников террора держаться сдержанно⁴. В сохранении мира были заинтересованы и «деревенщики». Некоторые из них надеялись, что противники не пойдут слишком далеко в увлечении террором. «Они искали компромисса и нашли его»⁵. Только Плеханов требовал решительного запрещения террористической борьбы или же раздела «Земли и воли». Но его сторонники Ю. М. Тищенко, С. А. Харизоменов, О. Е. Николаев заняли двойственную позицию. Попов, например, надеялся, что, оставаясь внутри организации, можно будет воздействовать на «по-

² Подсчет общего числа участников и сторонников политической борьбы дан на основании статьи В. А. Твардовской «Воронежский съезд землевольцев» («Научные доклады высшей школы. Исторические науки», 1959, № 2, стр. 36).

³ О. В. Апте к м а н. Общество «Земля и воля» 70-х годов. Пг., 1924, стр. 369.

⁴ К биографиям А. И. Желябова и С. Л. Перовской.— «Былое», 1906, № 8, стр. 114; М. Ф. Фроленко. Соч., т. II. М., 1932, стр. 60; М. Р. Попов. «Земля и воля» накануне Воронежского съезда.— «Былое», 1906, № 8, стр. 34.

⁵ Г. В. П л е х а н о в. Соч., т. XXIV, стр. 146.

литиков», ослабить их увлечение террором⁶. В результате Г. В. Плеханов был вынужден покинуть съезд и прислал мотивированное заявление о выходе из «Земли и воли».

Итак, на Воронежском съезде победило стремление к сохранению единства. Съезд не решил спорных вопросов и лишь способствовал обострению фракционной борьбы⁷. В составе «Земли и воли» продолжало существовать по существу две организации.

После съезда «деревенщики» разъехались по разным местам. Плеханов в конце июля был уже в Киеве. Здесь он намечал товарищей для революционной работы, готовясь, очевидно, к созданию новой народнической организации⁸. Попов уехал на юг «за бланками в одно казначейство»⁹. Аптекман после кратковременного заезда в Петербург отправился в Кубанскую область, где установил связи с революционно-народнической группой. Кружок этот одобрил тактику «деревенщиков». Из участников Аптекман называет только Золотарева, хотя описывает связи группы даже в среде горцев-чеченцев. Часть кружковцев работала на Кавказе¹⁰.

Самым страшным для «деревенщиков» были не преследования правительства, а их собственный пессимизм. В результате колебавшиеся во время Воронежского съезда С. Л. Перовская, В. Н. Фигнер, Т. И. Лебедева, Л. Н. Гартман вскоре примкнули к народовольцам. Прекратился приток в деревню свежих народнических сил, что заставило многих «деревенщиков» переехать в город.

В Петербурге «староверы»-народники увидели, что «политики» вовсе не собираются направлять силы и средства для работы в крестьянстве. Начались многочисленные столкновения. Обе стороны поняли, что в Воронеже допустили ошибку, и стали стремиться исправить ее. Кризис назрел настолько, что разрешить его мог только

⁶ Р. М. Плеханова. Наша жизнь до эмиграции.— «Сборник группы „Освобождения труда“», № 6. М.— Л., 1928, стр. 66.

⁷ В. А. Твардовская. Указ. соч., стр. 46.

⁸ Р. М. Плеханова. Указ. соч., стр. 71—73.

⁹ М. Р. Попов. Из моего революционного прошлого.— «Былое», 1907, № 8, стр. 275—276.

¹⁰ О. В. Аптекман. Указ. соч., стр. 374—375.

идейный и организационный раскол, который и совершился в августе 1879 г.

К началу сентября в Петербурге собрались все виднейшие «деревенщики». Большую помощь им оказали вернувшиеся из-за границы Я. В. Стефанович, Л. Г. Дейч и В. И. Засулич¹¹. Они резко выступили против увлечения террором и были согласны с Плехановым по всем основным вопросам революционной теории и практики. Для «деревенщиков» это было особенно важно: с именем Засулич многие народники связывали начало террористического направления. Стефанович и Дейч были главными фигурами Чигиринского заговора, что, естественно, рождало надежды на большие дела в деревне.

После ожесточенных августовских споров вопрос о разделении был предreshен. Но большинство «деревенщиков» держалось миролюбиво. Например, Аптекман предлагал даже сохранить единый печатный орган — «Землю и волю». Мысль о примирении не покидала и Попова, Стефановича, Дейча¹². Поэтому полемическую статью для будущего печатного органа «деревенщиков» было поручено писать не Плеханову, а Аптекману. Многие из чернопередельцев, особенно на юге — в Киеве, Харькове, Одессе, не только нигде не выступали в качестве противников или конкурентов народовольцев, но всюду действовали заодно с ними, помогая и поддерживая их, насколько, конечно, это не противоречило их убеждениям¹³. Последняя попытка восстановить единство относится к началу 1880 г. Но «ни к какому положительному результату наши переговоры не привели»¹⁴, — сообщает П. Б. Аксельрод.

«Староверы» собирались на многочисленные собрания, на которых конструировалась новая народническая

¹¹ До Воронежского съезда они не были формально членами «Земли и воли». Но, как свидетельствуют В. Н. Фигнер и О. В. Аптекман, были на съезде приняты в общество ввиду предстоящего возвращения в Россию (Вера Фигнер. Запечатленный труд, т. 1. М., 1964, стр. 185; О. В. Аптекман. Указ. соч., стр. 383).

¹² М. Р. Попов. Из моего революционного прошлого, стр. 271; Л. Г. Дейч. Из отношений Г. В. Плеханова к народовольцам. — «Ка-торга и ссылка», 1923, № 7, стр. 14.

¹³ Л. Г. Дейч. Из отношений Г. В. Плеханова к народовольцам, стр. 16.

¹⁴ П. Б. Аксельрод. Пережитое и передуманное, кн. 1. Берлин, 1923, стр. 358.

организация: «распределялись функции разных лиц, намечались члены для исполнения тех или других поручений и т. д.»¹⁵ Одну из сходов в Лесном описывает Дейч в воспоминаниях¹⁶.

На основании свидетельств участников можно перечислить лиц, вошедших в новую народническую организацию. О. В. Аптекман из землевольцев называет Г. В. Плеханова, М. Р. Попова, Г. Н. Преображенского, О. Е. Николаева, Н. А. Короткевича, М. К. Крылову, В. Н. Игнатова, Л. Н. Гартмана, Я. В. Стефановича, Л. Г. Дейча, В. И. Засулич, П. Б. Аксельрода и себя¹⁷. Дейч прибавляет к этому списку С. А. Харизоменова, А. А. Хотинского, Ю. М. Тищенко¹⁸. Таким образом, вначале в новую организацию вошло 16 землевольцев (если считать землевольцами Короткевича, Гартмана и Аксельрода). К ним сразу же присоединились не являвшиеся до этого времени членами «Земли и воли» Е. Н. Ковальская, Н. П. Щедрин, Е. И. Козлов, Е. Я. Рубанчик, П. В. Приходько-Тесленко, Е. Шевырева, И. П. Пьянков, а с осени 1879 г.— Р. М. Боград (Плеханова).

Идейная платформа, на которой сплотились и пытались закрепиться «деревенщики», в целом была наследием «Земли и воли», хотя, конечно, и не копировала старой программы полностью¹⁹. Они хотели даже сохранить за собой название «Земля и воля», но террористы запротестовали и лишь в виде уступки позволили в подзаголовке новой газеты выставить девизом: «Земля и воля!» Вскоре, однако, эволюция взглядов членов органи-

¹⁵ Л. Г. Дейч. В. Н. Игнатов.—«Пролетарская революция», 1923, № 9, стр. 14.

¹⁶ Л. Г. Дейч. «Черный передел».— «Историко-революционный сборник», т. 2. Л., 1924, стр. 287.

¹⁷ О. В. Аптекман. Указ. соч., стр. 382—383; он же. «Черный передел» (Страница из истории общества «Земля и воля» 70-х годов).— «Памятники агитационной литературы», т. 1. «Черный передел», орган социалистов-федералистов 1880—1881 гг. М.—Пг., 1923, стр. 91.

¹⁸ Л. Г. Дейч. «Черный передел», стр. 281. Исследователь Н. Л. Сергиевский без достаточных оснований, на наш взгляд, отверг этот факт.

¹⁹ Нельзя забывать о сложности и различных течениях внутри самой «Земли и воли» даже до начала 1879 г., когда в недрах ее зародилось политическое направление.

зации пошла быстрым темпом²⁰. Кроме признания политической борьбы, новая организация стала гораздо больше уделять внимания рабочим; в ее органе отмечались факты разложения крестьянской общины²¹.

Встретив серьезные возражения со стороны народо-вольцев по поводу старого названия своего органа, народники стали искать новое. По сообщениям Ковальской и Дейча, мысль назвать газету «Черным переделом» принадлежала Н. П. Щедрину. «Сначала это вызвало возражения, что название это не будет понято населением, но Щедрин доказал, что среди крестьян Великороссии оно понятно, и, в конце концов, все согласилось»²². Однако название «Черный передел», распространившееся не только на газету, но и на всю организацию, никак нельзя признать удачным. Именно его архаичностью, неудобством и следует объяснить тот факт, что, начиная с 1881 г., многие группы сходного с «Черным переделом» направления стали возвращаться к термину «народники» или искать новые названия.

Не сочувствуя в теории политическому террору²³, но не будучи в силах бороться с этим увлечением революционной молодежи, чернопередельцы хотели воспользоваться деятельностью народо-вольцев и вести агитацию в массах для подготовки народа к царевубийству. С этой целью чернопередельцы решили заранее отпечатать прокламации ко всем слоям населения и хранить их в различных районах страны до момента казни царя. Народо-вольцы согласились отпечатать воззвания в своей типографии, так как чернопередельческая в тот момент (октябрь 1879 г.) еще не была готова. Дейч утверждал, что были

²⁰ Об этом см.: Ш. М. Левин. «Черный передел» и проблема политической борьбы («Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. Сборник статей к 75-летию академика Н. М. Дружинина». М., 1961, стр. 241—253). Это единственная статья в советской литературе о «Черном переделе» за последние 30 лет.

²¹ Объем статьи не позволяет нам остановиться на этом важном, но неразработанном вопросе.

²² Л. Г. Дейч. «Черный передел», стр. 308—309.

²³ Впрочем, осенью 1879 г. все видные противники террора, боясь ареста Плеханова, явились в гостиницу с заряженными револьверами (Р. М. Плеханова. Указ. соч., стр. 89—90). При захвате чернопередельческой типографии жандармы обнаружили в ней пистолеты (ЛГИА, ф. Канцелярии временного петербургского генерал-губернатора (2073), оп. 4, 1880 г., д. 33, л. 2).

составлены воззвания к крестьянам, казакам, солдатам и т. д.²⁴ Очевидно, одним из этой серии воззваний был «Манифест тайного братства „Черный передел“», составленный Г. В. Плехановым²⁵.

Нам неизвестна первая, отличная от землевольчества, программа «Черного передела». Мемуаристы утверждают, что ее вообще не существовало²⁶. Взгляды организации были выражены в статьях № 1 «Черного передела», написанных Плехановым и Аптекманом. Трудно сказать что-либо определенное и относительно устава. Ковальская сообщает о происходивших дебатах при его обсуждении. Но был ли это проект или принятый организацией документ, цельный ли устав или его отдельные пункты, кто являлся его авторами, выяснить невозможно. Единственное, что нам достоверно известно, это решительные возражения Ковальской и Дейча против всего, что напоминало централизм²⁷. Возможно, однако, что это был не устав, а только те места в программных документах, где речь шла о принципах организации.

Для своих нужд новая организация создала ряд конспиративных квартир в Петербурге. Первая была расположена в Измайловском полку, где под фамилией Крюхнер жили Ковальская и Щедрин. Сюда на короткий срок было завезено типографское оборудование, доставленное из Смоленска В. А. Переплетчиковым; здесь же проходили студенческие сходки. Вторая квартира была на Невском проспекте, в д. 130. Хозяевами ее под фамилией Головлевых были Е. И. Козлов и Е. Я. Рубанчик.

Важную роль в окончательном оформлении чернопредельческой организации сыграли переговоры с «Народ-

²⁴ Л. Г. Дейч. От народничества к марксизму.— «Современный мир», 1914, № 2, стр. 60—61.

²⁵ «Литературное наследие Плеханова», сб. 1. М., 1934, стр. 391—392. Д. С. Махлин установил, что этот манифест был напечатан в ноябре 1879 г. в типографии «Народной воли». Утверждение С. Лившица о том, что документ был отпечатан в Лондоне («Подпольные типографии 60-х, 70-х и 80-х годов». — «Каторга и ссылка», 1929, № 6, стр. 46), явно ошибочно.

²⁶ Этому противоречит пока только один факт: в обвинительном акте по делу о чернопредельческой типографии дважды говорится, что были захвачены не только отпечатанные листы «Черного передела», но и рукописи, из которых одна, написанная в двух экземплярах, представляет собой программу (ЛГИА, ф. Петербургского губернского правления (254), оп. 1, 1881 г., д. 11 236, л. 3, 4 об.).

²⁷ Л. Г. Дейч. «Черный передел», стр. 316—317.

ной волей» по поводу раздела землевольческого имущества. Они тянулись долго и были мучительными для обеих сторон. Делегаты «деревенщиков» — Попов, Стефанович и Преображенский — шли на уступки, так как многие члены «Черного передела» не хотели из-за этого обострять фракционную борьбу. Чернопередельцы получили от «Земли и воли» «очень малую долю наследства»²⁸. Типография досталась народовольцам, хотя они имели в запасе еще и «Вольную русскую типографию». Взамен чернопередельцы получили типографские принадлежности в Смоленске, купленные Переплетчиковым на деньги «Земли и воли». Паспортное бюро, связи с контрабандистами на западной границе, сношения с охранительным щитом революционных народников — Н. В. Клеточниковым — все осталось в руках народовольцев. «Черному переделу» приходилось многие стороны работы налаживать заново. Вообще денежные средства «Черного передела» были сравнительно невелики. Они поступали в ограниченных размерах от семьи Игнатовых²⁹. По подсчетам исследователя Н. Л. Сергиевского, чернопередельцы «первого» и «второго» призывов в Петербурге и московские кружки получили большие суммы от члена «Черного передела» Е. П. Дурново: около 17 тыс. руб. одновременно, не считая других, более мелких передач³⁰. На самом же деле до начала 1880 г. от Е. П. Дурново либо вовсе не поступало денежных взносов в Петербургский центр, либо они были весьма невелики. В первом номере журнала не было помещено отчета о денежных пожертвованиях в пользу «Черного передела», но их ждали — при аресте типографии жандармы обнаружили бланки подписных листов³¹.

Самым неотложным делом новой организации была постановка своего печатного органа; для этого была не-

²⁸ П. Б. Аксельрод. Обзор социально-революционного движения в России.— «Jahrbuch für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik». Zürich, 1881, S. 290. (Перевод мой.— *Е. О.*).

²⁹ Л. Г. Дейч. В. Н. Игнатов, стр. 17; Е. Н. Ковальская. Примечания к статье Н. Л. Сергиевского.— «Каторга и ссылка», 1927, № 6, стр. 91.

³⁰ Н. Л. Сергиевский. Е. П. Дурново и денежные средства «Черного передела».— Там же, стр. 86—91; он же. Письмо в редакцию.— «Каторга и ссылка», 1923, № 1, стр. 197—198.

³¹ ЛГИА, ф. 254, оп. 1, 1881 г., д. 11236, л. 4.

обходима типография. П. В. Приходько-Тесленко показал, что он сговорился с М. К. Крыловой, И. П. Пьянковым и другими об устройстве типографии еще в августе 1879 г.³² Сначала предполагали организовать типографию в квартире, которую специально для этого сняла одна из сочувствующих. На бурной сходке у Приходько, где обсуждались условия раздела типографии с народо-вольцами, присутствовали Плеханов, Засулич, Попов, Преображенский, Крылов, Пьянков, Николаев, Тищенко, Щедрин и Ковальская. До полного оборудования помещения типографии шрифт хранился на квартире у М. А. Кланг на Таврической улице.

Затем более удобным было признано помещение, снятое М. К. Крыловой на Васильевском острове, по 14-й линии, в д. 23, кв. 12. Из Саратова выписали близкого к землевольцам рабочего-наборщика А. Я. Жаркова. Кроме того, постоянно жили и работали в типографии Приходько и Шевырева. Связь с внешним миром поддерживал Короткевич. Участвовали в постановке типографии Переплетчиков и Тищенко. В ноябре 1879 г., как установило следствие, типография начала работать³³. Здесь было отпечатано 16 листов № 1 «Черного передела», так как шрифта на набор целого номера не хватило. Распространить тираж почти не удалось из-за ареста. Случайно спасено было несколько экземпляров. 29 января 1880 г. в типографию явились жандармы. Хотя признаки близкого провала и были замечены чернопеределцами, мер по ликвидации или переносу типографии в другое место принять не успели. Жандармы захватили не только печатные принадлежности, но и фальшивые документы, печати, бланки для паспортов, револьверы, 3283 экземпляра «Черного передела» и прокламации «Народной воли» о провале ее типографии в Саперном переулке³⁴. Кроме того, были найдены «наборы шрифта для печатания листовок революционного содержания»³⁵ и арестованы Крылова, Пьянков, Приходько-Тесленко и Шевыре-

³² ЛГИА, ф. 254, оп. 1, 1881 г., д. 11236, л. 8 об.

³³ Там же.

³⁴ ЦГИА СССР, ф. Министерства юстиции (1405), оп. 78, 1880 г., д. 8287, л. 21 об., 22.

³⁵ ЛГИА, ф. 2073, оп. 4, 1880 г., д. 33, л. 2. Речь идет, вероятно, об упомянутой выше чернопеределческой агитационной литературе.

ва. Затем в жандармскую паутину попали Короткевич, Аптекман, Козлов, Рубанчик, Переплетчиков. Начались обыски у студентов, близких к чернопередельческому центру. Все арестованные отказались отвечать на вопросы и назвать свои настоящие имена³⁶. Судило чернопередельцев Особое присутствие Петербургской судебной палаты 29 сентября 1881 г. Приговор был сравнительно мягким: всех арестованных в типографии сослали на различные сроки в Сибирь.

При подготовке к изданию своего органа чернопередельцы проделали большую авторскую и редакционную работу.

В состав редакции «Черного передела» сначала были выбраны Г. В. Плеханов, О. В. Аптекман и Я. В. Стефанович. Ведущая роль среди них принадлежала Плеханову. Он был «главным, если не сказать правильнее, фактически единственным редактором»³⁷. Состав редакции был значительно однороднее, чем руководящий кружок «Земли и воли»; противников у Плеханова внутри «Черного передела» не имелось. Центром редакционной работы было нелегальное убежище Плехановых в Графском (ныне Пролетарском) переулке.

Основной питательной средой чернопередельцев, как и других народнических организаций, были оппозиционно настроенные круги учащейся молодежи, студенчество. Среди них главным образом действовал В. Н. Игнатов. Перед 220—250 технологами на сходке в Измайловском полку выступили Аптекман и Николаев. Их выступления вызвали живой и искренний интерес слушателей³⁸. В Медико-хирургической академии был сильный чернопередельческий кружок, ядром которого являлось волжское землячество: В. Д. Ченькаев, Е. А. Дубровин, Н. Н. Лаврентьев, М. М. Симзен и др. Агенты жандармерии доносили, что на сходках присутствовало не менее 30 человек. Руководил собраниями Я. В. Стефанович, по предложению которого обсуждался вопрос о поездке студентов в Иваново и в Павлово, чтобы наладить связи

³⁶ Аптекман, Пьянков, Приходько, Переплетчиков и арестованные по другим делам Щедрин, Преображенский, Кашинцев отказались в марте 1881 г. принять присягу Александру III.

³⁷ Л. Г. Дейч. Кто прав? — «Сборник группы „Освобождение труда“», № 5. М.—Л., 1926, стр. 261.

³⁸ О. В. Аптекман. Указ. соч., стр. 380.

центра «Черного передела» с рабочими Владимирской губернии³⁹. В 1879 г. был организован кружок «молодых землевольцев», в который входили: А. О. Бонч-Осмоловский, В. И. Яковенко, К. Я. Загорский, М. К. Решко, К. К. Решко и др. Произшедший раскол в «Земле и воле» поставил кружок перед необходимостью выбрать направление, и «тогда все члены кружка примкнули к чернопередельцам»⁴⁰.

Наряду с «Народной волей» чернопередельцы пользовались известным влиянием и в Петербургском университете. Их представителями там были И. И. Шеталов, А. Л. Блек, М. И. Уваров, М. И. Шефтель, С. А. Марковский, В. А. Марковский, В. Н. Переляев. Они поддерживали деятельность Центрального университетского кружка, находившегося в прямой связи с членами Исполнительного Комитета «Народной воли», но часто действовали в университете вполне самостоятельно. Кружки чернопередельческого направления существовали и среди военной учащейся молодежи, в первую очередь в Морском училище. Здесь кружок насчитывал до 20 человек и продолжал действовать после того, как его воспитанники были выпущены офицерами во флот. Среди выдающихся членов этого кружка следует назвать А. П. Буланова, Н. Н. Лаврова, С. А. Вырубова, Н. Н. Петрова и др. Велась чернопередельческая пропаганда и среди воспитанников Педагогического училища.

Активно действовали сторонницы «Черного передела» на Высших женских медицинских курсах: О. К. Трубникова, М. К. Трубникова, Н. Л. Золотарева, Белякова и др. Не уступали им воспитанницы Фельдшерско-акушерских курсов, где вокруг О. И. Карповой и А. Е. Бычковой к началу 1880 г. сложился довольно прочный кружок. Руководящим влиянием в нем пользовалась М. К. Решко. На частых собраниях читались различные социалистические произведения, преимущественно по рабочему вопросу⁴¹. 10 и 16 февраля 1880 г. на квартире Карповой проходили многолюдные сходки, на кото-

³⁹ ЦГАОР СССР, ф. III отд. (109), оп. 1, д. 992, л. 5—7.

⁴⁰ И. И. Попов. А. О. Бонч-Осмоловский.— «Каторга и ссылка», 1931, № 4, стр. 208.

⁴¹ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 78, 1880 г., д. 8331, л. 5—6 об. Все эти сведения содержатся в письмах, захваченных жандармами во время обысков в Москве.

рых читались и обсуждались программы «Черного передела» и «Центральная», т. е. «Народной воли». Но Карповой более всего нравилась программа «Черного передела»⁴². По заданию Уварова Карпова переписывала статью «Глас народа — глас божий» для «Черного передела», а позднее готовилась гектографировать Велико-корусскую программу «социалистов-федералистов» и объяснительную записку к ней⁴³.

Студенческим ответвлением народнической организации был также кружок И. Кавского, И. А. Гурвича В. И. Введенского, Л. А. Золотовой, А. А. Клушина и др. Кружок пытался вести пропаганду среди рабочих, призывал их «восстать против хозяев и силою принудить их к удовлетворению требований рабочих»⁴⁴. Кружок хотел завести свою литографию, готовил материалы для революционных изданий⁴⁵, собирал деньги на нужды чернопередельцев и передавал их Плеханову⁴⁶. Полиция, используя агента Штейпа, осенью 1879 г. арестовала членов кружка и выслала их из Петербурга.

Большое место в деятельности чернопередельцев занимала пропаганда среди рабочих Петербурга. Одновременно с ними действовали и народовольцы. Обе фракции стремились использовать связи, установленные еще «Землей и волей», а также завязать новые. Н. И. Рысаков, например, заявил на дознании о стремлении «так называемой партии „Черный передел“ организовать свои кружки для образования рабочих к мирной пропаганде в среде их»⁴⁷. Строгого разделения на кружки народовольческого и чернопередельческого направлений у рабочих не было. Пропагандисты не касались фракционных разногласий, и рабочие группы, переходившие от чернопередельцев к народовольцам и наоборот, часто не знали, к какой из двух партий принадлежит руководитель их кружка.

Установлением связей с рабочими занимались как члены руководящего центра «Черного передела», так и близко примыкавшие к ним народники из периферийных

⁴² Там же, л. 4—4 об. Письмо Карповой к Бычковой.

⁴³ Там же, л. 9 об.

⁴⁴ Там же, оп. 521, д. 403, ч. II, л. 11.

⁴⁵ Там же, оп. 78, 1880 г., д. 8399, л. 8, 9 об., 10—12.

⁴⁶ «Былое», 1918, № 3, стр. 231.

⁴⁷ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 80, 1881 г., д. 8710, л. 20 об.

кружков. Одно время пытался возобновить свои широкие связи с рабочими в Петербурге Плеханов, но «затем передал их другим товарищам — членам „Черного передела“, ...сам же он всецело отдался редактированию нового органа»⁴⁸ и в период с октября 1879 г. по январь 1880 г. встречался лишь с отдельными членами «Северного союза русских рабочих», чаще всего с С. Халтуриным⁴⁹. Из народников, близко стоявших к чернопередельческому центру, уже в тот период пропаганду среди рабочих вели Е. А. Дубровин, А. П. Буланов, В. Н. Переляев, А. Н. Ульянов, И. И. Шеталов, что видно из различных жандармских дознаний и из дел Министерства юстиции (в частности, из дела по обвинению 85 лиц в пропаганде среди рабочих Петербурга)⁵⁰. Однако ни архивные дела, ни мемуары не позволяют установить число участников чернопередельческих рабочих кружков. И народовольцы, и чернопередельцы считали пролетариев частью страдающего и угнетенного народа, к тому же наиболее восприимчивыми к пропаганде. Первые рассматривали рабочих как источник пополнения своих террористических групп, как среду, из которой можно сформировать отряды для поддержки в решительный момент заговора революционеров. Вторые считали пролетариат ближайшим помощником революционной интеллигенции в подготовке народа к революции и изменению социального строя России.

Центр «Черного передела» видел смысл своего существования в организации крестьянского восстания. Взоры организации обратились к Чигиринскому уезду, так как крестьяне — соучастники Стефановича и Дейча по «чигиринскому заговору», — сидевшие в Киевской тюрьме, прямо говорили о возможности возрождения крестьянского движения на их родине. Главная роль отводилась на сей раз М. Р. Попову. О подложных царских манифестах теперь уже не было и речи. Попов поехал в Киев и оттуда под видом мелкого торговца собирался стправиться по деревням Чигиринского уезда⁵¹. В не-

⁴⁸ Л. Г. Дейч. Г. В. Плеханов. Материалы для биографии, вып. 1. От народничества к марксизму. М., 1922, стр. 50.

⁴⁹ Р. М. Плеханова. Указ. соч., стр. 96.

⁵⁰ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 80, 1881 г., д. 8710.

⁵¹ Любопытно, что из 27 листов № 1 «Черного передела» в девяти идет речь о «чигиринском заговоре».

посредственную разведку отправился и чернопеределец Н. Н. Петров. Оказалось, что в массе крестьянство совсем не так настроено, как это казалось сидящим в тюрьме крестьянам, а полиция и жандармы бдительно следят за Чигиринским уездом⁵². Поэтому на совещании Стефановича, Дейча и Попова в Одессе было решено временно отказаться от чигиринских планов. Неудачными также были попытки и других чернопередельцев, предпринятые в этом направлении.

Главная роль при зондировании почвы в провинциях среди близкой к чернопередельцам молодежи и в установлении связей между отдельными центрами, а также в упрочении их отношений с Петербургом принадлежала Л. Г. Дейчу. Он несколько раз побывал в Москве, ездил в Харьков, Одессу, на короткий срок в ноябре 1879 г. возвращался в Петербург. М. Р. Попов поселился в Киеве, Г. Н. Преображенский налаживал работу в Москве; в Одессе действовали Я. В. Стефанович и П. Б. Аксельрод. Имелись у чернопередельцев значительные связи и в Минске. Высланный сюда из Петербурга И. Гурвич, его сестра Е. Гурвич, С. Гринфест, И. Гецов, Е. Левков и другие организовали кружок, имевший связи с контрабандистами. Этим путем «Черный передел» переправлял за границу и из-за границы революционеров и нелегальные издания. «Минск стал известен революционным центрам и в свою очередь являлся таковым: мы получали книги и распространяли их в таких городах, как Вильно, Витебск, Могилев и др.»⁵³ Одна из корреспонденций в первом номере «Черного передела» с Дона свидетельствовала о том, что связи, налаженные некогда Плехановым и Аптекманом, там еще сохранились. Однако вскоре выяснилось, что всюду круг знакомств и связей ограничивался главным образом средой учащейся молодежи.

«Черный передел» не признавал централизма; по всей вероятности, он не имел определенного устава и склонялся к принципам федерализма. Представляется, что отношения провинциальных групп с центром были основаны на полном равноправии кружков, на их автоно-

⁵² М. Р. Попов. Из автобиографии.— «Былое», 1925, № 1, стр. 74.

⁵³ И. Гецов. Типография «Черного передела».— «Сборник группы „Освобождение труда“», № 1. М., 1923, стр. 126.

мии и независимости в рамках общего идейного направления. Петербургский кружок пользовался авторитетом у других чернопредельческих групп не в силу принятых обязательств или устава, а вследствие своей большей опытности в революционных делах, организаторской инициативы и идейного влияния на отдельные кружки чернопредельцев⁵⁴.

В своем полном составе коллектив основателей «Черного передела» едва ли действовал несколько месяцев. Сначала арестовали О. Е. Николаева, потом в январе — феврале 1880 г. еще 8 чернопредельцев. Плеханову, Дейчу, Засулич и Стефановичу в начале того же года пришлось эмигрировать в Швейцарию, что они сделали с видимой неохотой. От работы отошли Харизоменов, Хотинский, Тищенко. На помощь был вызван из Одессы Аксельрод, но это не меняло общей картины. «Первоначальный кружок был почти совершенно разрушен, остались только его отпрыски в Москве, Киеве и Харькове», — давал показание на дознании Стефанович⁵⁵. Все это не позволяло по-настоящему закрепить связи даже с такими центрами, как Харьков, Казань и др.

Но последователи первоначального кружка остались прежде всего в Петербурге. Вскоре они организовали здесь новый чернопредельческий центр. Этому способствовала деятельность уцелевших и выпущенных чернопредельцев «первого призыва»: Е. Н. Ковальской, Н. П. Щедрина, П. Б. Аксельрода, Е. И. Козлова, Е. Я. Рубанчик. Вскоре у нового центра появились проекты программы и устава, в выработке которых участвовали Аксельрод и Преображенский.

Поэтому, характеризуя отобранные у Дурново документы, прокурор писал о «черновом уставе общества „Земля и воля“ с пояснительной к нему запиской; в уставе содержатся указания на программу действий революционного сообщества, известного под именем народни-

⁵⁴ Н. Л. Сергиевский считал, что петербургский кружок может быть назван центральным лишь в области издательской деятельности (см. его работы о денежных средствах «Черного передела» в «Каторге и ссылке», 1927, № 6; 1928, № 1). Однако это мнение никак не аргументировано и встретило серьезные возражения со стороны одного из видных деятелей кружка — Е. Н. Ковальской.

⁵⁵ «Историко-революционный сборник», т. 2, стр. 409.

ческой фракции русской социалистической партии»⁵⁶. Однако оба эти документа целиком приняты не были. Но имеется и другая характеристика организационных основ. «Нынешние чернопередельцы,— писал П. Л. Лавров в центральном их органе,— имеют в виду одновременно две различные организации: организацию убежденных социалистов, как кадр революции на основании социалистических убеждений, и организацию недовольных народных сил на тех началах, которые вызывают это недовольство; затем тесную связь этих двух организаций и совершение революции силами организованных народных масс под влиянием социалистических идей тесно связанного с народом кадра социалистической интеллигенции»⁵⁷.

При вступлении в этот чернопередельческий кружок (в отличие от центров «Земли и воли» и «Народной воли») не требовалось какого-либо организационного оформления. Для приема в него были достаточны активная работа и выполнение поручений кружка. Стефанович показал, что кружок этот оформился весной 1880 г. и «не имел ни руководящего влияния на провинциальные, ни тесной связи с ними»⁵⁸. Судя по всему, кружок, возникший в феврале — марте 1880 г., был менее влиятельным, чем первый чернопередельческий центр, не мог руководить народниками в провинции, хотя связи с другими кружками у него были. Они остались неизвестными Стефановичу, находившемуся в эмиграции.

Состав петербургского кружка был сравнительно обширен. По сведениям Дейча, в нем участвовало «двадцать с чем-то человек в одном Петербурге, не считая Москвы»⁵⁹. Участница кружка О. К. Трубникова в своих воспоминаниях называет следующих лиц: А. П. Буланов, П. Б. Аксельрод, Е. И. Козлов, Е. Я. Рубанчик, А. Н. Ульянов, А. П. Ульянова, М. И. Уваров, М. И. Шефтель,

⁵⁶ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 78, 1880 г., д. 8619, л. 4 об. Этот устав Е. П. Дурново пыталась выдать за документ пятилетней давности (л. 8).

⁵⁷ «Памятники агитационной литературы», т. 1. «Черный передел», стр. 256.

⁵⁸ «Историко-революционный сборник», т. 2, стр. 409.

⁵⁹ Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Рукописный отдел, Дом Г. В. Плеханова. (Далее — «Дом Плеханова»). Архив Дейча, 8.493 (инв. № 10 683), л. 12 об., прим. 9.

К. Я. Загорский, В. А. Марковский, С. А. Марковский, Белякова, М. А. Кланг, Н. Л. Золотарева, О. К. Трубникова, М. К. Трубникова, В. Д. Ченыкаев, Н. Н. Лаврентьев, М. М. Симзен, С. А. Вырубов, В. П. Дружинин, Муравьев, А. П. Налимов, В. Философов, Воробьев, А. Л. Блек, Н. И. Семенов, М. К. Решко, А. О. Бонч-Осмоловский, Е. А. Дубровин, В. Н. Переляев⁶⁰. К этому списку на основании других воспоминаний и многочисленных документов следует добавить К. К. Решко, И. И. Шеталова, А. Е. Бычкову, Н. Н. Лаврова, В. Н. Лаврова, Т. Л. Блек, Д. Философова, В. И. Бонч-Осмоловскую, Н. Н. Петрова, О. И. Карпову. Таким образом, всего в кружке состояло около 40 человек.

Влиятельными членами кружка были А. П. Буланов, П. Б. Аксельрод, М. К. Решко. Они вели организационную работу и руководили всеми сторонами разнообразной деятельности. Е. И. Козлов и Е. Я. Рубанчик до их ареста в июле 1880 г. поддерживали связи с провинцией. Сестры Трубниковы ведали перепиской и связями с эмигрировавшими чернопередельцами, участвовали в хранении и перевозке «Черного передела». Члены кружка выполняли самые разнообразные поручения.

Центром работы чернопередельцев в 1880 г. была легальная квартира Ульяновых по Средней Мещанской. «В ней встречались для обсуждения разных вопросов оставшиеся члены старой организации и вновь к ним примкнувшие. Нередко в ней скрывались и нелегальные. Харизоменов, например, сидел не меньше месяца»⁶¹. Летом 1880 г. из-за неосторожности Е. П. Дурново от явки в квартире Ульяновых пришлось отказаться. Другим центром была квартира Решко на Петербургской стороне (Белозерская улица, д. 3); в этой квартире бывали «чернопередельческие сборища», главным образом редакционные⁶². Некоторое время продолжала функционировать квартира Козловых на Невском проспекте. Местом явок чернопередельцев была модная мастерская

⁶⁰ О. К. Буланова-Трубникова. Три поколения. М.—Л., 1928, стр. 166; она же. «Черный передел».— «Сборник группы „Освобождение труда“», № 1, стр. 118; она же. «Черный передел».— «Вестник знания», 1929, № 16, стр. 589.

⁶¹ А. Ульянова. Воспоминания. В рядах «Черного передела».— «Дом Плеханова». Архив Плехановой. 13.9 (инв. № 11 469), стр. 9—10.

⁶² О. К. Буланова. «Черный передел».— «Сборник группы „Освобождение труда“», № 1, стр. 120—121.

M-me Theodore на Большой Морской. Владелицей ее была Ю. К. Котомина — сестра Решко. Одним из сборных пунктов являлся дом Николаева на Песках. В январе — мае 1880 г. связь этой квартиры с организацией поддерживали Рубанчик, Решко, Кланг, Плеханова⁶³. Как видно из дела прокуратуры о чернопередельцах, их явкой был сапожный магазин, где им помогала хозяйка С. Г. Газенгер⁶⁴. На Таврической улице в квартире Кланг также было место явок и сходок чернопередельцев.

Первой заботой кружка являлась типография, но создать ее в Петербурге так и не удалось. Пришлось вначале довольствоваться небольшими изданиями на гектографах. Возвания и прокламации размножались на квартире Ульяновых. «Обширная объяснительная записка к программе „Черного передела“, составленная Аксельродом, размножена тоже на гектографе, который всюю действовал в нашей обширной квартире»⁶⁵. Спрос на издания был велик; все напечатанное за день немедленно распространялось. В конце 1880 — начале 1881 г. действовал гектограф на квартире Кланг. Здесь были изданы сказки М. Е. Салтыкова «Орел» и «Пескарь». Кружок старался расширить печатное дело; от его имени Козлов просил московских чернопередельцев прислать шрифт и маленький типографский станок, хранившийся у Е. П. Дурново⁶⁶. Ее арест помешал этому.

Лишь к концу 1880 г. петербургским, московским и минским чернопередельцам удалось организовать в Минске типографию. Шрифт достали в виленской губернской типографии. Наборщиком был И. Гецов⁶⁷. Для маскировки места издания указывалось: «Летучая типография», или типография общества «Земля и воля» в Петербурге.

Гецов, Левков, Гринфест занялись только печатанием. О местонахождении минской типографии знало всего несколько членов петербургского кружка. Материалы доставляли А. П. Буланов и Н. Н. Лавров. Готовую продукцию отвозили в Петербург на квартиру Трубни-

⁶³ Р. М. Плеханова. Указ. соч., стр. 103, 112.

⁶⁴ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 78, 1880 г., д. 8619, л. 5.

⁶⁵ А. Ульянова. Указ. соч., стр. 10.

⁶⁶ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 78, 1880 г., д. 8619, л. 5.

⁶⁷ И. Гецов. Указ. соч., стр. 127—128.

ковых, откуда она и распределялась по многочисленным кружкам в столице и в провинциях. В минской типографии были напечатаны № 3, 4 и 5 «Черного передела», № 3, 4, 5 и 6 газеты «Зерно», прокламация «Земля и воля» от 14 марта 1881 г. с сообщением о казни Александра II, прокламация «Северного рабочего союза» по поводу стачки, прокламация «Суд и пытка» за подписью «Мирные обыватели», воззвание от 15 июня 1881 г. в связи с погромами на юге России и «Программа Народной партии». В конце декабря 1881 г. эта типография была обнаружена жандармами. Виновником провала был В. И. Яковенко, у которого при аресте в Москве были отобраны различные материалы и многочисленные адреса. Гринфест, Левков и Гецов успели бежать за границу.

Чернопередельцы «второго призыва» распространяли агитационную и пропагандистскую литературу «Земли и воли» и газету «Черный передел» (№ 1, переизданный в Лондоне, и № 2, вышедший там же), все издания минской типографии и прокламации народовольцев, если они не противоречили в принципе программе «Черного передела». А. Ульянова, например, указывает на прокламацию по поводу взрыва в Зимнем дворце 5 февраля 1880 г., произведенного С. Халтуриным. Эти прокламации она с Покровской распространяли за Обводным каналом, поближе к заводам, рассылали в конвертах по адресам волостных правлений. Чернопередельческое происхождение, видимо, имеет также листовка «Ткачам и рабочим Новой бумагопрядильни», найденная на фабрике 7 марта 1880 г.⁶⁸

Ведущая роль в редактировании «Черного передела», в написании статей в № 3—5 принадлежала А. П. Буланову, М. И. Шефтелю, К. Я. Загорскому. Участвовали в газете Плеханов, Лавров. Кроме того, петербургский кружок выпускал еще специальный орган для рабочих — газету «Зерно». Она служила целям агитации; в ней чернопередельцы рассказывали о причинах бедственного положения народа, стараясь поднять пролетариат на борьбу. Нередко и рабочая организация «Народной воли» использовала «Зерно» для пропаганды.

⁶⁸ Гектографированный экземпляр листовки был представлен губернатору отделением по охране общественного порядка и спокойствия в Петербурге (ЛГИА, ф. 2073, оп. 4, 1880 г., д. 7, л. 12, 13, 13 об., 14).

И здесь главной литературной силой был кружок Буланова, Шефтеля, Загорского. О. К. Буланова утверждает, что ее муж написал все материалы в № 3 и 4⁶⁹. Ему же принадлежит рассказ «За кого царь?», продолжавшийся в № 3, 4 и 5⁷⁰. Только «Русскую жизнь» № 3 написал Загорский. В № 1 «Зерна» автором статьи «Хозяйская прибыль и барщина», популяризирующей для рабочих учение К. Маркса о прибавочной стоимости и деньгах, был Н. С. Русанов⁷¹. Газета «Зерно» часто рассылалась вместе с номерами «Черного передела». В моменты, когда не было центрального органа, газета «Зерно» как бы заменяла его и широко распространялась среди крестьян, рабочих и даже матросов на флоте.

Чернопередельцы «второго призыва» располагали по тем временам немалыми денежными средствами. Они складывались главным образом из добровольных пожертвований и доходов от различных предприятий. Одно из таких предприятий — лотерею — описывает А. Ульянова. В кассу «Черного передела» поступали также деньги, вырученные от продажи гектографированных у М. А. Кланг сказок М. Е. Салтыкова-Щедрина. Среди чернопередельцев были и состоятельные люди. Кроме Игнатовых, какие-то деньги передавала московскому и петербургскому кружкам Е. П. Дурново. В отобранном у нее письме Е. И. Козлова говорится о «Лизавете» и «Гавриле», которые снабжают общество деньгами, рассказывает о произведенных тратах. Козлов показал, что «денежные средства, о коих в письме идет речь, не принадлежат какому-либо отдельному лицу, а составляют общественную собственность»⁷². Таким образом, факт поступления денег в кассу «Черного передела» от Дурново несомненен⁷³. Серебро, ценности и деньги пе-

⁶⁹ О. Буланова. А. П. Буланов.— «Каторга и ссылка», 1924, № 5, стр. 291—296.

⁷⁰ О. К. Буланова-Трубникова. Три поколения, стр. 170.

⁷¹ Н. С. Русанов. Из моих воспоминаний, т. 1. Берлин, стр. 342—343.

⁷² ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 78, 1880 г., д. 8619, л. 4 об., 6 об. Под именем «Лизаветы» была известна Е. Дурново, под именем «Гаврилы» — Г. Черкасов.

⁷³ Дочь Е. Дурново-Ефрон А. Я. Трубчинская сделала в 1962 г. автору этих строк устное заявление, согласно которому семья ее матери не обладала такими большими денежными средствами, как их представлял себе Н. Л. Сергиевский.

редали кружку «Черного передела» Бонч-Осмоловские⁷⁴. Представление о масштабах пожертвований сочувствующих дают денежные отчеты в центральном органе. В его № 2 указана сумма 1111 руб., в № 3 — 9227 руб. 20 коп., в № 4 — 2155 руб., в № 5 — 2995 руб. Таким образом, всего за период существования второго петербургского кружка «Черного передела» от сочувствующих поступило около 15 500 руб., хотя, конечно, в этот подсчет и не вошли многие суммы. Листки пожертвований в пользу «Черного передела» находили при обысках в столице и в самых различных губерниях⁷⁵.

Петербургский кружок поддерживал самые тесные связи с эмигрировавшими чернопередельцами, помогал им деньгами, снабжал сведениями, получал от них литературу. Весной 1880 г. для устранения теоретических разногласий в Женеву ездила Е. Я. Рубанчик. Эта поездка была использована для расширения связей⁷⁶. Летом 1880 г. оживлению связей между чернопередельцами Петербурга и Швейцарии способствовал Аксельрод, поселившийся в Румынии. Молодежь всемерно содействовала своим старшим товарищам. Недаром Дейч с такой благодарностью вспоминал о помощи Буланова и Трубниковых⁷⁷. О том же самом писал и Плеханов⁷⁸. Из-за границы петербургские чернопередельцы получили № 1 (переизданный) и № 2 «Черного передела»; брошюры «Злоба дня» Я. В. Стефановича и «Начало конца» Борисова (И. И. Добровольского), «Хитрую механику», «Коммуну» П. Л. Лаврова; журнал «Община» и др.⁷⁹

Были связи у петербургских чернопередельцев и с провинциями. В 1881 г. Аксельрод писал, что сила народников «заключается в большом количестве социали-

⁷⁴ И. И. Попов. А. О. Бонч-Осмоловский, стр. 208.

⁷⁵ При аресте Е. А. Дубровина 2 февраля 1882 г. у него нашли, например, листок № 238 (ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 82, 1882 г., д. 9357, л. 9 об., 16).

⁷⁶ Е. Я. Рубанчик так осторожно действовала при переходах границы, что ее многонедельное отсутствие в Петербурге не было вообще замечено властями. При аресте ее в июле 1880 г. никаких вопросов о связях с Плехановым и другими эмигрантами ей не задали.

⁷⁷ Л. Г. Дейч. Предисловие к воспоминаниям О. К. Булановой. — «Сборник группы „Освобождение труда“», № 1, стр. 113.

⁷⁸ Г. В. Плеханов. Почему и как мы разошлись с редакцией «Вестника „Народной воли“». — «Искра», 1 декабря 1903 г.

⁷⁹ «Историко-революционный сборник», т. 2, стр. 409.

стической молодежи в Москве, Петербурге и Казани; эта молодежь, однако, родом из провинции и делает все возможное, чтобы приумножить там ряды сторонников своей фракции»⁸⁰. Хотя некоторые народовольцы и считали это утверждение голословным, но факты подтверждают наличие связей петербургского и московского чернопеределъческих кружков с их единомышленниками в Казани⁸¹. Кроме того, из отобранных у Дурново документов видно, что продолжались сношения с Кубанью, Терекон и Северным Кавказом, в частности со станцией Усть-Медведицкой⁸².

Издания чернопеределъцев в этот период довольно широко распространялись по всей Европейской части России, что свидетельствовало о значительности связей чернопеределъцев. О том же говорят корреспонденции, печатавшиеся в «Черном переделе». Достаточно взглянуть на № 3—5, в котором собраны корреспонденции из деревень Смоленской, Симбирской, Саратовской, Тамбовской, Полтавской, Одесской губерний и из Перми. Доказательством обширности связей чернопеределъцев внутри России служит и их намерение созвать в Москве в 1880 г. съезд сторонников этого направления с участием представителей от петербургских и заграничных чернопеределъцев. О подготовке съезда говорится в воспоминаниях В. А. Анзиминова⁸³ и, что еще более важно, в письме П. Б. Аксельрода, датированном 21 июня 1880 г.⁸⁴

Самой важной стороной деятельности чернопеределъческой организации практически становилась их пропаганда среди рабочих. Программные документы, статьи в

⁸⁰ П. Б. Аксельрод. Обзор социально-революционного движения в России, стр. 290—291.

⁸¹ Например, в конце февраля 1881 г. руководитель казанского студенческого чернопеределъческого кружка А. А. Тимофеев был специально командирован в Москву для ознакомления с положением дел и установления связей с революционерами. В Москве он встречался и с народовольцами, и с чернопеределъцами (Г. Черкасовым, В. Казаковым и др.), с которыми и сошелся во взглядах (ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 83, 1883 г., д. 11053, л. 101, 101 об.).

⁸² Там же, оп. 78, 1880 г., д. 8619, л. 5.

⁸³ В. А. Анзиминов. Крамольники. М., 1907, стр. 147.

⁸⁴ П. Б. Аксельрод. Письмо товарищам в Швейцарию.— «Сборник группы „Освобождение труда“», № 3. М.—Л., 1925, стр. 142.

«Черном переделе», в заграничных изданиях, принадлежавшие перу чернопередельцев, по-разному обосновывали эту давно намечавшуюся направленность в пропагандистской деятельности. Но при всех различиях теоретических предпосылок практический вывод был ясен: пролетариат — восприимчивая среда для пропаганды, он более развит, чем крестьянство, живет в городе, что облегчает доступ к нему. Самой видной фигурой этой пропаганды в Петербурге уже в 1880 г. стал А. П. Буланов. Он руководил несколькими рабочими кружками.

Как и в 1879 г., резких разграничений между пропагандистами народовольцами и чернопередельцами не было. С Булановым, например, находились в тесной связи близкие к народовольцам студенты Петербургского университета В. И. Перов, Ф. Н. Компанец, Е. М. Сидоренко, Н. В. Судаков. О фактах единых действий пропагандистов на 11 заводах в 1881 г. можно судить и по воспоминаниям В. С. Панкратава⁸⁵.

Продолжали свою пропагандистскую деятельность в рабочих кружках студенты-чернопередельцы В. Н. Переляев, И. И. Шеталов. У последнего было при обыске отобрано несколько номеров «Общины», «Начала», прокламации «Земля и воля» и сочинение Лаврова о Парижской Коммуне⁸⁶. Таким образом, литература, посылавшаяся Стефановичем из-за границы, служила хорошим подспорьем чернопередельцам-пропагандистам. Непосредственно с рабочими занимался К. Я. Загорский. Под именем Николая Николаевича рабочим был известен Алексей Ульянов⁸⁷. Следствием было установлено участие в пропаганде среди рабочих Е. А. Дубровина⁸⁸. Связаны с рабочими были В. А. Марковский, С. А. Вырубов, А. Л. Блек, С. А. Марковский, А. О. Бонч-Осмоловский⁸⁹. Рабочие относились к пропагандистам с большой преданностью⁹⁰. Всего пропагандой среди рабочих в разное время занималось более 20 членов пе-

⁸⁵ В. Панкратов. Из деятельности среди рабочих в 1880—1884 гг.— «Былое», № 3, 1906, стр. 239.

⁸⁶ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 80, 1881 г., д. 8710, л. 42.

⁸⁷ Там же, л. 62 об., 63.

⁸⁸ Там же, л. 69.

⁸⁹ И. М[айнов]. Александр Львович Блек.— «Каторга и ссылка», 1925, № 3, стр. 222; И. И. Попов. Указ. соч., стр. 208.

⁹⁰ А. Ульянова. Указ. соч., стр. 9.

тербургского чернопередельческого кружка. В результате зимой 1880—1881 гг. связи с рабочими так укрепились, что Аксельрод писал о создании группы «Северного рабочего союза», о переговорах между ним и делегатами чернопередельцев, о попытке создать рабочую газету при совместной редакции. Аресты среди рабочих помешали осуществить эти планы⁹¹.

По утверждению А. Ульяновой, ее муж вел пропаганду на заводе Сан-Гали, Патронном (Васильевский остров), а главное — на заводах, расположенных около Нарвской заставы⁹². К. Я. Загорский называет другой центр — за Невской заставой⁹³. Здесь находилось много текстильных предприятий. Но работа в этой части Петербурга была сопряжена с огромными трудностями из-за отдаленности; только на дорогу в оба конца уходило пять часов. На правом берегу Невы летом 1881 г. был еще один центр пропаганды чернопередельцев. Описание сходки рабочих под руководством Буланова дали в своих показаниях участники кружка рабочие В. П. Зайцев и М. Д. Романов⁹⁴.

Среди распропагандированных рабочих выделялся Ф. Х. Артищев, который познакомился с чернопередельцами во время своей службы во флотском экипаже в Кронштадте. Вскоре он уже распространял нелегальные издания⁹⁵. В 1880 г. Артищев был уволен в запас, уехал в Воронежскую губернию, оттуда, переписываясь с товарищами по экипажу, дал им адрес петербургской явки чернопередельцев в квартире Решко⁹⁶. По возвращении в Кронштадт Артищев возобновил свою деятельность среди рабочих местных мастерских и заводов. Он был арестован 12 мая 1881 г. по делу о 85 лицах, обвиненных в революционной пропаганде среди рабочих Петербурга, и погиб в тюрьме 9 апреля 1882 г. от воспаления легких и малокровия⁹⁷.

⁹¹ П. Б. Аксельрод. Обзор социально-революционного движения в России, стр. 291.

⁹² А. Ульянова. Указ. соч., стр. 9.

⁹³ К. Я. Загорский. В 1881—1882 гг. Воспоминания.— «Каторга и ссылка», 1931, № 3, стр. 165—166.

⁹⁴ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 80, 1881 г., д. 8638, л. 87—89.

⁹⁵ Там же, д. 8710, л. 41—41 об.

⁹⁶ Там же, оп. 82, 1882 г., д. 9296, л. 15.

⁹⁷ Там же, оп. 80, 1881 г., д. 8710, л. 181.

Ф. Х. Артищев привлек к пропаганде среди рабочих С. И. Сосина. Через него чернопеределъческий центр пытался связаться не только с матросами и рабочими кронштадтских мастерских, но и с деревней. Сосин возлагал на своих товарищей-нижегородцев матросов Фоменко, Филатова и писаря Арронема большие надежды. Фоменко сообщил Сосину адреса нескольких своих знакомых в дер. Ярески Миргородского уезда Полтавской губернии. В их числе был адрес крестьянина Федора Кийко. Чернопеределъцы сразу же воспользовались этим и послали Кийко прокламацию по поводу казни Александра II⁹⁸. Властям это удалось выяснить только через год, а прокламация в течение этого года распространялась среди крестьян. Сосину грозил арест, но он был предупрежден об этом офицерами-чернопеределъцами и бежал из Кронштадта. Сначала Сосин работал под руководством Буланова среди рабочих в Петербурге, затем переехал в Москву и занимался, по его признанию, также «пропагандой среди рабочих», пока не был арестован и сослан на 5 лет в Восточную Сибирь⁹⁹.

Властям удалось установить состав одного из рабочих кружков Петербурга, руководимого А. П. Булановым. В него входили В. Зайцев, М. Романов, Г. Николаев, В. Панкратьев, А. Трапицын. На сходках у Киновейского монастыря Буланов призывал слушателей агитировать за «бунт», за переход фабрик и заводов в руки самих рабочих. Для этого они должны были организовать артели. Задачей бунта, говорил Буланов, является сокращение оброка, лишение попов их доходов. Зайцев указал, что их руководитель приносил с собой рукописную программу, где говорилось обо всем этом, маленькие книжки (заглавие одной — «Емелька Пугачев» — Зайцев запомнил), народовольческую литературу¹⁰⁰. Романов в своем показании писал, что Буланов читал рабочим «Сказку о копейке», «Хитрую механику», «Зерно»¹⁰¹.

Из показаний В. П. Зайцева видно, что центр «Черного передела» пытался связаться с рабочими других

⁹⁸ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 82, 1882 г., д. 9296, л. 18—18 об.

⁹⁹ Там же, д. 9120, л. 15—15 об.

¹⁰⁰ ЦГАОР СССР, ф. Особого присутствия Правительствующего сената (112), оп. 1, д. 538, л. 83.

¹⁰¹ Там же, л. 88.

городов. Так, в декабре 1881 г. Зайцев уехал в Тулу, где поступил работать в железнодорожные мастерские¹⁰². По просьбе Буланова он еще раньше написал рекомендательное письмо в Харьков, адресовав его токарю железнодорожных мастерских А. Хромову¹⁰³.

Сохранилось описание занятий с рабочими чернопредельца-пропагандиста за Невской заставой. Занятия шли группами по 8—10 человек по 1,5—2 часа. Автор воспоминаний писал: «Занятия мои с рабочими заключались в изложении и разъяснении им основных положений учения Маркса относительно товарного производства, стоимости, капитала и проч.»¹⁰⁴.

Чернопредельческая пропаганда охватила значительное число рабочих. В октябре 1881 г. П. Б. Аксельрод писал П. Л. Лаврову на основании сообщений своих товарищей из России: «У шитерских чернопредельцев хорошо организованы 150 рабочих»¹⁰⁵.

Наряду с «рабочим делом» кружок чернопредельцев по-прежнему уделял большое внимание студенческой молодежи, устраивал диспуты с народовольцами. Чаще других от чернопредельцев выступал А. П. Буланов¹⁰⁶. А. Ульянова вспоминала: «Последователей чернопредельческой программы среди учащейся молодежи явилось много на Бестужевских, Георгиевских фельдшерских курсах, в учительской семинарии, в Технологическом институте и др. учебных заведениях»¹⁰⁷. В 1880—1881 гг. был организован новый кружок воспитанников технического училища во главе с В. Н. Лавровым и И. И. Петровым. Независимую от Центрального университетского кружка группу в университете создал Н. И. Семенов. Его товарищи разделяли идеи чернопредельцев. Лишь значительно позже, после распада петербургского чернопредельческого центра, кружок Семенова примкнул к «Народной воле». Видную роль в университете играл

¹⁰² ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 80, 1881 г., д. 8638, л. 87 об.—88,

¹⁰³ Там же. Письмо было отобрано у Е. М. Сидоренко, который с Зайцевым не был знаком, но пропагандировал среди рабочих и был в тесной связи с А. П. Булановым.

¹⁰⁴ К. Я. Загорский. Указ. соч., стр. 165—166.

¹⁰⁵ «Дом Плеханова», В. 14.61.

¹⁰⁶ Е. Сидоренко. Гимназические и студенческие годы.— «Кандалный звон», 1926, № 4, Одесса, стр. 79.

¹⁰⁷ А. Ульянова. Указ. соч., стр. 8.

чернопеределец И. Шеталов. Он был организатором протеста против студента-доносчика Покровского. Вместе с ним действовали чернопередельцы Бонч-Осмоловский, Переляев, Шефтель и Яковенко¹⁰⁸.

Были у чернопередельцев значительные связи и в военной среде. Если «Народная воля» создала особую военную организацию со своим центром и специфическими задачами, то чернопередельческие военные кружки ничем не отличались от их других кружков. Особенно сильны были связи чернопередельцев в Кронштадте, где к ним примкнула большая часть морского кружка Дружинина, Балка, Вырубова и др. Главные усилия чернопередельцев были направлены на пропаганду среди матросов, «которую вели с 1878 по 1880 г. такие лица, как Буланов, Вырубов и Лавров»¹⁰⁹. Чернопередельцы-офицеры «сорганизовали на передельческой программе от 80 до 100 человек матросов»¹¹⁰. Ответвлением офицерского чернопередельческого кружка был кружок С. Стемпневского, В. Абрамова и др. Как писал прокурор, руководил сходками этого кружка Вырубов. Здесь бывали офицеры А. П. Налимов, Есиновский, В. Г. Абрамов, Н. И. Покровский и «нижние чины» 5-го флотского экипажа, преимущественно минеры. При обыске у Стемпневского были отобраны пропагандистские издания, полученные от М. К. Решко, А. Бычковой, С. Вырубова, В. Абрамова¹¹¹.

В 1881 г. жандармы обнаружили широкое распространение «преступной пропаганды» и нелегальной литературы среди матросов 8-го флотского экипажа. На квартире у унтер-офицера В. Федорова собирались А. Вальтерсдорф, Ф. Артищев, офицеры В. Дружинин, В. Балк, В. Лавров¹¹². К дознанию были привлечены С. Сосин и К. Мартенсон. Среди вещей скрывшегося Сосина нашли письмо с петербургской явкой чернопередельцев¹¹³. 2 апреля 1881 г. был произведен обыск у

¹⁰⁸ ЛГИА, ф. Петроградского университета (14), оп. 25, 1881 г., д. 26, л. 13—14, 16, 18, 19, 20 об.

¹⁰⁹ См. откровенные показания Ф. И. Завалишина («Каторга и ссылка», 1925, № 8, стр. 214).

¹¹⁰ Е. А. Серебряков. Революционеры во флоте. Пг., 1920, стр. 29—30.

¹¹¹ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 78, 1880 г., д. 8491, л. 6, 6 об., 8.

¹¹² ЦГАОР СССР, ф. 102, 3-е дел-во, 1882 г., д. 523, л. 10—10 об.

¹¹³ Там же, 1883 г., д. 1219, л. 5.

Решко, в результате которого был арестован ряд чернопеределъцев, участвовавших в работе центрального кружка.

С этим же центром был связан и смешанный социалистический кружок в Гельсингфорсе. В нем в 1881—1882 гг. наряду с учителями состояли и офицеры-артиллеристы. Членами кружка были П. Сикорский, Н. Тарасов, П. Кашинский, Н. Вукотич, Л. Книпович, Ч. Мошинский, А. Вейгерт, П. Леонтьев, И. Левицкий, Г. Левицкий. Кружок перепечатывал народовольческую и чернопеределъческую литературу, поддерживал через Левицких связи с Кланг, Марковскими, Блеком. Последний приезжал в Гельсингфорс и приобрел здесь для чернопеределъцев два гектографа¹¹⁴.

Чернопеределъцы «первого» и «второго» призывов поддерживали активные связи со студентами поляками, учившимися в Петербурге, с социалистами, близкими к изданию «*Ruwnosci*». Кроме редакции¹¹⁵ и центральных кружков «Черного передела», связи с поляками были и у их периферийных студенческих ответвлений, например у описанного выше кружка М. Решко и др. Связи осуществлял Г. Ю. Волк¹¹⁶. У арестованной в начале июля 1880 г. Дурново среди бумаг был отобран клочок, на котором ее рукой было написано: «Иосафат Огрызко, член Варш. ржонда»¹¹⁷. В 1881 г. жандармам, благодаря показаниям Родзевича, удалось раскрыть революционную деятельность в русской столице поля-

¹¹⁴ Там же, 5-е дел-во, 1883 г., д. 3891, ч. 1, л. 12, 15; ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 82, 1882 г., д. 9358, л. 51, 52, 103 и др. Именно в этом кружке начала свою революционную деятельность известная впоследствии большевичка, верная ученица и помощница В. И. Ленина Лидия Михайловна Книпович («Дядя»).

¹¹⁵ См. корреспонденцию «Польское социалистическое движение» в № 1 «Черного передела». Ее автором мог быть М. Павлик, соратник И. Франко, или Б. Вислоух. В № 2 помещена заметка Л. Варынского «Необходимое разъяснение».

¹¹⁶ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 78, 1880 г., д. 8331, л. 6—7.

¹¹⁷ Там же, д. 8619, л. 5 об. Это — свидетельство интереса к польскому революционному движению. И. П. Огрызко (1826—1890) — участник петербургского отделения польской революционной организации начала 60-х годов — был связан с тогдашней «Землей и волей». Арестован в 1864 г., судился и сослан на 20 лет в Восточную Сибирь. Доставлен в Акатуй, затем в Вилюйский острог, жил в Якутске и других городах Сибири. Н. Г. Чернышевский говорил: «Глубочайшее уважение имею к Иосафату Петровичу» (Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания. М., 1958, стр. 477).

ков-студентов. «Петербургская польская гмина находилась,— как утверждал жандармский обзор,— в близких отношениях к обеим ветвям русской социально-революционной партии через посредство двух своих членов, студентов Осипа Гласко, представителя партии «Народная воля», и Марьяна Вильчинского, принадлежавшего к партии «Черный передел». Оба юни были организаторами гмины»¹¹⁸.

Одной из самых важных проблем для чернопеределъцев на протяжении всего существования петербургских кружков были их отношения с «Народной волей». Давние личные связи и практика революционной деятельности, совместная пропаганда среди рабочих создавали между соперничающими фракциями многочисленные деловые контакты. В 1880 г. народовольцы занимали у кружка чернопеределъцев деньги. Иногда роли менялись. Желябов обратился к чернопеределъческому морскому кружку с просьбой достать электропровод для подрывов и получил его; тем же путем народовольцам был доставлен динамит. А. О. Бонч-Осмоловский отдал Н. И. Кибальчичу свой студенческий билет для входа в химическую лабораторию. Там главный техник «Народной воли» вел опыты по приготовлению взрывчатого вещества. Аксельрод предлагал Желябову и Тихомирову своего рода военно-техническое соглашение: «Чернопеределъцы сохраняют свою полную самостоятельность в сфере пропаганды и агитации; но в чисто боевых выступлениях они объединяются с народовольцами и всецело подчиняются руководству их генерального штаба или Исполнительного Комитета»¹¹⁹. В случае удачного покушения на царя предполагались захват и использование правительственных типографий. В них революционеры собирались в сотнях тысяч экземпляров напечатать обращение к народу. Намечались также захват финансовых учреждений, частичная раздача денег солдатам и роспуск их по домам.

Но все это не означает, что между сторонниками

¹¹⁸ ЦГАОР СССР, ф. 102. Обзор важнейших дознаний за 1881 г., л. 116. См., ЦГИА СССР ф. 1405, оп. 80, 1881 г., д. 8126, л. 47 об., 58 об., и др.

¹¹⁹ П. Б. Аксельрод. Пережитое и передуманное, кн. 1, стр. 364.

«Черного передела» и «Народной воли» не было острых разногласий. Теоретические споры продолжались и порой принимали резкий характер. Аксельрод писал о своих столкновениях с А. Д. Михайловым, А. И. Желябовым, Л. А. Тихомировым.

Уже в 1880 г. Желябов предлагал Булановым присоединиться к «Народной воле». Сближению обеих враждовавших фракций способствовало изменение их теоретических позиций. Чернопередельцы после казни Александра II стали терпимее относиться к террору. Передовицу «С.-Петербург, 5 сентября» и статью «1-е марта 1881 г.» в № 4 «Черного передела» даже О. К. Трубникова называет хвалебным гимном террору¹²⁰. Недаром в следующем номере редакции пришлось специально оправдываться перед провинциальными кружками по поводу такой «ереси».

1 марта воочию показало народовольцам недостаточность одного политического террора для социальной революции. Они стали искать опору в народе, прежде всего у рабочих. А это вполне устраивало чернопередельцев. Ведь и они, убедившись на практике в невозможности систематической пропаганды среди крестьян, занимались больше всего рабочими. Кроме того, после разгрома народовольческих организаций и ареста подавляющего большинства членов Исполнительного Комитета народовольцы, оставшиеся на свободе, видели в чернопередельцах прямых и ближайших союзников.

Правительственные репрессии наносили удары и чернопередельцам. Ряды их редели. В апреле 1881 г. были арестованы Решко, Уваров, выбыли из строя Ульяновы. Летом, окончив Медицинскую академию, на работу в с. Zubovo Мещовского уезда Калужской губернии уехали В. Д. Ченыкаев, Н. И. Семенов, М. М. Симзен и Т. Л. Блек-Симзен. Перестали работать в «Черном переделе» С. А. и В. А. Марковские. Не было больше Е. И. Козлова и Е. Я. Рубанчик, уехали Е. Н. Ковальская и Н. П. Щедрин. На оставшихся свалилась непосильная работа. Не хватало людей для важнейших участков деятельности.

Вдобавок чернопередельцы, находившиеся за границей (за исключением Плеханова), неправильно оценили

¹²⁰ О. К. Буланова - Трубникова. Указ. соч., стр. 171.

сложившуюся обстановку в русском революционном движении и его перспективы. Они переоценили силы народовольцев, степень их готовности пойти на сближение с чернопредельцами, а также не верили в то, что чернопредельцы смогут продолжать революционную работу в Петербурге отдельно от народовольцев. Зимой 1881/82 г. из России пришло письмо от К. Я. Загорского или М. И. Шефтеля, в котором заграничных чернопредельцев убеждали не агитировать за присоединение к «Народной воле» и не уничтожать небольшой группы, почти исключительно занимавшейся пропагандой среди рабочих и молодежи. По этому поводу Дейч писал: женевцы не «вняли этим чуть ли не мольбам и, так сказать, собственными руками уничтожили имевшуюся у нас в Петербурге довольно прочную зацепку»¹²¹. «Заграничники» решили пойти на «мировую» с «Народной волей». Их настроение Плеханов охарактеризовал так: «соединимся во что бы то ни стало, хотя и поторгуемся, сколько возможно»¹²².

Стремление к объединению лежало в основе переговоров о создании журнала, получившего позже название «Вестника „Народной воли“». С целью присоединения к народовольцам вернулся в Россию в конце лета 1881 г. Стефанович. Он считал, что, кроме народовольческой организации, в тот период в России ничего нельзя было создать. Он употребил все свои связи и влияние, чтобы склонить к соглашению с «Народной волей» чернопредельцев. Стефанович вел переговоры в Москве в сентябре, а в октябре ездил в Петербург к чернопредельцам. «Большинство кружка выразило готовность присоединиться к „Нар[одной] воле“ в той уверенности, что найдет в ее среде и работу, не противоречащую с его убеждениями, и некоторую возможность влиять на направление дальнейшего хода дел организации»¹²³. Это присоединение произошло в ноябре 1881 г. Стефанович, Булановы, Сосин, Белов (оказавшийся предателем) переехали в Москву, где в то время находился центр «Народной воли», и под ее руководст-

¹²¹ Л. Г. Дейч. Первые шаги группы «Освобождение труда». — «Сборник группы „Освобождение труда“», № 1, стр. 11.

¹²² Цит. по кн.: П. Б. Аксельрод. Пережитое и передуманное, кн. 1, стр. 403.

¹²³ «Историко-революционный сборник», т. 2, стр. 410.

вом занялись пропагандой среди рабочих. По свидетельству Стефановича, «в продолжение зимы (т. е. с ноября 1881 г. по февраль 1882 г., когда его арестовали.— Е. О.) произошло еще несколько присоединений со стороны народников и в других городах»¹²⁴. В Петербурге среди присоединившихся были А. Л. Блек, В. Н. Переляев, К. К. Решко, Е. А. Дубровин.

Однако, войдя в другую революционную организацию, чернопередельческая молодежь по существу не забыла о своей прежней программе¹²⁵. Недаром Плеханов писал, что чернопередельцы, примкнувшие после 1 марта 1881 г. к «Народной воле», до конца остались простыми союзниками ее¹²⁶. Все они занимались главным образом пропагандой среди рабочих, помогали ссыльным и заключенным.

Часть петербургского кружка чернопередельцев, отказавшаяся от присоединения к «Народной воле», решила действовать самостоятельно. Они выпустили в декабре 1881 г. № 5 «Черного передела». Но затем помещение минской типографии было обнаружено жандармами, а вместе с тем прекратил свое организованное существование и центральный чернопередельческий петербургский кружок. Шефтель и Загорский предпочли вовсе отойти от участия в революционной работе, чем присоединиться к «Народной воле».

Однако после этого и до начала 1882 г. чернопередельческая пропаганда среди рабочих Петербурга продолжалась. Прямыми преемниками группы Буланова были Н. Н. Лавров, Г. А. Ефрон, А. Д. Соколов. Активное участие в этой пропаганде в качестве чернопередельцев приняли П. А. Латышев, В. Е. Благославов, Г. Н. Лавров. Созданное народниками «Общество рабочих кассы» выросло из чернопередельческих рабочих кружков 1879—1881 гг. Оно объединяло до 100 человек и было одной из крупнейших рабочих организаций для своего времени. «Общество» было организовано осенью 1881 г. Главным пропагандистом был мичман Н. Н. Лав-

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ При аресте Булановых и Стефановича у них было отобрано много революционной литературы, главным образом «Черный передел» № 5.— ЦГАОР СССР, ф. 112, оп. 1, д. 537.

¹²⁶ Г. В. Плеханов. Соч., т. XXIV, стр. 157.

ров, показавший на дознании: «По выходе в отставку в октябре 1881 г., при посредстве своего прежнего товарища Анатолия Буланова, он познакомился с некоторыми рабочими, из которых помнит только известных ему под именами Ромашки, Александра Ивановича и Гавриила»¹²⁷. Это оказались уже известные нам рабочие Романов, Трапицын и, очевидно, Николаев.

После отъезда Буланова из Петербурга Н. Н. Лаврова стал посещать «Федор Иванович», близко стоявший к революционному движению и сочувствовавший принципам «Черного передела». Он продолжал снабжать Лаврова «запрещенными изданиями, преимущественно газетами „Черный передел“ и „Зерно“»¹²⁸. В марте 1882 г. «Общество рабочей кассы» разрослось. В помощь Н. Н. Лаврову был выделен ученик реального училища Г. А. Ефрон. Его познакомил с Н. Н. Лавровым и распропагандированными рабочими еще до своего отъезда Буланов. Помогал «Обществу рабочей кассы» А. Д. Соколов, рекомендованный чернопеределцами на должность кассира. Он начал пропаганду с осени 1881 г. на механическом заводе, где работал после выхода в отставку из армии. На собраниях рабочих велись беседы о положении рабочего класса; слушатели получали от Лаврова «Зерно».

Н. Н. Лавров боролся за улучшение быта рабочих, стремился поднять их революционный дух, а также создать известные материальные средства для поддержки членов рабочего кружка. Им был выработан «Устав рабочей кассы»¹²⁹, согласно которому члены кассы получали пособия по безработице, болезни или увечью и, что особенно важно, при аресте. Целью кассы было «содействие революционной борьбе рабочих с существующим порядком»¹³⁰. Кроме того, капитал кассы предназначался для содействия расширению «рабочего движе-

¹²⁷ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 82, 1882 г., д. 9397, л. 4.

¹²⁸ Там же, л. 4—4 об. На самом деле из минской типографии последнюю партию «Черного передела» увез сам Н. Н. Лавров (И. Гецов. Указ. соч., стр. 129). Кто скрывался под именем «Федора Ивановича», нам установить не удалось.

¹²⁹ На взгляды Н. Н. Лаврова оказала влияние брошюра Стефановича «Злоба дня», призывавшая организовать рабочую партию, в основе которой лежали бы профессиональные и экономические союзы рабочих, а также кассы взаимопомощи.

¹³⁰ ЦГАОР СССР, ф. 102, 3-е дел-во, оп. 1888, 1882 г., д. 585, л. 33.

ния». Касса имела свою печать с изображением топора и молотка. Заготавливались специальные билеты-квитанции для уплаты членских взносов — 150 квадратных картонок с оттисками той же печати.

Вместе с уставом было принято обращение к рабочим, называвшееся «Общество рабочей кассы». Оно было написано простым языком в целях популяризации и пропаганды¹³¹. В обращении говорилось, что причины всех бед трудящихся — частная собственность и существующий государственный строй, тесный союз хозяев, помещиков, духовенства и правительства. Воззвание рекомендует рабочим «соединиться, стать грозой для своих недругов и устроить свою жизнь так, как учит социализм». А это значит, что надо уничтожить господ, помещиков, фабрикантов. «Лишь с изменением нынешних порядков посредством общей повсеместной борьбы крестьянства и городских рабочих, привлечением в один союз как можно больше народа, пропагандой и борьбой против всяких притеснений рабочие вырвутся из неволи и будут иметь возможность установить социалистический порядок. Долой же хозяйскую собственность! Земля, заводы, фабрики и мастерские должны быть общим народным достоянием, чтобы всякий мог работать и жить с работы счастливо и свободно. Работа должна производиться артельно, все полученные продукты должны делиться по потребностям каждого, через своих выборных. Долой нынешнее царское правительство!» Это один из наиболее боевых пропагандистских документов революционного утопического социализма.

В апреле 1882 г. под влиянием усиливавшихся связей с народовольцами и теории «фабричного террора»¹³² у «Общества» возникла мысль поджечь фортепьянную фабрику Шредера. Соколову было поручено изготовить воспламенительный снаряд, найденный при расследовании на фабрике. Однако поджог не удался, а в конце апреля у руководителей «Общества» были

¹³¹ Тексты обоих документов, составленных Н. Н. Лавровым, известны нам в выписках прокурора. Они полностью совпадают с текстом гектографированных экземпляров этих документов, отобранных в с. Зубово Калужской губернии у супругов Симзен в вещах А. Л. Блека (ЦГИА СССР, ф. 1410, оп. 1, 1882 г., д. 389, л. 9—10 об.).

¹³² Идея фабричного террора была характерна для некоторых чернопеределцев и значительно раньше (Ковальская, Щедрин и др.).

проведены обыски и найдено много компрометирующих материалов. Н. Н. Лавров и Соколов были высланы в Сибирь, Романов и Трапицын еще до окончания расследования высланы из Петербурга по другому делу, Николаева не нашли. Но еще до «жандармской ликвидации» часть кружков от Н. Н. Лаврова перешла к его брату, Г. Н. Лаврову¹³³.

В этот период среди народников Петербурга появляются новые деятели. П. А. Латышев познакомился с революционерами через чернопередельческое студенческое землячество Медико-хирургической академии, откуда он получал запрещенные издания. Весной 1882 г. ему был «вручен рукописный устав рабочей кассы для того, чтобы по прочтении он высказал свое о нем мнение»¹³⁴. В. Е. Благославов пришел к народникам через «Поволжскую кассу» — объединение студентов-волжан в Петербурге (Черыкаев, Симзен, Семенов, Блек, Дубровин). Ответвление кассы было создано в Калужской губернии в 1882 г. Здесь при обыске у Симзен был отобран список членов «Поволжской кассы», в котором значился В. Е. Благославов¹³⁵. На связь Благославова с чернопередельцами указывает в своих воспоминаниях и В. Г. Харитонов¹³⁶.

П. А. Латышев, В. Е. Благославов, Г. Н. Лавров весьма активно занимались пропагандой в рабочей среде. Для этого они решили использовать остатки «существовавшего рабочего общества взаимовспомогательной кассы, вдохнуть ему жизнь и дальше через него создать новые организации»¹³⁷. Речь шла об оставшихся на свободе членах «Общества рабочей кассы» в районе современной Охты. Д. Н. Благоев впервые познакомился с русскими рабочими через Благославова, когда отправился с ним за Невскую заставу к некоему пожилому рабочему. Это был участник чернопередельческого рабочего кружка. Таким образом, ясно прослеживается преемственная связь между рабочей пропагандой чернопередельцев и группы Благоева.

¹³³ ЦГАОР СССР, ф. 102, 3-е дел-во, 1893 г., д. 467, л. 36.

¹³⁴ Там же, л. 31.

¹³⁵ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 83, 1883 г., д. 11231, л. 11.

¹³⁶ В. Харитонов. Из воспоминаний участника группы Благоева. — «Пролетарская революция», 1928, № 8, стр. 158.

¹³⁷ Д. Благоев. Мои воспоминания. М.—Л., 1928, стр. 40.

Не менее серьезны были идейные связи благоевцев с народниками, что ясно отразилось в изданном «русскими социал-демократами» «Опыте обоснования программы народников», в размноженной статье чернопередельца Аксельрода из «Вольного слова» «Все для народа и посредством народа» и в № 1 «Рабочего» — органа группы Благоева¹³⁸.

В 1882—1884 гг. народники Петербурга установили контакты с «Молодой партией „Народной воли“» на почве пропаганды среди рабочих. Представители обеих сторон действовали зачастую вместе, передавали друг другу литературу и кружки. Особенно сдружились народники с Н. М. Флеровым¹³⁹, П. Ф. Якубовичем, М. П. Овчинниковым, И. И. Поповым. Сближению способствовали общие взгляды на фабричный и аграрный террор.

Петербургские народники в 1883—1884 гг. были связаны с народнической группой в Харькове. По свидетельству В. Л. Бурцева, в то время в столицу приезжал из Харькова Ю. А. Бунин и вел переговоры не только с «рабочей группой» народовольцев, но и с петербургскими народниками¹⁴⁰. В 1883 г. была отгектографирована работа П. Л. Лаврова «Счеты русского народа. Исторический очерк», на которой значилось: «Издание кружка народников», С.-Петербург¹⁴¹. При расследовании дела о «Студенческой корпорации» (А. Батманов, С. Флоровский и др.) жандармы обнаружили отчет о деятельности корпорации, в котором имелось указание на ее связи с группой народников¹⁴².

Таким образом, документально устанавливается, что в 1879—1881 гг. в Петербурге существовали значительные чернопередельческие организации; в 1882—1884 гг. в столице действовали отдельные последователи народничества, не вошедшие в «Народную волю».

¹³⁸ Б. Иванов. Н. Л. Сергиевский как историк «партии русских социал-демократов» (1887—1897), — «Каторга и ссылка», 1931, № 1, стр. 80.

¹³⁹ И. И. Попов. Минувшее и пережитое, т. 1. Л., 1924, стр. 91—93; он же. Революционные организации в Петербурге в 1882—1885 гг., — «Народовольцы после 1 марта 1881 г.», М., 1928, стр. 58, 75.

¹⁴⁰ «Каторга и ссылка», 1931, № 1, стр. 113.

¹⁴¹ Центральный государственный архив Татарской АССР, ф. Прокурора Казанской судебной палаты (51), оп. 8, д. 581, л. 43—58.

¹⁴² ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 86, 1885 г., д. 10877, л. 59.

Московские кружки

В Москве кружки чернопредельческого направления продержались гораздо дольше — до 1888—1889 гг. Они возникли здесь еще осенью 1879 г. под воздействием центрального петербургского кружка. Сюда неоднократно приезжал главный практик — организатор новой фракции Л. Г. Дейч. Связи и явки ему передал В. Н. Игнатов, направив его к своим сестрам. У них на квартире происходили многолюдные собрания революционной молодежи. Е. Игнатова так рассказывает о роли петербургских чернопредельцев, в частности Дейча, в этих сходках. На одном из таких собраний Дейч «... сообщил о состоявшихся незадолго перед тем съездах в Липецке, Воронеже и Петербурге, где обсуждались возникшие разногласия..., изложил... взгляды народовольцев и чернопредельцев, указал на опасность увлечения террором и призывал нас действовать в деревнях согласно народнической программе. Отчасти ввиду большего внимания, которое чернопредельцы обратили на Москву, но также и вследствие общего духа и настроения нашей московской передовой молодежи преобладающая часть ее в то время и в ближайшие годы тяготела к „Черному переделу“. Нельзя отрицать, что москвичи вообще оказали как моральную, так и материальную поддержку этой организации»¹⁴³. Конечно, в этом высказывании Е. Игнатовой явственно чувствуется недооценка роли и значения московских народовольцев. Но заметное влияние чернопредельцев в Москве в 80-х годах неоспоримо.

Несколько позднее в Москве появился Георгий (он же Егор и Юрий) Преображенский, член «Земли и воли», а позднее участник центрального петербургского кружка «Черного передела». Через некоторое время после ареста чернопредельческой типографии в Петербурге (в январе 1880 г.) в Москве начали работать Е. Н. Ковальская и Н. П. Щедрин. Бывал здесь до отъезда за границу Я. В. Стефанович. Связан был с москвичами и самый видный деятель петербургского

¹⁴³ Е. Игнатова. Московские народники конца 70-х годов.— «Сборник группы „Освобождение труда“», № 5. М.—Л., 1926, стр. 51—52.

чернопередельческого центра «второго призыва» А. П. Буланов. Он не раз привозил в Москву «Черный передел», «Зерно» и другую пропагандистскую литературу. Правда, в конце 1881 г. он и О. К. Буланова-Трубникова появились в Москве уже в качестве народо-вольцев.

По свидетельству В. А. Анзиминова, в 1879—1880 гг. в Москве существовал центральный городской кружок чернопередельцев¹⁴⁴. В городе, по словам Ковальской, было несколько студенческих чернопередельческих кружков. С учащейся молодежью московское чернопередельчество было связано самым тесным образом. Недаром В. К. Дебогорий-Мокриевич вспоминал, что «в Москве едва ли не половина студентов университета и Петровско-Разумовской академии считалась революционерами, причем деление было такое: петровцы были народники (вероятно, потому, что изучали земледелие), университет был народовольческий. Собирались сходки человек по 200—300, на которых открыто делались сборы в пользу „Народной воли“ или „Черного передела“...»¹⁴⁵.

Действительно, в течение 80-х годов революционная пропаганда в стенах Петровской академии не прекращалась. Власти, как правило, не могли обнаружить виновных¹⁴⁶. По словам одного арестованного студента, размах революционной пропаганды был в стенах академии так широк, что принятие нелегальных предметов на хранение являлось «обязательным»¹⁴⁷. Действительно, самой сильной чернопередельческой группой была группа студентов Петровской земледельческой академии во главе с Г. Черкасовым и В. Анзиминовым, входящая в центральный городской кружок. В кружке петровцев после раскола «Земли и воли» большинство «осталось чернопередельцами. В него вступили А. Бе-

¹⁴⁴ В. А. Анзиминов. Указ. соч., стр. 142.

¹⁴⁵ В. Дебогорий-Мокриевич. Воспоминания. СПб., 1906, стр. 579.

¹⁴⁶ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 78, 1880 г., д. 8480, л. 1—2, 4; оп. 86, 1885 г., д. 10903. Интересный обзор некоторых архивных документов по этому вопросу составил В. Деготь («Революционная роль студенчества Московского сельскохозяйственного института». — «Пути сельского хозяйства», 1929, № 4, стр. 109—122).

¹⁴⁷ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 88, 1887 г., д. 10142, л. 15 об.—16.

левский, И. Иллиниг, Ф. Каменский, И. Бенедиктов — все чернопередельцы»¹⁴⁸.

Кроме Петровской академии, чернопередельцы вели работу среди студентов Московского университета. Правда, влияние народовольцев здесь было более сильным. Но и чернопередельческие кружки на разных этапах играли заметную роль. Студенты-чернопередельцы Ю. А. Бунин, В. И. Яковенко, С. Г. Гончаров признавались властями одними из самых влиятельных руководителей студенческого движения. Чернопередельцы К. Е. Мухлынин и В. Ф. Казаков были исключены из университета и высланы как главные участники всех сходок студентов университета¹⁴⁹. В 1881 г. за участие в студенческих беспорядках был выслан из Москвы в Ярославль студент университета народник М. Ю. Гофман¹⁵⁰. Зачастую университетские чернопередельцы пользовались для распространения своих листовок и нелегальной литературы помощью близких к ним студентов. Так, в 1881 г. было начато дело по обвинению Г. Дмитриева в распространении № 2 «Черного передела» и чернопередельческой прокламации «Земли и воли» («Царь убит...») ¹⁵¹.

Сильными были кружки чернопередельцев и в Высшем техническом училище. В начале 80-х годов организацию здесь возглавляли Я. К. Ефрон и Пысин. Позднее, в середине 80-х годов, руководителями стали Р. Э. Циммерман и Л. В. Даль.

Различные источники позволяют расширить уже приведенный список московских чернопередельцев. Некоторое время с ними вместе работал известный народник В. К. Дебогорий-Мокриевич, вернувшийся из ссылки¹⁵². Членами московских чернопередельческих кружков были Г. Д. Ромм¹⁵³, Н. Г. и М. А. Кожановы¹⁵⁴, В. Ф. Казаков, К. Е. Мухлынин, Л. Е. Фондаминская¹⁵⁵,

¹⁴⁸ В. Анзимиров. Указ. соч., стр. 123.

¹⁴⁹ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 83, 1883 г., д. 11 036, л. 10; д. 11332, л. 31.

¹⁵⁰ Там же, оп. 86, 1885 г., д. 10893, л. 102.

¹⁵¹ Там же, оп. 80, 1881 г., д. 8560, л. 2 об.— 3.

¹⁵² В. Дебогорий-Мокриевич. Указ. соч., стр. 579 и др.

¹⁵³ О. К. Буланова-Трубникова. Указ. соч., стр. 168.

¹⁵⁴ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 83, 1883 г., д. 11012, л. 2 об., 3—3 об. и др.; д. 11164, л. 9; ф. 1410, оп. 1, 1883 г., д. 400, л. 17.

¹⁵⁵ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 83, 1883 г., д. 11 036, л. 6, 7, 7 об., и др.

А. И., Е. И., К. А. и В. И. Яковенко¹⁵⁶, Е. П. Дурново. В. И. Яковенко и Е. П. Дурново занимали в кружках видное место. С чернопередельцами были связаны Е. А. Михайлов, П. А. Серебряков, М. С. Вегнер-Гинтер¹⁵⁷, Н. Гурьян¹⁵⁸.

Руководителем всех этих групп чернопередельцев был сначала Г. Н. Преображенский. Но 10 февраля 1880 г. он был арестован и вскоре отправлен в Петербург в Петропавловскую крепость. Ближайшими сподвижниками его были В. И. Яковенко и Е. П. Дурново. Они отвечали главным образом за организационную работу и налаживание связей с другими городами. «Штаб-квартирой» всех чернопередельцев в Москве была квартира Е. Н. Игнатовой¹⁵⁹. Часто собиралась молодежь и в доме Дурново. Но самым оживленным пунктом было студенческое общежитие в Петровской академии. Когда здесь был арестован Преображенский, организационный центр московских чернопередельцев переместился в квартиру Яковенко¹⁶⁰. Еще одним центром чернопередельческой работы была «элементарная школа, которая просуществовала до апреля 1880 г. и служила местом сбора агитаторов»¹⁶¹.

Вслед за центральными петербургскими чернопередельческими кружками москвичи в конце 70-х — начале 80-х годов пытались в целом остаться на позициях «чистого народничества», отвергая террор и идеи политической борьбы. По сравнению с петербургскими московские чернопередельцы действовали более последовательно в духе «Земли и воли» и на протяжении 80-х годов предпринимали одну за другой попытки агитировать среди крестьян. Характерным примером отношения московских чернопередельцев к работе среди крестьянства

¹⁵⁶ Там же, д. 11 164, л. 9; д. 11 012, л. 2 об., 3, 3 об.

¹⁵⁷ Там же, д. 11 012, л. 1, 4, 4 об.

¹⁵⁸ Там же, д. 11 332, л. 137 об.

¹⁵⁹ Е. Н. Ковальская. Примечание к статье Н. Сергиевского. — «Каторга и ссылка», 1931, № 1, стр. 12.

¹⁶⁰ С 15 октября 1881 г. В. И. и К. А. Яковенко вместе с М. С. Вегнер-Гинтер поселились в Хамовниках. 14 декабря 1883 г. они переехали на Арбат (ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 83, 1883 г., д. 11 012, л. 2—2 об., 3).

¹⁶¹ ЦГАОР СССР, ф. 102, 3-е дел-во, 1883 г., д. 1501, л. 18—18 об.

служат письма К. Е. Мухлынина к Л. Е. Фондаминской. В одном из них говорится: «Доказать динамитом ничего нельзя, утратить им можно, пленить и расширить симпатии к известному делу нелегально. Отдельные группы передовых личностей ничего не значат перед народом, в особенности в деле изменения существующих порядков. Поэтому невозможно, ввиду полного фиаско, выставлять политическую программу, зная хорошо, что народ по своему мировоззрению далек от нее...»¹⁶². В том же духе выдержаны и ответные письма Фондаминской: «Я тебя не считала таким ярким противником политической программы и, понятно, очень довольна, что мы с тобой сходимся в этом»¹⁶³.

Из жандармских и прокурорских дел видно, что у московских чернопередельцев при обысках находили марксистскую литературу. У В. И. Яковенко 18 декабря 1881 г. был отобран рукописный перевод с немецкого сочинения Ф. Энгельса «Переворот в науке, сделанный Евгением Дюрингом» («Анти-Дюринг»), на котором рукою В. И. Яковенко были сделаны пометы; им же были по этой книге составлены заметки по социализму¹⁶⁴. Увлекались разбором научных теорий экономического характера в 1883—1884 гг. и в кружке М. Ю. Гофмана. Прежде всего разбирали «Капитал» К. Маркса¹⁶⁵.

О. В. Кирова, П. Л. Забалуев, В. П. Диатолович, Б. В. Малиновский, С. Н. Депальдо, М. Д. Гуревич, М. М. Филипео и другие входили в московский «Общественный союз», который занимает особое место в народническом движении. Он не был партийно-фракционной организацией. В него как составные части входили: «кружок милитаристов», Бровкинское и Спасское студенческие общежития, различные студенческие землячества, в первую очередь сибирское, кружки саморазвития в университете, в Петровской академии, Московском техническом училище, Александровском военном учили-

¹⁶² ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 83, 1883 г., д. 11036, л. 10.

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ Там же, д. 11012, л. 4.

¹⁶⁵ «Прокурорское изложение показаний Е. Н. Тарновского» (там же, оп. 86, 1885 г., д. 10893, л. 109 об.). Следует, однако, иметь в виду, что изучение марксистской литературы в 70—80-е годы не было редкостью и велось почти в каждом радикальном кружке. При этом народники пытались «по Марксу» объяснить неприменимость марксизма к России.

ще и на Высших женских курсах, «Общество переводчиков и издателей»¹⁶⁶. Последнее не только литографировало в большом количестве марксистскую литературу, но и постепенно проникалось духом марксизма. Через Е. Паприц «Общество» установило прямую связь с Ф. Энгельсом. У О. В. Кировой, П. Л. Забалуева и других членов группы при арестах и обысках было отобрано много литографированных изданий, значительную часть которых составляли переводы трудов К. Маркса и Ф. Энгельса («Гражданская война во Франции», рефераты «Капитала», «Манифест Коммунистической партии», «Устав международного сообщества рабочих» и др.), а также работа Г. В. Плеханова «Социализм и политическая борьба» и другие издания группы «Освобождение труда»¹⁶⁷.

В результате дознания о деятельности «Общественного студенческого союза» было установлено, что летом 1883 г. при обсуждении программы Л. Ф. Яновича для кружков саморазвития «возник вопрос об издании одного подпольного органа для всех кружков; сначала по этому предмету явилось несогласие, вытекавшее из того, что присутствовавшие на сходках представители фракций «народников» и «народовольцев» желали каждый присвоить этот орган своей фракции; но на больших двух сходках из представителей от всех существующих в Москве кружков пришли к соглашению об издании такого органа, который служил бы с одинаковым интересом и «народникам», и «народовольцам»; плодом сего явилось интерфракционное сообщество под названием «Общественный студенческий союз» с своею программю действий и с своим литографированным органом, названным «Союз общественной организации» и начавшим помещать статьи и переводы от обеих названных фракций революционной партии»¹⁶⁸.

Народническая струя в московском «Общественном студенческом союзе» была весьма сильна. Об этом свидетельствуют показания всех обвиняемых по делу, а также сведения об изъятых вещественных доказательствах. Так, у од-

¹⁶⁶ МОГИА, ф. 131, оп. 40, 1884 г., д. 83, т. II, л. 205; ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 85, 1884 г., д. 10858 («О преступном сообществе в Москве, именуемом „Общественным студенческим союзом“»).

¹⁶⁷ МОГИА, ф. 131, оп. 40, 1884 г., д. 83, т. II, л. 35, 155—156 об.

¹⁶⁸ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 85, 1884 г., д. 10858, л. 23 об.—24

ного из руководителей «Союза» П. В. Соколова было найдено «24 экземпляра брошюры, озаглавленной „Основные тезисы“ и содержащей в себе, по собственному объяснению Соколова, программу народников»¹⁶⁹. У него также были отобраны печатные экземпляры брошюры «Несколько слов о прошлом социализма и задачах интеллигенции»¹⁷⁰. Много чисто народнической литературы, главным образом из Харьковской народнической типографии, было отобрано у П. Л. Забалуева и О. В. Кировой. 3 марта 1884 г. у нее при обыске был найден «листок для сбора денег в пользу партии «народников» с печатным заголовком и несколькими записями о пожертвованиях...»¹⁷¹ По обыску, произведенному 3 августа 1884 г. на квартире участника московского «Общестуденческого союза» С. Н. Депальдо в Ростове-на-Дону, у него тоже были отобраны харьковские издания народнического толка¹⁷². Установлено, что Кирова «принимала деятельное участие в устройстве вечеров в пользу ссыльных и настаивала, чтобы часть сбора с них была употреблена на поддержание тайной типографии в Харькове»¹⁷³. Она призналась, что вносила «денежные пожертвования в пользу народнической партии»¹⁷⁴. На передаче части средств Харьковской народнической типографии настаивали П. Л. Забалуев и хранившая деньги всего «Союза» В. П. Диатолович¹⁷⁵.

Член московского «Общестуденческого союза» С. Н. Депальдо тоже «состоял в близких отношениях к народнической партии, работал в тайной типографии народников и распродал полученные от Соколова издания...»¹⁷⁶ Эти факты подтвердились затем заметками, отобранными у Соколова. Одно время Депальдо хранил

¹⁶⁹ МОГИА, ф. 131, оп. 40, 1884 г., д. 83, т. II, л. 10.

¹⁷⁰ Там же, л. 191. О программном значении для народничества этой брошюры Ю. А. Бунина (Алексеева) и о ее печатании в Харьковской типографии народников см. ниже.

¹⁷¹ Там же, л. 261 об.

¹⁷² Там же, л. 300—300 об., 301.

¹⁷³ Там же, л. 104 об.

¹⁷⁴ Там же, л. 105 об.

¹⁷⁵ Там же, л. 107 об., 105 об.

¹⁷⁶ Там же, л. 100 об., 101—101 об. Откровенные показания Н. М. Лаврушина в изложении прокурора. Следует отметить, что прокурор Муравьев был хорошо осведомлен о течениях внутри революционных партий и его выражение «народники» достаточно точно.

шрифт для народнической типографии. Среди московских революционеров под кличкой «Иван Иванович» был известен член «Союза» М. Д. Гуревич. Он весьма близко стоял к руководителям народников, был посвящен в их деятельность, хранил типографский шрифт и распространял народническую литературу¹⁷⁷.

Расследование установило тесные связи московского «Общестуденческого союза» с польской революционной партией «Пролетариат». Главные линии связей были налажены через Л. Ф. Яновича. Вместе с тем ученик Московского технического училища Б. В. Малиновский был членом общества «Пролетариат», которое «через него, Малиновского, желало войти в связь с общестуденческим союзом и преимущественно с народниками»¹⁷⁸.

С группой народников «Союза» был связан воспитанник Московского технического училища Р. Э. Циммерман. После высылки из Москвы народников — членов «Союза» — Циммерман продолжал поддерживать с ними связь¹⁷⁹. Он являлся руководителем кружка, организованного из воспитанников этого училища, членами которого были Карпов, Даль, Н. Иванов, П. Иванов, Никитин, Сергеев, Державин, Ходатаев, Степанов, Банковский, Комов, Плющев и др.¹⁸⁰ Основные задачи кружка — прощупывание почвы и первоначальное знакомство с задачами революционных партий, отбор надежных людей; чтение запрещенных изданий и разбор рефератов руководителей — Даля, Карпова и реже Павла Иванова¹⁸¹. Из этого кружка к концу 1885 — началу 1886 г. выделилось четко очерченное революционное ядро. По свидетельству Н. М. Агарева (бывшего воспитанника Московского технического училища), привлеченного к дознанию по делу Циммермана и других и давшего «совершенно откровенные» показания, «партия поддерживала связь с лицами нелегальными и заграничными революционными деятелями и имела своей задачей — путем воздействия на все классы населения поставить правительство в такое положение, чтобы оно, сознавая свою

¹⁷⁷ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 85, 1884 г., д. 10858, л. 102 об., 238 об. Показания Лаврушина и Роева.

¹⁷⁸ Там же, л. 30.

¹⁷⁹ Там же, оп. 87, 1886 г., д. 10 317, л. 177 об., 178, 178 об., 242, 242 об., 319. Переписка Циммермана с Диатолович и Филипео.

¹⁸⁰ Там же, ф. 1405, оп. 88, 1887 г., д. 10 130, л. 305—306.

¹⁸¹ Там же, л. 306 об.

непригодность, вынуждено было само отказаться от управления». При этом допускались террористические действия «как частные и необходимые случаи»¹⁸². Именно подобные мысли явились главным содержанием жевневского журнала «Самоуправление», к изданию которого Циммерман, Даль и другие имели непосредственное отношение¹⁸³.

Циммерман и Даль в течение всего 1886 г. пытались организовать свою типографию. С этой целью они обратились к Н. М. Агареву, ушедшему из Московского технического училища и переехавшему в Самару. Здесь сконструировать новый тип портативного станка для печатания было поручено П. Е. Столярову, талантливому технику-самоучке, не раз привлекавшемуся к дознаниям о народнической пропаганде. К работам летом 1886 г. были привлечены М. Я. Началов и Г. Н. Андреев¹⁸⁴. «Предполагалось открыть типографию в Самаре, в особо нанятом для этого, на имя какого-либо мастерового, помещении, и отпечатанные издания посылать в г. Москву со штемпелем «Москва» для сокрытия настоящего места их печатания»¹⁸⁵. Часть шрифта Даль передал Агареву в Москве, а 2 пуда сам привез в Самару Столярову и Андрееву. Весь шрифт, по словам Даля, был добыт в Петровской академии¹⁸⁶. Непосредственное участие в организации типографии принимал и Циммерман. При обыске в феврале 1888 г. в Самаре у Столярова были отобраны рабочие чертежи и счета на материалы, израсходованные при создании станка¹⁸⁷. Его письмо и накладная на получение груза были обнаружены у Циммермана, а затем на железнодорожной станции был конфискован и груз¹⁸⁸.

Показания Агарева свидетельствуют о том, что Даль

¹⁸² ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 88, 1887 г., д. 10 130, л. 307—307 об.

¹⁸³ Их почерком написаны некоторые рукописи в свертке, найденном в училище. Рукописи аналогичны статьям в «Самоуправлении» (там же, л. 11, 12, 33, 34 и др.). Рамки статьи не позволяют остановиться на интересной и совершенно не освещенной истории создания и распространения журнала.

¹⁸⁴ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 88, 1887 г., д. 10 130, л. 79 об., 80 об., 88 об. и др.

¹⁸⁵ Там же, л. 307 об.

¹⁸⁶ Там же, л. 310, 309—309 об.

¹⁸⁷ Там же, л. 79 об.

¹⁸⁸ Там же, оп. 87, 1886 г., д. 10 317, л. 323, 333 об., 335 об.

пытался организовать типографию также в Муроме. Кроме того, Даль говорил, что «имеет возможность печатать революционные издания в обыкновенной (т. е. легальной.— Е. О.) типографии на Кавказе и что намерен получать шрифт оттуда»¹⁸⁹. Однако наладить типографию не удалось, пришлось перенести печатание в Женеву. Циммерман был арестован. Выпущенный во время следствия на свободу, он «не только не прекратил своей преступной деятельности, но и напротив того, во время последних студенческих беспорядков присутствовал на всех сходках»¹⁹⁰, поэтому 19 января 1887 г. он был вновь арестован. Расследование связей Циммермана длилось более 2 лет и, кроме Москвы, охватило Самару, Казань и другие города Поволжья, Полтавщину, Владимир, Муром.

Немалое внимание уделяли московские народники и работе среди рабочих. «Поставленная еще со времен Преображенского работа среди рабочих также продолжалась и развертывалась, переплетаясь с работой народолюбческого рабочего организатора Теллалова»¹⁹¹. Формы и приемы этой работы были разнообразны; кроме серьезных пропагандистских занятий, применялась и «летучая пропаганда». Так, В. Ф. Казаков во время дознания о революционной организации в Перми признался, что в 1881 г. в Москве вместе со студентом Н. Гурьяном он подкладывал на заводах и фабриках крашенные яйца с чернопередельческими прокламациями¹⁹². С арестом Преображенского нити его связей перешли к В. И. Яковенко. Чернопередельцы еще с 1881 г. стали собирать материалы о положении московских рабочих¹⁹³. Например, у Е. А. Михайлова во время обыска 18 декабря 1881 г. вместе с типично чернопередельческой литературой отобраны статистические выписки о кустарном производстве и положении рабочих на фабриках, о развитии капитализма. Чернопередельцы пытались связаться с Н. А. Зварковским, служившим при статистическом

¹⁸⁹ Там же, д. 10130, л. 310 об.

¹⁹⁰ Там же, оп. 87, 1886 г., д. 10317, л. 319.

¹⁹¹ Н. Сергиевский. «Черный передел» и народники 80-х годов.— «Каторга и ссылка», 1931, № 1, стр. 13.

¹⁹² ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 83, 1883 г., д. 11332, л. 137 об.

¹⁹³ Там же, д. 11012, л. 4 об.

отделении Московской губернской земской управы. С ним вместе жил один из близких к центру народников¹⁹⁴.

В декабре 1881 г. осведомительница так передавала подслушанный ею разговор на квартире Яковенко на Арбате. «Речь шла о каких-то рабочих, которых следовало куда-то послать и которых нужно было взять из знакомой фабрики..., а также нужно что-то распространять, главным образом между рабочими...»¹⁹⁵ В. И. и К. А. Яковенко не отрицали, что такая беседа о революционной пропаганде среди рабочих и ее практических нуждах могла между ними быть. В вещественных доказательствах, отобранных у них, оказалось письмо, из которого видно, что А. И. Яковенко искал места на фабрике или заводе для изучения рабочего вопроса и удобства ведения революционной пропаганды среди рабочих¹⁹⁶.

Не отрицали своих связей с рабочими и народники — члены Московского «Общестуденческого союза». Большую работу проводили среди рабочих Москвы и Харькова О. В. Кирова и П. Л. Забалуев. Специально для рабочих составили библиотеку Р. Э. Циммерман и С. П. Федоров¹⁹⁷. Однако в целом размах пропаганды московских чернопердельцев среди рабочих нельзя сравнить с деятельностью народовольцев Москвы. Значительно шире по объему и по глубине была поставлена эта работа и у петербургских чернопердельцев.

Серьезное место в работе народнических кружков занимала пропаганда среди крестьян. Как правило, это не была «летучая пропаганда» периода «хождения в народ». Не копировали москвичи и землевольческие приемы пропаганды. Чаще всего они имели близких им людей в деревнях, агитировали очень осторожно, приезжая только на время и привозя литературу для раздачи доверенным лицам. Главную часть работы выполняли местные жители — крестьяне. Но и они были крайне осторожны и в большинстве случаев не оставляли следов. В связи с этим провалы в деревне были редки. Но снизилась и степень революционности этой пропаганды. Работа народников все чаще принимала культурниче-

¹⁹⁴ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 83, 1883 г., д. 11012, л. 4 об.

¹⁹⁵ Там же, л. 9 об., 10.

¹⁹⁶ Там же, ф. 1410, оп. 1, 1883 г., д. 400, л. 17 об.

¹⁹⁷ Там же, ф. 1405, оп. 85, 1884 г., д. 10858, л. 306. Показание Федорова.

ский характер, нередко замыкаясь в кругу «малых дел» и утрачивая свой революционный характер. Например, собираясь в деревню, К. Е. Мухлынин писал: «Проповедовать я не буду... Главная сущность заключается в том, чтобы действовать на деревню примером прогресса в социально-экономическом смысле, например, путем устройства интеллигентной земледельной общины с коммунистической организацией»¹⁹⁸.

Работа в деревне была налажена московскими чернопередельцами еще в 1879—1880 гг.¹⁹⁹ Очевидно, были использованы связи в землевольческих поселениях Г. Н. Преображенского, Е. П. Дурново и других участников кружков. При обыске у Яковенко, например, был обнаружен адрес известного народнического поселения в имении братьев Малышевых в с. Вязовке Саратовской губернии²⁰⁰. Самостоятельных поселений до 1884 г. мы не знаем. Зато местным жителям, сочувствовавшим революционерам, систематически доставлялась пропагандистская литература. Весной 1881 г. по разным провинциальным городам Поволжья и близлежащим селам проехали Л. Е. Фондаминская и В. Ф. Казаков²⁰¹. Фондаминская была арестована в с. Кузьминках Московского уезда, где она, работая акушеркой, занималась пропагандой среди крестьян²⁰². В одном из писем Фондаминская цитирует записку Мухлынина, в которой он писал о возможности работать среди трудового народа, агитируя «на почве злобы дня и мелких интересов», а также предлагал использовать земскую деятельность²⁰³. Из другого письма Фондаминской к Мухлынину видно, что руководители московских чернопередельцев («старшие», как их называли в письме) всячески поддерживали стремление группы фельдшеров и акушеров поселиться в деревнях на Волге и вести пропаганду среди крестьян. Когда стало намечаться сближение чернопередельцев с народовольцами, то сама Фондаминская и ее близкие друзья заявили, что «остаются верными родной земле и ее народу». От своих единомышленников она

¹⁹⁸ Там же, оп. 83, 1883 г., д. 11036, л. 10 об.

¹⁹⁹ Н. Сергиевский. Указ. соч., стр. 14.

²⁰⁰ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 83, 1883 г., д. 11012, л. 20.

²⁰¹ Там же, д. 11053, л. 3.

²⁰² Там же, л. 2 об.

²⁰³ Там же, д. 11036, л. 7.

также требовала «трудиться в деревне и для деревни»²⁰⁴. Таким образом, перед нами ярко выраженное стремление значительной части московских чернопередельцев продолжать революционную пропаганду среди крестьянства.

В 1883—1884 гг. народники Москвы стали задумываться над созданием самостоятельного поселения в деревне с участием большого числа интеллигентов. Это видно из рукописи, отобранной у вернувшегося из Ярославля в Москву М. Ю. Гофмана. В ней характеризуются общественные и политические цели таких поселений («поселков»). Первые заключались в том, чтобы «путем поселений собрать излишнюю интеллигенцию из городов в деревню с тем, чтобы позднейшие поколения образовали интеллигентную деревенскую силу на общинных началах. Первый опыт, между прочим, развития в членах духа независимости». Политическим же результатом явится «уверенность, что в недалеком будущем в России откроется стихийное движение. Для этого необходимо, чтобы к тому времени в городах и в деревнях сохранились хорошие люди. В деревнях такие люди могут быть образованы посредством интеллигентных поселков. По отношению к народу в первое время возможно только сближение». Кружок решил издавать свой литературный орган²⁰⁵.

Эти теоретические принципы были и практически осуществлены кружком. Весной 1884 г. М. Ю., О. Ю. и К. И. Гофман, С. О. Першивалов, О. Мандельштам, О. Каменская, В. С. Миролюбов поселились в с. Пречистом Гжатского уезда Смоленской губернии. Дознанием выяснено, что они «занимались сельским и молочным хозяйством, сами пахали и исполняли другие сельские работы, хотя все они по своему общественному положению, занятиям и научному развитию ничего общего с земледельческой жизнью не имели»²⁰⁶. Осенью после разезда членов кружка из с. Пречистого В. С. Миролюбов поселился в Батищеве у А. Н. Энгельгардта, где занялся бесплатным обучением крестьянских детей. Прокурор считал, что кружок Гофмана хотел воздействовать на «политические и религиозные верования народа в духе одной из революционных фракций, известной под име-

²⁰⁴ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 83, 1883 г., д. 11 036, л. 7 об., 10 об.

²⁰⁵ Там же, оп. 86, 1885 г., д. 10893, л. 103—103 об., 60—60 об.

²⁰⁶ Там же, л. 104—104 об.

нем „народников“»²⁰⁷. Поселение в с. Пречистом длительное время не было раскрыто властями.

У московских народников и позднее сохранились связи в деревнях. Например, при провале харьковской народнической типографии были захвачены адреса крестьян московского района, сочувствовавших народникам. Туда предполагалось послать пропагандистскую литературу²⁰⁸.

Московские чернопередельцы работали в тесном контакте со своими петербургскими единомышленниками. Из столицы приезжали руководители первого центрального кружка этой организации и присылалась литература. Например, Е. Н. Игнатова сообщает, что зимой 1879/80 г. из Петербурга ей был прислан чемодан с «незаконщиной», главным образом с «Черным переделом»²⁰⁹. Во время работы второго петербургского кружка связи эти закрепились и расширились. Нередко в Москву ездил А. П. Буланов²¹⁰. Летом 1880 г. петербуржцы просили прислать из Москвы маленький печатный станок²¹¹. В начале июля в Петербург поехала Е. П. Дурново. Она имела несколько народнических явок: к чернопередельцу А. Н. Ульянову, в сапожный магазин С. Г. Газенгегер и др. Однако, из-за неосторожности она 6 июля 1880 г. была арестована; последовали обыски по отобранному у нее адресам. У Дурново были захвачены письма, листки и другой компрометирующий ее материал. Особенно много неприятностей доставило чернопередельцам письмо Е. И. Козлова москвичам. Из него видно, что между петербургским и московским кружками были установлены тесные связи, что Дурново и Черкасов снабжали деньгами из личных средств не только московские народнические кружки, но и петербургскую центральную группу²¹². В письме ставился вопрос об укреплении единства чернопередельцев²¹³. На основании

²⁰⁷ Там же, л. 106.

²⁰⁸ Н. Сергиевский. Указ. соч., стр. 44.

²⁰⁹ Е. Н. Игнатова. Братья В. Н. и И. Н. Игнатовы.— «Сборник группы „Освобождения труда“», № 1, стр. 105.

²¹⁰ О. К. Буланова. «Черный передел».— Там же, стр. 117—118.

²¹¹ ЦГАОР СССР, ф. 102, 3-е дел-во, 1883 г., д. 1501, л. 17 об.

²¹² Там же.

²¹³ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 78, 1880 г., д. 8619, л. 4 об., 5—5 об., 6.

отобранных у Дурново документов жандармы делали вывод, что на нее была возложена миссия объединения всех русских народнических кружков. Одной из целей поездки Дурново было посещение «Ковно или Белостока для получения там присланного из-за границы № 2 „Черного передела“»²¹⁴. Из письма Козлова видно, что затем предполагалось разослать экземпляры по различным городам и, в частности, прислать в Петербург²¹⁵.

Москвичи приняли самое активное участие в крупнейшем начинании чернопеределовцев — устройстве типографии. После провала их типографии в Петербурге 28 января 1880 г. чернопеределовцам долго не удавалось наладить издание своего печатного органа в пределах России. Москвичи помогли группе А. П. Буланова установить связи с Минском. Связи с Петербургом не прекращались и после того, как единый чернопеределовский центр там перестал существовать. Например, при обыске у Яковенко был отобран адрес петербургской явки Нагорнова²¹⁶.

Установили контакт московские чернопеределовцы и со своими единомышленниками, эмигрировавшими за границу. Это видно из письма Дейча к Стефановичу, арестованному в 1882 г.²¹⁷ Московский чернопеределовец Я. К. Ефрон, эмигрировавший в январе 1881 г., в Женеве и в Кларане близко сошелся с Дейчем, Стефановичем и Засулич, которые ежедневно бывали у него. Так же близко познакомились эмигранты-чернопеределовцы с Дурново, бежавшей за границу²¹⁸.

Довольно обширными были связи московских народников с провинциями, в первую очередь с Казанью — крупнейшим народническим центром. В феврале 1881 г. в Москву приезжал руководитель казанского студенческого чернопеределовского кружка А. А. Тимофеев. Здесь он встречался и с народовольцами, и с чернопеределовцами; из последних — чаще всего с Г. Ф. Черкасовым, с которым сошелся во взглядах²¹⁹. Многие сделали для сближения этих двух народнических центров пере-

²¹⁴ ЦГАОР СССР, ф. 102, 3-е дел-во, 1883 г., д. 1501, л. 18 об.

²¹⁵ Там же, л. 17 об.

²¹⁶ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 83, 1883 г., д. 11 012, л. 119. Нагорнов был связан с рабочими-пропагандистами и с чернопеределовцами.

²¹⁷ Там же, д. 11053, л. 114 об.

²¹⁸ ЦГАОР СССР, ф. 102, 3-е дел-во, 1883 г., д. 1501, л. 8.

²¹⁹ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 83, 1883 г., д. 11053, л. 101—101 об

шедшие из Казанского университета в Московский В. Ф. Казаков и К. Е. Мухлынин. «В среде московских революционеров Казаков является представителем казанских и снабжает последних разными революционными изданиями, выходящими или обращающимися в Москве». Уезжая из Москвы, Казаков увез с собой более 300 экземпляров различных изданий, часть которых оставил по пути в Казани²²⁰. Казаков помог московским чернопередельцам установить связи с Пермью. В апреле 1881 г., после исключения из Московского университета, он привез в Мотовилиху до 200 нелегальных изданий и создал пермско-мотовилихинский чернопередельческий кружок. Летом Казаков снова ездил в Москву и привез 30—40 экземпляров «Черного передела» и «Зерна», а также договорился о том, что москвичи будут и впредь посылать в Казань и Пермь свои издания²²¹. Такую деятельность вел в 1880—1881 гг. и К. Е. Мухлынин²²².

Заметную роль в укреплении связей Москвы с Поволжьем и с Казанью сыграла Л. Е. Фондаминская. Летом 1880 г. она ездила в Самару. В 1881 г. в Казань, Самару и Саратов были направлены, кроме нее, еще несколько фельдшеров и акушеров. Туда же ездил В. Ф. Казаков²²³. Фондаминская оставила в Казани около 40 экземпляров революционных брошюр и несколько номеров «Черного передела»²²⁴. Вся эта деятельность московских народников в Поволжье осталась неизвестной властям и была раскрыта лишь после ареста Л. Е. Фондаминской в 1883 г.²²⁵ Однако связи не прекращались в течение 80-х годов. Последнее известное нам свидетельство — сообщение о том, что весной 1889 г. Э. И. Гауэнштейн отвез в Москву А. П. Чарушникову для распространения 50 экземпляров сборника № 1 «Социальный вопрос», отпечатанного казанским народническим кружком²²⁶.

²²⁰ Там же, д. 11332, л. 31—31 об.

²²¹ Там же, л. 31—31 об., 117 об.

²²² Там же, д. 11036, л. 3 об. и др.

²²³ Там же, л. 8 об.; д. 11053, л. 3.

²²⁴ Там же, л. 3.

²²⁵ Там же, л. 110.

²²⁶ М. Е. Березин, Ю. О. Бородин, Е. Ф. Печоркин, Э. И. Гауэнштейн, М. В. Гауэнштейн. Воспоминания из жизни народнических кружков в Казани (1875—1892 гг.).— «Каторга и ссылка», 1930, № 10, стр. 130.

Дела по обвинению харьковских народников И. Ману-чарова и Н. Иордана показывают, что тесные деловые связи были налажены также и между Москвой, Харьковом и Полтавой. Так, при аресте народнической типографии на квартире Н. В. Иордана и Д. И. Ослопова 11 января 1884 г. в Харькове среди большого количества подпольной печатной литературы было найдено воззвание «К русской молодежи от „Московского центрального общестуденческого союза“» от 17 декабря 1883 г.²²⁷ Речь шла не только о простой связи, но и о координации действий народников Москвы и Харькова, о взаимных услугах в печатании литературы. Так же обстояло дело и с распространением листовок по поводу коронации Александра III, с рассылкой прокламаций по крестьянским адресам Подмосковья и в других случаях.

Связи между Москвой и Харьковом продолжались несколько лет. Еще в начале 80-х годов из Москвы на Украину переехал один из главных народнических теоретиков «второго призыва» «Черного передела» Ю. А. Бунин. В деятельности харьковских народников он играл важную роль. Он написал работу «Несколько слов о прошлом русского социализма и задачах интеллигенции» и опубликовал под псевдонимом «Алексеев». Напечатанная в харьковской типографии Иордана в ноябре 1883—январе 1884 г., эта брошюра представляла собой попытку теоретически обосновать народничество в новых условиях. Брошюра была захвачена полицией. Но часть экземпляров успели отправить в Москву. Ю. А. Бунину же принадлежали и документы по рабочему вопросу, отобранные при арестах по делу типографии. Расследование вскрыло связи московских народников (П. Л. Забалуева, О. В. Кировой, В. П. Диатолович) с Харьковом. У Забалуева были отобраны брошюра «Чего хотят социалисты?» (экспертиза установила, что она отпечатана в харьковской народнической типографии), несколько рукописных экземпляров «Программы действия кружка рабочих» и «Организационного устава кружка рабочих-народников»²²⁸. Впоследствии Ю. А. Бунин признался, что эти документы написаны им²²⁹.

²²⁷ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 85, 1884 г., д. 10943, л. 30 об.

²²⁸ Там же, л. 38 об., 39—39 об.

²²⁹ Там же, л. 65 об., 66—66 об.

Связь между московскими народниками и Харьковом, Ростовом-на-Дону, Полтавой, Орлом и другими городами видна из следствия о московском «Общестуденческом союзе». Выяснилось, что О. В. Кирова, П. Л. Забалуев, В. П. Диатович, М. Д. Гуревич увозили запрещенные издания при поездках домой на рождественские праздники²³⁰. Московские чернопередельцы были связаны и с другими пунктами на Украине²³¹. Отобранные у Дурново записки свидетельствовали о связях со станцией Усть-Медведицкой²³². Казаков и Фондаминская поддерживали связи с Нижним Тагилом. В одном из писем Казаков писал, что Москве и Тагилу надо «несколько спеться»²³³. Московские чернопередельцы установили также связи с Белостоком, Ковно, Вильно (через А. П. Буланова и С. Гринфеста), Смоленском. Семья Яковенко помогала наладить связи московских народников с Тверью²³⁴.

Весьма интересную картину контактов московских чернопередельцев с провинциями вскрывает дело о Н. Г. и М. А. Кожановых. На основании письма к В. И. Бонч-Осмоловской-Ваховской и «откровенных показаний» А. Родзевича, а также агентурных сведений прокурор определил их маршруты. В октябре 1879 г. они жили в Москве, затем по поручению кружка отправились на Украину, в Минск и в Смоленскую губернию к Бонч-Осмоловским. В марте 1880 г. Кожанов переехал в Воронеж, в ноябре — в Киев, а после апреля 1881 г. жил в Минске, Снове, Ялте, поддерживая связь с Москвой.

Владимирский кружок через О. Э. и Р. Э. Аппельбергов был связан с народовольцами. Руководитель кружка М. А. Цветаев был близок к народовольцам в вопросах тактики, обсуждавшихся во владимирской подпольной газете «Пугач», но в целом стоял на чернопередельческих позициях. Он получал из Москвы народническую литературу, ездил туда в ноябре 1881 г. советоваться о программе издания «Пугача»²³⁵. Цветаев был

²³⁰ Там же, д. 10858, л. 250 об.—251, 266 об.

²³¹ Там же, оп. 83, 1883 г., д. 11012, л. 19 об.—20.

²³² Там же, оп. 78, 1880 г., д. 8619, л. 5.

²³³ Там же, оп. 83, 1883 г., д. 11036, л. 6.

²³⁴ Там же, д. 11012, л. 2 об., 3, 3 об.

²³⁵ Там же, оп. 80, 1881 г., д. 8586, л. 3 об., 8 и др.

сторонником длительных поселений революционной молодежи в деревнях и пропаганды «в народе».

История чернопередельцев тесно связана с «Народной волей». Резкие разногласия, которые летом 1879 г. привели к разделу «Земли и воли», в Москве проявились весьма сильно. На одном из этих диспутов, где от «Народной воли» выступал А. И. Желябов, присутствовало до 40 чернопередельцев²³⁶. Организационные центры обеих фракций существовали отдельно и резко противостояли друг другу.

Наряду с этими спорами сохранялись постоянные связи и велась совместная агитация среди студентов и рабочих. Чернопередельцы и народовольцы по-прежнему поддерживали дружеские отношения²³⁷.

Большую роль в сближении народовольцев и чернопередельцев сыграли Я. В. Стефанович, А. П. и О. К. Булановы. Присоединившись к «Народной воле», они добивались того же и от своих последователей в Петербурге, Москве и в других городах. В декабре 1881 г. Фондаминская писала: «В воздухе чувствуется примирительное веяние, хотя не все этому сочувствуют...»²³⁸ Этому способствовали совместная помощь арестованным и сосланным революционерам («Общество Красного Креста „Народной воли“») и пропаганда среди рабочих. Именно в этот период в народовольческую организацию «Красного Креста» вошли также В. И. и К. А. Яковенко. Члены московского «Общестуденческого союза» народники Забалуев, Кирова, Диатолович, Депальдо, Гуревич, а позднее Циммерман и Даль, как уже отмечалось, работали в тесном контакте с народовольцами.

1880—1881 гг. были периодом активной деятельности московских чернопередельцев. Постоянные аресты и преследования ослабляли их ряды. Как единая организация московская чернопередельческая группа перестала существовать в 1881 г. Часть чернопередельцев примкнула к «Народной воле», другая — оставалась «чистыми народниками».

Таким образом, тенденции «чистого народничества» сохранялись в Москве в течение 80-х годов, хотя его влияние было меньше, чем народовольчества.

²³⁶ В. Дебогорий - Мокриевич. Указ. соч., стр. 577.

²³⁷ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 86, 1885 г., д. 10893, л. 99—99 об.

²³⁸ Там же, оп. 83, 1883 г., д. 11036, л. 7 об.

М. Г. Седов

**К ВОПРОСУ ОБ ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ
Н. К. МИХАЙЛОВСКОГО**

Николай Константинович Михайловский — крупное явление в истории русской общественной мысли и освободительного движения пореформенного периода. На протяжении более 40 лет его имя не сходило со страниц демократической печати, и он был общепризнанным «властителем дум» молодежи России.

Дореволюционная литература о Михайловском настолько обширна, что один ее перечень трудно уложить в рамки журнальной статьи. Однако марксистского исследования, исчерпывающе освещающего идейное наследие Михайловского и его роль в общественном движении России на разном этапе, в нашей историографии до сих пор нет. Более того, имя этого выдающегося публициста и теоретика народничества стало одиозным: его либо вовсе замалчивают как недостойное памяти потомства, либо на нем демонстрируют несостоятельность народнических доктрин.

Чаще всего к Михайловскому подходят только под углом зрения той острой критики, которой в 90-х годах подверг его теоретические положения В. И. Ленин. Но, как правило, эту критику используют в отрыве от общей ленинской оценки Михайловского, от его всестороннего анализа народнической теории и ее места в истории русской освободительной борьбы, от тех объективных условий, которые вызвали развитие и господство народнической идеологии в России. В результате вся многообразная деятельность Михайловского красится одним цветом, и он изображается как публицист, столкнувшийся русскую освободительную мысль с ее прогрессивного пути. Становится непонятным, как мог он в течение нескольких десятилетий властвовать над умами двух поколений передовой русской интеллигенции.

Общую характеристику Михайловского В. И. Ленин дал в статье «Народники о Н. К. Михайловском», опубликованной в 1914 г. Переоценить политическое и научное значение этой работы очень трудно. Она по праву должна занять такое же место для понимания Михайловского, как статья «Памяти Герцена» для понимания Герцена. В ней содержится итог ленинской оценки литературного наследия и общественной деятельности Михайловского. Но важно выяснить, как шел В. И. Ленин к этому итогу.

Впервые развернутую критику взглядов Михайловского Ленин изложил в 1894 г. в своей знаменитой работе «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?» В это время главная задача Ленина состояла в том, чтобы вскрыть теоретическую несостоятельность народнической доктрины и мелкобуржуазную (мещанскую) сущность либерального народничества 90-х годов. Под этим углом зрения он и подверг тщательному критическому разбору взгляды «властителя дум» народнической интеллигенции Михайловского. Выступление Ленина было ответом на нападки Михайловского против молодой русской социал-демократии. Естественно, что оно прежде всего было направлено, во-первых, на то, чтобы показать, что Михайловский не понимает и не пытается понять теорию Маркса и потому грубо ее искажает, а во-вторых, на разоблачение его ложного, ненаучного взгляда на русских социал-демократов.

Критикуя Михайловского, Ленин доказывал, что марксизм имеет всемирно-историческое значение как в познании, так и в переделке мира, что это верно так же в отношении высокоразвитых стран капитализма, как и в отношении России, и что поэтому появление русской социал-демократии на исторической арене закономерно. Русским марксистам, а не народничеству принадлежит будущее, не народническое, а социал-демократическое движение решит задачи русской жизни. Но для Ленина было важно не только подвергнуть критике Михайловского за его выступления против русских марксистов, а прежде всего выяснить причины самого факта. Он отмечал, что в начале 70-х годов Михайловский встал на защиту Маркса. Его статью, посвященную выходу в России «Капитала», Ленин считал «очень живо, бодро и свежо

написанной»¹. К 90-м годам, когда революционное народничество выродилось в «самую дюжинную теорию мелкобуржуазного радикализма»², изменилось и отношение народнических теоретиков к марксизму. В частности, Михайловский «не заметил несовместимости метода Маркса с его собственным методом»³. Из представителя передовых настроений и идей 70—80-х годов Михайловский в 90-е годы превратился в защитника рутинности и отсталости, стал идеологом мещанского радикализма.

В 1895 г. в работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г-на Струве» В. И. Ленин возвращается к некоторым доктринам Михайловского, в частности к его «теории личности», где развивается мысль о том, что Россия — чистое место, на котором может быть выращена любая будущность. Ленин говорит, что «одними теоретическими ошибками их не объяснишь. Они объясняются вполне той мещанской точкой зрения, на которой стоит этот писатель»⁴.

Еще более суровой критике подвергся Михайловский в работе Ленина «От какого наследства мы отказываемся?», написанной в 1897 г. Здесь доказательство несостоятельности либерально-народнической теории Михайловского идет по линии сопоставления демократических идей и народнической прибавки к демократизму. Задача работы — показать, что социал-демократы отнюдь не отказываются от наследства демократов, и, как отмечал Ленин, она написана *исключительно* о том, «как относятся ученики к русскому демократизму вообще, отказываются ли они от него... Я интересовался, — писал он, — только той ошибкой Михайловского, будто мы отказываемся от демократизма вообще»⁵.

Этими словами Ленин разъяснял замысел своей статьи. Забвение этого разъяснения имело, как известно, в годы культа личности Сталина очень печальные последствия: наследие 60-х годов стало противопоставляться наследию 70-х, а прогрессивные деятели одной эпохи и одной классовой природы превращались в антиподов.

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 265.

² Там же, стр. 303.

³ Там же, стр. 183.

⁴ Там же, стр. 416.

⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 46, стр. 27.

В 90-е годы Ленину пришлось вести войну и против либерально-народнической теории противопоставления крестьянского «трудового хозяйства» буржуазному хозяйству. «Эта идея, в разных оттенках ее подробно разработанная гг. Михайловским, В. В., Ник.—оном и др., была одной из тех твердынь, против которых направилась критика русского марксизма»⁶. Борьба Ленина с народничеством в 90-х годах имела большое историческое значение. Об этом позже Ленин писал: «Конец 1894 и начало 1895 годов были периодом крутого поворота в нашей легальной публицистике. Впервые пробрался в нее марксизм... Оживление в литературе и горячие споры марксистов с старыми главарями народничества, которые до тех пор почти безраздельно господствовали (напр., Н. К. Михайловский) в передовой литературе, было преддверием подъема массового рабочего движения в России. Литературные выступления русских марксистов были непосредственным предшественником выступлений на борьбу пролетариата, знаменитых петербургских стачек 1896 года, которые открыли эру неуклонно поднимавшегося затем рабочего движения,— этого самого могучего фактора всей нашей революции»⁷.

В 90-х годах, как известно, завершился один и начался другой этап освободительного движения. На смену разночинцу шли пролетарские революционеры. Именно этим обстоятельством и объясняется острота борьбы вокруг двух мировоззрений — народничества и марксизма.

Прошло несколько лет, марксизм оттеснил и победил народничество.

В известном смысле о народничестве стало возможным говорить в прошедшем времени. Личность Михайловского, его общественная деятельность стали вырисовываться в более широком плане. Важна в этом отношении позиция ленинской «Искры». Она откликнулась на 40-летний юбилей общественно-литературной деятельности Михайловского. Марксисты поздравляли юбиляра. Прошлая деятельность Михайловского оценивалась «Искрой» очень высоко. «Г-н Михайловский родился под счастливой звездой,— говорилось в юбилейной статье,—

⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 7, стр. 47.

⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 16, стр. 95.

первые литературные шаги его были овеяны бодрящим воздухом нашего ренессанса, а расцвет этой деятельности пришелся на революционнейшую из эпох в жизни русской интеллигенции. Он дал этой эпохе свою личность и не однажды на страницах „Отечественных записок“ возвышался голос „Профана“, как выражение чувств и дум интеллигента-разночинца, интеллигента-социалиста... И с этой самой поры литературное имя его сияет *страженным светом* героического времени: семидесятилетие воздало сторицей тому, кто когда-то принес им лучшую часть своего яркого дарования»⁸. В статье, однако, не умалчивалось об отношении Михайловского к русским марксистам. «Мы, русские социал-демократы, чтим заслуженного писателя, но в наше отношение к нему невольно примешивается горечь: до сих пор он был — ослепленный противник, наш строгий и несправедливый судья»⁹.

Несправедливым критиком марксизма Михайловский оставался до конца своих дней. И это было закономерным: ветеран народнической теории не мог на закате жизни заменить одно мировоззрение другим. Но следует отметить, что он признавал за социал-демократическим движением и важность, и перспективность.

В отличие от работ 90-х годов, в которых подвергались критике те или иные стороны теории Михайловского, статья Ленина «Народники о Н. К. Михайловском» дает его оценку в целом, охватывает весь период его деятельности и основные черты его мировоззрения. Эта статья важна тем, что в ней определено место Михайловского как критика и социолога в истории освободительного движения, раскрыта социальная сущность его теории и установлено историческое значение всего наследия Михайловского. Важно подчеркнуть, что если в работах 90-х годов Ленин почти не касался деятельности Михайловского в 60—80-х годах, то в статье «Народники о Н. К. Михайловском» он именно этому периоду уделял очень большое внимание. Ленин характеризует Михайловского как одного «...из лучших представителей и выразителей взглядов русской буржуазной демократии в

⁸ «Искра», вып. 1, Л., 1925, стр. 36.

⁹ Там же.

последней трети прошлого века»¹⁰. Заметив, что крестьянская масса, являвшаяся в XIX в. «единственным серьезным и массовым (не считая городской мелкой буржуазии) носителем буржуазно-демократических идей, тогда еще спала глубоким сном», Ленин писал, что «лучшие люди из ее среды и люди, полные симпатий к ее тяжелому положению, так называемые разночинцы — главным образом учащая молодежь... — старались просветить и разбудить спящие крестьянские массы»¹¹. К числу этих лучших людей он отнес и Михайловского. «Великой исторической заслугой Михайловского в буржуазно-демократическом движении в пользу освобождения России, — писал Ленин, — было то, что он горячо сочувствовал угнетенному положению крестьян, энергично боролся против всех и всяких проявлений крепостнического гнета, отстаивал в легальной, открытой печати — хотя бы намеками сочувствие и уважение к „подполью“, где действовали самые последовательные и решительные демократы разночинцы, и даже сам помогал прямо этому подполью»¹². Но одновременно Ленин отмечал, что мировоззрение Михайловского не было лишено слабых сторон, рассматривая, однако, эти слабые стороны как черты, характеризующие буржуазно-демократическую идеологию в России в целом. «...Будучи горячим сторонником свободы и угнетенных крестьянских масс, Михайловский разделял все слабости буржуазно-демократического движения, — указывал Ленин. — Ему казалось, что передача всей земли крестьянам, — в особенности без выкупа, — есть нечто „социалистическое“; он считал себя поэтому „социалистом“»¹³. Отметим близость этой характеристики к оценке, которую дал Ленин А. И. Герцену в статье, посвященной его памяти¹⁴. Таким образом, более чем десятилетняя упорная полемическая война с Михайловским не помешала Ленину дать ему строго научную объективную оценку и определить его место в истории освободительной борьбы. В этом важнейшее отличие ленинской критики от критики Плеханова, который еще

¹⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 24, стр. 333.

¹¹ Там же.

¹² Там же, стр. 333—334.

¹³ Там же, стр. 334.

¹⁴ См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 21, стр. 255—262.

раньше Ленина выступил против Михайловского. Плехановская критика Михайловского имела большое значение для своего времени, но она была односторонней. Если судить о Михайловском по Плеханову, то этот народнический публицист чаще всего выглядит невежественной личностью, лишенной каких бы то ни было научных познаний и исторических заслуг.

К сожалению, разработка литературного наследия Михайловского не пошла по линии всестороннего использования и даже учета ленинской концепции. Как в 20-х, так и в начале 30-х годов, несмотря на значительный интерес к нему, проявленный в работах Евгеньева-Максимова¹⁵, Горева¹⁶, Кузьмина¹⁷ и других, сколько-нибудь серьезного сдвига в историографии вопроса не произошло. В дальнейшем изучение Михайловского фактически совсем прекратилось.

За последние годы интерес к общественной роли и литературному наследию Михайловского значительно возрос. Появилось уже несколько работ о нем справочного, философского и историко-литературного характера. Среди них привлекает внимание статья Г. А. Бялого «Н. К. Михайловский — литературный критик»¹⁸. Автор сделал серьезную попытку разобраться в литературно-критическом наследии Михайловского, исходя из работ В. И. Ленина, но, видимо, еще не освободился полностью от влияния старых представлений. Он рассматривает Михайловского в плане противопоставления просветительства народничеству, упуская из виду, что под «просветительством» Ленин подразумевал демократизм вообще и что народничество — одна из разновидностей демократизма. Именно поэтому Ленин и называл «теорию прогресса» Михайловского, его теорию «борьбы за индивидуальность» буржуазно-демократическими.

Нельзя также согласиться с утверждением Бялого об антинаучном характере теории Михайловского. В сопоставлении с марксизмом все домарксистские теории в таком случае окажутся ненаучными. Но такой подход к домарксистской науке сам по себе ненаучен. Идеи фран-

¹⁵ В. Евгеньев-Максимов. Очерки истории социалистической журналистики в России XIX в. М.—Л., 1927.

¹⁶ Б. Горев. Н. К. Михайловский. М., 1925.

¹⁷ Д. Кузьмин. Народовольческая журналистика. М., 1930.

¹⁸ «Н. К. Михайловский — критические статьи». М., 1957.

цузских просветителей, революции 1789—1793 гг., декабристов, Герцена, Белинского, Чернышевского, Добролюбова и т. д., безусловно, были немаловажными вехами в развитии науки об обществе. Теория Михайловского отразила состояние домарксистской науки в России и в этом смысле была научной, но ее научное значение имело исторически преходящий характер.

* * *

В. И. Ленин писал, что «революционеры 61-го года ...потерпели, по-видимому, полное поражение», но именно они сыграли великую освободительную роль в эпоху падения крепостного права¹⁹. Поражение шестидесятников имело тяжелые последствия. Оправившись от некоторой растерянности периода революционной ситуации 1859—1861 гг. и став на путь реакции после подавления польского восстания 1863 г., царизм смог вызвать к жизни и укрепить наиболее консервативные силы пореформенной России. Наступление реакции шло одновременно по нескольким направлениям. Но главную заботу правительства составляли разгром и уничтожение лагеря революционных сил.

Революционные кружки и организации были разбиты, их организаторы и лидеры арестованы. Были закрыты лучшие органы печати. По словам А. И. Герцена, царизм вел страну «в черную гавань». Казалось, ничто не предвещало нового подъема общественного движения. Но в конце 60-х годов обозначились первые признаки пробуждения свободных сил. Они выразились в подъеме студенческого движения, в возникновении новых органов печати, в появлении новых лидеров общественной мысли. Первый цикл общественного подъема и правительственной реакции завершился,—начинался второй. Одним из выразителей новых общественных запросов явился Н. К. Михайловский.

Его литературная деятельность началась в 1861 г., когда в журнале «Рассвет» он опубликовал без подписи первую критическую статью по поводу одного из фрагментов романа И. А. Гончарова «Обрыв». До 1865 г. он

¹⁹ См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 20, стр. 179.

помещал различные заметки и статьи в газете «Якорь». В том же году, познакомившись с братьями Курочкиными, Михайловский стал работать в издававшемся ими библиографическом журнале «Книжный вестник», в котором сотрудничали критики «Русского слова» В. А. Зайцев и Н. Д. Ножин. Это знакомство ввело его в круг передовых публицистов первой половины 60-х годов.

После закрытия «Книжного вестника» Михайловский стал сотрудничать в благосветловском «Деле», где познакомился с Д. И. Писаревым. Здесь, однако, он задержался ненадолго и вскоре стал сотрудником, а затем и редактором некрасовских «Отечественных записок»²⁰. С этим органом неразрывно связана лучшая полоса в жизни Михайловского.

Михайловский, таким образом, сформировался в атмосфере 60-х годов и принадлежал к лагерю передовой публицистики знаменитого десятилетия. Он гордился этим и уже спустя много лет (в 1892 г.) писал: «я никогда не порывал с традициями 60-х годов»²¹. Подобные заявления часто встречаются в его статьях. Так, говоря о том, что «Современник» во главе с Чернышевским был создателем нового направления в русском освободительном движении, Михайловский замечал: «к этому мировоззрению примкнули и мы в 70-х годах»²².

Михайловский считал, что он и его единомышленники в новых условиях развивали мировоззрение 60-х годов и продолжали деятельность шестидесятников. «Симпатии и антипатии 60-х годов и их общий умственный и нравственный облик мы, более позднее литературное поколение, откровенно приняли к своему руководству, дополняя и развивая их сообразно обстоятельствам времени»²³.

Что же имел он в виду, говоря о традициях и наследии 60-х годов? Прежде всего любовь к народу, стремление пробудить его к самостоятельной и сознательной жизни, поднять народные массы, главным образом крестья-

²⁰ В 1868 г. Михайловский сотрудничал также в журнале «Современное обозрение», где печатал «Письма о русской интеллигенции» и роман «Борьба».

²¹ Н. К. Михайловский. Полн. собр. соч., т. VII, СПб., 1909, стр. 298.

²² Там же, стр. 142.

²³ Там же, стр. 136.

янство, до уровня сознательных творцов истории. Но любовь к народу и надежды на него не исключали критики пороков народной жизни и народного характера. Важны в этом отношении такие слова Михайловского: «В изящных статьях Добролюбова, в горьких стихах Некрасова, в саркастических речах Салтыкова, во всякого рода статьях теоретического и практического характера слышались великое почтение к мужику и великие на него надежды. Это не мешало, однако, ни „трезвой правде“ Решетникова, ни соответственным стихам того же Некрасова, ни даже чрезмерным изображениям дикости мужика в рассказах Николая Успенского и Слепцова»²⁴.

Другими моментами, характеризовавшими наследие 60-х годов, были, по мысли Михайловского, обличение, беспощадная критика всего строя русской общественной жизни. «То было время обличительного жанра, — писал Михайловский, — обуявшего русское общество после Крымской войны»²⁵. Критическое направление в русской журналистике наиболее ярко проявилось в изданиях А. И. Герцена, публицистике «Современника», «Русского слова», «Дела» и др. В этом ряду Михайловский особо отметил значение «Искры»: «Это был как бы председатель суда общественного мнения по множеству дел..., захватывавших в своей совокупности всю грамотную Россию. Положение высокое, трудное и ответственное. Многие и многие боялись „Искры“, многие и многие возлагали на нее надежды»²⁶. Хотя обличение, низвержение всех и всяких авторитетов было по душе Михайловскому, но крайности писаревского нигилизма он отвергал. Отдавая дань выдающимся дарованиям Д. И. Писарева, его громадной прогрессивной роли в общественном движении, Михайловский критиковал его за «развенчание» Пушкина, за нигилизм в философии и т. д. Это же можно сказать и в отношении Зайцева, который вслед за Писаревым, «разоблачившим» Пушкина, «разоблачил» Лермонтова. Критика для Михайловского была всегда началом «дела», исходным пунктом практической работы. Он хорошо усвоил тройственную формулу Курочкина «мысль — слово — дело» и считал, что критика будит

²⁴ Н. К. Михайловский. Полн. собр. соч., т. VII. СПб., 1909, стр. 290—291.

²⁵ Там же, стр. 33.

²⁶ Там же, стр. 34.

мысль, заставляет сказать слово и принуждает взяться за дело.

Для 60-х годов Михайловский считал характерным и признание воспитательной роли литературы и искусства в общественной жизни и их подчиненность определенной идее. В этом смысле формула «искусство для искусства» расценивалась им не только как не реальная, но и как лицемерная. Искусство остается «одним из самых могучих орудий борьбы... Все употребляют искусство как орудие борьбы, как средство для достижения известных целей, лежащих вне пределов искусства»²⁷, — писал Михайловский. «Тургенев клялся... делать из искусства орудие, средство борьбы с крепостным правом»²⁸, — замечал он в другом месте.

Наконец, последнюю черту, характеризующую 60-е годы, Михайловский видел в идее некапиталистического развития России, в возможности миновать капиталистическую стадию и при помощи поземельной общины и рабочей артели прийти сразу к высшей стадии развития человеческого общества — к социализму. Родоначальником этой идеи он справедливо считал Герцена. Эта идея потом была принята всеми деятелями 60-х годов. Идея социализма неотделима от «шестидесятников». Она лежит в основании их теоретических построений.

Таковы главные идеи, оставленные шестидесятниками в наследие своим преемникам. Надо помнить, что Михайловский отмечает условность понятия «шестидесятые годы». «Когда говорят, в частности, о преданиях шестидесятых годов, — писал он, — то нельзя разуметь шестидесятые годы в буквальном арифметическом смысле слова, хотя бы уже потому, что Добролюбов... в 1861 году умер»²⁹. Следовательно, пользуясь известными словами Н. В. Шелгунова, можно сказать, что шестидесятые годы, и по Михайловскому, начались с пятидесятих, с конца Крымской войны.

Наиболее яркими выразителями наследства 60-х годов Михайловский считал Герцена, Белинского, Чернышевского и Добролюбова, а также ту плеяду выдающихся писателей и критиков, которая стояла рядом с ними. Здесь имеются в виду Некрасов, Салтыков, Елисеев,

²⁷ Там же, стр. 153.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же, стр. 287.

Писарев и др. А такие шестидесятники, как Некрасов, Салтыков и Елисеев, действовали и в последующем десятилетии, являясь живым примером прямой связи двух поколений общественных деятелей. «...Из-за этих трех, — писал Михайловский, — выглядывали еще образы Добролюбова, Чернышевского, Белинского, как бы передавших им свой авторитет... Примыкая к ним, вы чувствовали, что вступаєте... на историческую дорогу»³⁰.

Защита памяти и традиций этих великих людей от выпадов реакционной печати создавала нашему критику заслуженную популярность у молодого поколения. Но это была не просто защита тех, перед кем он склонял свою голову. Речь шла о защите классовых и политических принципов. Став на позиции защиты интересов крестьянства, Михайловский, естественно, примкнул к той школе, к тому литературному направлению, которое впервые подняло это знамя. Шестидесятники защищались им как выразители интересов крестьянства. Но обстановка, в которой приходилось действовать Михайловскому, существенно отличалась от той, когда действовали его учителя. С 1863 г. и до конца десятилетия происходили постепенное укрепление реакции и спад общественного движения. Расчет на быстрый стихийный взрыв масс оказался несостоятельным. В этих условиях вставала задача доказать осуществимость идеалов шестидесятников и в изменившейся ситуации. И вот из синтеза русских и западноевропейских домарксистских теорий возникла теория прогресса и борьбы за индивидуальность Михайловского. «Что такое прогресс?» — спрашивает Михайловский и отвечает: «Прогресс есть постепенное приближение к целостности неделимых, к возможно полному и всестороннему разделению труда между органами и возможно меньшему разделению труда между людьми. Безнравственно, несправедливо, вредно, неразумно все, что задерживает это движение. Нравственно, справедливо, разумно и полезно только то, что уменьшает разнородность общества, усиливая тем самым разнородность его отдельных членов»³¹.

Основу этой формулы составляет проблема всестороннего и гармонического развития личности («недели-

³⁰ Н. К. Михайловский. Полн. собр. соч., т. VII., стр. 54.

³¹ Там же, т. I. СПб., 1906, стр. 150.

мого»). Такое развитие, однако, по мысли Михайловского, несовместимо ни с феодальным, ни с капиталистическим разделением труда, которое позволяет личности развиваться лишь уродливо, односторонне. Ис с этой точки зрения во главу угла он ставил вопрос о борьбе как с феодализмом, так и с капитализмом. В «формуле прогресса» отчетливо проявился отход от социологического реализма к субъективизму: эта формула не объясняет ни прошлого, ни настоящего, она лишь указывает цель — уменьшить разнородность общества и увеличить разнородность личностей. В теории прогресса главная роль принадлежит не массе, а личности. Личность ставит перед собой и обществом цели, она же «движет к ним события». Все это делается ради народа, ради того, чтобы поднять массу до уровня высокоразвитой сознательной личности. Эта теория имеет очень много общего с теорией «критически мыслящих» личностей (Лаврова), но отождествлять их нельзя. Возникли они одновременно, но независимо друг от друга, и это несомненное доказательство общественной в них потребности. Молодежь очень высоко оценивала работу Михайловского «Что такое прогресс?» и ставила ее рядом с романом «Что делать?» Н. Г. Чернышевского и «Историческими письмами» П. Л. Лаврова.

Из определения прогресса в его отношении к разделению труда логически вытекала идея борьбы за индивидуальность. Это — центральный пункт теории Михайловского. Борьбу за индивидуальность Михайловский противопоставлял дарвиновской теории борьбы за существование. Если, по Дарвину, борьба за существование ведет к приспособлению индивида к среде, то, по Михайловскому, борьба за индивидуальность — это приспособление среды к личности для гармонического развития последней. Интересы личности при этом опираются на объективный критерий, на главный ее атрибут. Таким атрибутом является труд. А отсюда, естественно, совпадение интересов (но не мнений) личности и народа. В труде их общий корень. На этом основании Михайловский выдвигает положение о двух правдах, правде-истине и правде-справедливости, которое в сущности представляло собой формулу борьбы интеллигенции за интересы трудящихся. Второй член этой формулы и есть основа субъективизма Михайловского.

Как и для его предшественников, целью борьбы для Михайловского был социализм, а его материальным базисом — общинный и артельный труд. Естественно, что и его критика капитализма не выходила за рамки идей утопического социализма.

Он стремился избежать капиталистического развития, признавая, однако, что оно является шагом вперед. «Без сомнения, и улучшенные способы производства полезных вещей, и научные открытия, и орудия облегчения экономических сношений, и политическая и экономическая свобода — все это, — писал он, — суть сами по себе непререкаемые блага. Надо иметь медный лоб или быть насквозь проникнутым какими-нибудь застарелыми предрассудками, чтобы не признавать их великого значения как помощников человека...»³² В другом месте и в другой связи сказано почти то же: «Всякий знает, что железная дорога лучше проселка, что свобода лучше произвола, что знание лучше незнания и т. д. Все эти блага и берите»³³. Мы можем найти в работах Михайловского множество высказываний о том, что внедрение машины в производство, открытие и использование человеком энергии пара, электричества и т. д. есть не что иное, как громадное завоевание науки и практики. Но, говоря это, Михайловский постоянно и настойчиво подчеркивает, что указанные завоевания поставлены не на службу человеку, а используются для его угнетения, они преследуют главным образом потребности обогащения. В этом смысле «значение их все-таки относительное».

Господство буржуазии оборачивается против интересов народа. Так, в Англии, «несмотря на увеличение промышленности и торговли в четыре раза, положение некоторых классов рабочих осталось таким же, каким было лет двадцать назад, а положение других даже ухудшилось»³⁴. Англия в данном случае не исключение, а показатель общей закономерности.

Исходя из этого, Михайловский подходит к выводу, что «проблема куска хлеба» не есть проблема технического прогресса. Она находится за пределами техники и «омашинивания» общества. Без изменения экономиче-

³² Н. К. Михайловский. Полн. собр. соч., т. I., стр. 880.

³³ Там же, стр. 903.

³⁴ Там же, т. III. СПб., 1909, стр. 291.

ской основы общества эту проблему решить нельзя. Именно поэтому Михайловский заявляет, что его мало или совсем не интересует степень развития промышленности, транспорта, сельского хозяйства и т. д. Чтобы разрешить противоречие между признанием капитализма как шага вперед в общественном развитии и стремлением миновать капиталистическую стадию, Михайловский создал теорию степеней и типов социального развития. Здесь под степенью подразумевается уровень развития производительных сил, под типом — отношение производителей к собственности, т. е. господство частной или коллективной формы собственности. Согласно этой теории, высокая степень развития могла сочетаться с низким его типом и наоборот. Приведением же в соответствие степени и типа достигается социалистический идеал. Поэтому Михайловский обращает основное внимание на «тип развития», т. е. по существу на форму собственности. Вот интересные слова по этому поводу: «Я вполне согласен с г. Полетикой и другими заводчиками, что железная промышленность наша должна развиваться, я согласен и с гр. Орловым-Давыдовым, что наше сельское хозяйство подлежит развитию. Но наше согласие немедленно прекращается, как только я узнаю тип развития, предлагаемый этими учеными людьми»³⁵.

Михайловский против капиталистического «типа развития». Он за другой путь — за социализм. Социализм, и только этот общественный строй, избавит человечество от несчастий и страданий. Это и есть общественный идеал. Каково же сопряжение общественного идеала с русской действительностью? В отличие от Европы и именно благодаря ее опыту Россия может миновать капитализм. Как и чем можно доказать это? Здесь приводятся общие для народничества аргументы. В своем разборе книги «Русские общественные вопросы», выпущенной редакцией «Недели» в 1872 г., Михайловский солидаризируется с основными положениями ее авторов. В этой книге, как известно, излагается мысль о том, что освобождение крестьян с землей открывает России «возможность написать ту или другую будущность», избежать ошибок западного развития, начать путь «по своему» и «положить зародыш будущего развития», избежав «язвы

³⁵ Там же, стр. 501.

пролетариата». Соглашаясь со всем этим, он добавляет: «Мы, действительно, переживаем важную и торжественную минуту», которая «определяет собою перелом в русской истории, в некоторых отношениях даже более важный, чем перелом XVIII века, отмеченный гениальным образом Петра»³⁶.

Развивая далее эту мысль и отмечая, что «вся Россия наша есть огромный зародыш», Михайловский пишет: «желательно знать, в какие именно формы отольется зародыш. А так как всякие наши предвидения и рассуждения о будущем необходимо осложняются чисто субъективными элементами, надеждами и опасениями, то вопрос сводится к тому—какие именно формы развития желательны для нашего зародыша... Никакое общество не обязано проходить через все метаморфозы, которым подверглись его старшие в историческом порядке родичи»³⁷.

Мысль «о любой будущности» дополняется указанием на возможность миновать средние ступени развития. Обоснованием этой мысли служат общелогические соображения, заимствованные из работ Чернышевского «Критика философских предубеждений против общинного землевладения», Герцена «Русский народ и социализм» и др. Зависимость Михайловского от Герцена и Чернышевского в этом вопросе очевидна, но не менее очевидна и отличительная черта. Она состоит в том, что Михайловский говорит о формах «желательных», а не закономерных, т. е. отходит от объективного критерия к субъективизму. Однако этот отход не имеет того упрощенного характера, который обычно отмечается в литературе и ставится в вину Михайловскому. Свои субъективистские выводы он пытается вывести из объективных факторов и мобилизует для этого массу доводов. Так, соглашаясь с мыслью, что «в основе каждого крупного общественного явления лежит экономическая причина»³⁸, он пытается применить это положение к обоснованию некапиталистического пути развития России. Если капитализм отделяет, «отлучает» (слово Михайловского) производителей от средств производства, то при социализме производители и орудия производства не будут про-

³⁶ Н. К. Михайловский. Полн. собр. соч., т. I, стр. 655.

³⁷ Там же, стр. 901.

³⁸ Там же, т. III, стр. 782.

тивостоять друг другу. Но не противостоят они и в общине. Значит, в экономическом плане социализм может базироваться на общине. «Значительная часть русского народа сохранила общину до нашего времени, когда наука и опыт, теория и практика достаточно вооружили нас для надлежащей ее оценки. Она оказалась важной гарантией интересов народа, и мы приняли ее»³⁹. Община важна в данном случае не только как экономическое, но как классовое обоснование социализма. В общинном крестьянине Михайловский видел не мелкого буржуа, а социалиста. Этот по существу предвзятый взгляд имел под собой и некоторые объективные основания. Крестьяне действительно боролись за равный передел земли. Они действительно хотели равных и одинаковых прав. Более того, известны случаи выступления крестьян-общинников против кулаков. Так, в начале 1876 г. в Тамбовском уезде в Присутствии по крестьянским делам было рассмотрено нижеследующее прошение крестьян, уполномоченных от общины: «На общественных сходах почти что везде один порядок. Мироеды говорят, а бедные собираются только, чтобы слушать их разговоры. А между тем равную повинность отбывают, и еще богатые закладывают себе бедных за подати, но земляным наделом пользуются неравно: полевая общественная земля наша при дележе на душу остается от всякого столба, и остатки составляют значительную часть земли, которая не делится по душам, а отдается за вино и бесценок. Кто отдаст, те и пользуются всеми правами; а прочие отбывают денежные и натуральные тяготы более первых, от неполного надела земли, почему терпят еще большую бедность, доходящую до последнего куса хлеба, но еще менее могут выносить подати. А посему, покорнейше просим: *отделить бедных крестьян в особое сельское общество от богатых*»⁴⁰.

Комментировать этот документ нет надобности. Такие и им подобные явления могли вызвать и действительно вызывали представление о социалистических устремлениях русского крестьянина. Но оно было ошибочным и приковывало внимание не к тем фактам, в которых отражалась основная тенденция развития.

³⁹ Там же, стр. 771.

⁴⁰ Там же, стр. 776.

Таковы основы социалистической теории Михайловского. Объективно, по определению Ленина, она была буржуазной, и ее главное назначение состояло в борьбе с самодержавием и остатками крепостничества. Именно эту борьбу и ставил Ленин в заслугу Михайловскому. «Мы чествуем Михайловского,— писал Ленин,— за его искреннюю и талантливую борьбу с крепостничеством, „бюрократией“»⁴¹.

Много сил и внимания уделял Михайловский развенчанию мифа о благополучии и процветании русской деревни, мифа, который создавали правительство и охранительная печать. В его работах мы находим множество зарисовок, показывающих бедственное положение крестьянства.

О положении народа Михайловский чаще всего говорил иносказательно, намеками или словами других авторов. Так, признавая Елисеева «стражем интересов народа», он его словами характеризовал положение народа, его быт и привычки. Под тонким слоем интеллигенции, писал Елисеев, «лежат миллионы масс, еще не тронутых почти, чувствующих трудность своего положения, но вместе с тем свыкшихся вполне с известными формами жизни и началами, желающих лучшего, но чтобы оно не нарушало прадедовского уклада жизни,— одним словом, ищущих исхода, но без малейшего представления о существовании его и с очевидною привязанностью к вековой рутине»⁴². Но вершиной работ этого плана надо признать статью «Голодный год», написанную в 1891 г. по материалам, лично собранным им в районах голода. В этой статье доказывалось, что голод не есть стихийное бедствие, а происходит от пороков существующего государственного строя. Вывод напрашивался сам собой — борьба с голодом должна быть борьбой с существующим государственным строем, с правительством.

Однако это не означало постановки вопроса о завоевании политических свобод. Большая часть радикальных элементов страны, в том числе и Михайловский, отрицательно относилась к конституционным завоеваниям. Для них политические свободы, большое и даже великое благо сами по себе, в практической, действительной жизни не стали еще благом для широких масс. Они

⁴¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 24, стр. 336.

⁴² Н. К. Михайловский. Полн. собр. соч., т. VII, стр. 460.

исходили из мысли, что свободы без подавления и угнетения история еще не знала. Она знала только свободу одних за счет угнетения других, свободу меньшинства и покорение большинства. Так было в древнейшие времена, когда афинская свобода нескольких десятков тысяч покоилась на рабстве сотен тысяч. То же было и в новое время, когда свобода французской буржуазии опиралась на угнетение миллионов граждан из четвертого сословия. Поэтому призыв к борьбе за свободу вызывал скептицизм. «Свобода!— великое, громкое слово, тысячи раз кровавыми буквами записанное на скрижалях истории и в сознании людей... Кто не играл этим словом от мудрого Платона до новорожденных русских либералов?.. Мудрый Платон сочиняет идеал свободной республики, но она не может обойтись без рабов... Свобода тридцати тысяч афинян имеет своим базисом сто тысяч рабских спин... Наступили новые времена... Да здравствует свобода!.. раскатилось как громовой удар над Европой... Как блудящий огонек, будет она вести нас все дальше и дальше, но не даст себя обнять, и человечество так и исчезнет, не взглянув на нее вблизи»⁴³. Для того чтобы принцип свободы сделался благом, нужна экономическая независимость людей, т. е. экономическое их благосостояние, дающее им возможность воспользоваться свободами. Что касается свободы в странах Западной Европы в ее настоящем виде, то она представляется не чем иным, как новым рабством. «Все мы очень хорошо знаем, что политическая и экономическая свобода в Европе оказалась новым видом рабства народа»⁴⁴. Другими эти свободы быть не могут, так как провозглашены в обществе, развивающемся по закону пирамидального устройства. В таком обществе развитие цивилизации в целом и техники в частности не улучшает положение народа. Усовершенствованные процессы производства и машинизация его «не облегчили ни на волос положения трудящихся классов»⁴⁵. Капитализм, следовательно, не улучшает положения масс, а даже ухудшает его. При этих условиях получилось, что свобода явилась прикрытием беспощадного угнетения одних другими. В то время, когда шла борьба за принципы

⁴³ Там же, т. I, стр. 259, 260.

⁴⁴ Там же, стр. 766.

⁴⁵ Там же, стр. 833.

свободы против феодальной сословности, не было еще известно, каков будет результат борьбы. Теперь все это известно, поэтому недопустимо идти тем же путем. «Вольтер верил в свободу, мы не верим и, прибавлю, имеем право не верить в нее в том смысле, в каком она вдохновляла Вольтера, ибо и она подверглась действию вышеприведенного социологического закона, и мы это очень хорошо знаем»⁴⁶, — писал Михайловский. И хотя он отмечал, что «для человека, вкусившего плодов общечеловеческого древа познания добра и зла, не может быть ничего соблазнительнее» политических свобод, но да будут они прокляты, «если они не только не дадут... возможности рассчитаться с долгами (перед народом. — М. С.), но еще увеличат их!»⁴⁷

Все это свидетельствует только об одном: политические преобразования, оторванные от экономических, не могут дать народу никакой пользы. Более того, начинать надо с главного — с борьбы за изменение экономических условий. В них и только в них находится ключ к разрешению социальной проблемы в целом. Политические реформы по своей природе таковы, что ими могут воспользоваться прежде всего имущие слои общества. А потому предпочтение должно быть отдано реформам экономическим. Так рассуждал Михайловский.

Таким образом, отношение Михайловского к политическим свободам нельзя расценивать как отрицательное вообще. Признавая их значение, он тем не менее постоянно подчеркивает относительный характер политических завоеваний. «Политический вопрос был решен великою революцией, — писал Михайловский, — феодализм пал, принципы права и свободы восторжествовали. Но уже в момент решения специально политического вопроса в недрах общества копошился вопрос, гораздо более глубокий и коренной, — вопрос социальный, вопрос не о принципе свободы, а его фактическом осуществлении, не о праве, а о возможности пользоваться им, вопрос, собственно говоря, о куске хлеба»⁴⁸. Следовательно, социальный вопрос был в его глазах более существенным и важным. После опыта «Великой революции» прежде всего надо решить проблему о «куске хлеба», а

⁴⁶ Н. К. Михайловский. Полн. собр. соч., т. VII, стр. 839.

⁴⁷ Там же, стр. 869.

⁴⁸ Там же, т. III, стр. 10.

политика должна занять второе место. Такой вывод всецело вытекал из опыта Великой французской революции. Так, говоря о правах народа, полученных французами в результате революции, Михайловский писал: «Он имел право на собственность, на свободу, на любую должность в государстве, но он не имел собственности, не имел кредита, знаний, словом, не имел возможности воспользоваться теми самыми правами, из-за которых проливал свою кровь и которые были, наконец, ему даны. А перед ним все росла и росла буржуазия, вооруженная капиталами, кредитом, умственным развитием, машинами и на основании всего этого — политическим могуществом»⁴⁹. В другом месте, излагая сочувственно взгляды Луи Блана, Михайловский как бы от его имени пишет: «Свобода, по вашему определению, есть право пользоваться своими силами и способностями, поскольку пользование это не стесняет чужих прав. Это фикция, если не насмешка. Свобода есть не право, а возможность пользоваться своими способностями и силами. Дайте народу эту возможность, и я скажу, что он свободен»⁵⁰. В этой постановке проблемы политики и экономики обсуждались применительно к условиям России, начиная с конца 60-х и до 1878 г.

Михайловского нельзя считать родоначальником этого взгляда. В своих построениях он исходил из высказываний Герцена, Чернышевского и особенно социалистов-утопистов Запада. Так, можно считать совершенно бесспорным, что от Герцена идет мысль о том, что Великая французская революция и последующие революции во Франции настолько же значительны по политическим последствиям, насколько ничтожны и бесперспективны в отношении социальном. Как бы обобщая итоги всех революций Франции, Герцен говорил, что французские политики сделали «из трех революций третьего Наполеона»⁵¹.

О безразличии угнетенных масс к политике Герцен писал во многих работах. В известном соответствии с этими мыслями находится известная статья Чернышевского «Борьба партий во Франции при Людовике XVIII и Карле X» (1859 г.). Там мы находим утверждение, что

⁴⁹ Там же, стр. 57.

⁵⁰ Там же, стр. 62.

⁵¹ «Колокол», вып. III. М., 1962, стр. 532.

низшие сословия «по своей необразованности и материальной скудности равнодушны к интересам, которые выше всего для либеральной партии, именно — к праву свободной речи и конституционному устройству»⁵². Но наиболее резко аполитичность выступала в учении западноевропейских социалистов-утопистов. Именно поэтому Ленин называл социализм этой школы «неполитическим»⁵³. Михайловского в данном случае больше всего интересовал Луи Блан, который крайне резко критиковал буржуазные свободы и права. Так, свободу труда он называл «свободой умирать с голоду. А умирающему с голоду уже, конечно, не до политической свободы и не до политического могущества»⁵⁴.

Но Михайловский не просто воспроизводил мысли своих предшественников. Напротив, он и здесь был своеобразен и до некоторой степени оригинален. Так, он по-своему сформулировал теорию относительного значения буржуазных политических свобод, связал эту теорию с идеологией «кающихся дворян» и мотивировал пирамидальным устройством современного общества, а также подчеркнул, что буржуазные свободы и социализм несовместимые понятия, и служба одному наносит прямой урон другому. В социально-классовом плане теория аполитизма отражала одну из сторон крестьянской жизни и крестьянского быта, сторону безразличного отношения крестьян к формам политического устройства государства, его политическую забитость и культурную отсталость. В сущности аполитизм держался на отсталости России, на неразвитости классовой борьбы, на инертности русской буржуазии.

Как уже отмечалось, Ленин ставил Михайловскому в особую заслугу то, что он отстаивал в легальной печати сочувствие и уважение к революционному подполью. Если, как можно думать, в 60-х годах Михайловский был причастен к подпольным кружкам Петербурга, то в начале 70-х годов, несмотря на быстрый рост подпольных кружков и групп, он не примкнул ни к одной группировке, ни к одному кружку, оставаясь легальным пуб-

⁵² Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. 5. М., 1950, стр. 216.

⁵³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 4, стр. 169.

⁵⁴ Н. К. Михайловский. Полн. собр. соч., т. I, стр. 881.

лицистом «Отечественных записок». Но уже в то время он сумел открыто выступить против напраслины на русскую молодежь. Как известно, в 1872 г. появился роман Ф. М. Достоевского «Бесы», основой которого послужило нечаевское дело. Критик был возмущен тенденциозным карикатурным изображением молодежи подполья. В связи с этим он писал: «Имел ли какое-нибудь основание г. Достоевский группировать около нечаевского дела людей, проникнутых мистицизмом? Думаю, что нет, а тем паче не имел он права ставить их типами современной русской молодежи вообще... Едва ли русская молодежь так пристально занимается мистико-религиозными вопросами»⁵⁵. О том, почему Михайловский не хотел связывать себя с подпольем, имеется его собственное признание, изложенное в письмах к П. Л. Лаврову. В связи с организацией за границей журнала «Вперед» Лавров обратился к Михайловскому с предложением принять участие в новом издании. Однако Михайловский отказался. «Мои литературные заметки создали мне положение, которого я побаиваюсь, но принимаю,— писал он Лаврову.— Ко мне лично и письменно обращаются молодые люди с изложением своих сомнений и за разрешением разных близких им вопросов. От этого положения я, во-первых, не откажусь ни за что в мире, а, во-вторых, сомнения и вопросы таковы, что, поскольку я могу вообще помочь тут, я могу делать это в русском журнале, а поскольку не могу вообще— не могу и в заграничном. Я не революционер— всякому свое. Борьба со старыми богами меня не занимает, потому что их песня спета. Новые боги гораздо опаснее и в этом смысле хуже. Смотря так на дело, я могу в известной степени быть в дружбе со старыми богами и, следовательно, писать в России»⁵⁶.

Первая часть приведенной цитаты не нуждается в комментариях: Михайловский дорожит своим положением известного всей стране публициста и критика, которого уважает молодежь и к которому обращается со своими тревогами и запросами. Что касается фразы «Я не революционер,— всякому свое», то она, несмотря на свой, казалось бы, недвусмысленный характер,

⁵⁵ Там же, стр. 850.

⁵⁶ Там же, т. X. СПб., 1913, стр. 65.

требует особого рассмотрения. Именно эта фраза, особенно в сочетании со словами Михайловского из его второго письма к Лаврову («Откровенно говоря, я не так боюсь реакции, как революции»), легла в основу представления о несомненной антиреволюционной позиции Михайловского. Становится непонятным, почему к такому человеку обращаются за советом и помощью действительно передовые прогрессивные представители молодежи, для чего мог понадобиться такой деятель в революционном журнале Лаврова? Объяснить это простым недоразумением, конечно, нельзя. Дело здесь значительно сложнее, чем может показаться с первого взгляда.

В письме к Лаврову, касаясь вопроса о направлении будущего лавровского журнала, Михайловский между прочим замечает: «Надеюсь, вы не мечтаете направлять на путь истинный правительство»⁵⁷. Из этой фразы ясно его отношение к заигрыванию с властями, и она сама по себе исключает возможность трактовать позицию Михайловского как либеральную. Но главное, важно обратить внимание на то, в каком контексте написаны слова: «Я не так боюсь реакции, как революции». Только тогда становится ясен их подлинный смысл.

Излагая свою точку зрения на перспективы освободительной борьбы в России и на практику движения, Михайловский пишет: «Сидите смиренно и готовьтесь. Другого я не знаю, другого, по-моему, русский социалист теперь иметь не может. Никакой радикально-социалистической оппозиции в России нет, ее надо воспитывать. Задача молодого поколения может состоять только в том, чтобы готовиться к тому моменту, когда настанет время действовать. Само оно бессильно его вызвать и будет только задаром гибнуть в этих попытках. А что момент настанет и даже, несмотря на теперешнюю реакцию, в более или менее близком будущем, это, по-моему, несомненно. Япония, Турция имеют конституцию, должен же прийти и наш черед. Я, впрочем, не знаю, в какой форме придет момент действия, но знаю, что теперь его нет и что молодежь должна его встретить в будущем не с Молешотом на устах и не с игрушечными коммуна-ми, а с действительным знанием русского народа и с полным умением различать добро и зло европейской ци-

⁵⁷ Н. К. Михайловский. Полн. собр. соч., т. I, стр. 67.

визации. Откровенно говоря, я не так боюсь реакции, как революции. Готовить людей к революции в России трудно; готовить к тому, чтобы они встретили революцию как следует, можно и, следовательно, должно. В тот час, когда это станет невозможным,— я ваш, несмотря на то, что до тех пор — нет»⁵⁸. Таким образом, на правительство Михайловский махнул рукой, его нельзя поставить «на путь истинный», да и время его сочтено («Борьба со старыми богами меня не занимает, потому что их песня спета»). Последний вывод имеет своим истоком начало 60-х годов, когда многим казалось, что самодержавие падет не сегодня-завтра. В начале 70-х годов этот взгляд несколько модифицировался: «Старые боги» (т. е. правительство и помещики) менее опасны, чем новые (т. е. нарождающаяся и уже народившаяся буржуазия). Михайловский считал, что предстоящая борьба с буржуазией требует большой подготовительной работы. В России нет не только радикальных социалистических сил, нет даже оппозиции. Все это нужно создать, для чего требуется время. Сейчас приемлема одна тактика — не раздражать врага, «сидеть смирно и готовиться», т. е. создавать такую силу, которая, зная потребности русского народа, его общинные навыки и отношение к земельному владению, могла бы предотвратить развитие капитализма, учтя при этом опыт Западной Европы. Другими словами, речь шла о том, чтобы исключить политическую революцию, а произвести социальные преобразования, т. е., не затрагивая вначале политического строя,— создать такие сельскохозяйственные и производственные объединения, которые базировались бы на общинном и артельном начале. Поскольку социалистический строй означает не отделение производителей от средств производства, а, напротив, соединение их, то социальный вопрос в России не есть вопрос революции, так как здесь в отличие от Западной Европы производитель наделен орудиями и средствами производства. Исходя из этого, революция в России не нужна, а если она произойдет, то она может повторить европейский опыт, т. е. даст полный простор развитию капитализма, а это в свою очередь отодвинет победу социализма на неопределенное и отдаленное время. Вот почему Михай-

⁵⁸ Там же, стр. 68.

ловский боится революции. Она представляется ему опаснее реакции потому, что реакция не может быть долговечной. Таким образом, фраза «я боюсь революции больше, чем реакции» у Михайловского не выражает защиты существующих порядков. Это фраза даже и не либерала, ее произносит социалист-утопист. Но указание на боязнь революции у Михайловского имеет и еще один смысл. Он не исключал возможности стихийных бунтов, аналогичных пугачевскому восстанию. При отсутствии организованной социалистической партии такой ход событий мог бы принести большой вред самому же народу, всей стране, так как стихийный бунт ведет к поражению, а победа правительства может надолго затормозить развитие прогрессивных сил и развратить народ. Исходя из этих двух аспектов, становится ясным, в каком смысле Михайловский говорил о том, что надо готовить людей встретить революцию «как следует», создать такие условия, при которых враги народа не сумели бы воспользоваться плодами революции, почему важнейшую задачу он видел в работе над созданием социалистической оппозиции, радикальной партии, которая приступит к действию только тогда, когда наступит благоприятный момент. Теперь можно понять и первое заявление Михайловского: говоря «я не революционер», он имел в виду только то, что сейчас не настало время для прямых действий («сидите и ждите»), но есть возможность для легальной деятельности. И только тогда, когда она станет невозможной, — «я ваш, несмотря ни на что».

Михайловский, как и некоторые другие, считал, что революционной деятельностью можно назвать только ту, которая несовместима с легальными возможностями, а требовала обязательно противозаконных действий. В этом смысле Михайловский и называет себя не революционером («всякому свое»), что, однако, не мешало ему служить делу революции. Это как будто противоречивое положение Михайловского (отказ от революционной деятельности в пользу легальной и фактическое служение революционной борьбе) и дало повод к созданию самых противоречивых оценок его деятельности в начале 30-х годов. Одни (Д. Заславский, Б. Козьмин и др.) называли Михайловского типичным представителем либерального народничества; другие (Д. Кузьмин), напро-

тив, утверждали, что Михайловский был противником не только царизма, но и либерализма и в своей области (журналистике) представлял собой революционера. Для решения этого вопроса немаловажное значение имеет отношение Михайловского к Парижской Коммуне и к связанным с ней событиям. Из записки цензора мы узнаем, что в № 12 «Отечественных записок» за 1871 г. в «Записках Профана» Михайловский «косвенным образом старался оправдать действия и неистовства коммунистов в 1871 г. в Париже... Вообще коммунистов Михайловский ставит выше сторонников порядка и Версальского правительства, заподозревая последнее в самых неблагоприятных поступках, сочувствует тем внезапным превращениям, посредством которых власть в Коммуне получили сапожники, мастеровые и т. п. ничтожества»⁵⁹. Это донесение цензора имело тот результат, что 10 страниц статьи Михайловского были сняты. К сожалению, их не удалось разыскать. Но и без этого ясно, как смотрел Михайловский на Парижскую Коммуну и деятельность коммунаров.

Таким образом, Михайловский рассматриваемого времени уже был сложившимся демократом и социалистом, не считавшим, однако, революционный взрыв необходимым условием общественного преобразования в данное время. Его деятельность того времени может быть названа деятельностью реформиста-народника. Она отличалась от деятельности революционера-народника, но не была ей противопоставлена. Деятельность Михайловского даже в 60—70-х годах, не будучи революционной в прямом смысле этого слова, подготовляла революционеров. С течением времени он все более сближался с революционным подпольем, все чаще стали перекрещиваться их пути, и к 80-м годам он стал даже одним из его участников.

К концу 1877 — началу 1878 г. относится изменение взглядов Михайловского на формы революционного движения и его сущность. Он приходит к выводу, что осуществление социалистического идеала немислимо без предварительных коренных изменений политического строя страны. Придя к такому заключению, Михайловский пытается сформулировать новый взгляд в нелегаль-

⁵⁹ В. Евгеньев-Максимов. Указ. соч., стр. 182.

ной прокламации «Летучий листок», вышедшей в апреле 1878 г. Вот несколько важных мыслей из этого документа: «Бывают тревожные минуты, когда логика событий, несмотря на их кажущуюся беспорядочность и внезапность, с непреодолимою силою намечает ближайший исторический шаг, безусловно необходимый для страны»⁶⁰. Таким шагом будет введение нового принципа жизни народа. «Принцип этот называется: *конституция, земский собор...* Исторического движения сдержать нельзя. *Общественные дела должны быть переданы в общественные руки.* Если этого не будет достигнуто в формах представительного правления с выборными от русской земли, в стране должен возникнуть *тайный комитет общественной безопасности.* И тогда горе безумцам, становящимся поперек путей истории! Без того или другого принципиального объединения отдельных фактов, свидетельствующих о бессилии правительства, обойтись нельзя. Решительные минуты создают решительных людей»⁶¹. Здесь мы видим прямую защиту политических свобод, гарантированных законом, т. е. конституцией. Несколько позже Михайловский уже легально оправдывает и популяризирует активное наступление революционеров на правительство. Он одобрительно отзывается о нападении В. Засулич на Трепова и фактически санкционирует тактику индивидуального террора, придавая ему политический характер. В № 8 и 9 «Отечественных записок» за 1878 г. в статье «Утопия Ренана и теория автономии личности Дюринга» Михайловский говорит о допустимости любых форм борьбы со злом, в том числе и террористических: «Раз обида нанесена, раз насилие совершено, надо видеть во враге — врага, причем оказываются дозволительными орудия хитрости и насилия... Зло существует, и с ним надо бороться, бороться иногда жестокими, даже террористическими средствами»⁶².

Так, к началу 1878 г. Михайловский по своим взглядам становится политическим революционером, хотя остается по-прежнему организационно не связанным ни с одним революционным кружком. Лишь в конце 1879 г. Михайловский сближается с возникшей в августе 1879 г.

⁶⁰ Н. К. Михайловский. Полн. собр. соч., т. X, стр. 67.

⁶¹ Там же, стр. 70.

⁶² Там же, т. III, стр. 233.

партией «Народная воля» и в течение 6 лет с некоторыми перерывами так или иначе помогает народовольцам. Народовольческий период — один из самых ярких и знаменательных в его жизни. Он начинается с публикации в № 2 и 3 «Народной воли» знаменитых «Писем социалиста». Это был чрезвычайно интересный и важный документ, в котором широко и с абсолютной ясностью выражены политические взгляды Михайловского. Он выступает здесь как глашатай политических свобод и идеалы Руссо считает своими идеалами. «Привет вам с родины Руссо и во имя Руссо, чье широкое сердце умело ненавидеть и политическое, и экономическое рабство, чей широкий ум охватывал и принцип политической свободы, и принцип социализма „Земли и воли“»⁶³.

За эти идеалы молодая Россия уже давно ведет борьбу. В ней выросли бесстрашные борцы. Но эта борьба шла не так, как надо было ее вести. Вы боитесь, обращается он к молодежи, конституционного режима из-за его буржуазности, но эта буржуазность уже есть в России. «У русского гербового орла две головы, два жадные клюва» — один династически-полицейский, а другой буржуазный, «они связаны единством ненасытного желудка». При этих условиях конституция нужна всему народу. Александр II ее не даст, «ее можно только вырвать у него». В России уже есть буржуазия, и ей царизм ближе свободы, «она прячется в складках царской порфиры, но только потому, что ей так удобнее исполнять свою историческую миссию расхищения народного достоинства и присвоения народного труда»⁶⁴.

Для прикрытия воровских махинаций вел. кн. Константину и министру Валуеву нужна царская власть. Она нужна также деревенскому кулаку для безнаказанного грабежа бедноты. То же можно сказать и о фабриканте. В Европе буржуазии нужна была свобода, потому что третье сословие сложилось в самостоятельную силу еще в недрах феодального строя. «В этом горе Европы и урок нам». Нам надо добиться свободы раньше, чем сможет окрепнуть буржуазия. Давно надо было уяснить, «что политический деспотизм выгоден только врагам народа. Конституционный режим есть вопрос завтрашнего дня

⁶³ «Литература партии „Народная воля“». М., 1930, стр. 28.

⁶⁴ Там же.

в России. Этот завтрашний день не принесет разрешения социального вопроса. Но разве вы хотите завтра же сложить руки? Разве вы устали бороться? Верьте мне, что даже самое единодушное народное восстание, если бы оно было возможно, не даст вам почить на лаврах и потребует нового напряжения, новой борьбы. Век живи, век борись!»⁶⁵

Покончить с политическим произволом, завоевать свободу — вот главнейшая задача революционного движения на современном его этапе, а отсюда призыв: «Бейте же по обеим головам хищной птицы!»⁶⁶

Во втором письме Михайловский дает объяснение политического террора и считает, что его смысл и цель в уничтожении в России самодержавного правления. Нельзя бороться с буржуазией, не уничтожив самодержавия. Нужно с корнем, навсегда вырвать «из жизни и сердца народа» идею самодержавия. «Став на этот путь борьбы, революционерам терять уже нечего... Дальше Сахалина нет русских владений, выше виселицы вздернуть никого нельзя!»⁶⁷ Далее Михайловский развивает мысль о необходимости для революционеров союза с либералами на взаимноприемлемой основе. «В практической борьбе безумно не пользоваться выгодами союзов, хотя бы случайных и временных». Заканчивается письмо утверждением «что словами „Земля и воля“ исчерпывается для нашей интеллигенции единственно возможная программа» и что «вне ее интеллигенция осуждена на роль вечного политического недоноска»⁶⁸.

Современники из лагеря революционеров очень высоко ценили эти «Письма». Даже противники политической борьбы — революционеры из «Черного передела» — называли «Письма» явлением необычным. Они придавали им историческое значение.

Михайловский прямо обуславливал успехи социалистической пропаганды политическими свободами. Проповедь такой идеи не была новой, но, преподнесенная с таким публицистическим мастерством и блеском, эта идея сильно способствовала популяризации народовольчества. Если «Письма социалиста» были направлены на

⁶⁵ «Литература партии „Народная воля“». М., 1930, стр. 29.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же, стр. 53.

⁶⁸ Там же.

развитие и популяризацию программы «Народной воли», то статьи о политике графа Лорис-Меликова, опубликованные в «Листках „Народной воли“» (№ 1 и 2), помогали ориентироваться в обстановке «кризиса верхов». «Волчья пасть и лисий хвост» — вот тот знаменитый приговор, который вынес Михайловский политике Лорис-Меликова. Этот приговор не оставлял никаких сомнений в том, как «Народная воля» и силы, идущие за ней, должны относиться к так называемому либеральному курсу «диктатора сердца».

Сотрудничество Михайловского с «Народной волей» было очень широким. Он был не только сотрудником газеты «Народная воля», но и редактором ее «Листка». На его квартире происходили заседания редакционной коллегии этого органа. Он снабжал редакцию ценнейшими секретными документами, добывавшимися при помощи знакомых и публиковавшимися в «Народной воле». Исполнительный Комитет часто советовался с Михайловским по важным вопросам своей деятельности и тактики. Ему было дано для просмотра и редактирования «Письмо» Исполнительного Комитета к Александру III. И впоследствии связь Михайловского с народовольческим движением не прекращалась. Но важно отметить, что и народовольчество оказало свое влияние на развитие взглядов Михайловского: именно в период деятельности «Народной воли» он достиг своей высшей точки как общественный деятель и как критик.

В лице Михайловского правительство имело непримиримого противника, и это не составляло для него тайны. В одном из секретных документов Департамента полиции говорилось: «Собранными сведениями было установлено, что Михайловский, человек, безусловно, враждебный правительству, отличается неблагонадежным направлением, которое ясно обнаруживается во многих его литературных произведениях»⁶⁹.

В другой справке давалась следующая характеристика: «В 1879 г. Михайловский обратил на себя внимание своим враждебным отношением к правительственным органам, за что был подчинен негласному наблюдению. В 1881 г., состоя сотрудником журнала „Отечественные записки“, Михайловский помещал статьи в духе, явно

⁶⁹ ЦГАОР СССР, ф. 102, 3-е дел-во, 1883 г., д. 111, л. 41.

враждебном правительству... Вскоре после студенческих беспорядков, происходивших в ноябре 1882 г., Михайловский на благотворительном вечере студентов Технологического института произнес речь с выражением сочувствия лицам, принимавшим участие в беспорядках, вследствие чего ему было воспрещено жительство в столицах и в столичных губерниях с подчинением его негласному надзору полиции. В 1885 г. Михайловскому было разрешено жительство в столицах. В 1886 г. Михайловский участвовал в демонстрации на Волковом кладбище по поводу двадцатипятилетия годовщины смерти Добролюбова... В апреле 1891 г. Михайловский был одним из инициаторов беспорядка, происходившего во время похорон писателя Шелгунова, за что ему вторично было воспрещено жительство в столицах и столичных губерниях. Эти, однако, ограничения были сняты в сентябре того же года»⁷⁰.

Мы видим, что правительство смотрело на Михайловского как на своего непримиримого врага и не ошибалось в этом. Михайловский действительно в 60 — начале 80-х годов прямо или косвенно вел борьбу с царизмом, исходя из интересов народа, широких масс демократии. Его яркая, талантливая литературная деятельность служила делу революционного воспитания народа. Многие его работы имели для своего времени крупное политическое значение и ждут своих исследователей.

С возникновением марксизма в России общественная роль Михайловского резко изменилась, его критика русских социал-демократов с очевидностью указывает на это. Оставаясь выразителем интересов буржуазной демократии, он не понял и не мог понять великой исторической роли русского рабочего класса и его авангарда. И неслучайно именно против него, как наиболее выдающегося выразителя народнической идеологии, направили в это время огонь своей критики и Плеханов и Ленин.

⁷⁰ ЦГАОР СССР, ф. 102, 4-е дел-во, 1898 г., д. 3, ч. 213, т. IV, л. 34.

Р. В. Филиппов

**СООТНОШЕНИЕ
РЕВОЛЮЦИОННО-НАРОДНИЧЕСКОГО
И РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ
В РОССИИ В 70-х ГОДАХ XIX ВЕКА**

Программа революционных народников 70-х годов — буржуазных демократов по своей объективной сущности и социалистов по субъективным устремлениям, — точно так же, как и программа их предшественников «шестидесятников», — сводилась к тому, «чтобы *поднять крестьянство* на социалистическую революцию *против основ современного общества...*»¹ Ведя героическую борьбу за реализацию этой программы, революционные народники не могли, однако, не обратить внимания и на рабочий класс, который к началу 70-х годов уже заявил о себе целым рядом стихийных стачек.

Проблема роли пролетариата в освободительном движении выдвигалась самым ходом социально-экономического развития пореформенной России. И революционным народникам 70-х годов приходилось так или иначе определять свое отношение к рабочему классу, а также место рабочих («фабричных» и «заводских») в предстоящей борьбе².

Исследования советских авторов дали сравнительно большой материал, характеризующий отдельные сторо-

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 272.

² Уже в ранней программе «чайковцев» (1870 г.) содержится особый раздел, излагающий мероприятия «для собрания народной партии из рабочего класса» и предусматривающий ознакомление передовых рабочих «с теоретической стороной рабочего вопроса и его практическим ходом на Западе» («Каторга и ссылка», 1930, № 6). В программной записке П. А. Кропоткина «Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя?» также имеется отдельный раздел по рабочему вопросу (полный текст записки содержится в сб.: «Революционное народничество 1870-х годов XIX века», т. 1. М., 1964, стр. 55—118). См. также программные документы «Земли и воли» и «Народной воли».

ны пропагандистской и организационной деятельности революционных народников в рабочей среде³. Необходимость более полного представления о содержании, формах и масштабах этой деятельности требует изучения вопроса о соотношении борьбы революционных народников с рабочим движением 70-х годов. Актуальность его определяется тем, что он теснейшим образом связан с такими важнейшими проблемами, как выделение пролетариата из общей массы трудящихся, преодоление им утопических народнических идей, становление его классового самосознания.

В. И. Ленин со всей определенностью указывал, что в эпоху 60—70-х годов «в общем потоке народничества пролетарски-демократическая струя не могла выделиться»⁴. Между тем в нашей исторической литературе это положение игнорировалось на протяжении долгих лет и преобладал тезис, будто пролетарски-демократическая струя, с одной стороны, и народнически-утопическая — с другой, развивались в 70-х годах независимо друг от друга и сталкивались в глубокой идейной борьбе.

Иногда эта тенденция подтверждалась словами Г. В. Плеханова: «Действовать в среде пролетариата,

³ Интересующие нас вопросы в той или иной связи затрагивались в ряде работ: В. И. Невский. К вопросу о рабочем движении в 70-е годы.— «Историк-марксист», 1927, т. 4; Э. А. Корольчук. Северный союз русских рабочих и революционное рабочее движение 70-х годов XIX в. в Петербурге. Л., 1946; А. М. Панкратова. Особенности формирования и борьбы пролетариата России в 60—80-х годах XIX в. Вступительная статья к сборнику «Рабочее движение в России в XIX веке», т. II, ч. 1. М., 1950; она же. Пропаганда идей социализма среди рабочих России в 70—80-х годах XIX в.— «Из истории социально-политических идей». М., 1955; Ш. М. Левин. Общественное движение в России в 60—70-е годы XIX века. М., 1958. Из работ Б. П. Козьмина особый интерес для данной темы представляет статья «Народничество на буржуазно-демократическом этапе освободительного движения в России» («Исторические записки», т. 65); непосредственное отношение к ней имеют работы Ю. З. Полевого «Исторические особенности начального периода русского рабочего движения» («Вестник Академии наук СССР», 1950, № 8), «Зарождение марксизма в России 1883—1894 гг.» (М., 1959) и Б. С. Итенберга «К вопросу о формировании революционных взглядов первых русских рабочих-революционеров» («Вопросы истории», 1958, № 10). Отметим также работы Н. С. Каржанского, П. С. Ткаченко, С. С. Волка, В. А. Твардовской, В. В. Широковой, О. Д. Соколова, Н. А. Троицкого, А. С. Трофимова и других советских историков.

⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 25, стр. 94.

не отводя ему никакой самостоятельной роли в общественном развитии, значит не развивать, а запутывать его классовое самосознание»⁵. Это совершенно правильное для 90-х и более поздних годов положение толковалось вне связи с конкретно-историческими условиями и неизбежно вело к односторонней и, следовательно, ошибочной оценке деятельности революционных народников 70-х годов в рабочей среде.

Нельзя игнорировать и тот факт, что для определенного времени Плеханов сам не отрицал известной положительной роли народнической деятельности в рабочей среде. Правда, в пылу полемики с народниками разных толков он иногда склонен был сгущать краски, но, как мы увидим далее, даже в этом случае не мог не признать, что народническая «пропаганда рабочим против рабочих (это ли не сгущение красок! — Р. Ф.) принесла... блестящие плоды»⁶.

Односторонняя, исключительно негативная оценка деятельности революционных народников в среде промышленного пролетариата России полностью возобладала в нашей литературе с появлением в 1938 г. краткого курса «Истории ВКП(б)», где утверждалось, что «народники тормозили развитие революционной инициативы и активности рабочего класса и крестьянства, ...мешали рабочему классу понять его руководящую роль в революции и задерживали создание самостоятельной партии рабочего класса»⁷. В условиях культа личности Сталина эти положения были приняты за аксиому и без всяких изъятий распространялись не только на либеральных народников 80—90-х годов, но и на семидесятников, определяя тем самым методологический подход к проблеме.

После XX съезда КПСС, благотворное влияние которого на развитие советской исторической науки было поистине огромным, взгляд на народничество как на тормоз рабочего движения с самого начала его развития стал постепенно вытесняться из исторической литературы. Решительный поворот к творческому освоению идейно-теоретического наследия В. И. Ленина дал историкам возможность по-новому взглянуть на револю-

⁵ Г. В. Плеханов. Соч., т. III, стр. 140, 141.

⁶ Там же, стр. 27.

⁷ «История ВКП(б). Краткий курс». М., 1946, стр. 13.

ционное народничество вообще и отдельные аспекты его деятельности в частности. Был положен конец всему тому, что широко практиковалось в период культа личности в изучении народничества 70-х годов: «И протаскивание противоречащих марксизму-ленинизму взглядов, и приукрашивание, с одной стороны, и недооценка, с другой, исторической действительности, и преклонение перед ложными «авторитетами», и догматизм, и начетничество, и неумение, а порой и нежелание, критически относиться к источникам», — словом, всему тому, «что в конечном счете вело за собой фальсификацию исторической действительности»⁸.

Эти слова, высказанные Б. П. Козьминым в по-смертно опубликованной статье, звучали резко, но справедливо. В этой же статье он правильно отметил, что деятельность народников в рабочей среде «имела большое историческое значение» и даже самое возникновение первых рабочих организаций, противопоставивших себя народническим организациям и сделавших большой шаг вперед по сравнению с ними, «в известной мере явилось следствием революционной пропаганды, которая с начала 70-х годов велась революционерами-интеллигентами, знакомившими рабочих с учением К. Маркса, деятельностью I Интернационала и героической борьбой Парижской Коммуны, хотя они и не были в состоянии дать вполне правильное объяснение этих знаменательных исторических явлений»⁹.

Новейшие исследования советских историков, посвященные различным вопросам истории революционного народнического и рабочего движения, убедительно доказывают не только правоту этих положений, но и настоятельную необходимость возвращения к этому вопросу.

Сущность народничества как общественного течения В. И. Ленин видел в представительстве «интересов и идей русского мелкого производителя»¹⁰. Он отмечал,

⁸ Б. П. Козьмин. Из истории революционной мысли в России. М., 1961, стр. 638.

⁹ Там же, стр. 701.

¹⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 422.

что крестьянская демократия — это «...единственное реальное содержание и общественное значение народничества»¹¹. В конкретно-исторических условиях пореформенной России борьба революционных народников — борьба, которая велась именно с позиций крестьянской демократии, — имела огромное не только общероссийское, но и международное значение. В своем последовательном развитии эта борьба, своим острием направленная на уничтожение крупнейших пережитков феодализма в политической и социально-экономической областях, вылилась в форму «решительного штурма с целью свержения царского деспотизма, с целью завоевания свободы интеллектуального и политического развития нации»¹².

Каково же соотношение этой деятельности революционных народников с рабочим движением 70-х годов, с движением того десятилетия, когда оно затронуло «...совсем ничтожные верхушки рабочего класса», когда его передовики уже «...показали себя, как великие деятели рабочей демократии, но масса еще спала»?¹³

Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо учитывать ряд факторов, прежде всего степень развития классовых антагонизмов, выраставших на почве пореформенной, капиталистической России. От этого, во-первых, теснейшим образом зависит оценка значения деятельности революционеров-разночинцев, во-вторых, именно этот фактор определял уровень и состояние рабочего движения того времени.

Было бы совершенно неправильным преувеличивать зрелость классовых отношений в России в указанные годы, ссылаясь на те экономические сдвиги, которые были тесно связаны с относительно быстрым развитием капитализма. Ведь даже в 1903 г. В. И. Ленин, характеризуя русское общество, отмечал в нем сравнительно зачаточное развитие классовых антагонизмов, его политическую девственность, забитость и придавленность громаднейших масс населения полицейским деспотизмом¹⁴.

¹¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 22, стр. 305.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 45!

¹³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 22, стр. 72.

¹⁴ См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 7, стр. 343.

В таких условиях революционеры-народники, беззаветно борющиеся за реализацию своих объективно-буржуазных лозунгов, воображали, что они тем самым борются за социалистическую революцию, которая принесет свободу и благосостояние народным массам. В это широкое движение, общественное значение которого сводилось к борьбе «капитализма демократического против капитализма либерально-помещичьего, капитализма „американского“ против капитализма „прусского“»¹⁵, была вовлечена и очень узкая на первых порах прослойка рабочих. По мере развития капитализма и роста стихийного рабочего движения число рабочих, вступавших на путь сознательного участия в революционном движении, в стачечной борьбе увеличилось. Только на этом пути рабочие проходили школу постепенной выработки отдельных элементов классового самосознания.

В. И. Ленин учил: «Классовое самосознание рабочих есть понимание рабочими того, что единственное средство улучшить свое положение и добиться своего освобождения заключается в борьбе с классом капиталистов и фабрикантов, которые созданы крупными фабриками и заводами. Далее, самосознание рабочих означает понимание того, что интересы всех рабочих данной страны одинаковы, солидарны, что они все составляют один класс, отдельный от всех остальных классов общества. Наконец, классовое самосознание рабочих означает понимание рабочими того, что для достижения своих целей рабочим необходимо добиваться влияния на государственные дела, как добились и продолжают добиваться этого землевладельцы и капиталисты»¹⁶. Нетрудно себе представить, что процесс уяснения рабочим классом непримиримой противоположности своих интересов политическому и общественному строю, в условиях которого начиналась его освободительная борьба, был длительным, осложнявшийся к тому же значительными остатками феодально-крепостнических отношений в России.

¹⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 47, стр. 229.

¹⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 102.

Классовое самосознание рабочих в том виде, как оно охарактеризовано В. И. Лениным, означает социал-демократическое сознание. Его еще не было и не могло быть у рабочих 70-х годов. В России, как и в других странах, оно было привнесено в рабочую среду революционно-социалистической интеллигенцией¹⁷. Но российская действительность порождала в рабочих сознание своего угнетения и рабства, чувство ненависти против угнетателей, желание «отомстить капиталистам». Рабочие вступали в борьбу, которую В. И. Ленин характеризовал как первую, начальную форму рабочего движения. Она была необходимым этапом потому, что ненависть к капиталисту всегда и везде являлась первым толчком к пробуждению в рабочих стремления защитить себя¹⁸. Борьба рабочих со своими фабрикантами и заводчиками, неизбежно превращающаяся «...в борьбу против всего класса капиталистов, против всего общественного устройства, основанного на эксплуатации труда капиталом»¹⁹, явилась поэтому решающим фактором в развитии классового самосознания пролетариата. Выводы, которые составляют самое понятие классового самосознания, рабочие постоянно черпали из той самой борьбы, которую они начинали вести с капиталистами²⁰.

Из этих указаний Ленина следует, что пропаганда революционных народников в среде пролетариата может рассматриваться лишь как один из важных, но отнюдь не единственный фактор, оказавший более или менее серьезное влияние на процесс становления и развития революционных воззрений деятелей рабочей демократии 70-х годов. Этот процесс невозможно представить себе без учета ряда других чрезвычайно важных факторов, влияние которых оказывалось несравненно более плодотворным для дальнейшего развития революционного рабочего движения российского пролетариата и его революционной идеологии. Мы имеем в виду западноевропейское рабочее и социал-демократи-

¹⁷ См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 30.

¹⁸ См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 102, 103.

¹⁹ Там же, стр. 96.

²⁰ См. там же, стр. 102.

ческое движение, влияние марксистских идей, благодаря которым русское рабочее движение относительно быстро переросло стадию зародышевого состояния и детства и встало на путь сознательного, классового движения.

Однако при решении вопроса о значении народнической пропаганды в идейном развитии передовых рабочих необходимо учитывать и некоторые особенности социально-экономического и политического развития России в пореформенный период. Именно этими особенностями определялся тот факт, что на протяжении 70-х годов растущие силы демократии и социализма оставались слитыми воедино «в утопической идеологии и в интеллигентской борьбе народовольцев и революционных народников...»²¹, что борьба рабочих-социалистов, являвшаяся ярким выражением роста этих сил, протекала в общем потоке народничества.

Для правильного понимания этого необходимо по достоинству оценить значение и роль феодально-крепостнических пережитков в пореформенной России и в связи с этим первоочередные задачи, встававшие перед рабочим классом, общее состояние и характер борьбы которого в 70-е годы определены в ряде работ Ленина.

О России самого начала 70-х годов Ленин писал как о спящей вековым сном полукрепостной стране²². Но даже характеризуя Россию конца XIX в., он считал необходимым отметить, что в ней «бесконечно еще сильны (сравнительно с Западной Европой)» остатки средневековых, полукрепостнических учреждений, что они «гнетущим ярмом лежат на пролетариате и на народе вообще». Крепостнические учреждения задерживали рост политической мысли во всех сословиях и классах, поэтому, указывая Ленин, «нельзя не настаивать на громадной важности для рабочих борьбы против всяких крепостнических учреждений, против абсолютизма, сословности, бюрократии». Остатки средневековья усиливали гнет капитала над трудом и создавали «страшные трудности борьбы за освобождение»²³.

Учитывая эти неоспоримые истины, необходимо при-

²¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 20, стр. 176.

²² См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 31, стр. 181.

²³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 300, 301.

знать, что политическая целенаправленность борьбы революционных народников 70-х годов соответствовала реальным исторически-прогрессивным задачам, стоявшим перед страной и сводившимся к уничтожению тех сил, которые тормозили дальнейшее прогрессивное общественно-экономическое развитие. Несмотря на своеобразный аполитизм, свойственный народникам первой половины и середины 70-х годов, последние, объективно, вели политическую борьбу, направленную против самых основ современного им строя²⁴. В период подготовки «хождения в народ», а также в годы реализации этой идеи, столь долго владевшей умами лучшей части разночинной интеллигенции, мысль об уничтожении самодержавия и помещичьего землевладения была центральной как в устной, так и в печатной пропаганде; она красной нитью проходит через те многочисленные бесцензурные произведения печати боевого демократического и утопически-социалистического содержания, которые, как отмечал Ленин, знала эпоха 60-х и 70-х годов²⁵. Львиная доля этих произведений принадлежала авторам, идеология которых сводилась к народничеству различных оттенков.

Антицаристская пропаганда революционных народников, широко развернутая с самого начала 70-х годов, помогала рабочему классу, наиболее передовым его представителям, осознать, что главной политической задачей является освобождение России от гнета самодержавия. Ленин не случайно отмечал, что ниспровержение самодержавия как историческую задачу, поставленную всем ходом общественного развития России, русским социал-демократам завещали «славные деятели русского революционного движения»²⁶.

Разумеется, народники в своей пропаганде среди рабочих не формулировали необходимость свержения самодержавия именно как первую политическую задачу пролетариата. Мы отмечаем только тот факт, что анти-

²⁴ Г. В. Плеханов еще в 1889 г. отмечал, что народники 70-х годов хотя и «считали всякого рода политические задачи не более как буржуазными выдумками, но на деле все-таки занимались политической борьбой, потому что невозможно было не заниматься ею» (Г. В. Плеханов. Соч., т. III, стр. 83).

²⁵ См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 25, стр. 94.

²⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 4, стр. 330.

царистские идеи народников, подчеркивающие демократический характер их воззрений, находили живой отклик среди передовых рабочих, стихийно тянувшихся к политической борьбе, которую как таковую в теории отрицали деятели народнической пропаганды в донародовольческий период.

Этот отклик был вполне естествен, если учесть политическое бесправие и каторжные условия труда и быта рабочих. Влияние указанного фактора на становление революционных воззрений передовых рабочих 70-х годов достаточно полно выяснено в одной из работ Б. С. Итенберга²⁷, и нам нет нужды специально останавливаться на нем. Здесь важно подчеркнуть, что в таких условиях народническая пропаганда ускоряла развитие самостоятельной мысли рабочих, способствовала их собственным исканиям. И передовые рабочие семидесятники умели это ценить. П. А. Алексеев, например, указывая на помощь «интеллигентной молодежи», говорил на суде 10 марта 1877 г., что «она одна, не опуская рук, ведет нас, раскрывая все отрасли для выхода всех наших братьев из этой лукаво построенной ловушки (имеется в виду весь социально-экономический и политический строй царской России. — Р. Ф.), до тех пор, пока не сделает нас самостоятельными проводниками к общему благу народа»²⁸. Эти знаменательные слова ясно указывают на значение народнической деятельности как своеобразного толчка для вступления рабочих, уже проникшихся ненавистью к угнетателям, на путь сознательного участия в революционной борьбе.

Самостоятельные искания передовых рабочих, которые впервые приобщились к социальным проблемам в народнических кружках, пошли в неожиданном для народников направлении — к стихийному выделению собственных классовых интересов. В силу особенностей экономического положения рабочие с самого начала стали проявлять большой интерес к своим непосред-

²⁷ Б. С. Итенберг. К вопросу о формировании революционных взглядов первых русских рабочих-революционеров. — «Вопросы истории», 1958, № 8.

²⁸ «Рабочее движение в России в XIX веке», т. III, ч. 2. М., 1950, стр. 47.

венным нуждам, к своему «рабочему делу». «Жизнь скоро устраняла предрассудки, привитые рабочим народниками, — справедливо писал Плеханов. — Раз затронутый пропагандой, рабочий сам додумывался до программы, соответствующей его классовому положению»²⁹. Следовательно, непонимание народниками исторической роли рабочего класса (а стало быть, и значения своей собственной работы среди него) не меняет общего вывода о том, что революционная пропаганда среди рабочих вопреки субъективным намерениям народников привела к таким объективным последствиям, которые имели большое историческое значение для выделения в дальнейшем самостоятельной пролетарской струи из общедемократического движения.

Этот процесс был длительным и сложным. Диалектика развития в том и состояла, что рабочее и народническое движение имело и объективно ряд общих исходных пунктов, среди которых демократические устремления занимали ведущее место. Ведь идея «долга» высших классов перед народом, выдвинутая революционными народниками 70-х годов, была не чем иным, как выражением их размышлений «о расширении прав и свободы народа...»³⁰ Ленин указывал, что защита демократии путем обращения к массам является именно тем, что есть общего у народничества и марксизма³¹. В домарксистский период освободительного движения народники выступали в качестве единственной силы, стремившейся внести демократические и социалистические идеи в массы. Понятно, что эти идеи находили горячий отклик прежде всего в среде рабочего класса. Выдающийся рабочий-революционер В. Г. Герасимов, например, рассказывая о своем сближении с народником В. М. Дьяковым, писал: «Я быстро усвоил идеи социалистов и горячо отдался их делу. Их идеи мне были не чужды»³². Было бы поэтому ошибочным изображать соотношение народнического и рабочего движения в 70-е годы в виде сплошных конфликтов враж-

²⁹ Г. В. Плеханов. Соч., т. III, стр. 27.

³⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 19, стр. 173.

³¹ См. там же, стр. 172.

³² В. Г. Герасимов. Жизнь русского рабочего. Воспоминания. М., 1959, стр. 47, 48.

дующих друг с другом сил. Но столь же ошибочным было бы рисовать это соотношение в идиллических тонах.

Одна из характернейших черт освободительного движения в России 70-х годов состояла именно в том, что демократическая борьба революционеров-народников вовлекала определенный круг рабочих в свое русло, внося тем самым свою лепту в развитие их политического самосознания. Этого было достаточно, чтобы передовых рабочих сравнительно рано начали не удовлетворять некоторые программно-тактические установки народников, тем более что последние стояли в стороне от непосредственной борьбы рабочих с капиталистами. Естественно, что среди передовых рабочих стала проявляться тенденция к самостоятельности.

Эта тенденция обнаружилась уже к середине 70-х годов, когда часть рабочих, особенно заводских, стала протестовать против тактических установок народников. Она прослеживается в документах «Южнороссийского союза рабочих» и особенно «Северного союза русских рабочих». Народники-землеольцы в феврале 1879 г., устами Д. А. Клеменца, должны были признать, что «социализм нашел среди русского пролетариата не только убежденных сторонников, но и людей, способных без всякой посторонней помощи организовать в борющуюся партию, способных на самостоятельную инициативу», что «великая истина — „освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих“ — отныне становится для русского рабочего не только теоретическим положением, но и лозунгом его практической революционной деятельности»³³.

За исторически короткий промежуток времени рабочие под влиянием движения европейского пролетариата и собственного опыта борьбы приходят к правильному пониманию значения политической свободы, достижение которой существенно облегчит дальнейшую борьбу рабочего класса. В письме членов «Северного союза русских рабочих», вызванного замечаниями землеольцев по поводу его программы, подчеркивалось значение политической свободы не только как гарантии

³³ «Революционная журналистика семидесятых годов». Ростов-на-Дону, [б. г.], стр. 200.

от произвола властей, но и как очень важного условия для скорейшего переворота и более или менее осмысленного решения социального вопроса³⁴.

Передовые рабочие вплотную подошли, таким образом, к социал-демократическому пониманию политической борьбы как одному из «...необходимых этапов в борьбе за социальную революцию, ниспровергающую буржуазные порядки»³⁵. Народники же лишь примерно через год сформулировали в «Программе ИК» «Народной воли» задачу свержения самодержавия без каких бы то ни было указаний на значение этого акта для пролетариата. Именно поэтому нельзя не признать совершенно справедливым вывод Плеханова о том, что в конце 70-х годов «рабочее движение переросло народническое учение на целую голову»³⁶.

Движение рабочего класса в 70-е годы демонстрировало, таким образом, свою жизненность: оно шло по пути освобождения от навеянных народнической пропагандой утопий и иллюзий; оно выдвинуло своих руководителей, которые всецело посвятили себя делу просвещения и организации пролетариата. Рабочие упорно искали свои, классовые пути борьбы, настойчиво учились на опыте русского и международного революционного движения. В конце 70-х годов выдающиеся деятели из рабочей среды поднимаются на такой уровень, что им становятся доступны и политические задачи «в самом действительном, в самом *практическом* смысле этого слова»³⁷.

Все это свидетельствует о том, что рабочее движение уже обнаруживало свою потенциальную силу, поскольку его передовые деятели стремились опереться

³⁴ «Рабочее движение в России в XIX веке», т. II, ч. 2, стр. 244. Письмо «Северного союза русских рабочих» в редакцию газеты «Земля и воля».

³⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 9, стр. 131.

³⁶ Г. В. Плеханов. Соч., т. III, стр. 182. Эта мысль Плеханова нередко понимается в том плане, что рабочее движение переросло народническое движение. Это серьезная ошибка. Речь идет исключительно о народническом учении, между тем как народническое движение было еще, безусловно, преобладающим. Это был период, когда интеллигенция давала подавляющее большинство участников демократического движения (см. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 25, стр. 94, 95).

³⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 106.

на реальные интересы своего класса, в то время как народники (землевольты, а затем народовольцы и чернопредельцы) тем яснее обнаруживали свою слабость, чем меньше были способны опереться на реальные интересы определенных классов.

Как известно, в программах первых самостоятельных пролетарских организаций, возникших в 70-е годы, содержались положения утопически-социалистического характера. Можно ли на этом основании характеризовать их идеологию как «русский рабочий утопический социализм, отличный от русского крестьянского утопического социализма народников?»³⁸ Мы полагаем, что никаких оснований для такой характеристики нет: указанные утопически-социалистические положения в программных документах рабочих организаций являются следствием прямого и еще достаточно сильного влияния народнических идей на молодой российский пролетариат. И суть процесса сводилась к тому, что передовые рабочие начинали высвобождаться из-под влияния буржуазной демократии, которая, как известно, облекла свою тогдашнюю революционность социалистической фразеологией. Проходя через горнило стихийных взрывов классовой борьбы, в которой участвовала более или менее значительная часть несознательной рабочей массы, эти рабочие постепенно сбрасывали с себя шелуху утопических идей «русского крестьянского социализма». Глубоко вобрав в себя демократические идеи революционных разночинцев, рабочие вступали на путь беспощадной, бескомпромиссной борьбы против абсолютизма.

Следует, однако, отметить одно, нередко упускаемое исследователями рабочего движения обстоятельство: рабочие не ограничивались простым восприятием демократических идей революционеров-народников, но углубляли их в соответствии с проснувшимся в их сознании, но еще смутным чувством своей классовой обособленности, которую революционная социал-демократия впоследствии считала необходимым всегда подчеркивать.

70-е годы дают, следовательно, великолепную иллю-

³⁸ Ю. З. Полевой. Зарождение марксизма в России 1883—1894 гг., стр. 109.

страцию первых шагов освобождения пролетариата из-под влияния буржуазной демократии, прекрасный пример постепенного выделения рабочего класса как передового борца за демократию. Слова Ленина о «великих деятелях рабочей демократии»³⁹ характеризуют основу идеологии передовиков-рабочих рассматриваемого периода. Рабочая демократия — вот основная черта идеологии передовых пролетариев 70-х годов: Алексеевых, Обнорских, Халтуриных. Мы недостаточно глубоко оценивали указанную мысль Ленина. Рабочая демократия — это не крестьянская демократия, выразителями которой были народники. Это демократия поднимающегося пролетариата, того класса, который «...только один... может быть *передовым борцом* за политическую свободу...»⁴⁰ Молодой российский пролетариат выступал тем самым в качестве передового отряда демократии в стране; его лучшие сыны напряженно искали правильные пути борьбы и закономерно встали впоследствии под идейное знамя марксизма.

Конечно, рабочие 70-х годов, даже в лице своих корифеев, далеко не вполне уяснили то, что Ленин формулировал как особые интересы рабочего класса, противоположные интересам всех других классов, особое место, занимаемое им в государстве⁴¹. Так, в уставе «Южнороссийского союза рабочих» не было каких-либо указаний на особое положение пролетариата как класса в общей массе трудящихся, не выяснялись его взаимоотношения с крестьянством и вовсе не затрагивался вопрос «...о руководящей роли рабочего класса в борьбе всех трудящихся»⁴². Программа «Северного союза русских рабочих» в этом отношении представляется более зрелой, но и здесь в сильной степени проявляется идейное влияние народничества, задача «Союза» формулируется как сплочение разрозненных сил «городского и сельского рабочего населения» и разъяснение ему его собственных интересов, целей и стремлений⁴³.

³⁹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 22, стр. 72.

⁴⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 454.

⁴¹ См. там же, стр. 105, 109.

⁴² Ш. М. Левин. Указ. соч., стр. 439.

⁴³ «Рабочее движение в России в XIX веке», т. II, ч. 2, стр. 239. Было бы неправильным на этом основании утверждать, как это делает Ю. З. Полевой, что рабочие-революционеры конца 70-х годов

Рабочие-революционеры 70-х годов не могли, следовательно, подняться до полного усвоения тех идей, которые составляют основу классового самосознания пролетариата. Этот факт находится в прямой связи с тем, что тогда «...русское рабочее движение оставалось еще в совершенно зачаточной форме»⁴⁴. В этих условиях исключительно большое значение должна была приобретать даже чисто просветительская деятельность революционеров-народников. Изучая народническую пропаганду начала и середины 70-х годов, мы сталкиваемся с тем, что в ней оказывается совершенно неуловимой грань, отделявшая чисто культурническую работу от пропагандистско-революционной. В кружках, характеризующихся подобной постановкой работы, прошли свою первую выучку многие передовые рабочие 70-х годов. Замечательная плеяда вожakov рабочего движения, выдвинутая растущим пролетариатом из своей среды, общим идейным развитием, широтой своего кругозора во многом обязана революционным народникам — от участников «хождения в народ» до народо-вольцев. Плеханов признавал, что появлению нового для России типа интеллигентного рабочего «немало способствовала наша интеллигенция, способствовала, несмотря на то, что у нее никогда не было правильного взгляда на дело пропаганды среди рабочих»⁴⁵.

«видели главную задачу своей деятельности в том, чтобы помочь рабочим осознать свои особые классовые интересы» (Ю. З. Полевой. Зарождение марксизма в России 1883—1894 гг., стр. 118). Разве рабочие, вполне сознающие свою классовую обособленность, могли писать в программе: «Рабочие! Становитесь смело под наше знамя социального переворота, сомкнитесь в дружную братскую семью и, опоясавшись духовным мечом истины, идите проповедовать свое учение по городам и селам! Ваше будущее лежит в этой спасительной пропаганде...»

Программа «Северного союза русских рабочих» является документом огромной важности, вершиной общественно-политической мысли рабочей демократии 70-х годов. Но это вовсе не обязывает нас смещать историческую перспективу, «прихорашивать» историю рабочего движения в домарксистский период освободительного движения в России. Ведь и признания действительных достижений деятелей рабочего движения 70-х годов достаточно для того, чтобы вписать их имена золотыми буквами в героическую эпопею борьбы российского пролетариата за свое освобождение.

⁴⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 4, стр. 245.

⁴⁵ Г. В. Плеханов. Соч., т. III, стр. 27.

К. Маркс и Ф. Энгельс, говоря о сочинениях критически-утопического социализма и коммунизма, отмечали, что в них подвергаются критике основы существующего общества. «Поэтому они дали в высшей степени ценный материал для просвещения рабочих»⁴⁶. Мы с полным основанием можем утверждать, что та литература демократического и социалистического характера, которая в 70-х годах шла в рабочую среду через народные кружки и организации, явилась важным элементом просвещения передовых рабочих, а иногда и оправданным толчком для сознательного участия их в последующей борьбе. «Умственное пробуждение рабочих, неизбежно ведущее их к борьбе с предпринимателями, т. е. борьбе на экономической почве ...неизбежно приводит их к столкновению с нынешним царским правительством, т. е. к борьбе за политическую свободу»⁴⁷.

Борьба рабочего класса, следовательно, неизбежно должна была идти по линии развития и усиления тенденций политической борьбы. Пропагандистско-агитационная деятельность народников первой половины и середины 70-х годов, учитывая ее боевое демократическое содержание, способствовала этому. Уже в данный период имело место противоречие между теоретическими представлениями и практической деятельностью народников: с одной стороны, политическая борьба отвергалась, а с другой — пропаганда носила отчетливо выраженный политический характер⁴⁸.

В связи с этим необходимо отвергнуть широко распространенное мнение, которое сводится к тому, что народники якобы занимались в рабочей среде чуть ли не исключительно распространением утопических социалистических идей или, как писал П. Б. Аксельрод, «абстрактной проповедью великих, далеко не ясных идеалов будущего»⁴⁹. Нетрудно заметить, что мысль Аксельрода, характерная вообще для меньшевистских историков и публицистов, была отражением их доктринерского

⁴⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 456.

⁴⁷ Г. В. Плеханов. Соч., т. IX, стр. 289, 290.

⁴⁸ В. Ф. Захарина. Революционная пропагандистская литература 70-х годов XIX в.— «Исторические записки», 1962, т. 71.

⁴⁹ А. Трофимов. Рабочее движение в России 1861—1894 гг. М., 1957, стр. 84.

подхода к историческим явлениям — затушевывания исторически реального и прогрессивного содержания народничества. Точно так же ошибочным представляется вывод А. Трофимова о том, что «идеалистическая теория народников, отводившая главную роль интеллигенции, сбивала рабочих с правильного классового пути борьбы»⁵⁰. Ошибочность этого вывода, если оставить в стороне философское определение народнической теории, очевидна: во-первых, народники первой половины и середины 70-х годов решающую роль в «социальной» революции отводили не интеллигенции, а крестьянству; во-вторых, они не могли сбивать рабочих с правильного классового пути борьбы хотя бы потому, что передовые деятели рабочей демократии даже и в конце 70-х годов не встали еще твердо на этот путь. Напротив, учитывая общественные условия России того времени и характер народнической пропаганды, необходимо признать, что последняя способствовала развитию демократического сознания рабочих и выводила их на путь непосредственного участия в революционном движении.

Н. А. Троицкий справедливо обратил внимание на своеобразную постановку «рабочего вопроса» в организации «чайковцев»⁵¹. Участники этой организации понимали необходимость соединения сил крестьянского восстания с выступлением рабочих. В «Земле и воле» 70-х годов после известного периода колебаний эта идея получает дальнейшее развитие⁵², а в «Народной воле» она становится уже одним из важнейших элементов общего стратегического плана, хотя на место крестьянского выступления теперь выдвигается восстание армии, «войска».

⁵⁰ А. Трофимов. Рабочее движение в России 1861—1894 гг. М., 1957, стр. 84.

⁵¹ Н. А. Троицкий. Большое общество пропаганды 1871—1874 гг. (так называемые «чайковцы»). — «История СССР», 1962, № 5, стр. 86, 87.

⁵² В. «Земле и воле» 70-х годов указанную идею развивал Плеханов. Учитывая решение вопросов тактики революционной борьбы «чайковцами», было бы ошибочным считать, что эта идея принадлежит Плеханову, который тем самым якобы внес «новый момент в тактику народничества...» (Ю. З. П о л е в о й. Зарождение марксизма в России» 1883—1894 гг., стр. 148). В данном случае, несомненно, сохранялась определенная преемственность не только теоретических, но и тактических взглядов народников на первом и втором этапах «хождения в народ».

Как известно, с 1878 г. лучшая часть революционного народничества в лице землевольцев вступила в полосу чрезвычайно острого кризиса, в основе которого лежал поворот большей части активно действующих революционеров к политической борьбе. Во взаимоотношениях народников с рабочими это проявилось в новых установках практической деятельности в рабочей среде. Землевольцы признали ложной первоначальную «постановку городского вопроса». «Надо было, — говорится в передовой статье № 4 „Земли и воли“ (от 20 февраля 1879 г.), — относиться к городским рабочим, как к целому, имеющему самостоятельное значение, надо было изыскивать средства влиять на всю их массу, а это было невозможно до тех пор, пока в городских рабочих видели только материал для вербовки отдельных личностей».

Считая, как и прежде, городских рабочих частью «того же самого крестьянства» и отводя им роль лишь «драгоценных союзников крестьян в момент социального переворота», землевольцы выдвигают в качестве главной своей задачи влияние на массу городских рабочих. Указывая, что «нужны революционизирование всей массы и организация, влияющая на всю массу», автор статьи (Плеханов) в качестве средства достижения этих целей выдвигает «агитационную деятельность». Дальнейшие рассуждения Плеханова о рабочем движении приводят его к выводу о большом «воспитательном» значении стачек, которые, по мнению автора, развенчивают у рабочих «расчеты на царскую помощь», развивают в них «способность к согласному, единому действию», способствуют усвоению идеи «солидарности интересов всего рабочего сословия и противоположности их интересам привилегированных классов...»⁵³

В новейшей исторической литературе справедливо отмечалось, что агитация и пропаганда народников-землевольцев на фабриках и заводах, участие их в стачках, попытки создания рабочих организаций имели большое значение в деле пробуждения революционного

⁵³ «Революционная журналистика семидесятых годов», стр. 196, 197.

сознания рабочих⁵⁴. В данном случае мы имеем убедительную иллюстрацию воздействия борьбы рабочего класса на деятельность самих народников. С одной стороны, народники своей политической пропагандой, а затем открытым поворотом к политической борьбе способствовали развитию политической мысли передовых рабочих, а с другой — сами вынуждены были считаться с развитием рабочего движения, идти навстречу ему⁵⁵. Плеханов очень метко заметил впоследствии, что землевольцы, выступая с критикой программы «Северного союза русских рабочих», «старались разрушить то течение, возникновению которого они сами содействовали»⁵⁶. Действительно, землевольцы в тот период лишь теоретически все еще отрицали политическую борьбу, а на деле далеко отклонились от своей программы, направляя основные усилия на борьбу с царским правительством. Конечно, это не могло не влиять на постановку передовыми рабочими Петербурга вопроса о ближайших задачах своей собственной борьбы.

Что касается «Народной воли», то отдельные стороны ее деятельности, несомненно, импонировали передовым представителям рабочего класса. «Решительный штурм», предпринятый народовольцами с целью «завоевания политических свобод», оказывал наряду с мощным движением международного рабочего класса вдохновляющее воздействие на рабочую демократию в России.

Гораздо более широкая по сравнению с землевольческим периодом деятельность народовольцев среди рабочих углубляла их политические воззрения. В процессе напряженной борьбы с капиталистами, политической борьбы с самодержавием в умах лучших представителей рабочего класса эти воззрения неизбежно обогащались хотя бы некоторыми чертами именно классовой политической мысли, классового политического сознания. Пусть это были лишь отдельные, еще далеко

⁵⁴ В. А. Твардовская. Кризис «Земли и воли» в конце 70-х годов. — «История СССР», 1959, № 4, стр. 64, 65.

⁵⁵ Землевольцы сами признавали, что именно «постоянно усиливающиеся волнения фабричного населения» заставили революционеров поставить вопрос о роли рабочих раньше, чем они рассчитывали («Революционная журналистика семидесятых годов», стр. 194).

⁵⁶ Г. В. Плеханов. Соч., т. XII, стр. 82.

не оформленные элементы классового самосознания, но и их оказывалось достаточно для того, чтобы передовые рабочие почувствовали узость идейных основ народников и сделали первый шаг, означавший, говоря словами Ленина, начало выделения «самостоятельной пролетарской демократии из мелкобуржуазной мешанины...»⁵⁷ Оставаясь еще в рамках «общедемократического», т. е. буржуазно-демократического, движения, рабочее движение перерастало, таким образом, народническое учение, нащупывало свои классовые пути борьбы.

Конечно, деятельность народовольцев в рабочей среде была крайне противоречива. Иначе и быть не могло: связывая «успех дела», т. е. захват власти, с «поведением рабочих и войска»⁵⁸, народовольцы, с одной стороны, способствовали в известной мере пробуждению политического самосознания рабочих, активизировали их прямую политическую борьбу, а с другой — оказывались совершенно неспособными возглавить рабочее движение, открыть перед ним новые горизонты из-за своей исторической и классовой ограниченности. Опираясь на «теорию, которая в сущности была вовсе не революционной теорией», народовольцы «не умели или не могли неразрывно связать своего движения с классовой борьбой внутри развивающегося капиталистического общества»⁵⁹.

Не следует, однако, забывать, что рабочий класс России только еще нащупывал свой путь на авансцену общественной борьбы, когда «Народная воля» бросила все свои силы на решение такой исторической задачи, как свержение самодержавия. Активное участие передовых рабочих — участников народовольческих кружков — в борьбе против этого олицетворения деспотизма, не имевшего, по словам Энгельса, себе равного⁶⁰, является свидетельством их возросшей идейной зрелости. В конкретно-исторических условиях второго демократического натиска на самодержавие, когда в стране не было другой организованной революционной силы, кроме народ-

⁵⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 25, стр. 101.

⁵⁸ «Литература партии „Народная воля“». М., 1930, стр. 308.

⁵⁹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 135.

⁶⁰ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями». М., 1951, стр. 310.

ничества, решительная поддержка народовольцев рабочими была единственно возможной и единственно правильной пролетарской тактикой.

Ведь не случайно, что «героическая борьба малочисленной кучки русских революционеров с могущественным царским правительством» находила в душах таких испытанных революционеров, как К. Маркс и Ф. Энгельс, «самый сочувственный отзвук»⁶¹. Было бы поэтому антиисторичным не только принижать громадную роль, которую сыграла «Народная воля» в русской истории⁶², но и изображать участие рабочих в народовольческом движении лишь как дань еще не изжитым народническим взглядам. В рядах «Народной воли» или в тесном контакте с ней действовала именно лучшая часть русского или, точнее, российского рабочего класса. Но это, разумеется, вовсе не означает, что передовые деятели рабочей демократии полностью разделяли теоретические воззрения народовольцев. Это означает только, что им по праву принадлежит выдающееся место в ряду тех революционеров 70-х годов, которые, как указывал Ленин, заслужили почетное звание авангарда международного революционного движения⁶³.

Необходимо учитывать еще одно обстоятельство: к тем положениям, которые сформулированы в «Программе ИК» «Народной воли», революционеры-разночинцы пришли в результате упорных теоретических исканий. Рабочее движение, ставшее уже значительным фактором общественно-политической жизни страны, не могло не влиять на характер этих исканий: оно властно приковывало внимание революционеров к «городской деятельности», которая на практике выливалась в прямую политическую борьбу. Необходимо было теоретически обобщить опыт этой борьбы, чтобы разорвать тенета вредных анархистско-бакунинских иллюзий. Как известно, теоретическая мысль А. И. Желябова не остановилась перед этим⁶⁴.

⁶¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 13.

⁶² См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 4, стр. 176.

⁶³ См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 28.

⁶⁴ Ю. З. Полевой утверждает, что «вопрос об отношении революционеров к теории — один из важнейших пунктов разногласия между народниками и рабочими» (Ю. З. Полевой. Зарождение

Итак, перед нами картина чрезвычайно сложных взаимных влияний различных по своей классовой природе тенденций. Не учитывая этого факта, невозможно составить правильное представление о соотношении народнического и рабочего движения в тот период, когда для выделения пролетарски-демократической струи из общего потока народничества еще не было объективных условий.

Соглашаясь с тем, что деятельность рабочих организаций 70-х годов была зачатком рабочего социалистического движения⁶⁵, следует иметь в виду, что представления передовых рабочих-семидесятников о социализме носили в целом идеалистический, утопический характер. Но, как отмечал Ленин, «нигде в мире пролетарское движение не рождалось и не могло родиться „сразу“, в чистом классовом виде, явиться на свет готовым, как Минерва из головы Юпитера»⁶⁶. Великая заслуга корифеев рабочего движения 70-х годов в развитии русской общественной мысли состояла в том, что они, выдвинув раньше народников идею борьбы за политическую свободу, несравненно глубже поняли ее смысл, содержание и значение.

Но «рабочая демократия своими политическими требованиями не принципиально, а только по степени отличается от буржуазной демократии»⁶⁷. Поэтому в конкретных условиях России с ее относительно слабым классовым размежеванием, когда буржуазный характер демократизма оставался неосознанным самими деятелями «Народной воли», борьба за демократию передовых рабочих в конце 70-х — самом начале 80-х годов

марксизма в России 1883—1894 гг., стр. 113). Этот вывод нам представляется ошибочным. Несмотря на то что народники 70-х годов стояли на утопической, полуанархической точке зрения, они не только не восприняли свойственное Бакунину и Нечаеву отрицательное отношение к теории, но, напротив, искренне и горячо стремились осмыслить все то, что давала передовая мысль России и Западной Европы в то время. Об этом свидетельствует и их собственная напряженная работа над программными основами своей деятельности. Народники-семидесятники внесли вклад в поиски теории, которая должна была указать правильные пути социально-политического преобразования России.

⁶⁵ Ю. З. Полевой. Зарождение марксизма в России 1883—1894 гг., стр. 109.

⁶⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 25, стр. 100.

⁶⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 270.

продолжалась в едином русле народнического потока. Не потому ли Ленин ставит в один ряд Алексеева и Мышкина, Халтурина и Желябова, говоря о кружке корифеев, которому были «доступны политические задачи в самом действительном, в самом практическом смысле этого слова, доступны именно потому и постольку, поскольку их горячая проповедь встречает отклик в стихийно пробуждающейся массе, поскольку их кипучая энергия подхватывается и поддерживается энергией революционного класса»⁶⁸.

Но рабочая демократия, поскольку она выдвинула в своих программах ряд новых идей, выступала уже в качестве нового важного идеологического фактора. На смену разночинской, буржуазно-демократической революционности шла революционность пролетарская. В результате в идейной борьбе передовые рабочие, не имевшие представления о научном социализме, вынуждены были опираться на свои стихийные побуждения, порождаемые безошибочным классовым инстинктом, и опыт собственного и западноевропейского рабочего движения.

Деятельность народовольцев приносила в рабочую среду и террористические веяния. Ш. М. Левин не без оснований обращает внимание на связь этого обстоятельства с тем кризисом, в полосу которого вступил «Северный союз русских рабочих» «довольно скоро после своего оформления»⁶⁹.

Следует, однако, учитывать, что террористическая борьба народовольцев в условиях того времени имела определенное историческое оправдание. Недаром Маркс действия Исполнительного Комитета «Народной воли» противопоставлял мальчишеской манере Моста «и других ребячливых крикунов, проповедующих царевбийство

⁶⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 106. Эта замечательно емкая мысль В. И. Ленина плохо «укладывается» в построения тех историков, которые искусственно выделяют рабочее движение 70-х годов из общего потока народничества. А. Трофимов, например, полемизируя с П. С. Ткаченко, пишет, что Алексееву и Халтуруину «были доступны и политические задачи, а народники считали политическую борьбу изменой социализму» (А. Трофимов. Указ. соч., стр. 88). Как видим, полемический прием А. Трофимова основывается на полном непонимании смысла и духа указанной мысли В. И. Ленина.

⁶⁹ Ш. М. Левин. Указ. соч., стр. 466.

как „теорию“ и „панацею“...» Народовольцы, «наоборот,— писал Маркс,— стремятся убедить Европу, что их способ действия является специфически русским, исторически неизбежным способом действия, по поводу которого так же мало следует морализировать — за или против, как по поводу землетрясения в Хиосе»⁷⁰. Ленин так же говорил о беззаветной решимости и энергии революционеров 70-х годов⁷¹, которые «своим героическим террористическим методом борьбы вызвали удивление всего мира»⁷². «Несомненно,— подчеркивал Ленин, говоря о величайшем самопожертвовании революционеров-разночинцев,— эти жертвы пали не напрасно, несомненно, они способствовали — прямо или косвенно — последующему революционному воспитанию русского народа»⁷³. Наконец, Ленин говорил о том, что величественная попытка народовольцев захватить власть была осуществлена «посредством „устрашающего“ и действительно устрашавшего террора...»⁷⁴

Отзывы Маркса и Ленина показывают всю необоснованность существующих еще в нашей литературе мнений о якобы авантюристической тактике народовольцев⁷⁵. Нельзя ставить в этом отношении знак равенства между «Народной волей» и теми мелкобуржуазными политическими группировками, которые проповедовали террор в конце 90-х — начале 900-х годов, т. е. в совершенно иных исторических условиях, когда в стране уже существовало массовое рабочее движение, связанное с социал-демократией. Если Маркс противопоставлял народовольцев анархисту Мосту, то Ленин в острой полемике с оппортунистом Л. Надеждиным (Е. Зеленским), выступавшим с проповедью террора и экономизма в начале XX в., назвал его «маленьким Ткачевым», «эксцитативный» террор которого «просто смешон». Ленин напомнил Надеждину «известное изрече-

⁷⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, стр. 148.

⁷¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 28.

⁷² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 315.

⁷³ Там же.

⁷⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 173.

⁷⁵ М. Г. Шестаков, например, находит даже возможным утверждать, что «применение индивидуального террора обнаружило авантюристический характер тактики народничества» вообще («Борьба В. И. Ленина против идеалистической социологии народничества». М., 1959, стр. 24).

ние, что, если оригинал исторического события представляет из себя трагедию, то копия с него является лишь фарсом»⁷⁶.

Непригодность и ошибочность террора как средства политической борьбы была доказана опытом русского революционного движения, трагической эпопеей «Народной воли». Естественно, что возрождение террора эсерами в тот период, когда Россия стояла перед лицом нового общенационального революционного кризиса, вызвало гневную отповедь со стороны Ленина, заклеймившего их как беспринципных авантюристов, «настоящих „экономистов“ наизнанку»⁷⁷, деятельность которых приносит «самый серьезный вред движению, разрушая неразрывную связь социалистической работы с массой революционного класса»⁷⁸.

История освободительного движения в России в 70-е годы является великолепным подтверждением той истины, что «лишь долгой борьбой и тяжелым трудом самих передовых рабочих, всех сознательных рабочих давалось выделение и упрочение пролетарского классового движения из всяческих мелкобуржуазных примесей, ограничений, узостей, извращений»⁷⁹. В течение указанного десятилетия этот процесс еще только начинался. Но его развитие неуклонно шло по восходящей линии. С развитием капитализма все отчетливее вырисовывалось соответствующее ему классовое деление русского общества; созревали исторические предпосылки для выделения пролетарски-демократической струи из общего потока народничества. Ленин указывал, что оно «стало возможно лишь после того, как идейно определилось направление русского марксизма (группа „Освобождение труда“, 1883 г.) и началось непрерывное рабочее движение в связи с социал-демократией (петербургские стачки 1895—1896 годов)»⁸⁰.

⁷⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 173.

⁷⁷ Там же, стр. 383.

⁷⁸ Там же, стр. 375.

⁷⁹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 25, стр. 100, 101.

⁸⁰ Там же, стр. 94.

С этого времени марксисты повели напряженную идейную борьбу с народнической идеологией. Эта борьба, в основе которой лежало «коренное расхождение интересов и точки зрения двух разных классов, пролетариата и крестьянства»⁸¹, была конкретным выражением процесса выделения пролетарского классового движения из общего потока народничества. Только в этой борьбе могло сложиться марксистское рабочее движение в России.

Поэтому, решая вопрос о соотношении народнического и рабочего движения, необходимо подчеркнуть, что те положительные аспекты деятельности революционеров-разночинцев в среде промышленного пролетариата, которые мы отметили, имели свой исторически обусловленный смысл и значение только благодаря наличию в России 70-х годов определенных общественных условий и, следовательно, только до определенного времени.

Маркс и Энгельс указывали, что «значение критически-утопического социализма и коммунизма стоит в обратном отношении к историческому развитию. По мере того как развивается и принимает все более определенные формы борьба классов, это фантастическое стремление возвыситься над ней, это преодоление её фантастическим путем лишается всякого практического смысла и всякого теоретического оправдания»⁸². Эту замечательную мысль Маркса и Энгельса можно смело распространить и на «старый русский крестьянский социализм» революционного народничества.

Действительно, неуклонный процесс социально-экономического развития пореформенной России, с одной стороны, постепенно обнаруживал несостоятельность народнической идеологии, а с другой — создавал необходимые исторические условия для восприятия идей научного социализма. В обстановке обостряющихся классовых противоречий, связанных с развитием капитализма, в 80-е годы наблюдаются новый подъем рабочего движения и дальнейшие сдвиги в развитии классового самосознания пролетариата. В России, как в свое время в других капиталистических странах Европы, «события и

⁸¹ Там же, стр. 188.

⁸² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 456.

перипетии борьбы против капитала — причем поражения еще более, чем победы, — не могли не показать борющимся всю несостоятельность тех всеисцеляющих средств, которых они до того времени придерживались, и сделать их головы более восприимчивыми к основательному пониманию действительных условий освобождения рабочих»⁸³.

Эти условия русским рабочим указала теория марксизма. В новой исторической обстановке, когда русские социалисты в результате неслыханно тяжелых исканий обрели теорию, которая научно доказала необходимость слияния социализма и рабочего движения в единое социал-демократическое движение и выдвинула в качестве важнейшей задачи социалистов организацию классовой борьбы пролетариата, деятельность революционных народников в рабочей среде действительно должна была постепенно утратить не только всякое практическое значение, но и, что особенно важно, всякое теоретическое оправдание.

Революционная ситуация 1879—1881 гг. со всей очевидностью обнаружила крах основной доктрины народничества. «Народная воля» вступила в полосу необратимого идейного и организационного кризиса. Свертывалась, сходила на нет и ее деятельность среди рабочих, усугублялись ошибки в самой ее постановке. Попытки восстановления народнических организаций в рабочей среде неизменно терпели провал, хотя, конечно, и в этот период кратковременная деятельность отдельных народнических групп находила еще известный отклик среди некоторой части рабочих. Это было естественно для времени перехода «русского революционного движения от крестьянского и заговорщицкого социализма к социализму рабочему»⁸⁴. Но если лучшая часть искренних и наиболее решительных разночинцев-революционеров искала в теории Маркса выход из тупика, в котором оказалось народничество, то передовые рабочие с тем большей энергией тянулись к социал-демократическим организациям. Начиная с 1883 г., «русское рабочее движение, при всяком широком проявлении его, прямо сбли-

⁸³ К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв. в двух томах, т. I, стр. 5.

⁸⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 4, стр. 247.

жалось с русскими социал-демократами, стремилось слиться с ними»⁸⁵.

Ленин указывал, что одновременно с проявлением и развитием пролетарской идеологии (социал-демократии) и массового рабочего движения стала все более и более выясняться буржуазно-демократическая сущность русского интеллигентского движения, «начиная от самого умеренного, культурнического, и кончая самым крайним, революционно-террористическим...»⁸⁶ Народничество в целом претерпевало сложную идейную эволюцию. Мы не говорим здесь о тех представителях реакционного народничества, которые перед лицом полицейско-классового абсолютизма позволяли себе говорить о желательности экономических, а не политических преобразований⁸⁷.

Но если говорить только о народолюбстве, то в процессе исторического развития противоречие между его теорией и практикой неуклонно углублялось: борьба народолюбцев с царским правительством становилась борьбой буржуазных радикалов за политическую свободу. Возникшая в 1893 г. партия «Народное право», вобравшая в себя «прямых, непосредственных потомков народолюбцев»⁸⁸, со всей полнотой отразила этот бесспорный факт.

Попытки народоуправцев «втягивать рабочих в простой политический радикализм» означали только отрыв рабочих-интеллигентов от рабочей массы, осуждение рабочего движения на бессилие, и потому что оно может быть сильно лишь на почве полного и всестороннего проведения интересов рабочего класса, на почве экономической борьбы с капиталом, нераздельно сливающейся с политической борьбой против слуг капитала»⁸⁹.

Так шло к концу время, когда силы демократии и социализма были смешаны воедино. С 90-х годов они начали «расходиться по мере перехода от революционной борьбы террористов и одиночек — пропагандистов к борьбе самих революционных классов»⁹⁰.

⁸⁵ Там же, стр. 245.

⁸⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 9, стр. 180.

⁸⁷ См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 464.

⁸⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 343.

⁸⁹ Там же, стр. 344.

⁹⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 20, стр. 176.

В эти годы «встретились два глубокие общественные движения в России: одно стихийное, народное движение в рабочем классе, другое — движение общественной мысли к теории Маркса и Энгельса, к учению социал-демократии»⁹¹.

Ленин определял это как «крупный исторический факт», результатом которого было слияние передовых рабочих с социал-демократическими организациями. Авангардом борьбы за демократию и социализм стал рабочий класс. 1895 год, когда Ленин на практике приступил к историческому делу соединения социализма с рабочим движением, стал первым годом пролетарского этапа освободительного движения в нашей стране.

⁹¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 4, стр. 247.

Г. М. Лифшиц

О ТРЕХ ВАРИАНТАХ ПРОГРАММЫ ЖУРНАЛА «ВПЕРЕД»

На революционное движение первой половины 70-х годов XIX в. большое влияние оказывал журнал «Вперед», который за границей издавался П. Л. Лавровым. Интерес к идейной платформе этого органа народной печати вполне закономерен, тем более что история создания его общественно-политической программы не совсем обычна.

В марте 1872 г. к Лаврову, который находился за границей, из Петербурга прибыли представители одного из революционных кружков супруги А. А. и С. Н. Крили и П. Ф. Байдаковский с предложением организовать издание журнала¹. Их политические взгляды Лаврову не были известны². Он полагал, что его сотрудничество необходимо радикально-литературной оппозиции³, которая, по мнению Лаврова, оформилась в русской литературе еще в 60-е годы. Эта догадка была естественной, если учесть связи Лаврова в литературном мире. Как раз перед приездом делегатов из России Г. З. Елисеев в одном из своих писем предлагал ему написать программу русской демократической литературы⁴. Поэтому, когда супруги Крили и Байдаковский заговорили с Лавровым об издании журнала, он сразу «дал им программу, свое согласие работать» и вообще горячо отозвался на их предложение⁵. Позже этот документ был литографирован и довольно широко распространен в России и за рубежом. По признанию Лаврова, участие в организуемом журнале он рассматривал как литературное

¹ ЦГАОР СССР, ф. 109, 3 эксп., 1872 г., д. 71, ч. I, л. 38.

² П. Л. Лавров. Народники-пропагандисты 1873—1878 гг. Л., 1925, стр. 49.

³ Там же, стр. 51, 52.

⁴ «Литературное наследство», т. 19—21. М., 1935, стр. 264.

⁵ ЦГАОР СССР, ф. 109, 3 эксп., 1872 г., д. 71, ч. I, л. 37 об.

сотрудничество, которое не обязывало его выражать в программе свои личные взгляды «в их оттенках и особенностях»⁶. Ставя перед собой задачу отразить литературный радикализм 60-х годов, Лавров стремился придать журналу «общесоциалистический характер» и привлечь внимание к научно-экономическим проблемам, выдвигающим социальные требования. «Личное мнение редактора, — писал позднее Лавров, — было здесь элементом второстепенным»⁷.

Однако несовершенство первого варианта программы обнаружилось довольно скоро. Она была подвергнута строгой критике, особенно со стороны М. А. Бакунина и его последователей⁸, которые мечтали о собственном журнале. Когда Лавров понял, что никакой радикально-литературной оппозиции, способной поддержать его, в России нет, он написал второй вариант программы.

В ноябре 1872 г. Лавров переехал в Цюрих, где имел возможность ближе узнать русскую революционную молодежь. Его испугала враждебность отношений между представителями формировавшихся в ее рядах течений. Смысл новой программы он видел в объединении всех направлений социалистической мысли в России. Лавров хотел предотвратить раскол среди революционеров и найти теоретические основы их сплочения⁹. Поэтому он надеялся и на соглашение с Бакуниным или по крайней мере с его сторонниками. С ними Лавров вел переговоры, но неудачно. Несмотря на то, что он изменил текст первого варианта программы, стараясь учесть критику бакунистов, соглашения не последовало. Представители «Альянса» хотели захватить будущий журнал в свои руки, не считаясь с его направлением, во многом противоречащим анархизму¹⁰. Когда намерение это обнаружилось, разрыв с ними стал неминуем.

К этому времени, в декабре 1872 г., Лавров нашел опору в революционной среде в виде небольшой группы

⁶ П. Л. Лавров. Народники-пропагандисты 1873—1878 гг., стр. 51.

⁷ Там же, стр. 55.

⁸ З. Ралли. Из моих воспоминаний о М. А. Бакунине.— Сб. «О минувшем». Пг., 1909, стр. 291.

⁹ П. Л. Лавров. Народники-пропагандисты 1873—1878 гг., стр. 56.

¹⁰ П. Витязев. П. Л. Лавров в воспоминаниях современников.— «Голос минувшего», 1915, № 10, стр. 130, 131.

единомышленников. По его признанию, он почувствовал нравственную обязанность помочь развитию этой группы¹¹ и тогда написал третий вариант программы¹².

История создания программы «Вперед» уже привлекала внимание исследователей. К сожалению, ее изучение до самого последнего времени было затруднено тем обстоятельством, что в исторической литературе¹³ был известен только третий вариант программы, опубликованный Лавровым в первой книге журнала. О ранних проектах этого документа можно было судить лишь по воспоминаниям Лаврова и его современников¹⁴. Поэтому до сих пор исторические исследования содержали анализ только последнего варианта программы «Вперед» или освещали отдельные стороны проблемы. Наиболее интересные страницы, посвященные программе Лаврова, принадлежат Б. П. Козьмину, который исследовал частный вопрос о влиянии «Народного дела» на программу «Вперед»¹⁵. Анализ идейного развития «Народного дела» позволил Козьмину установить преемственность некоторых пунктов программы «Вперед» и отметить расхождения Лаврова с Русской секцией I Интернационала. Однако нельзя признать удачной характеристику первого варианта программы «Вперед», которую Козьмин дал в одной из своих ранних статей, основываясь на мемуарах. Он представлял эту програм-

¹¹ П. Л. Лавров. Народники-пропагандисты 1873—1878 гг., стр. 55.

¹² «Вперед», 1873, т. 1, стр. 1, 2; П. Л. Лавров. Избранные сочинения на социально-политические темы, т. 2. М., 1934, стр. 23—41.

¹³ М. Антонов. Политическая деятельность П. Л. Лаврова.— «Былое», 1910, № 13, стр. 67, 68; П. Витязев. П. Л. Лавров в 1870—1873 гг.— «Материалы для биографии П. Л. Лаврова», вып. 1. Пг., 1921, стр. 19, 20; А. Гизетти. П. Л. Лавров и «Вперед».— «Былое», 1925, № 2, стр. 44—46, 48; Н. С. Книжник-Ветров. П. Л. Лавров. Его жизнь и труды. Л., 1930; Б. П. Козьмин. От девятнадцатого февраля к первому марта. М., 1933, стр. 118.

¹⁴ З. Ралли. Указ. соч., стр. 291; П. Витязев. П. Л. Лавров в воспоминаниях современников, стр. 130, 131; Г. А. Лопатин. К рассказам о Лаврове.— «Голос минувшего», 1916, № 4; П. А. Кропоткин. Воспоминания о П. Л. Лаврове.— «П. Л. Лавров. Сборник статей». Пг., 1922, стр. 436—439; Н. А. Чарушин. О далеком прошлом, ч. 1. М., 1926, стр. 123; П. А. Кропоткин. Записки революционера, т. 2. М., 1929, стр. 25; В. Н. Фигнер. Полн. собр. соч., т. V. М., 1929, стр. 64, 65.

¹⁵ Б. П. Козьмин. Русская секция I Интернационала. М., 1957, стр. 391—394.

му как либеральную и «чисто» конституционную¹⁶. Создалось впечатление, что она в корне отличалась от двух других вариантов, которые ставили социалистические задачи.

Но авторы мемуаров — в прошлом последователи анархической теории революции, — называя программу конституционной, могли и не иметь в виду, что она ограничивала свои задачи исключительно задачами буржуазной революции. Для них каждый, кто признавал необходимость или полезность политического переворота для социалистической борьбы, был конституционалистом. Употребляемое ими слово «конституционализм» нельзя понимать буквально в современном значении слова как направление, ограниченное целями буржуазной демократии. Воспоминания, в которые современники Лаврова перенесли свои старые оценки первой программы, не дают основания видеть в ней конституционный проект.

Это обстоятельство было подтверждено изданием первого варианта программы в журнале «International Review of Social History»¹⁷.

Как теперь ясно, она выдвигала перед участниками революционного движения социалистические цели. К сожалению, вступительная статья Б. Сапира к опубликованному в «International Review of Social History» документу не совсем убеждала в том, что перед нами действительно первый вариант программы «Вперед». Например, в ней не объясняется, почему характер этого источника расходится с теми оценками, которые ему были даны современниками Лаврова. К тому же Сапир не опубликовал другого проекта программы, который также был в его распоряжении. Отсутствие текста второго документа и некоторые противоречия в предисловии к публикуемому проекту заставляли относиться к этому источнику с осторожностью до окончательного решения вопроса о том, какая все-таки программа была опубликована. Нами обнаружена рукопись Лаврова с двумя вариантами программы «Вперед»¹⁸, один из которых

¹⁶ Б. П. Козьмин. От девятнадцатого февраля до первого марта, стр. 118.

¹⁷ В. Sapir. Unknown chapters in the History of Vpered.— «International Review of Social History», vol. II, 1957, p. 52—78.

¹⁸ ЦГАОР СССР, ф. П. Л. Лаврова (1762), оп. 2, д. 98, л. 4—27 об.

полностью совпадает с текстом документа, опубликованного Сапиром. Их источниковедческий анализ приводит к выводу, что в «International Review of Social History» была напечатана именно первая программа. Но мы располагаем и вторым ее вариантом.

Теперь, когда в нашем распоряжении имеются все три варианта, появилась возможность изучить развитие идейной платформы, определившей направление журнала «Вперед».

Во всех ее вариантах Лавров обращался к читателю не от своего имени. В первом случае Лавров хотел выразить взгляды литературно-радикальной оппозиции, во втором — групп революционеров разного толка, объединенных общими идеалами, в третьем — народнических кружков революционной молодежи, поддержавших издание «Вперед». Только в последней программе мировоззрение автора получило наиболее полное отражение. Это был манифест нового социально-революционного течения — лавризма.

Общественные цели журнала «Вперед» Лавров выразил в абстрактной формулировке «борьбы с монополиями во всех видах в пользу труда», иначе говоря, в освобождении личности от всего, что мешало ее гармоническому развитию в различных областях общественной жизни — экономической, политической, идеологической. Отношение к этой борьбе, по мнению Лаврова, определяет границу прогресса и реакции. Это исходное положение программы перекликается с «Историческими письмами», вытекает из той же «формулы прогресса», которую Лавров изложил в своем знаменитом труде: «Развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении, воплощение в общественных формах истины и справедливости»¹⁹.

Конкретизируя задачи нового журнала, Лавров провозглашал борьбу за справедливое общество «труда против праздного пользования благами жизни», «личности против монополии во всех ее формах», «рабочего против классов его эксплуатирующих», «свободной ассоциации против обязательной государственности»²⁰. Идеал справедливого общества вырисовывался перед ним как пов-

¹⁹ П. Л. Лавров. Избр. соч., т. 1. М., 1934, стр. 199.

²⁰ Там же, т. 2. М., 1934, стр. 25.

семестное создание федераций свободных общин и свободных рабочих ассоциаций²¹. Во всех трех вариантах программы кажется нет тезиса, который в процессе работы не был бы Лавровым в той или иной степени изменен. Исключением является характеристика будущего строя как социалистического, которая в одном и том же виде переходит из одного варианта в другой.

Во всех вариантах программы большое место было уделено тактическим проблемам социального движения, проблемам революции или мирного пути социального прогресса.

Абстрактная форма изложения, свойственная Лаврову, несколько завуалировала его мысли. Правда, во многом эта отвлеченность — результат того, что Лавров написал программу, исправляя вариант, созданный для литературно-радикальной оппозиции. Во введении Лавров ничего не пишет о революции. Отчасти это обстоятельство объясняется тем, что текст введения почти полностью вошел в последнюю программу из ранних ее вариантов, более умеренных. Отношение автора к этому важнейшему вопросу приходится искать в его общих рассуждениях.

В первом варианте программы «Вперед» Лавров вообще не отрицал возможности мирного разрешения социальных проблем²². Революция, по мысли Лаврова, неизбежна лишь при том условии, что мирный прогресс зайдет в тупик. Вопрос о возможности или невозможности мирного прогресса должна решить практика общественной жизни. «Там, где это невозможно,— писал Лавров,— ему остается путь революции, но надо помнить, что революция всегда лишь неизбежное зло, что она всегда весьма тяжело ложится именно на большинство»²³ — народ. В случае же ее неудачи наступает «самый бедственный период» истории — реакция. Поэтому уже в первом варианте программы Лавров требовал подготовить все условия для успеха революции. Если ее победа вызывает сомнения, считал он, то лучше выждать более благоприятного момента. «Революции вызывать нельзя и не должно. Можно и следует лишь воспользо-

²¹ П. Л. Лавров. Избр. соч., т. 2, стр. 26, 30

²² ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 2, д. 98, л. 12 об.

²³ Там же, л. 14.

ваться для нее существующими историческими обстоятельствами»²⁴.

Признание в первом варианте программы двух путей разрешения социальных противоречий оставалось без изменений и во втором ее варианте. Такое отношение Лаврова к проблеме революции также шло от «Исторических писем». Именно там он впервые писал о необходимости сначала испробовать мирный путь прогресса и признавал неизбежной революцию, если легальные средства борьбы окажутся бессильными. Точно так же и остальные детали вариантов программы, касающиеся разрешения социальных проблем (например, предубеждение Лаврова против парламентаризма), имеют связь с идейным содержанием «Исторических писем».

В третьем варианте «Вперед» взгляды автора выражены уже яснее, чем в первых вариантах программы, с более четкими акцентами. Для Западной Европы он допускал как революционные, так и легальные средства борьбы, в зависимости от общественных условий. Поэтому Лавров приглашал к сотрудничеству в журнале представителей различных течений политической мысли и тех, кто хотел использовать общественные условия для их перестройки законодательным путем, и тех, кто отрицал такую возможность, рассчитывая на свержение существующего строя. Первых Лавров предупреждал об опасности компромиссов и уступок в парламентской деятельности, возможной вообще только в некоторых странах; вторым напоминал о необходимости обеспечить для революции победу²⁵. Его предупреждения сторонникам мирного и насильственного пути предопределяют вывод о том, что в большинстве стран революция неизбежна и что ее успех во многом зависит от деятельности революционеров. Лавров, таким образом, выступает за подготовленную революцию²⁶.

Вопрос о революции и мирном прогрессе Лавров решал с оговорками так, чтобы его программа действий могла удовлетворить всех противников современного строя. Однако несомненно, что в ходе переработки программ «Вперед» революционные тенденции в них опре-

²⁴ Там же.

²⁵ П. Л. Лавров в. Избр. соч., т. 2, стр. 29.

²⁶ Там же.

деленно усиливались. В основу планов социального переворота, которые выдвигал Лавров, легла мысль об исторических предпосылках революционного взрыва. Он пропагандировал ее в сочетании с требованием предварительной подготовки народа к революционным выступлениям в противовес бакунинской теории стихийного бунта.

В связи с этим характерно отношение автора программы «Вперед» к различным средствам достижения общественных целей. Лавров трижды исправлял их классификацию. Он отвергает доктрину нечаевщины: «цель оправдывает средства». Хороши только те из них, которые не подрывают цель в конечном итоге. Такие методы, как «эксплуатация», «авторитарное господство личностей», «захват орудий борьбы», «насильственный захват незаработанного богатства», принуждение, ложь и т. п., не могут служить общественной справедливости. В среде единомышленников они ведут к измене революционному делу²⁷.

В первом варианте программы Лавров отнес к нецелесообразным средствам те, которые, по его выражению, «невозможны» и «принесут больше вреда, чем пользы», «употребление которых вредит цели»; во втором — дополнительно появляется фраза о средствах, которые «не опираются на условия возможного осуществления»²⁸. По существу это повторение мысли о нецелесообразности революции без «ясного понимания возможного в данную минуту». Такая оговорка представляется не случайной, если учесть, что второй вариант программы «Вперед» был рассчитан на соглашение с Бакуниным; Лавров, несомненно, имел в виду бунтарскую тактику бакунизма и оговаривал ее нецелесообразность.

В третьем варианте программы вопрос о тактических средствах получил новую постановку. В нем осуждались те методы, которые, будучи выгодны в данный момент, в дальнейшем могут принести вред, целесообразность которых сомнительна, а употребление противоречит общественной цели²⁹. Таким образом, к сомнительным средствам отнесены и те, которые могут принести боль-

²⁷ П. Л. Лавров. Избр. соч., т. 2, стр. 26.

²⁸ ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 2, л. 98, л. 8 об.

²⁹ П. Л. Лавров. Избр. соч., т. 2, стр. 26.

ше вреда, чем пользы, и те, которые не имеют условий для осуществления. Пересоставляя программу, Лавров все более заострял внимание на положениях, направленных против нечаевщины и бакунизма в вопросах тактики революционной борьбы. В этом отношении он был последователем «Народного дела». Общественный идеал, теоретически объединявший социалистов, служил нравственным критерием их действий. По мнению Лаврова, можно было по-разному решать вопросы социалистической теории, быть революционером или сторонником мирного прогресса, но нарушать будущую гармонию нравственных принципов недостойными средствами общественной борьбы значило перейти в лагерь противников социализма.

Проблема единства борцов за социализм была для Лаврова центральной в ряду тактических вопросов. Единство социалистов воплощалось для него в организации I Интернационала. В первом варианте программы Лавров писал, что в достижении будущего справедливого общества «возможным орудием» является «Международное товарищество рабочих при усилении его организации для неминуемой борьбы»³⁰. Присоединяясь к программе I Интернационала, он тем не менее не мог возвыситься над идеями крестьянского демократизма и с этих позиций рассматривал ее как содержащую некоторые спорные моменты. Он призывал всех сочувствующих примкнуть к I Интернационалу и укреплять его организации. И в этом плане программа «Народного дела» — органа Русской секции I Интернационала — оказала значительное влияние на Лаврова.

Лавров считал необходимым «всеми силами отстоять начала, на которых зиждется борьба рабочих против эксплуататоров»³¹. Эта мысль, высказанная им как призыв в период ожесточенной кампании «Альянса» против I Интернационала, обнаруживает антибакунистскую тенденцию первого варианта программы. Лавров, вероятно, верил в возможность примирения Бакунина с Генеральным советом I Интернационала на основе своей программы. Его попытки войти в союз с бакунистами в известной степени были рассчитаны на прекращение их

³⁰ ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 2, д. 98, л. 9 об., 10.

³¹ Там же.

борьбы против I Интернационала. Лавров не понимал глубоких противоречий марксизма и мелкобуржуазной революционности, а причины раскола в I Интернационале усматривал в личных разногласиях руководителей. 18 декабря 1872 г. он писал Г. Юнгу: «Я думаю, что пункт, наиболее интересный для вас, это моя позиция в спорах Интернационала. Принимая цель Интернационала и его общественный идеал, я оставляю открытым вопрос о большей централизации или децентрализации и допускаю полемику по этому вопросу в самом журнале, решительно устранив всякие личные нападки с той и с другой стороны»³². Лавров не понимал, что в I Интернационале идеологический водораздел проходил не между сторонниками централизма и федерализма, а между теми, чьи взгляды расходились в отношении к проблемам политической борьбы и тактических средств революционных действий. Лавров уже в формулировке спорных вопросов стоял на позициях бакунистов, поскольку именно Бакунин и его последователи говорили о противоположности в Интернационале федералистов централистам.

Отход Лаврова от теоретических позиций, изложенных в первом варианте программы, демонстрировал его готовность пойти на уступки во имя сохранения единства революционных рядов. Его поведение на переговорах с бакунистами должно было явить собой пример доступной и безвредной дипломатии. Этот пример имел целью указать путь к единству. Увлеченный благородным стремлением, Лавров даже не заметил, что «Альянс» применил к нему тот же метод махинаций и обмана, которым он пользовался в борьбе против Интернационала³³. Примиренчество Лаврова было осуждено Марксом и Энгельсом³⁴.

Из второго варианта программы Лавров изъял призывы примкнуть к I Интернационалу. Их заменили какие-то новые положения, содержание которых, вероятно, совпадало с текстом третьего варианта программы. В этом последнем варианте был развит тезис о необ-

³² «Летописи марксизма», 1930, т. II/XII, стр. 160.

³³ П. Витязев. П. Л. Лавров в воспоминаниях современников, стр. 130, 131.

³⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 519, 520.

ходимости единства революционного лагеря. Лавров утверждал, что самые различные представители социалистического движения объединены сознанием необходимости совместной борьбы за «справедливейший строй»³⁵. Следовательно, все тактические разногласия ничтожны перед задачей сплочения революционеров. Однако если первый вариант программы призывал всех к единству с I Интернационалом, то теперь речь шла об объединении с бакунистами.

Объединение в борьбе — одна из основных мыслей третьего варианта программы. Лавров призывал русских революционеров принять участие в журнале для разрешения всех спорных вопросов. В единстве он видел силу всякого революционного действия. «Будем помнить, что лишь путь организации совокупного рабочего движения тем или иным путем ведет к нашей цели»³⁶. Других возможностей нет — борьба против «могучей организации врагов» в одиночку бессмысленна³⁷. Различие в оценке тактических средств социального движения не должно в рядах революционеров вызывать раскола.

Следовательно, главная тактическая идея всех вариантов программы заключалась в призывах объединить общественные силы, враждебные современному строю. Ведь в конечном итоге все социалистические теории сходятся в одном — в утверждении «справедливейшего строя». Идеологическое родство всех направлений социалистической мысли, несмотря на различные решения современных политических и социальных проблем, выражается в признании социалистического идеала. Разные оценки государственности, политической борьбы, демократических институтов — все исчезает в ярком свете будущего. Такое представление об идейном единстве сторонников социализма лежало в основе призывов Лаврова к организационному объединению. В этом отношении Лавров отошел от позиций «Народного дела», редакторы которого, учитывая опыт «Земли и воли» 60-х годов и уроки борьбы I Интернационала с бакунистами, требовали органического сплочения ре-

³⁵ П. Л. Лавров. Избр. соч., т. 2, стр. 27.

³⁶ Там же, стр. 28.

³⁷ Там же.

волюционной организации, открывающего возможность быстрых и решительных коллективных действий.

Немаловажное место в программе было отведено Лавровым проблеме политической борьбы и общественных политических форм. На формирование его взглядов по этим вопросам, отразившихся во всех трех вариантах программы, оказал большое влияние опыт Парижской Коммуны. В письме к Е. А. Штакеншнейдер от 10 (22) октября 1871 г. Лавров писал: «Социализм до тех пор не имел ясной политической программы. Какого рода политический строй должен быть целью в настоящее время, было не совсем ясно». Он считал, что именно Парижской Коммуной был указан «метод, которым вопрос решится»³⁸.

С точки зрения главной цели борьбы — перехода к социалистическому строю — определял Лавров и отношение к современным ему общественно-политическим формам. Он систематизировал их по трем группам: формы, допускающие стремление к социалистическому идеалу, враждебные ему и «индифферентные». «Вперед» должен уделять особое внимание вопросу о развитии общественно-политических форм, которые могут способствовать движению общества к идеальному строю. К общественно-политическим формам, не соответствующим историческому прогрессу и задерживающим его, Лавров призывал относиться враждебно, к «индифферентным» — в зависимости от их конкретного проявления³⁹.

В первом варианте программы Лавров писал не об «общественных формах, допускающих стремление к справедливейшему строю», а об общественных институтах современной жизни, которые должен был поддерживать журнал⁴⁰. Очевидно, Лавров имел в виду крестьянскую общину в России. «В небольших прогрессивных явлениях, — писал он, — мы постараемся указать возможность сделать из них почву дальнейшего прогресса. Для широких целей будущего мы постараемся указать возможные средства в жалком строе настоящего»⁴¹.

³⁸ «Голос минувшего», 1916, № 7—8, стр. 135.

³⁹ П. Л. Лавров. Избр. соч., т. 2, стр. 25.

⁴⁰ ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 2, л. 98, л. 7 об.

⁴¹ П. Л. Лавров. Избр. соч., т. 2, стр. 25, 26.

Но как в первом, так и во втором варианте эта формулировка оставалась абстрактной и допускала различные толкования. Не исключена возможность, что, говоря об общественных формах, допускающих стремление к идеальному строю, Лавров имел в виду буржуазные условия общественной жизни.

В третьем варианте программы он признал, что политические вопросы подчинены проблемам экономическим и социальным⁴². Государства должны «разложиться», чтобы уступить место справедливому строю. Однако их окончательное разложение — дело далекого будущего, неосуществимое в ближайшее время. Между современным политическим строем и общественным идеалом лежит, по мысли Лаврова, «ряд посредствующих политических форм, которые выставлены теоретически или для которых существовали более или менее удачные попытки практического осуществления»⁴³. История государств постепенно перестает зависеть от территории и национального состава населения: внутри государств нарастают экономические противоречия и возникает «противуположение эксплуататоров и эксплуатируемых»⁴⁴. Государственный централизм оживает свое время, и Лавров призывал создавать и расширять свободные федерации «мелких общественных центров». Все эти мысли представляют собой развитие идей, изложенных им еще в «Исторических письмах», в которых содержится утверждение, что «политический прогресс заключается в уменьшении государственного принципа в общественной жизни», а «идеал государства» представляет собой свободный общественный союз⁴⁵.

Отношение к современным и «посредствующим» государственным формам, по убеждению Лаврова, должно быть различно — враждебно к «легально промышленным» государствам и сочувственно к политическим формам, которые ближе к «свободным союзам равноправных личностей»⁴⁶. Однако этот тезис далек от отрицания всякого государства вообще. Формулировка

⁴² Там же, стр. 28.

⁴³ Там же, стр. 29.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же, т. 1, стр. 313.

⁴⁶ Там же, т. 2, стр. 28.

программы — «государства, так как они существуют, враждебны рабочему движению»⁴⁷ — также предполагает, что возможны государственные формы, которые не будут враждебны стремлению к общественному идеалу. Это положение Лавров противопоставлял идее антигосударственности бакунистов.

Как складывалось у Лаврова представление о «посредствующих политических формах», показывают ранние варианты программы «Вперед». В первом из них Лавров писал о Парижской Коммуне, которая «не есть еще окончательное осуществление будущего идеала, но ...ближе других к нему подходит»⁴⁸. Эту мысль Лавров выразил и во втором издании «Исторических писем», тогда же им подготовлявшемся. Он писал в них, что Парижская Коммуна выставила программу «политически федеративного строя с более значительной долей самоуправления мелких центров»⁴⁹. «Вперед», по мнению Лаврова, должен поддерживать коммуны всюду, где они возникнут. Однако Лавров считал, что политическая программа Парижской Коммуны непонятна большинству его современников⁵⁰, и это заставило его заменить положения первого варианта программы «Вперед» о Парижской Коммуне рассуждениями о «посредствующих политических формах». Но эта формулировка третьего варианта программы могла выразить и отношение Лаврова к буржуазным формам государства. Уже в первом варианте программы Лавров заметил, что необходимо поддерживать «программу Соединенных Штатов Европы»⁵¹, поскольку она не противоречит общественному идеалу, хотя и более ограничена по сравнению с программой Парижской Коммуны.

Во втором варианте программы Лавров также признавал, что «Парижская Коммуна 1871 г. была первой попыткой осуществить политический строй независимых самодержавных центров, связанных свободно федерацией для общих целей»⁵², но теперь его внимание в основном было обращено на вопрос о Соединенных

⁴⁷ П. Л. Лавров. Избр. соч., т. 2, стр. 28.

⁴⁸ ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 2, д. 98, л. 10 об.

⁴⁹ П. Л. Лавров. Избр. соч., т. 1, стр. 323.

⁵⁰ ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 2, д. 98, л. 10 об.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

Штатах Европы. Основываясь на противопоставлении федеративных государств централизованным, Лавров полагал, что Соединенные Штаты Европы были бы для рабочего класса более благоприятной политической формой общества, чем современные государства⁵³. Хотя, по его мнению, от общественного идеала Соединенные Штаты Европы находятся дальше, чем Парижская Коммуна, политическая программа демократического объединения Европы, с его точки зрения, безвредна, так как ее осуществление в условиях острой классовой борьбы едва ли возможно. «Всякая попытка произвести европейскую революцию в этом смысле совпала бы, вероятно, с общественным взрывом гораздо сильнеею свойства, так что едва ли эта форма могла бы осуществиться независимо от решения социального вопроса»⁵⁴. По мнению Лаврова, на определенном этапе политическое движение в пользу Соединенных Штатов Европы содействует стремлению к общественному идеалу. Призывать к осуществлению задач этой программы неуместно: «оно встретило бы такие же трудности и потребовало бы столько же усилий, как и полный социальный переворот». Но мешать ему не следует⁵⁵. Рассуждения Лаврова о Соединенных Штатах Европы «по типу Соединенных Штатов Америки» не противоречат тому, что об этой государственной форме Лавров писал в «Исторических письмах». К такого рода политической федерации он относился с предубеждением, считая, что она объединяет слишком крупные единицы, «не допускающие всеобщего участия населения в важнейших функциях политической жизни»⁵⁶.

В отличие от федераций политические программы централизованных буржуазных республик, по мнению Лаврова, «прямо враждебны» борьбе рабочего класса⁵⁷. Однако даже и они «могут быть хороши или дурны смотря по тому, обещают ли они организации рабочих союзов и принципам социальной борьбы более или менее широкое влияние»⁵⁸.

⁵³ Там же, л. 11.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ П. Л. Лавров. Избр. соч., т. 1, стр. 323.

⁵⁷ Там же, т. 2, стр. 29.

⁵⁸ ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 2, д. 98, л. 12.

Таким образом, в трех вариантах программы «Вперед» признается прогрессивное значение некоторых общественно-политических форм по сравнению с существующими государствами. В конечном же итоге, по мнению Лаврова, политический прогресс предполагает гибель государственных форм общественной жизни. Однако Лавров понимал, что государства невозможно разрушить одним ударом. Он пишет об их разложении, занимствуя, очевидно, этот термин у Прудона. Отмирание государственных форм дело далекого будущего, между тем огромное значение приобретает вопрос о том, в каких политических условиях будет развиваться социальная борьба современности. Лавров решает этот вопрос, считая, что «посредствующие политические формы» представляют благоприятные условия для рабочего движения. Борьба за осуществление этих политических программ, по мнению Лаврова, совпадает с подготовкой социального переворота. В известном смысле можно сказать, что Лавров понимал значение демократических свобод, осуществляемых в буржуазных республиках, однако он опасался, что борьба за эти свободы может отнять у революционного движения столько же сил, сколько необходимо для социального переворота. Следовательно, аполитизм Лаврова не имел абсолютного характера. Лавров не верил в политическую революцию и считал ее невозможной в условиях острых общественных противоречий, ведущих к социальной революции. Однако, как и в «Исторических письмах», он выступал против огульного отрицания государства бакунистами и признавал необходимым направить это могучее орудие «на выработку прогресса»⁵⁹.

Вопрос об орудиях разрушения государств Лавров решал так же, как и остальные теоретические проблемы социального движения, в конкретной зависимости от идеала будущего. Известно, что главный фактор общественного прогресса он видел в рабочих ассоциациях, придавая им универсальное значение. Они для Лаврова — основной общественный элемент будущего справедливого общества и мощное средство современной социально-экономической борьбы.

⁵⁹ П. Л. Лавров. Избр. соч., т. 1, стр. 326.

Одну из задач журнала Лавров видел в том, чтобы поддержать «борьбу реального мирозерцания против мирозерцания богословского, ясно сознанных человеческих потребностей против всех идолов богословских и метафизических, теоретических и нравственных,— коротко говоря, борьбу науки против религии»⁶⁰.

В первом варианте программы «Вперед» антирелигиозные идеи связаны были с планом создания теоретической платформы демократической литературы, роль которой, по мнению Лаврова, выражалась и в будущем должна была проявляться в борьбе за реализм. Когда же первоначальный замысел Лаврова повис в воздухе, его отношение к идеологической борьбе с религиозным мирозерцанием несколько изменилось. В третьем варианте программы он заявил, что журнал уделит этой задаче немного внимания, изредка освещая завоевания науки, а также деятельность «партии европейских супранатуралистов»⁶¹.

Враждебность Лаврова к религии определяла его отношение как к церкви, так и к сектам. Церковь для Лаврова, как всякие «ассоциации, основанные на сверхъестественном принципе»,— зло. Однако в первом варианте программы он призывал бороться только с господствующей церковью и «притеснительными верованиями», связанными с существующим политическим строем. Вместе с тем Лавров признавал право каждого верить во что угодно, согласно своему развитию⁶².

Рассуждения Лаврова о свободе вероисповеданий весьма характерны. Они связаны с его отношением к буржуазным свободам вообще. Как и требование борьбы с религиозными мировоззрениями, признание свободы вероисповеданий было проявлением демократической идеологии. Рассуждения о праве «верить во что угодно» Лавров из третьего варианта программы изъясил. Это соответствовало общей переоценке меры внимания к религиозным вопросам.

Характеризуя цели и общие тактические принципы социального движения, Лавров определяет в программах и национальные его проблемы, которые, по его

⁶⁰ Там же, т. 2, стр. 24.

⁶¹ Там же, стр. 25.

⁶² ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 2, д. 98, л. 9.

мысли, должны решаться в ходе борьбы за осуществление общечеловеческих социальных идей. «Вопрос национальный, по нашему мнению,—писал Лавров в третьем варианте программы,—должен совершенно исчезнуть перед важными задачами социальной борьбы». Задачи социального движения приобретают конкретные черты в зависимости от национальной почвы: местность, культура, язык—все это национальные условия исторического прогресса. В разное время задачи нации различны, но каждая нация «должна делать свое дело, сходясь в общем стремлении к общечеловеческим целям». Национальные условия социального движения есть в то же время условия, в которых возникает необходимость сплочения рабочих различных наций⁶³.

Уже первый вариант программы содержит протест против национальной разобщенности борцов за общественный идеал. Задачи каждой нации Лавров связывал с близким и далеким будущим всего мира. «Эти принципы,—писал Лавров, имея в виду общественные черты будущего,—неизбежно требуют самой решительной борьбы против национальной раздельности, против ложности, враждебности, которые еще слишком часто отзываются в привычках даже мыслящих людей»⁶⁴. Однако, не проявляя последовательности, он рассматривал отношение к той или иной нации как частное дело или право каждого, подобно праву на свободу вероисповедания. По его мнению, «личное сочувствие манит поставить шведа в ряды французов против пруссаков, но это личное дело, как религиозное убеждение»⁶⁵. Лавров лишь говорил, что проявления национализма будут мешать созданию Соединенных Штатов Европы и осуществлению демократических свобод. Поскольку, однако, в первом варианте программы мысль о политическом объединении Европы в федерацию носит второстепенный характер (она может быть осуществлена только в исключительном случае), оговорка Лаврова теряет свое значение. Лавров не замечает, что данная идея противоречит рассуждениям о вероятности совпадения политического переворота под лозунгом Соединенных Штатов

⁶³ П. Л. Лавров. Избр. соч., т. 2, стр. 30.

⁶⁴ ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 2, д. 98, л. 14 об., 15.

⁶⁵ Там же.

Европы с социальной революцией. Эта возможность, в которую Лавров верит больше, чем в политический переворот, должна была бы показать, что проявление национализма несовместимо и с борьбой за «справедливейший строй общества». Лавров призывал к укреплению I Интернационала, не замечая противоречия этой задачи признанию права каждого на личное сочувствие или антипатию к той или иной нации.

Во втором варианте программы в изложение национального вопроса он внес поправки, соответствовавшие пересмотренным тактическим целям социальной борьбы. Если ранее Лавров рассматривал организацию секций I Интернационала как национальную задачу, то во втором варианте программы он об этом не пишет. Зато идея создания общими усилиями наций Соединенных Штатов Европы, в первом варианте программы только высказанная, во втором — получила широкое развитие.

Общие принципы разрешения национального вопроса были применены Лавровым к славянской проблеме. Тесно связывая идеалы национальной и социальной борьбы, Лавров противопоставлял их панславизму. Он выражал уверенность в том, что славяне, так же как и другие народы, могут нести социальное обновление человечеству. Считая, что славянские народы не заражены буржуазными традициями, Лавров усматривал в их освобождении из-под власти турок, австрийцев и немцев шаг вперед к социальной борьбе. Поэтому в задачу нового журнала входила поддержка общественно-политических партий, которые борются не только за национальные, но и за социальные идеалы славян. Задачи освободительной борьбы славянских народов Лавров изменял в трех вариантах программы в соответствии с изменениями общих задач социального движения. Вопрос о Польше Лавров решал также с точки зрения целей общественного прогресса. По его мнению, борцы за освобождение Польши, стремящиеся «к справедливейшему строю», являются единомышленниками и союзниками нового журнала. В будущем, по мнению Лаврова, границы Польши, так же как и границы любой федерации, не будут иметь большого значения и не вызовут каких-либо конфликтов⁶⁶.

⁶⁶ П. Л. Лавров. Избр. соч., т. 2, стр. 40, 41

Наряду с решением общих задач исторического прогресса каждый народ должен решать и свои специфические задачи. Каковы же задачи русского общественного движения? Ответ на этот вопрос дался Лаврову нелегко: часть программы, посвященную русским проблемам, он переписывал не менее трех раз⁶⁷. Эти варианты находятся в нашем распоряжении.

Без изменения в них оставался лишь вопрос о целях социальной борьбы. Лавров определял их, исходя из своих представлений о будущем русского народа, которое он связывал с судьбой крестьянской общины. По его мнению, русским защитникам прогресса было необходимо заменить частную собственность коллективной, развить коллективную обработку земли и общинное пользование продуктами сельскохозяйственного труда, превратить мирскую сходку «в основной политический элемент русского общественного строя», просветить крестьянство, чтобы оно в случае удачной революции могло воспользоваться свободой.

Существенные изменения претерпела трактовка вопроса о революции. По мнению Лаврова, если «справедливейший строй» мог бы быть достигнут мирным путем, никто не стремился бы к революции: ведь больше всего от нее страдает сам народ. Однако он считал мирный путь маловероятным: «История не представляла ничего подобного»⁶⁸. Но в то же время и этой возможности Лавров до конца не отвергал, оставляя литературно-радикальной оппозиции право верить в мирный исход социальной борьбы. Тем не менее он призывал единомышленников готовить народ к революции: «может случиться, что ему предстоит силою завоевать свое будущее». Роль интеллигенции в революционный период он видел в том, чтобы стать в ряды народа, «соединяя требования европейской цивилизации с требованиями эмансипации

⁶⁷ Листы рукописи с изложением проблем русского общественного движения написаны более беглым почерком, чем остальной текст. Они позже вставлены в первоначальный вариант, о чем свидетельствуют и другие особенности рукописи. Первоначальный вариант еще до своего завершения подвергался предварительной переработке. Лавров дважды (может быть, и более) переписывал листы с изложением задач революционного движения в России. Уже после перделок этой части программы первоначальный вариант представлял собой законченное целое и скреплен единой пагинацией.

⁶⁸ ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 2, д. 98, л. 16.

большинства, умеряя кровавый взрыв будущего своим участием». Помощь народу, по мнению Лаврова, необходимо совместить с предотвращением гибели культуры в огне революции⁶⁹.

Признавая революционный путь наиболее вероятным для установления будущего строя, Лавров вместе с тем в первом варианте программы подчеркивал, что в России есть еще арена и для легальной общественной деятельности в пользу народа. «Местный администратор, как крупный, так и мелкий, может легальным путем сделать многое для улучшения материального положения народа и для способствования его умственного развития. Член земства, член суда, адвокат могут способствовать на легальной почве расширению самостоятельности, укреплению прав, даже политическому воспитанию крестьянства. Под тяжким ярмом явной и негласной цензуры писатель, редактор журнала, издатель все-таки могут легально провести в кругу читателей кое-какие верные оценки фактов, более широкое понимание общественной жизни, могут в более или менее широких пределах бороться за научное воззрение против богословских призраков, за более справедливый строй общества против настоящего зла»⁷⁰. Следовательно, сферой легальной деятельности может быть, по мысли Лаврова, «мелкая борьба» в границах «положительного закона». В частных случаях таким путем удастся отстоять интересы людей из народа. Но главное станет ясным, что законность нарушают не защитники народа, а их противники, из-за чего и возникает необходимость действовать нелегально и перейти от оппозиции к революционным методам борьбы⁷¹.

Такова позиция Лаврова в отношении революции и мирного общественного прогресса, выраженная в первом варианте программы. Допуская некоторую вероятность успешного стремления к общественным идеалам мирными средствами, Лавров имел в виду привлечь к журналу те радикальные круги, которые еще надеялись

⁶⁹ Там же, л. 16 об.

⁷⁰ Там же, л. 16 об.—17. Рассуждения Лаврова о задачах писателей из радикальной оппозиции было связано с выраженным еще в «Исторических письмах» признанием за литературой и искусством огромной роли в общественном прогрессе.

⁷¹ Там же, л. 17.

на мирный, постепенный ход общественного развития. Он считал, что борьба против современного государства в России любыми средствами и в разных формах легально или нелегально, мирно или революционно ведет к общественному идеалу, и потому главная задача времени — объединить все, что враждебно самодержавию, направить все потоки складывающейся общественной оппозиции в единое русло.

И хотя возможности легальной борьбы были почти или вовсе сведены к нулю, это, по его мнению, не было ясно тем слоям русской интеллигенции, которые он надеялся еще привлечь к новому журналу, поэтому он и выдвигал перед ней задачи «мелкой борьбы» в рамках «положительного закона». Этот план легальной деятельности был составлен с учетом весьма распространенной идеи о плодотворности работы земств, одним из выразителей которой был Г. З. Елисеев⁷². Напомним, что именно от него исходило предложение написать программу русской литературы, которое и послужило для Лаврова поводом к составлению первого варианта программы в духе русского радикализма.

Есть в первом варианте программы положения, которые имеют много общего с просветительскими идеями. Лавров призывал участников оппозиции к овладению общественными знаниями, а также к просвещению крестьянства. По его мнению, не достигнув определенного образовательного ценза, деятели оппозиции могут оказаться безоружными перед сложностью общественных проблем. Просвещение же крестьянства Лавров рассматривал как необходимое условие, без которого оно не может воспользоваться будущей свободой. Но Лавров был далек от того, чтобы признать просвещение панацеей от всех общественных зол. Во всех трех вариантах программы он скорее выступал против тех, кто, подобно Д. И. Писареву, считал, что альфой и омегой социального прогресса должно быть увеличение числа образованных людей⁷³.

Однако призывы Лаврова овладеть знаниями для

⁷² Г. З. Елисеев. Представительство крупной поземельной собственности.— «Современник», 1865, № 5, стр. 2.

⁷³ Д. И. Писарев. Полн. собр. соч., т. III, стр. 297.

пропаганды в народе были, очевидно, в большей степени противопоставлены бакунинской проповеди, обращенной к революционной молодежи: бросать университеты «под тем предлогом, что современная наука — это не что иное, как наука официальная»⁷⁴. Хотя положения первого варианта программы, выдвигающие задачу научной подготовки всякого, кто стремится защищать народные интересы, вызвали у Бакунина и его последователей недовольство⁷⁵, Лавров сохранил их во втором варианте программы, созданном как платформа для союза с бакунистами, и тем более в третьем, писавшемся, когда уже была ясна бесплодность всяких переговоров с «Альянсом». Кстати, Лавров не думал, что его требования научной подготовки защитников народа будут рассматриваться как преграда для революционной пропаганды. Еще в «Исторических письмах» он высказал мысль, что прогрессивная личность может получить необходимые ей знания только на почве активной общественной практики, в живом общении с народом⁷⁶.

В первом варианте программы Лавров предусматривал и такие условия, в которых легальная сфера деятельности общественной оппозиции может расширяться. Это, по его мнению, могло бы произойти в результате народного бедствия, «государственной неудачи», дворцовых интриг, междоусобицы и т. п.⁷⁷ В такой обстановке, по мысли Лаврова, возможен был бы мирный политический переворот: введение в стране демократических свобод, «выборы всего уездного, губернского и государственного управления земством», созыв «общей земельной думы»⁷⁸, т. е. Земского собора, и переход к нему фактической власти. Лавров предполагал, что свободные выборы приведут к демократическому господству крестьянства в стране. Государственные формы, которые в это время могут возникнуть, для Лаврова безразличны. Любую из них — конституционную монархию, централизованную или федеративную республику — он рассматривал как форму временную, переход-

⁷⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 391.

⁷⁵ З. Ралли. Указ. соч., стр. 291.

⁷⁶ П. Л. Лавров. Избр. соч., т. 1, стр. 237.

⁷⁷ ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 2, д. 98, л. 16 об., 19 об.

⁷⁸ Там же, л. 22.

ную, открывающую дальнейший путь для социальной борьбы.

По мнению Лаврова, мирный характер демократических преобразований мог быть обусловлен возникновением широкого общественного мнения, которое в известной ситуации заставит самодержавие пойти на уступки. Впрочем о мирном характере периода общественных потрясений можно говорить лишь условно, поскольку этим событиям должно, по предположениям Лаврова, сопутствовать «обширное народное движение». Естественно, что сила давления на царизм будет зависеть от силы политических групп, которые в этот период создадут партии. В выгодном положении окажется та партия, которая заранее определит программу своих действий и сумеет приобрести влияние в обществе ⁷⁹.

Это подводило Лаврова к выводу о необходимости организовать партию народа. Она должна была бы способствовать повышению благосостояния крестьянства, просветить его, усилить его влияние в решении государственных вопросов, а в дальнейшем стараться перенести «возможно более общественную жизнь в мелкие общинные центры», а также развивать «в строе общины коллективный элемент перед индивидуальным и патриархальным» ⁸⁰. Лавров уверял, что такая политическая программа не является утопией и может быть выдвинута в целом и для страны и детально разработана для волостей, уездов и губерний ⁸¹. В легальных условиях эта программа должна осуществляться в «пределах возможного» ⁸², т. е., очевидно, в рамках «положительного закона», в границах той общественной пользы, которую могут принести прокурор, писатель, следователь, адвокат и т. п. Их деятельность должна подготовить партию к моменту общественного потрясения. Чтобы развить политическую инициативу участников оппозиции, необходимо не уклоняться от выборных и административных должностей. Надо, чтобы в мирное время эта партия принесла обществу столько пользы,

⁷⁹ ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 2, д. 98, л. 16 об., л. 19.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же, л. 22.

⁸² Там же, л. 22 об.

сколько можно, приобретая влияние в народе и внушая ему доверие к себе.

Лавров представлял, что такую народную партию организуют представители интеллигенции. Может быть, именно поэтому в центре внимания первого варианта программы «Вперед» находилась радикальная интеллигенция: к ней была обращена эта программа. Мимоходом Лавров, правда, пишет о каких-то народных кружках, но значение их остается неясным читателю так же, как, по-видимому, и самому автору. К народным массам Лавров относится как к объекту деятельности радикальных кругов общества. Народ у него попадает на историческую сцену неожиданно как участник общественного потрясения, но роль его в этом событии ограничена. Общественное потрясение возникает не в результате народного возмущения; движение народа лишь сопровождает другие события, которые должны были вызвать кризис. Установление господства народа — не исход восстания крестьян, а следствие политической деятельности интеллигентных защитников их интересов. Это господство должно быть дано народу сверху в результате победы партии «полноправной общины».

Идея господства народа и мысль о том, что демократический переворот должен произойти в условиях крестьянского движения, стали для Лаврова исходными положениями при последующем пересмотре вопроса о роли народных масс в общественном движении.

Лавров считал, что крестьянство пойдет за партией радикальной оппозиции, потому что оно увидит осуществление своих надежд в «усилении значения мира в уезде, губернии, наконец, в общей земельной думе, когда настанет возможность ее собрания»⁸³. Девиз партии — самоуправление общины и светская наука, — по мнению Лаврова, совпадает с требованиями свободы личности, слова, ассоциаций, выборов земства вплоть до Земского собора⁸⁴. В период общественного потрясения партия может осуществить часть своей программы общедемократического характера. Но вместе с тем она должна стремиться к осуществлению социальных задач

⁸³ Там же, л. 22.

⁸⁴ Там же.

и установлению господства народа. Если переход к осуществлению народных требований окажется невозможным из-за неудачи политического переворота или после его свершения из-за сопротивления противников крестьянства, то к общественному идеалу останется один путь, исключаящий мирные средства борьбы,— народная революция. Партия народа, по мнению Лаврова, могла объединить и революционеров, и сторонников мирных методов социальной борьбы, так как до того момента, пока опыт общественного потрясения разрешит тактические разногласия о путях общественного прогресса, ее деятельность по программе «Вперед» отвечает планам и революционеров, и сторонников реформ. Подготовка к революции не будет отличаться от деятельности, которую партия будет вести на основании программы легального прогресса. Поэтому споры о революции и мирном пути развития имели, по мнению Лаврова, формальное значение. Исторический урок периода общественного потрясения должен был окончательно примирить инакомыслящих. Поскольку сам автор программы видел неизбежность социальной революции, он надеялся, что этот опыт рассеет заблуждения сторонников мирного прогресса и заставит их принять революционную тактику. Подчеркивая мирный характер будущей партии, Лавров тем не менее предлагал программу ее выработать нелегально, а истинные цели объявить только в удобный момент общественного потрясения⁸⁵. Получается, что эта партия не могла быть легальной. По-видимому, Лавров надеялся, что под оболочкой партии «свободной общины» идейно сформируется революционная организация. Естественно, однако, что невозможно было создать такую универсальную партию, которая объединяла бы мирных земцев и революционеров и легально проводила бы подготовку к революции.

Лавров считал, что в момент общественного потрясения неизбежны столкновение интересов различных общественных кругов и борьба различных партий. Консерваторы — партия «неограниченной монархии и административного произвола»⁸⁶ — в момент общественного

⁸⁵ ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 2, д. 98, л. 22.

⁸⁶ Там же, л. 19—19 об.

потрясения будет ослаблена и поэтому не сможет играть решающей роли в политической борьбе. Напротив, либеральная партия, имеющая положение, капитал, прессу, в грядущих событиях может играть большую роль. Программа ее чисто конституционная. Но в либеральной партии России Лавров не видел устойчивой социальной почвы — «обширного слоя буржуазии». По его мнению, либералы неоднородны, так как выражают интересы помещиков и чиновничества, сплочены непрочно, поскольку эти социальные слои «не составляют органического общественного целого». Сильная сторона либеральной партии — борьба с царизмом, слабая — отсутствие социального и идейного единства. Лавров предполагал, что среди либералов произойдет раскол по отношению к вопросу о политической централизации и децентрализации, свободе ассоциаций, участии населения в политической жизни, образовании и влиянии капитала на общественный строй. Победу конституционалистов он считал вполне возможной, но только в том случае, если против них не выступит партия с более определенной программой и если им удастся повести за собой общество, «не встретив препятствия в крестьянском большинстве»⁸⁷.

Другая партия, которая может претендовать на политическое значение, — славянофильская — не понимает прогрессивных идей, хотя и сочувствует народу. Славянофилы усвоили лишь формы народной культуры. Для них «мумия русского православия и безнравственность русской патриархальной семьи — сущность русского народа». Они слабосильны, опираются на невежество масс, которым «извинительно связывать свои идеалы лучшего будущего с привычными формами своей культуры». Народ может пойти за ними, поскольку они идеализируют патриархальность в противовес пропаганде европейской культуры. Лавров представлял возможность борьбы славянофилов с либеральной партией в период общественного потрясения, но вместе с тем для него было ясно, что славянофилы испугаются крестьянского движения и потому, несмотря ни на что, будут блокироваться с либералами⁸⁸.

⁸⁷ Там же, л. 19 об.—20.

⁸⁸ Там же, л. 20 об.—21 об.

Поскольку победа той или иной партии зависела от успеха в завоевании доверия народа, Лавров выдвигал перед партией «полноправной общины» задачу усилить влияние в народных массах, добиться гегемонии в общественных событиях периода общественного потрясения. Либералы и славянофилы, выступающие против социальных реформ, неизбежно потеряют доверие масс и во время решающих событий не смогут оказать сопротивления крестьянству. Это и может определить мирный характер социальных преобразований. Лавров рассматривал вопрос о характере общественного прогресса — революции или мирного пути — в зависимости от предполагаемой роли различных общественных сил в социальном движении.

Решение задач социальной борьбы в России во втором варианте программы «Вперед» отличалось от первого только поправками редакционного характера. Наиболее важная из них — вставка, в которой вопрос о возможности легального пути социальных преобразований ставится более осторожно, с явным налетом усиливающегося скептицизма. «Допустим,— писал Лавров,— что правы те, которые еще верят в возможность легального пути к возрождению отечества в смысле той программы, которую мы поставили. Спросим себя, что может сделать тот, который убежден в смысле этой программы, хочет действовать для ее осуществления в пределах России путем легальных реформ»⁸⁹. Этот риторический вопрос выглядит как вступление к доказательству бесплодности мирной тактики социального движения. И не случайно Лавров, сохранив еще программу деятельности на почве «положительного закона», всюду редакционными поправками старался подчеркнуть, что излагает ее только для сторонников легального пути общественного преобразования. Таким образом, второй вариант программы «Вперед» не был свободен от иллюзии мирного исхода социальной борьбы.

В третьем варианте программы все стратегические и тактические вопросы русского революционного движения были подвергнуты пересмотру. Прежде всего в ней без оговорок было выдвинуто положение о том, что преобразование социального строя в России — дело самого

⁸⁹ ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 2, д. 98, л. 17.

народа, что надежды на изменение социальных условий жизни меньшинством несостоятельны. Общественный идеал воплощает «в дело потребности большинства, им самим созданные и поняты»⁹⁰.

Третий вариант программы обращен к интеллигенции лишь потому, что народ еще неграмотен. Задача интеллигенции заключается в том, чтобы объяснить народу его «истинные потребности», раскрыть заложенную в нем силу⁹¹. Тот, кто добивается для народа блага, должен вызвать в нем сознательное стремление к общественным идеалам и стать исполнителем его воли во время социального переворота⁹². Попытки навязать народу те или иные чуждые ему идеи, так же как стремление захватить власть во имя якобы народных требований,— пагубный путь. В России интеллигенция находится в тяжелых условиях— между ней и народом лежит пропасть. Нужно рассеять предубеждения народа против интеллигенции, только тогда она получит возможность широкой деятельности⁹³. Кроме преодоления этой пропасти, Лавров считал необходимыми условиями деятельности в народе личную подготовку каждого участника движения, понимание им народных интересов, признание необходимости для революционного взрыва подготовительного периода⁹⁴.

Под личной подготовкой к деятельности в народе Лавров подразумевал не приобретение специальных знаний, которые не имеют большого значения, а воспитание реального мировоззрения, развитие критических способностей, понимание «социологических вопросов, в которых заключается вся будущность человечества»⁹⁵. Общественные проблемы нельзя решать инстинктивно. Игнорирование этого условия приводит к неудачам при претворении в жизнь революционных планов. По мнению Лаврова, тот, кто полагается на интуицию, становится «игрушкой в руках шарлатанов и эгоистов». Знание общественной жизни— необходимое условие обеспечения победы. Поэтому «проповедь невежества» в решении

⁹⁰ П. Л. Лавров. Избр. соч., т. 2, стр. 31—32.

⁹¹ Там же, стр. 32.

⁹² Там же.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Там же, стр. 32—33.

⁹⁵ Там же, стр. 33.

революционных задач будет в журнале решительно осуждена⁹⁶. Однако личная подготовка не заключается только в познании общественной теории. Интеллигенту необходимо стереть следы, оставленные воспитанием в привилегированном кругу, мешающие деятельности в народе. Нужно научиться с народом жить, переносить его беды, искренно ему сочувствовать. По мнению Лаврова, такая подготовка труднее, чем изучение теории общественного развития⁹⁷.

Если в первых двух вариантах программы Лавров признавал в той или иной мере возможность перестройки общества мирным путем, то в третьем он категорически заявил, что в России она немыслима вне социальной революции. Уроки истории, говорил он, свидетельствуют о том, что правительство и господствующие классы никогда не уступали власти добровольно. Всякие надежды на мирный путь — прекрасная, но неосуществимая мечта. Когда пробьет час, неизвестно. Это, по мнению Лаврова, произойдет тем неожиданным, чем более централизована власть. Программа звала всех сочувствующих народу идти в его ряды и готовить его к революции. «Какова бы ни была цена... будущего, оно должно быть завоевано»⁹⁸.

Лавров подчеркивал, что социальная революция — результат сложных исторических условий, вызвать ее искусственно нельзя. Вместе с тем он отмечал, что «страдания народов возрастали гораздо более от того», что они «терпели установившийся строй», чем от того, что они делали «революционные попытки»⁹⁹. Независимо от успеха или от поражения революции она является «воспитательным средством» — резонеры в такое время бегут от людей дела, партии раскалываются, общественные задачи проясняются. Революционный опыт — полезный урок. Консерваторы революцию предотвратить не могут, так же как революционеры не могут ее вызвать. Однако консерваторы осложняют ее развитие, а революционеры ему способствуют. Правда, эта противоположность не абсолютна: своей политикой правительство и

⁹⁶ П. Л. Лавров. Избр. соч., т. 2, стр. 33—34.

⁹⁷ Там же, стр. 34.

⁹⁸ Там же, стр. 40.

⁹⁹ Там же, стр. 34.

консерваторы часто возбуждают революцию. Революционеры же могут задержать ее ход, если допустят политические ошибки¹⁰⁰.

Ближайшая задача революционеров — идти в народ, объяснять и пропагандировать программу социального освобождения. Для этого они обязаны отказаться от участия в деятельности государственного аппарата¹⁰¹. Подготовка революции возможна только нелегальными средствами. Оппозиция, подобно европейской, в условиях самодержавия существовать не может¹⁰². Но в момент общественного потрясения органы самоуправления смогут расширить свою государственную функцию — законодательная власть перейдет к Земскому собору. Политический переворот «с конституционным, парламентским порядком вещей» возможен. Такой путь общественного прогресса представляют себе конституционалисты. Они обладают капиталом, имеют влияние в земстве, в судебных органах, но они неоднородны. Лавров называет их партией легальных революционеров. Так как все «европейские образцы, которым они следуют, были и остаются враждебными народу, им нельзя сочувствовать»¹⁰³. По мнению Лаврова, признать Земский собор можно будет только в том случае, если он будет избран крестьянством «с целью произвести общественное преобразование, согласное с потребностями крестьянства, преобразование одновременно экономическое и политическое». Но земство в том виде, в каком оно существует, представителем большинства народа быть не может, а чтобы поднять в нем влияние крестьянства, необходимо затратить столько же, если не больше, усилий, сколько нужно для подготовки революции¹⁰⁴.

На этом основании программа определяла отношение к материалам конституционного толка. Программой предусматривалось помещение в журнале «Вперед» статей, проповедующих свободу мысли, слова, ассоциаций, так как демократические свободы способствуют ослаблению «всякой принудительной государственной связи и доставляют нам удобную почву для развития нашей

¹⁰⁰ Там же, стр. 34—35.

¹⁰¹ Там же, стр. 36.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Там же, стр. 37—38.

¹⁰⁴ Там же, стр. 37.

программы»¹⁰⁵, — пояснял Лавров. Но в целом конституционная партия — враг, с которым «придется бороться при первой возможности серьезного столкновения партий в России». Уже сейчас конституционалисты противостоят большинству народа, поскольку они против подчинения «интересам крестьянства интересов всех прочих сословий»¹⁰⁶. Задача «Вперед» — пропагандировать автономную общину «как основной элемент русского государственного и общественного строя»¹⁰⁷ в противовес конституционализму.

Таковы основные положения третьего варианта программы о задачах социального движения в России. В ней по-новому решены многие теоретические вопросы, поднятые еще в первых двух вариантах программы. Прежде всего Лавров изменил отношение к тактической дилемме — революция или мирный прогресс. Третий вариант программы окончательно отверг возможность преобразовать русское общество в «справедливейший строй» мирным путем. Лавров возвратился к революционно-демократической традиции, отрицавшей реальность мирного разрешения социальных противоречий и утверждавшей необходимость революции. Эта характеристика путей к идеалу возникла в связи с новым решением вопроса о роли различных общественных сил в социальной борьбе. Если в первом варианте программы основную общественную силу представляла радикальная интеллигенция, то в третьем варианте Лавров признал, что действительной силой прогресса является народ.

Идея демократии была развита, по-новому раскрыта и обогащена. Если ранее она была выражена требованием установить господство народа, то теперь это требование получило более конкретную, наполненную социальным содержанием формулировку о «подчинении интересам крестьянства интересов прочих сословий». Первый вариант программы содержит план установления господства народа, который рассчитан не только на революционный путь, но и на целесообразность мирной реформаторской деятельности партии радикалов. Третий вариант программы — план утверждения интересов крестьянства

¹⁰⁵ П. Л. Лавров. Избр. соч., т. 2, стр. 38.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Там же.

только посредством революции. В первом варианте программы Лавров предполагал, что господство народа можно установить без участия народа; в третьем — господство крестьянских масс — естественное выражение победы крестьянской революции. В связи с этой новой трактовкой роли народных масс Лавров дал иную постановку вопроса о задачах радикальной интеллигенции. Рассуждения о гегемонии интеллигенции (вернее, ее партии «полноправной общины») в «эпоху потрясений», которые содержались в первых вариантах программы, из третьего варианта были удалены.

Но одновременно эта переоценка роли народа повлекла за собой пересмотр взглядов на значение политической революции. Проповедь демократического переворота в первом варианте программы шла у Лаврова от неверия в инициативную роль народа. Поэтому, признав народные массы активным участником общественного движения, он отказался от мысли о необходимости революционной демократизации страны, так как прямое участие масс в революции представлялось ему гарантией ее социалистического характера. Лавров не был противником государства и в известном смысле понимал значение демократических свобод. Политический переворот представлялся ему излишним потому, что он потребует от народа таких же жертв, каких и социальная революция. Это представление было связано с изменением взглядов Лаврова на роль либеральной партии в будущей революции. Отсюда и его опасения, что в политическом перевороте либеральная партия выступит против народа, что приведет к не меньшим затруднениям, чем борьба за социализм. Если в первой программе он рассматривал ее как союзника в борьбе с царизмом, то в третьей она характеризуется как антинародная партия, которая предала демократические требования народа и враждебна им.

В третьем варианте программы исчезли все рассуждения о возможности легальной борьбы в период мирного развития страны. Лавров пришел к выводу, что в России политический переворот не может произойти легально и что в условиях самодержавного строя сохранение подобных иллюзий вредно. Отказался Лавров и от идеи союза с бакунистами. После переговоров с «Альянсом», когда Лавров узнал о теоретических разногласиях

в революционном лагере, он лишь призывал к выяснению этих разногласий. План партии, построенной на принципе широкого объединения неоднородных социальных элементов, уже не мог быть претворен в жизнь.

Как видим, три варианта программы «Вперед» отличаются друг от друга в трактовке многих принципиальных вопросов. Их сопоставление показывает сложный ход идей, отразивший и тактические замыслы Лаврова, и эволюцию его взглядов по важнейшим проблемам революционной борьбы. Несмотря на различие этих документов, в их идейном содержании осталось много общего, обусловленного, в частности, и общностью методологических принципов, которых придерживался автор. Варианты программы «Вперед» представляют собой три попытки разрешения социальных проблем с помощью субъективного метода. В этом смысле они являются прекрасной иллюстрацией к его «Историческим письмам».

Е. К. Жигунов, Е. Б. Рашковский

ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-ПОЛЬСКИХ
РЕВОЛЮЦИОННЫХ СВЯЗЕЙ 1878—1880 гг.

(П. Л. Лавров и польские социалисты)

Конец 60-х — начало 70-х годов — период некоторого затишья в польском освободительном движении. Это объяснялось не только жестокими репрессиями, высылками и казнями во время восстания 1863—1864 гг. В известной мере этому способствовал и промышленный подъем с сопутствовавшим ему ажиотажем, охватившим в эти годы местную буржуазию и ту часть помещиков, которая сумела приспособиться к новым условиям капиталистического развития.

Промышленным авангардом разделенной страны явилось Царство Польское (или, как оно называлось в польской историографии, «область царского захвата»). В 50—70-х годах здесь произошел промышленный переворот¹. В Варшаве, Лодзи, Згеже, Жирардове, Белостоке² и других городах формировались первые очаги рабочего движения, создавались условия для привнесения в рабочую среду социалистических идей. В течение всего так называемого подготовительного периода в польском рабочем движении (т. е. периода генезиса партии «Пролетариат» — 1878—1882 гг.) шла борьба за отделение научного социализма от домарксовых утопий. Хотя в идеологии партии «Пролетариат» (1882—1886 гг.) марксистские элементы преобладали, бланкистские и народнические иллюзии еще не были окончательно изжиты.

Появление на арене польского освободительного движения новой самостоятельной силы — промышленного пролетариата — подвело черту буржуазно-шляхетскому

¹ Р. Люксембург. Промышленное развитие Польши. СПб., 1899, стр. 15—17.

² Белосток формально не входил в Царство Польское, он был уездным центром Гродненской губернии.

этапу этого движения. Если на протяжении буржуазно-шляхетского этапа трудящимся массам внушалось, что облегчение их положения будет непосредственным итогом завоевания национальной независимости³, то в конце 70-х годов польские социалисты-интернационалисты понимали уже национальное освобождение своего народа как следствие его социального освобождения.

Острота дискуссий Л. Варыньского и его сторонников с эпигонами идеологии «повстанчества» и с «национальными» социалистами вызвала известные перегибы в воззрениях интернационалистов на национальный вопрос; нигилистическое отношение к национальным польским проблемам было следствием стремления исключить из социалистического движения концепцию национального единства поляков. Даже представители мелкобуржуазной историографии, которые не могли простить Варыньскому этих перегибов, признавали их историческую обусловленность и правомерность⁴. Противопоставляя себя поколению повстанцев 1863 г., социалисты-интернационалисты были их идейными преемниками в борьбе за освобождение народных масс в том смысле, в каком русские марксисты, принявшие на себя решение демократических задач, являлись преемниками революционеров предшествующих этапов — дворянского и разночинского⁵.

Первым шагом польского социалистического движения царские власти не придали должного значения. Во всеподданнейшем отчете начальника Варшавской

³ «Истинно скажу вам,— писал А. Мицкевич еще в 30-х годах XIX в.,— не доискивайтесь о том, какое правление будет в Польше, довольно вам будет знать, что оно будет лучше всех вам известных» (М. Я с т р у н. Мицкевич. М., 1963, стр. 283).

⁴ И. Д а ш и н ь с к и й. История социалистического движения в Польше. М. [б. г.], стр. 4, 17; В. А. Ј е д р з е ј о w s k i. Ludwik Waryński. Warszawa, 1919, str. 18—21.

⁵ Существовала также и личная преемственность участников польского освободительного движения. Некоторые из польских социалистов были родственниками крупнейших деятелей Январского восстания 1863 г.: Л. Варыньский — Я. Домбровского, Е. и Ф. Кон — И. Гайльперна, Ст. Падлевский — З. Падлевского. Родители Г. Б. Госткевича, П. Домбровского, Ст. Куницкого, двоюродных братьев А. и В. Серошевских и других были связаны с повстанческим движением; старейшие члены партии «Пролетариат» рабочие Л. Дегурский и А. Форминьский сами сражались в рядах повстанцев.

губернии за 1878 г. значилось: «По донесению полиции и по заявлению владельцев фабрик [и] мастерских обнаружение социалистической пропаганды в среде фабричного населения Варшавы следует приписать не случайности, т. е. не тому обстоятельству, что полиции не удалось напасть на след злоумышленников, а действительному отсутствию или, по крайней мере, неуспеху этой пропаганды среди рабочего сословия губернии. По заявлению этих владельцев и вообще лиц, близко стоящих к польскому рабочему, сохранившиеся в нем вера и приверженность к римско-католической церкви и живое национальное чувство являются главным источником его невосприятости к тлетворному социалистическому учению, основанному на безверии и отрицании национальности»⁶. Однако, уже в «Обзоре политического состояния Варшавской губернии за 1879 г.» сообщались сведения противоположного характера: «К рабочему классу учение прививается пропагандистами довольно легко, так как все они, за малым исключением, сравнительно достаточно развиты и по своей натуре склонны к революционным движениям»⁷.

Развивавшееся, несмотря на репрессии, рабочее движение в Польше нашло дружественную поддержку со стороны революционной России. Одному из эпизодов этой поддержки — участию П. Л. Лаврова в составлении польской социалистической программы — посвящена настоящая статья.

Петр Лаврович Лавров — одна из самых крупных фигур в истории русского революционного народничества. Его значение не исчерпывается той ролью, которую он сыграл как один из создателей народнической теории. Не менее значительна, но гораздо менее изучена его деятельность в рядах русской революционной эмиграции 70—90-х годов XIX в. Несмотря на то, что на протяжении всего революционного пути Лаврова его философские и социально-политические взгляды не претерпели какого-либо коренного изменения, Лавров-эмигрант испытал на себе благотворное воздействие идей К. Маркса и Ф. Энгельса. Будучи личным другом Маркса и Эн-

⁶ ЦГАОР СССР, ф. III отд. (109), Секретный архив, оп. 2, д. 688, л. 14—15.

⁷ Там же, д. 690, л. 8.

гельса, Лавров был в какой-то степени связным между ними и революционной Россией 70—80-х годов XIX в.

Лавров, которого М. П. Драгоманов упрекал в «националистическом самоослеплении» и в «антикультурности»⁸, всегда принимал близко к сердцу судьбы угнетенных народов Российской империи. Еще в «Исторических письмах» он писал: «Как отрицание прогресса, стремление одних национальностей поедать другие есть отрицание и настоящего патриотизма»⁹. С годами расплывчатое отрицание национализма приняло у Лаврова более четкую и революционную форму.

О связях Лаврова с польскими социалистами в литературе почти ничего неизвестно, хотя некоторые намеки мы находим в его переписке с Ф. Энгельсом. Так, в письме к Лаврову от 28 января 1884 г. Энгельс просит дать ему характеристику Л. Кшивицкого и К. Сосновского — польских переводчиков первого тома «Капитала»¹⁰. В ответном письме Лавров сообщает: «Сосновского, который писал вам и приходил ко мне за вашим адресом, я знаю. Это искренний и преданный социалист и прекрасный юноша. Не знаю только, откуда возьмет эта довольно бедная группа достаточно денег для такого большого издания...»¹¹

Кроме того, в газете «Советская Литва» была опубликована статья Г. В. Киселева и В. И. Солошенко, в которой полностью приводится текст письма Лаврова «пролетариатам»¹².

Нам удалось обнаружить документы о более ранних связях Лаврова с польскими социалистами, относящихся к 1878—1880 гг., т. е. к периоду, который знаменует собой оформление социалистического движения в Польше. Настоящая статья не претендует на всестороннее

⁸ «Автобиография М. П. Драгоманова». — «Былое», 1906, № 6, стр. 203.

⁹ П. Л. Лавров. Исторические письма, изд. 3-е. СПб., 1906, стр. 209.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 349.

¹¹ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями». М., 1947, стр. 225.

¹² «Советская Литва», 9 июня 1963 г. Авторы датируют его 1884 г., в то время как оно относится к 1883 г. и является ответом на поздравление Лаврова по случаю его 60-летия (ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 4, д. 541, л. 1). Два черновика ответа Лаврова хранятся среди материалов его фонда (там же, оп. 3, л. 61, лл. 87—89).

освещение этих связей, в ней лишь вводятся в научный оборот некоторые новые документы, проливающие дополнительный свет как на деятельность самого Лаврова, так и на историю польского революционного движения тех лет.

* * *

1878 г. связан с важными событиями в революционном движении на востоке Европы. В этом году сформировался в Петербурге «Северный союз русских рабочих», русские народники начали террористическую борьбу с правительством. В этом же году перешла на полуправильное положение германская социал-демократия. Сентярем 1878 г. датируется первая программа польских социалистов, опубликованная в № 1 женевского журнала «Równość» («Равенство») (октябрь 1879 г.) — так называемая «Брюссельская» программа¹³.

В начале XX в. ветеран польского социалистического движения Ю. Узембло (Амерыканин, Бесядовский) писал в своих воспоминаниях о том, что в 1878 г. существовала первая редакция «Брюссельской» программы, или, как ее называл Узембло, «программа-родитель» («program-ojciec») ¹⁴.

Ссылаясь на письмо Б. Лимановского, старейшего деятеля польского национального и социалистического движения, Узембло говорит о существовании трех списков этого первоначального проекта программы, который в позднейшей литературе получил название «Варшавской» ¹⁵. Один, по словам Узембло, хранился в польском музее в Рапперсвиле (Швейцария), два других были отобраны австрийской полицией у социалистов Л. Инлендера и Г. Трушковского ¹⁶.

¹³ Подлинный текст «Брюссельской» программы см. в сб.: «Wielki Proletariat. Materiały i dokumenty». Oprac. T. Daniszewski. Warszawa, 1950, str. 32—35. Русский перевод см. в кн. И. В. Волковичер. Начало социалистического рабочего движения в бывшей русской Польше, ч. 1. М.—Л., 1925, стр. 48—52. Отдельное издание «Брюссельской» программы на французском языке было направлено К. Марксу (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 4, д. 142, л. 1—7).

¹⁴ «Z pola walki». Londyn, wyd. PPS, 1904, str. 56.

¹⁵ Название «Варшавской» дал этой программе прогрессивный историк А. Прухник, творчество которого относится к 1920—1930 гг. (A. Próchnik. Pisma, t. 3, Warszawa, 1958, str. 17).

¹⁶ «Z pola walki», s. 56.

В начале 20-х годов И. В. Волковичер обнаружил в фондах Московского историко-революционного архива жандармский перевод рукописи «Варшавской» программы, отобранной у рабочего Сидорека в апреле 1879 г.¹⁷ Перевод весьма несовершенен; особенно плохо передал переводчик-жандарм терминологию программы социалистов¹⁸. Подлинник, с которого был сделан перевод, считался утерянным. Однако, спустя почти сорок лет после разысканий И. В. Волковичера, его удалось обнаружить среди писем Узембло к Лаврову. Эта находка указывает на существование четвертого списка программы, о котором Узембло, очевидно, либо забыл, либо, следуя стремлениям пепезовского сборника «Z pola walki», опустил с целью подчеркнуть национальную обособленность польского социалистического движения от русского. Подобные нотки заметны и в мемуарах Узембло. Возможно, что направленность сборника и весь дух тогдашней ППС явились не последней причиной забывчивости нашего мемуариста. Из переписки Узембло с Лавровым выясняются связи последнего с польским социалистическим движением, объясняется, при каких условиях «Варшавская» программа попала к Лаврову.

Без сомнения, первоначальный вариант «Варшавской» программы испытал на себе определенное влияние лавровских идей. В последнем номере газеты «Вперед» (декабрь 1876 г.) Лавров дал примерную программу деятельности пропагандистских социально-революционных кружков, цель которых — объединиться в федерацию¹⁹. Этой программе близка «Варшавская» и по объему, и по структуре (первая половина ее посвящена кратким теоретическим посылкам, вторая — практическим предписаниям для революционеров), и по вопросам практики революционной работы (через развитие кружковой пропаганды — к революции). Обращает на себя внимание и тот факт, что в «Варшавской» программе фигурирует лавровский термин «рабочий социализм», термин «впередовской» программы и теоретических произведений Лаврова, например в примечаниях

¹⁷ И. В. Волковичер. Указ. соч., стр. 47.

¹⁸ Там же, стр. 48—51.

¹⁹ «Вперед», 31 (19) декабря 1876 г.

к «Квинт-эссенции социализма» А. Э. Ф. Шеффле²⁰. Обе программы роднит отрицательное отношение к легальным путям борьбы.

6 марта 1878 г. в Париже был образован кружок русских «социалистов-пропагандистов» в составе П. Лаврова, Ю. Узембло, А. Литвинова, Н. Каргановой и С. П. (по всей вероятности, бывшего «впередовца» С. Подолинского); на втором заседании кружка, 13 марта, Лавров представил своим товарищам «Проект устава русского кружка социалистов-пропагандистов, действующих за границей»²¹. В первом пункте устава говорилось, что группа принимает впередовскую программу, но с одним изменением: из положения «Убежденные социалисты-революционеры из интеллигенции составляют первый кадр этой организации»²² опускаются слова «из интеллигенции»²³. Как явствует из писем за апрель — май 1878 г., Узембло по поручению парижского кружка был направлен в Москву и Петербург для выяснения возможности установления связи с местными пропагандистами и, в частности, с лицами, группировавшимися вокруг русской нелегальной народнической газеты «Начало». Политическая ситуация того времени и падение популярности пропагандистского направления не благоприятствовали успеху миссии Узембло. Единственное, чего он достиг в Петербурге, — это договоренности о сотрудничестве Лаврова в «Начале»²⁴. В воспоминаниях, касаясь своего пребывания в России, Узембло пишет, что там он занимался разработкой программных вопросов социалистического движения²⁵. Посетив Москву и Петербург, он направился в Варшаву, где вскоре вступил в контакт с кружками местных социалистов.

Пока еще остается невыясненным вопрос о том, как ему удалось наладить отношения с варшавским социа-

²⁰ А. Шеффле. Сущность социализма. СПб., 1906, стр. 75—104.

²¹ Текст устава и лавровские пометы, дающие сведения о составе и порядке заседаний кружка, см. ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 2, д. 93, л. 1—3, 5.

²² «Вперед», 31 (19) декабря 1876 г.

²³ ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 2, д. 93, л. 2, 7, 16.

²⁴ Там же, оп. 4, д. 47, л. 3.

²⁵ «Z pola walki», str. 54—55.

листическим подпольем и наряду с Л. Варыньским, К. Длуским, К. Сосновским, К. и Юз. Плавинскими и Л. Дзянковским стать одним из его руководителей²⁶. Можно лишь высказать предположение, что определенную помощь в этом оказал Узембло известный польский народник, работавший тогда в «Начале», А. И. Венцковский. В одном из писем к Лаврову Узембло дает его адрес для пересылки материалов²⁷. В. Л. Серошевский, бывший тогда 19-летним юношей, говорит в своих мемуарах, написанных уже в годы гитлеровской оккупации Польши, что Венцковский, приехавший в Варшаву летом 1878 г., был ему представлен как «один из петербургских главарей» тогдашних польских социалистов²⁸.

Таким образом, установив контакт с социалистическим подпольем в Варшаве, Узембло становится связным между варшавянами и Лавровым²⁹.

Говоря в своих мемуарах об идеологии тогдашних варшавских социалистов, Узембло называет ее «марксистской». Эта характеристика требует уточнения. Во взглядах варшавян марксизм переплетался с распространёнными тогда анархистскими и позитивистскими воззрениями. Лучшие литературные силы варшавян были направлены на переводческую работу. Наряду с «Коммунистическим манифестом» и «Капиталом» переводили «Исторические письма» Лаврова, статьи и произведения Бакунина, Лассаля и Спенсера³⁰. Наряду с интернационалистом Варыньским, среди варшавских

²⁶ «Z pola walki», str. 54, 56, 62.

²⁷ ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 4, д. 47, л. 4.

²⁸ W. Sięroszewski. Dzieła T. XVI — Pamiętniki, wspomnienia. Kraków., Wyd. Literackie, 1959, str. 153.

²⁹ Для связи с польскими социалистами в Кракове Лаврову был прислан адрес Л. Яблоньского, наборщика, принявшего в дальнейшем участие в деятельности группы «Освобождение труда» и партии «Пролетариат» (ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 4, д. 565, л. 6).

³⁰ «Z pola walki», str. 62; см. также: W. Sięroszewski. Указ. соч., стр. 143. В частности, «Исторические письма» первоначально предполагалось печатать в Кракове, но в связи с преследованием революционеров австрийскими властями работу решено было перенести в Варшаву, а позднее — в Женеву (ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 4, д. 47, л. 15; д. 163, л. 9—10; д. 416, л. 1). Начали печататься «Исторические письма» лишь с 1884 г. Первое «Письмо» было опубликовано в № 6 заграничного органа польской партии «Пролетариат» — «Walka Klas» («Борьба классов»).

рабочих действовали «национальные» социалисты³¹ — Узембло, Сосновский и др.

В литературе недостаточно освещен вопрос о том, как первоначальная форма организации варшавских рабочих — «кассы сопротивления» — уступила свое место социально-революционным кружкам. Этот пробел в какой-то мере восполняют письма Узембло к Лаврову. В одном из них, касаясь дискуссии среди варшавских социалистов по вопросу об изменении организационных форм работы, Узембло пишет о взглядах, выявившихся в ходе дискуссии: одни недоумевали, почему нужно менять прежние формы деятельности, другие требовали порчи машин и нападений на фабрикантов, третьи ставили вопрос о создании «организованной, ясно сознающей свою программу партии»³², партии «чисто рабочей, социально-революционной»³³. В этом, преобладающем, течении Узембло приписывает себе чуть ли не первенствующую роль.

Нисколько не преуменьшая роль Узембло в становлении польского социалистического движения на его начальном этапе, мы должны в то же время с известной осторожностью подходить к его переписке, а тем более мемуарам. Воспоминания Узембло дополняются воспоминаниями Серошевского, который рассказывает о споре Варыньского с Мендельсоном, Узембло и отчасти с Длуским. Варыньский доказывал преимущество агитационной формы работы, его оппоненты — преимущество пропаганды³⁴.

Становление новой организации потребовало разработки ее программы. Известная идеологическая пестрота варшавских кружков, естественно, отразилась на первой программе, составленной немногочисленной горсткой польских социалистов. Эта программа носила характер компромисса. В рукописной рецензии на книгу Л. С. Кульчицкого «История социалистического движе-

³¹ В польской мемуарной и историографической литературе принято подразделять участников первых социалистических кружков на «интернациональных» и «национальных». Последними назывались те участники движения, которые первоочередной задачей считали вовлечение трудящихся масс в борьбу за независимость Польши.

³² ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 4, д. 47, л. 19.

³³ Там же.

³⁴ W. Sieroszewski. Указ. соч., стр. 154—155.

ния в области российского захвата» (1904 г.) Узембло пишет: «В это время, когда между польскими социалистами не наметились еще партийные различия, когда мы не чувствовали необходимости деления наших требований на максимальные и минимальные, мы сознательно избегали четко формулировать требования нашей группы, составляющей эту первую программу. Напротив, ... редакторы старались, чтобы эта программа охватывала стремления всех польских социалистов»³⁵. Такова история возникновения «Варшавской» программы.

Как видно, сам Узембло признает, что эта программа, принятая в сентябре 1878 г., была компромиссной и противоречивой. Действительно, наряду с признанием интернационального характера социальной революции, необходимости союза с социалистами других наций, необходимости классовой борьбы внутри польской нации³⁶, в ней содержались пункты, подчинявшие социалистические задачи целям национального освобождения.

«Во введении первой программы — пишет Узембло, — был следующий, очень характерный абзац, опущенный в так называемой «Брюссельской» программе: «Торжество принципов рабочего социализма, стремящегося к коренному изменению существующих общественных отношений на благо труда, является необходимым условием благополучного будущего польского люда, который, движимый социально-революционными принципами, проявит непобедимую силу и непреодолимую энергию в борьбе с правительством-захватчиком»³⁷. Этот отрывок Узембло восстановил по памяти.

Из найденного нами четвертого списка программы, посланного Узембло Лаврову, видно, что он довольно точно воспроизвел этот отрывок: «...торжество принципов социализма является конечным условием благополучного будущего польского люда [...] Мы также глубоко верим, что польский люд, приведенный в движение во имя социально-революционных принципов, проявит непобеди-

³⁵ Цит. по кн.: F. Perl. *Dzieje ruchu socjalistycznego w zaborze rosyjskim do powstania PPS*. Warszawa, 1958, str. 107.

³⁶ ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 4, д. 47, л. 42—43.

³⁷ «Z pola walki», str. 56 (Разрядка наша.— Е. Ж., Е. Р.).

мую силу и непреодолимую энергию в борьбе с правительством-захватчиком, которое связало экономическую эксплуатацию с неслыханным национальным гнетом»³⁸.

В этом фрагменте уже содержится один из основных элементов позднейшего польского социал-национализма. Социалистические принципы объявлялись лозунгом для вовлечения трудящихся в борьбу за национальную независимость, основная ответственность за экономическое угнетение народных масс возлагалась на царизм. Интернационалисты во главе с Варыньским не были, конечно, противниками национальной свободы Польши, но они не могли примириться с провозглашением социалистических принципов не целью, а средством.

Факт посылки первого варианта «Варшавской» программы Лаврову с просьбой высказать свое мнение о ней свидетельствует о влиянии Лаврова как идеолога тогдашнего революционного движения на польское подполье.

Рукопись «Варшавской» программы была доставлена Лаврову неизвестной женщиной, которая в октябре 1878 г., получив указание от варшавского кружка, была направлена в Париж³⁹. Характеризуя подателя письма, Узембло пишет, что «эта барыня принадлежала к польскому Киевскому кружку»⁴⁰. Изучение материалов следствия по делу киевской группы польских социалистов позволяет заключить, что лицо, о котором говорит Узембло в письме к Лаврову, — М. В. Янковская⁴¹. Это подтверждается также письмом Длуского к Лаврову, где Длуский прямо называет ее — Яблоновская⁴² (широко известный ее псевдоним). К подлиннику программы приложен русский перевод ее второй части, составляющий конкретные требования и принципы варшавских социалистов. В ноябре 1878 г. Лавров отправил в Польшу свои замечания на программу, что видно из сохранившегося черновика его ответного письма к Узембло⁴³. К сожа-

³⁸ ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 4, д. 47, л. 42—44.

³⁹ Там же, л. 22.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ ЦГИА УССР в г. Киеве, ф. Киевского губернского жандармского управления (247), оп. 1, д. 250.

⁴² ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 4, д. 163, л. 1; см. также: J. W. B o r e j s z a. W kręgu wielkich wygnańców. Warszawa., 1963, str. 527.

⁴³ ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 3, д. 62, л. 24.

лению, эти замечания найти не удалось. Следует отметить, что Длуский, узнав о получении лавровских замечаний в Варшаве, просил Лаврова прислать их и Ст. Мендельсону — главе польских эмигрантов-интернационалистов⁴⁴. Здесь же Длуский сообщал, что ведется работа над новой редакцией программы.

В «Варшавской» программе, отобранной жандармами у рабочего Сидорека в апреле 1879 г., имеется пункт об «организации народных сил»⁴⁵, который содержался и во «впередовской» программе⁴⁶. Между тем в найденном нами варианте «Варшавской» программы, являющемся более ранним списком, это требование отсутствует. Пункт об «организации народных сил» перешел и в «Брюссельскую» программу⁴⁷.

Лавровский орган «Вперед» оказал большую услугу нарождающемуся польскому рабочему движению публикацией высказываний К. Маркса по польскому вопросу. Касаясь отношения германской социал-демократии к судьбам польских трудящихся на захваченной Пруссией Познаньщине, Маркс указывал: «...она знает, что польский крестьянин, работник и каждый поляк, не ослепленный эгоистическим интересом, должен понимать, что Польша в Европе имеет и может иметь только одного сторонника — именно рабочий класс»⁴⁸. Отголосок этой мысли заметен в «Варшавской» и позднее в «Брюссельской» программах: «активное участие в борьбе со старой формой общества это обязанность каждого поляка, ставящего судьбу миллионов люда превыше интересов шляхетско-капиталистической горстки нашей нации»⁴⁹.

Разрабатывая «Проект программы русских социалистов-пропагандистов», Лавров и его друзья предусматривали возможность «...вступить в тесные или дружественные союзы, смотря по условиям деятельности, с группами

⁴⁴ ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 4, д. 163, л. 2, 4.

⁴⁵ И. В. Волковичер. Указ. соч., стр. 51.

⁴⁶ «Вперед», 31 (19) декабря 1876 г.

⁴⁷ «Wielki Proletariat...», str. 34. По свидетельству П. Л. Лаврова, лозунг «организации народных сил» восходит к М. А. Бакунину (П. Л. Лавров. Народники-пропагандисты. Женева, 1896, стр. 146). Этот лозунг был выдвинут М. А. Бакуниным в программе Славянской секции Юрской федерации (1872) (М. А. Бакунин. Избр. соч., т. III. Пг.—М., 1920, стр. 70).

⁴⁸ «Вперед», 15 (3) февраля 1875 г.

⁴⁹ ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 4, д. 47, л. 43.

социалистов-революционеров русской или иной национальности»⁵⁰. С этой точки зрения большой интерес представляет посланный Лавровым вместе с замечаниями на «Варшавскую» программу «Проект устава дружественной федерации между русским кружком социалистов-пропагандистов в Париже и польской федерацией социально-революционной пропаганды в Варшаве», составленный им по просьбе польских товарищей⁵¹. Черновик этого документа сохранился в материалах фонда Лаврова (полный текст см. в приложении к статье).

В «Биографических данных» (фактически — автобиографии Лаврова, написанной в третьем лице) Лавров, вспоминая о деятельности кружка «социалистов-пропагандистов», отмечает, что в 1878—1879 гг. «относится выработка небольшим кружком, образовавшимся около Л., того плана тайной организации социально-революционных сил, о котором упомянула «Walka Klas» (№ 9), но который остался без всяких последствий»⁵².

Заметим, что Лавров был прав только отчасти. Действительно, разветвленной международной организации по составленному им «Плану тайной организации социально-революционных сил» (1878 г.) создать не удалось, однако этот документ оказал определенное воздействие на польских революционеров.

Документ этот состоит из двух неравных частей. Первая, большая, часть представляет собой теоретическую разработку начал возможной тайной «Федерации для приготовления социальной революции»⁵³. Вторая, меньшая, часть — «Проект устава федерации для приготовления социальной революции»⁵⁴.

Первая часть, озаглавленная «Записка о необходимости тайной социально-революционной организации», открывается изложением «начал рабочего социализма». Под «рабочим социализмом» Лавров понимает политическое течение, впервые заявившее о себе «Манифестом Коммунистической партии» и лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»⁵⁵ Давая краткий очерк истории

⁵⁰ Там же, оп. 2, д. 93, л. 15.

⁵¹ Там же, оп. 4, д. 47, л. 22.

⁵² ЦГАЛИ СССР, ф. П. Л. Лаврова (285), оп. 1, д. 1, л. 4.

⁵³ ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 2, д. 134, л. 21—27.

⁵⁴ Там же, л. 48—49.

⁵⁵ Там же, л. 21.

пролетарского движения, Лавров отводит основное место значению I Интернационала, особо подчеркивая положение «Общего устава Международного товарищества рабочих», что освобождение рабочих — дело рук самих рабочих⁵⁶. Далее он говорит об известном изменении условий рабочего движения в последующий после I Интернационала период. Этот период он характеризует двумя моментами:

1. Еще более очевидной становится бесплодность всяких реформистских путей.

2. Правящие классы, напуганные ростом Интернационала и рабочего движения, усиливают наступление на права трудящихся, отходя от традиционного буржуазного либерализма начала XIX в.⁵⁷

Путь к осуществлению предначертаний Интернационала Лавров видит в революции, «в которой участвовало бы значительное число рабочего пролетариата»⁵⁸. Путем к революции должно служить создание тайной организации социалистов разных стран на основе принципов Интернационала. Он выдвигает требование принципиального единообразия борьбы при разнообразии местных условий. Единообразие борьбы заключается в том, что революционеры, отрицающие всякие легальные методы борьбы, должны путем пропаганды сплачивать вокруг себя лучшие силы рабочих (под рабочими он понимает трудящихся вообще, в том числе и русское крестьянство)⁵⁹, подготавливая их к будущей социальной революции⁶⁰. Выход из специфических местных трудностей борьбы Лавров видит в организации тайных пропагандистских групп на основе федерации. Федерация представляется ему наиболее удобной формой преодоления разногласий между социалистами разных стран и направлений⁶¹.

В этой небольшой теоретической работе отражены все сильные и слабые моменты его «рабочего социализма». С одной стороны, понимание необходимости создания революционной партии — авангарда трудящихся

⁵⁶ ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 2, д. 134, л. 22.

⁵⁷ Там же, л. 22—23.

⁵⁸ Там же, л. 23.

⁵⁹ Там же, л. 21.

⁶⁰ Там же, л. 22—23.

⁶¹ Там же, л. 23—24.

масс, меткая критика процессов, наметившихся в политической жизни Европы; с другой стороны, народнический скептицизм к «политике» и желание непременно примирить все фракции революционного движения.

Вторая часть работы Лаврова⁶² представляет собой конкретную разработку основных принципов первой части. Не останавливаясь на ее содержании, мы отметим лишь два момента: первое — цели будущего переворота дословно заимствованы из программы «впередовцев» («Общность имущества. Всеобщий коллективный труд для всеобщего развития. Солидарность всех рабочих. Свободная федерация как тип всякого общежития»)⁶³; второе — за основу деятельности предлагается принять принципы «Международного товарищества рабочих»⁶⁴.

Необходимость пропаганды среди польского народа принципов I Интернационала была отмечена К. Марксом еще на лондонском митинге 23 января 1875 г.⁶⁵ Лавров — горячий приверженец дружбы революционеров разных стран — по мере сил пытался провести его в жизнь. И это требование Маркса не было, вероятно, оставлено без внимания польскими революционерами; в «Брюссельскую» программу, появившуюся год спустя после «Варшавской», была включена вводная часть «Общего устава Международного товарищества рабочих» в вольном переводе на польский язык⁶⁶.

Разыскания польской исследовательницы В. Найдус в Центральном государственном историческом архиве УССР во Львове подтвердили это предположение. У Варыньского, работавшего осенью 1878 — зимой 1879 г. в Галиции, куда он перебрался в октябре 1878 г. из-за преследований царской полиции, австрийские власти конфисковали рукопись «Projekt federacji dla przygotowania socjalnej rewolucji»⁶⁷ («Проект федерации для приготовления социальной революции»). Как видим, при разработке руководящих документов для конкретных

⁶² Там же, л. 48—49.

⁶³ Ср. «Вперед», 31 (19) декабря 1876 г.; ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 2, д. 134, л. 48.

⁶⁴ ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 2, д. 134, л. 48.

⁶⁵ «Вперед», 15 (3) февраля 1875 г.

⁶⁶ «Wielki Proletariat...», str. 34—35.

⁶⁷ Czasop. «Z pola walki», 1960, № 1 (9), str. 9.

польских условий осталась неизменной лавровская формулировка: «подготовка социальной революции».

Знакомство с этим документом показало, что он является вольным переводом на польский язык второй части лавровского «Плана» — «Проекта устава федерации для подготовки социальной революции»⁶⁸.

Кроме «Программы федерации», галицийские власти конфисковали у Варыньского документ, озаглавленный «Celi polemiki»⁶⁹, который представляет собой не что иное, как программу, промежуточную между «Варшавской» и «Брюссельской». Не останавливаясь на подробном разборе и комментировании этого документа, заметим, что, несмотря на значительную близость его к «Варшавской» программе, в нем встречается ряд текстуальных особенностей, присущих будущей «Брюссельской» программе. Остановимся на двух положениях этого документа, резко отличающих его от обеих программ.

Авторы его, среди которых видное место, вероятно, занимал Варыньский, коренным образом пересмотрели то положение «Варшавской» программы, которое требует национального восстания против «правительства-захватчика»: «мы глубоко верим, что польский люд, поднявшись во имя социальной революции и против своих эксплуататоров, проявит непобедимую силу и непреодолимую энергию. Падут правительства-захватчики, которые надели свое ярмо на польский народ»⁷⁰. Таким образом, интернационалист Варыньский оказался здесь верен себе — не упуская из виду целей национального освобождения польского народа, он выводит их из социальной революции.

Фактически сведено на нет и требование «полной самостоятельности национальных социалистических партий», фигурирующее в «Варшавской» программе⁷¹. Авторы львовского документа считают интернациональную солидарность социалистов основой движения: «Признавая полное достижение наших целей в Польше возможным только при интернациональной солидарности стрем-

⁶⁸ Ср. ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 2, д. 134, л. 48—49; ЦГИА УССР в г. Львове, ф. Дирекции полиции г. Львова (146), оп. 4, д. 3716, л. 35—42.

⁶⁹ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 146, оп. 4, д. 3716, л. 33—34.

⁷⁰ Там же, л. 33.

⁷¹ ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 4, д. 47, л. 44.

лений и усилий социалистов, мы требуем федеративных союзов [с] социалистами соседних национальностей — немецкой, литовской, белорусской, украинской, русс[кой] и вообще других славянских национальностей»⁷².

Забегая на несколько лет вперед, скажем, что в середине 80-х годов, в период разгрома партии «Пролетариат» и временного упадка движения, польские социалисты, как об этом писал сам Лавров в «Биографических данных» (стр. 15), вновь возвращаются к предложенному в свое время Лавровым «Плану тайной организации социально-революционных сил». Вот что писал Мендельсон на страницах заграничного партийного органа «Walka Klas»:

«Наше убеждение таково, что нынешние печальные отношения внутри лагеря социалистов перестанут существовать, если авторитарные социалисты⁷³ приступят к созданию революционной организации. Облегчить эту работу может опять-таки новый интернациональный союз энергичнейших элементов, тайный союз, который сумел бы поставить дело приближающегося переворота превыше локальных интересов парламентарной или анархической деятельности. Нам представляется, что такой союз является важнейшей задачей революционного лагеря. С истинным удовлетворением должны мы заметить, что еще несколько лет назад уважаемый гражданин Лавров подал эту мысль, которая, к сожалению, тогда не осуществилась. Но то, что еще вчера осталось без внимания лагеря социалистов, завтра может быть поставлено на повестку дня. Мы не остановимся перед заявлением, что среди польских социалистов эта мысль гражданина Лаврова найдет сегодня горячих приверженцев... Упомянутый проект тайного интернационального союза датируется 1878—1879 гг. Добавим также, что характер проекта товарищества был чисто федералистический»⁷⁴. В черновике неопубликованного ответа на статью Мендельсона Лавров пишет, что предполагавшаяся федеративная организация, по его мысли, объединив «социалистов-революционеров всех стран», должна была

⁷² ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 146, оп. 4, д. 3716, л. 34.

⁷³ Мендельсон имеет в виду социал-демократические организации и русских народовольцев в противоположность анархистам.

⁷⁴ «Walka Klas», Styczeń, 1885, № 9, str. 14.

продолжить «дело только что распавшегося Интернационала»⁷⁵. Здесь же Лавров вспоминает и о том, что документ переводился на немецкий и французский языки и в его обсуждении принимали участие «представители... разных наций»⁷⁶.

«Варшавская» программа («программа-родитель») так и не увидела света. Составленная на ее основе «Брюссельская» программа, отпечатанная в то время, когда Варыньский, Узембло и другие томились под следствием в краковской тюрьме, имела ряд существенных отличий от своего «родителя», на которых мы и остановимся.

В ней уже не было пункта, объявляющего социально-революционные принципы средством вовлечения масс в борьбу с «правительством-захватчиком». Она не содержала термина «рабочий социализм» и расплывчатого требования искать доверия в народе. Исключен был пункт о признании самостоятельности «национальных социалистических партий русинов (т. е. украинцев.— *Е. Ж., Е. Р.*), белорусов и литвинов»⁷⁷; его заменило указание о необходимости перенесения на польскую почву принципов социализма, «...основы которого за последнее время сознательно приняты рабочими Европы и Америки»⁷⁸. В «Брюссельскую» программу было введено требование «организации народных масс»⁷⁹ и включен фрагмент из Общего устава I Интернационала.

Все это наводит на мысль о том, что в обстановке напряженной борьбы двух фракций в тогдашних польских рабочих кружках — «интернациональных» и «национальных» социалистов — влияние Лаврова оказало поддержку интернационалистам. Действительно, мысли Лаврова о принципиальной близости позиции рабочих партий в разных странах, его верность делу интернациональной солидарности революционеров и в теории, и на практике не могли оказать иного влияния на польских революционеров.

Давая оценку «Брюссельской» программе, трудно согласиться с историками, утверждающими, что она была

⁷⁵ ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 2, д. 145, л. 2.

⁷⁶ Там же, л. 2—3.

⁷⁷ Там же, оп. 4, д. 47, л. 44.

⁷⁸ «Wielki Proletariat...», str. 33.

⁷⁹ Там же, стр. 34.

создана «людьми, идейно связанными с марксизмом»⁸⁰. Речь идет еще не об идейной связи с марксизмом, а скорее о тяге к марксизму, давшей свои плоды несколько лет спустя, когда марксизм стал доминирующим элементом в идеологии партии «Пролетариат».

* * *

Репрессии против социалистов 1878—1880 гг. в Польше вынудили эмигрировать почти всех оставшихся активистов. Центром движения временно стала женевская колония польских социалистов, представленная Ш. Дикштейном, К. Длуским, М. Янковской и др. В 1880 г. к ним присоединился Л. Варыньский с группой товарищей, оправданный краковским судом, но высланный из пределов Австро-Венгерской империи. Небольшая группа интернационалистов готовила издание первого в истории Польши социалистического журнала «Równość». Его номер вышел в октябре 1879 г. вместе с кратким резюме на французском языке «Bulletin du journal Równość» с целью ознакомления «в общих чертах социалистов других стран с начинающимся у нас движением»⁸¹, — писал Длуский Лаврову. В нем, как уже отмечено, была опубликована «Брюссельская» программа. За несколько дней до выхода в свет первого номера журнала Лавров получил два экземпляра программы от Длуского⁸². Выход в свет «Równości» знаменует собой новый этап в истории польского рабочего класса, в истории польской общественной мысли. Создание «Równości», из которой впоследствии вышли журналы «Przedświt» и «Walka Klas», позволило интернационалистам обрести общепольскую печатную трибуну, что явилось решающим фактором подготовки идеологической платформы партии «Пролетариат», основанной в 1882 г. Появление первого номера журнала было как бы ответом на пророческие слова русского революционера В. Н. Смирнова, произнесенные им на лондонском митинге, посвященном 12-й годовщине январского восстания 1863 г., где присутствовали поляки

⁸⁰ K. Grünberg, Cz. Kozłowski. Historia polskiego ruchu robotniczego 1864—1918. Warszawa, 1962, str. 51.

⁸¹ ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 4, д. 163, л. 7.

⁸² Там же, л. 6.

(В. Врублевский и Я. Крыньский), немцы (К. Маркс и Ф. Энгельс), серб (Петрович), русские (П. Лавров и Л. Гольденберг), чехи (Ауманн и Ружичка), французы (участники Парижской Коммуны Ш. Лонге, П. Лиссагаре и П. Вишар)⁸³. Смирнов говорил: «К счастью, есть могущественнейшее средство, которое может не только сократить продолжительность подготовительной работы, но и облегчить и усилить ее. Это — печатное слово... Спешите создать свою социально-революционную газету, газету, исключительно посвященную делу спасения польского рабочего народа социалистической проповедью.

Говорите народу..., что врут публицисты, [уверяя], что в Польше нет социального вопроса, что все несчастья зависят только от политического рабства. Создайте такую газету, сформируйте этот батальон агитаторов, разошлите его по всем сторонам, и немного времени пройдет, как вы увидите, что этот батальон создал, вызвал к жизни целые полки уже не бумажных, а настоящих солдат революции. Товарищи! Насколько мы сильно желаем появления польской социалистической газеты, настолько твердо мы убеждены, что она займет почетное место в рядах международной революционной прессы, что из среды польских социалистов быстро выдвинутся такие же талантливые и отважные борцы на этой почве, каких выдвигал из себя польский народ каждый раз, когда шло дело о защите с оружием в руках свободы народных масс; что польские социалистические батальоны бумажных агитаторов будут иметь своих Врублевских и Домбровских»⁸⁴.

Лавров в статье «Письма из Парижа», предназначавшейся для пересылки в Россию и дававшей сведения о развитии социалистического движения в Европе, приветствовал появление первых номеров журнала «Równość» и его бюллетеня на французском языке.

«Прежде всего, конечно, скажу несколько слов о родственном нам польском социалистическом движении, имеющем столь тесные связи с нашим русским движением. Ограничусь несколькими словами потому, что я уверен, что польские социалисты находятся в прямой связи с вами и доставляют вам непосредственно свои издания...

⁸³ «Вперед», 15 февраля — 1 марта 1875 г.

⁸⁴ ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 2, д. 112, л. 12—14.

Да, вот единственная почва истинного братства между поляками и русскими, почва на которой исчезают все старые политические традиции хищничества, национального преобладания, государственной гегемонии, почва социалистических принципов и социальной борьбы против всемирных врагов рабочего»⁸⁵.

29 ноября 1880 г. в зале одной из женевских пивных состоялся знаменитый митинг, организованный редакцией журнала «Równość» в честь 50-летней годовщины национального восстания 1830—1831 гг. На митинг собралось более 500 человек. За несколько дней до начала митинга секретарь редакции «Równości» Мендельсон прислал Лаврову и русским революционным эмигрантам в Париже приглашения на этот митинг. По замыслу организаторов митинг был направлен против националистических традиций в польском освободительном движении: «мы желаем ему придать чисто социалистической характер...», — писал Мендельсон⁸⁶. На митинг поступили приветствия от польских, бельгийских, итальянских, немецких, русских, фламандских, французских и швейцарских революционеров. В числе приветствовавших митинг были Маркс и Энгельс⁸⁷. На митинге выступали с речами Длуский, Дикштейн, Мендельсон, Засулич, Кропоткин, Варыньский и др.

В архиве Лаврова сохранились черновики приветствия в адрес митинга от Лаврова, Плеханова, Черкезова и других русских революционеров. В этом коллективном послании, составленном на французском языке, русские революционеры, поздравляя своих польских товарищей, писали, что благодаря социализму пора межнациональных распрей «отошла в прошлое» и что «трудящиеся-социалисты всех стран солидарны в великой нынешней борьбе, которая должна привести к социальной революции»⁸⁸.

⁸⁵ Там же, д. 135, л. 13.

⁸⁶ Там же, оп. 4, д. 303, л. 3.

⁸⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 247—249.

⁸⁸ ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 2, д. 137, л. 21, 22. В польском переводе этот документ опубликован в «Сборнике материалов митинга», выпущенном редакцией «Równości»: «Sprawozdanie z miedzynarodowego zebrania zwołanego w 50-letnia rocznice Listopadowego powstania przez redakcje «Równości» w Genewie. Genewa, 1881, str. 25.

Кроме этого коллективного послания, сохранился черновик индивидуального приветствия Лаврова⁸⁹; наиболее интересно в нем то место, где Лавров тепло вспоминает о встрече с В. Врублевским — повстанцем 1863 г. и генералом Парижской Коммуны (не называя однако его имени). Возникает вопрос, почему Лавров не упомянул имени прославленного генерала, который одним из первых среди повстанческой эмиграции связал свою деятельность с революционным движением западноевропейского пролетариата. По всей вероятности, это было следствием присущей Лаврову тактичности: Врублевский в этот период был близок к «национальному» крылу польских социалистов — противников «Równości»⁹⁰.

В ответ на приветствие парижской колонии русских революционеров организаторы митинга направили адрес Лаврова:

«Товарищи!

Редакция «Równości» присылает вам слова братской солидарности в ответ на дружеский привет, с которым вы встретили митинг 29 ноября, выражающий собой подтверждение полного разрыва нашего с тенденциями старой Польши, уступившим место идее международного социализма.

Мы — поляки социалисты-революционеры — подаем вам, русским, руку не для временных союзов, а для того, чтобы сомкнутыми рядами под знаменем «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» идти вперед и неуклончиво к великой цели: освобождения труда от международной эксплуатации капитала»⁹¹.

В последующий период, период становления и деятельности партии «Пролетариат», Лавров, верный своим интернационалистическим убеждениям, не прекратил дружественных связей с революционерами Польши.

⁸⁹ ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 2, д. 112, л. 1.

⁹⁰ В польском переводе письмо Лаврова опубликовано в «Сборнике материалов митинга», выпущенном редакцией «Równości» (стр. 20—22). Письмо снабжено следующим примечанием редакции: «гражданин Валерий Врублевский, активный партизан в 63 году, позднее генерал Коммуны, вынужденный отступить перед версальской картечью, сейчас — изгнанник из Польши и Франции, один из самых боевых защитников нашего дела».

⁹¹ ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 4, д. 303, л. 5, 9.

ПРИЛОЖЕНИЕ

«ВАРШАВСКАЯ» ПРОГРАММА ПОЛЬСКИХ СОЦИАЛИСТОВ

[Варшава, сентябрь 1878 г.]

В современных обществах почти все экономические, социальные и политические учреждения находятся в руках незначительного меньшинства: эти учреждения, несмотря на то, что они являются выражением общих потребностей и следствием совместной в течение веков жизни членов общества, в силу установленных прав капитала на результаты оплачиваемого им труда, используются им постоянно и корыстно.

Такое отношение меньшинства, обладающего капиталом, к большинству, отдающему труд, выразилось в конечном счете в институте найма, т. е. в придании труду характера товара.

Сведение рабочего до уровня (*do zpaczenia*) товара является новой формой неволи и эксплуатации, когда рабочий, продающий свой труд по общим законам обмена, ни коим образом не может влиять на условия обмена: он отдает капиталисту стоимость своего труда, получая взамен его рыночную цену, зависящую единственно от количества рабочих рук и затрат на удовлетворение неизбежных потребностей жизни.

Далее, сообразно с принципом найма, сложились все прочие общественные и государственные учреждения, а капитал, имея мощное и всестороннее влияние, оказывает его даже на духовные проявления общественной жизни — на нравственность и науку — при помощи установленной им экономической свободы личности как важнейшей основы прогресса. В практической жизни основа эта стала выражением борьбы всех против всех, борьбы, где побеждает обладатель более сильных материальных средств (*silniejszy w srodki materialne*).

Существующий капиталистический общественный строй враждебен интересам трудящегося класса, поставленного в унижительное положение наемника и лишенного средств и орудий независимого труда, т. е. лишенного капитала.

Такое положение вещей вызвало [к жизни] во всех цивилизованных обществах усилия трудящегося класса, направленные на использование общественных учреждений на благо всех без исключения членов общества.

Последним выражением этих усилий является современный рабочий социализм, стремящийся к коренному изменению существующих общественных отношений на благо труда, т. е. к социальной революции.

И в нашем обществе развитие условий жизни привело нас к убеждению, что торжество принципов социализма является необходимым условием благополучного будущего польского люда, что активное участие в борьбе со старой формой общества — это обязанность каждого поляка, ставящего судьбу миллионов люда превыше интересов шляхетско-капиталистической горстки нашей нации.

Мы также глубоко верим, что польский люд, приведенный в движение во имя социально-революционных принципов, проявит непо-

бедимую силу и непреодолимую энергию в борьбе с правительством-захватчиком, которое связало экономическую эксплуатацию с неслыханным национальным гнетом.

Исповедуемые нами принципы следующие.

1. Общество обеспечивает каждой личности возможное для нее развитие [ее] естественных сил.

2. Наем должен быть заменен обобщественным трудом в производительных союзах и сельскохозяйственных общинах.

3. Средства и орудия производства должны перейти из рук отдельных лиц в совместную собственность трудящихся.

4. Каждая личность имеет право пользоваться результатами обобщественного труда в таком порядке, как его независимо определяет каждый союз трудящихся.

5. Полное общественное равенство всех граждан независимо от пола и расы.

6. Политическая и национальная свобода гарантируется федерацией производительных групп польского народа (*ludu*) в национальных границах.

7. Претворение в жизнь перечисленных выше принципов является делом всех трудящихся без различия отрасли труда и национальности, ибо социальная революция должна быть всеобщей и интернациональной.

8. Осуществление этих принципов может быть совершено лишь самим народом под моральным предводительством народной (*ludowej*) партии, сознающей его права и интересы.

9. Признавая солидарность всех народов (*ludów*) в деле социальной революции, мы стремимся к полной самостоятельности национальных социалистических партий русинов, белорусов и литвинов.

10. Нравственной основой нашей деятельности является моральное соответствие средств деятельности с намеченной целью.

11. Главными средствами, ведущими к росту нашей партии, считаем:

а) устную и книжную пропаганду основ социализма;

б) агитацию, т. е. протесты, демонстрации и активную борьбу в духе своих принципов;

в) поиски влияния и доверия в народе (*u ludu*) через активное участие даже в тех проявлениях его жизни, мотивы и цели которых не охватываются социалистическими устремлениями, лишь бы они им не противоречили.

12. Ввиду уже испытанной безрезультатности легальных путей (производительные ассоциации, ссудные товарищества, кассы сбережений и т. д.) мы считаем неизбежной кровавую социальную революцию.

Перевод с польского

*ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 4, д. 47,
л. 42—44 об. (Автограф Ю. Узембло)*

В русском переводе второй части программы (там же, л. 46—46 об.) П. Л. Лавровым отмечены красными крестиками пункты 4, 6, 10 и 11-с.

ПРОЕКТ

Устав дружественной федерации между русским кружком социалистов-пропагандистов в Париже и польской федерацией социально-революционной пропаганды в Варшаве [конец 1878 г.]

1. Так как программа и организация местной польской федерации социально-революционной пропаганды в Варшаве в своих общих основаниях совпадают с программой и уставом русского кружка социалистов-пропагандистов в Париже, то обе эти группы считают полезным для общего дела вступить в федеральный союз на началах полной равноправности.

2. Так как круг действия варшавской местной федерации и русского кружка в Париже остаются неизбежно различными *, а также специальные средства действия на разных почвах будут столь же неизбежно различные, то в настоящую минуту между варшавской федерацией и русским парижским кружком устанавливается дружественная федерация, причем каждая группа выполняет совершенно самостоятельно и независимо свои социалистические цели.

3. Тем самым обе федерирующиеся группы обязываются:

а) сообщать друг другу все нужные сведения;

б) оказывать содействие членам другой группы или лицам, ею рекомендованным, при условиях, когда первые могут оказать это содействие;

в) способствовать тому, чтобы другие группы русских социалистов-пропагандистов и польской социально-революционной пропаганды (если таковые организуются) примкнули к этой же дружественной федерации.

4. В данном случае, так как польская федерация имеет в виду издавать периодические и непериодические публикации ** в духе общей обеим группам программы, то русский кружок обязуется доставлять данные о русском движении, а также другие статьи, если таковые будут нужны и если члены кружка будут иметь возможность доставлять их.

5. Для сношений между группами избираются с той и с другой стороны секретари внешних сношений. Они же дают рекомендации личностям, которые нуждаются в содействии дружественной группы.

6. Сношения устанавливаются немедленно между секретарями внешних сношений. В случае нужды в личных переговорах будут посланы уполномоченные, снабженные рекомендацией секретарей или условными знаками.

*ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 2, д. 397,
л. 87—87 об. Черновик. Автограф П. Л. Лаврова.*

* Так в тексте.

** Зачеркнуто слово «издания».

В. П. Крикунов

«РАБОЧИЙ СОЮЗ» В ТИФЛИСЕ (1887—1888 гг.)

В 1938 г. в сборнике «Глеб Успенский. Материалы и исследования» было впервые опубликовано письмо от 15 рабочих Тифлиса к Г. И. Успенскому, отправленное 3 октября 1887 г. и написанное по случаю 25-летия литературной деятельности писателя. От имени «обездоленных, закабаленных в нужду и неволю людей» они пожелали ему сил и счастья, процветания его симпатичного, светлого таланта¹. Кто же были эти рабочие, посвятившие теплые строки любимому писателю? До сих пор ничего определенного в литературе по этому поводу не говорилось.

Наши поиски привели к обнаружению рабочего кружка в Тифлисе, именовавшего себя «Рабочим союзом» и действовавшего с мая 1887 до июля 1888 г. Власти узнали об этом кружке тогда, когда почти все его участники разъехались из Тифлиса по другим городам. Никто из членов кружка на допросах не обмолвился ни словом о составлении адреса Г. И. Успенскому. Тем не менее, кроме совпадения дат существования кружка и отправки адреса писателю, имеются и некоторые косвенные данные, наводящие на мысль, что письмо могло выйти из этого «Рабочего союза», история которого и сама по себе представляет большой интерес.

* * *

К середине 80-х годов XIX в. через Тифлис прошла главная магистраль Закавказской железной дороги, начали действовать крупные промышленные предприятия.

¹ Г. Успенский. Материалы и исследования, т. I. М.—Л., 1938, стр. 366—370. Письмо 15 тифлисских рабочих было позже перепечатано в документальном сборнике «Рабочее движение в России в XIX веке», т. III, ч. I. М., 1952.

Сюда из других промышленных районов страны стали прибывать значительные группы рабочих. Среди них было много выходцев из Ростова-на-Дону, Таганрога и других городов². Переход многих рабочих из города в город, в том числе и из Ростова-на-Дону в Тифлис, зачастую был связан с желанием скрыться от преследования властей, а иногда являлся результатом сознательного стремления к развитию революционной работы на новых местах³. «Говоря о рабочих,— писал начальник Тифлисского губернского жандармского управления в одном из донесений (20 июля 1883 г.),— я считаю уместным здесь доложить, что в Тифлисе масса рабочих из внутренних губерний империи, большая часть из них развита, и они жадно следят за политическими настроениями в империи»⁴.

Зарождение тифлисского кружка рабочих, который они сами называли «Рабочим союзом»⁵, связано с появлением в Тифлисе в апреле 1887 г. ростовских рабочих Ф. Гузенко и П. Шафранова.

Переезд этих рабочих в Тифлис был вызван событиями в Ростове-на-Дону и Екатеринодаре. В 1887 г. в Екатеринодаре была обнаружена жандармскими властями «социалистическая слесарная мастерская», организованная рабочими и представлявшая собой опорный пункт для революционной пропаганды. В ней хранилась подпольная литература, среди которой были издания на-

² В частности, о том, «что часть ростовцев перешла в Тифлиские железнодорожные мастерские» в середине 80-х годов XIX в., писал Т. М. Романченко в своих воспоминаниях «Рабочая организация в Ростове в 1885—1887 гг.» («Народовольцы после 1 марта 1881 г.», М., 1928, стр. 130). Только в мастерских Закавказской железной дороги к началу 1887 г. было «сосредоточено более тысячи человек мастеровых, по большей части русских, побывавших в Ростове-на-Дону, в Одессе, Севастополе и других многолюдных пунктах», где существовали «обширные мастерские» («Стачки 1881—1895. Сборник документов». М., 1930, стр. 48).

³ См. об этом, например, воспоминания П. К. Пешекерова («Народовольцы после 1 марта 1881 г.», стр. 122).

⁴ ЦГИА Груз. ССР, ф. Тифлисского губернского жандармского управления (153), оп. 2, 1883 г., д. 71, л. 8.

⁵ Тот факт, что это кружок назывался «Рабочим союзом», подтверждается тем, что программа, написанная членом кружка Гузенко, именовалась: «Программа Рабочего союза» (ЦГИА, Груз. ССР, ф. Канцелярия главноначальствующего гражданской частью на Кавказе (39с/12), стол 3, 1889 г., д. 384, л. 13).

родовольческого и марксистского направления⁶. В ночь на 26 марта 1887 г. в мастерской был произведен обыск, начались аресты. Установив, что «социалистическая слесарная мастерская» в Екатеринодаре непосредственно связана с рабочим кружком в Ростове-на-Дону, начальник Кубанского областного жандармского управления отдал распоряжение об аресте видного рабочего-революционера Г. Г. Рудометова⁷.

Рудометов вместе со своими товарищами по революционному подполью также работал в Ростове-на-Дону в специально открытой ими слесарной мастерской. В документах Департамента полиции значилось, что эту слесарную мастерскую имел Д. Лапкин вместе с Ф. Гузенко⁸ еще в 1886 г. Обращает на себя внимание тот факт, что в составе мастерской были только рабочие, участвовавшие в революционном движении: Шафранов, Жуков, Рудометов, Белецкий, Гузенко и Лапкин. Они поддерживали связь с рабочими других мастерских, также известных Департаменту полиции по своему участию в освободительном движении. Это были: Комионко, Громов, Райх, братья Фокины и др.⁹

Когда, после провала «социалистической мастерской» в Екатеринодаре, начались аресты, рабочие прекратили свое дело и в Ростове-на-Дону, заявив, что их мастерская закрыта будто бы «вследствие пьянства и ссор между собою хозяев и рабочих». На самом деле они сумели своевременно замести следы своей подпольной работы и скрыться.

Версия, выставленная рабочими, вполне устраивала жандармские власти в Ростове-на-Дону. В донесении от 30 апреля 1887 г. помощник начальника Екатеринославского губернского жандармского управления в Ростовском уезде ограничился лишь неопределенным сообщением о том, что Лапкин, по слухам, утонул, Белецкий отбывает воинскую повинность, Н. Фокин и Жуков живут

⁶ О «социалистической слесарной мастерской» в Екатеринодаре см.: «Научные доклады высшей школы. Исторические науки», 1961, № 4, стр. 53—66.

⁷ ЦГАОР СССР, ф. Департамента полиции (102), 3-е дел-во, 1887 г., д. 259, л. 5.

⁸ По Ростову-на-Дону Гузенко значился в документах как Гузенко.

⁹ ЦГАОР СССР, ф. 102, 3-е дел-во, 1887 г., д. 259, л. 5.

в Ростове-на-Дону без определенных занятий, Л. Фокин находится под стражей в Симферополе, Гузенко проживает в Тифлисе, а о Шафранове сведений не имеется¹⁰.

После «успокоительных» донесений из Ростова-на-Дону Департамент полиции не считал необходимым настояжить местные власти в отношении пребывания Гузенко в Тифлисе и подвергнуть его какому-либо надзору. Как и в Ростове-на-Дону, его подпольная революционная работа в Тифлисе (с апреля 1887 г. и по июль 1888 г.) не была известна жандармскому управлению. И лишь в июле 1888 г., когда Гузенко уже выбыл из Тифлиса в Батум, его (в связи с поступившим доносом от запасного унтер-офицера Дьячкова) начали разыскивать и выяснять характер его действий среди рабочих¹¹.

Что касается Шафранова, то о нем Департамент полиции долгое время вообще не располагал никакими сведениями. И только из-за предательского доноса Шафранов вновь подвергся обыску, и его деятельность была подробно расследована. Из этих расследований выяснилось, что Гузенко и Шафранов с первых же дней появления в Тифлисе в апреле 1887 г. стремились установить связи с местными надежными рабочими и организовать кружок. В беседах с рабочими Гузенко обращал их внимание на тяжкое, бедственное положение рабочих и высказывал мнение о том, что «рабочие все дураки и потому так плохо живут». На вопрос, как же помочь делу, Гузенко отвечал: «Нужно читать книги и перестать ходить в кабаки»¹².

Из показания Калоши выясняется, что он, Гузенко, Шафранов, Герасимов, Липецкий и др. принадлежали к одному кружку рабочих, организованному для саморазвития путем чтения книг. В дальнейшем каждый из членов этого кружка должен был в свою очередь организовать с той же целью кружки преимущественно среди рабочих.

Таким образом, предполагалось составить своеобразную федерацию кружков и этим расширить сферу деятельности среди рабочих, создать условия для вос-

¹⁰ Там же.

¹¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 39с/12, стол 3, 1889 г., д. 384, л. 4—5.

¹² Там же, ЦГИА СССР, ф. Министерства юстиции (1405), оп. 90, 1889 г., д. 10764, л. 13.

приятия ими революционных идей. Гузенко прямо указывал: «умственное развитие рабочим необходимо, чтобы подготовить их к открытому бунту»¹³.

Еще в мае 1887 г. Гузенко беседовал с Калоши о жизни рабочих, и с того времени Калоши стал получать от Гузенко книги для чтения. Первая книга, которую он читал, — «Рабочий вопрос в его современном значении», Э. Бехера¹⁴. Многого в ней он не понял и сообщил об этом Гузенко. Тогда тот предложил ему читать вместе. Чтения происходили на квартире Гузенко. На эти сходки собирались: мастерской литейного цеха Герасимов, слесари Черенков, Шафранов и др. Интерес к книге Э. Бехера не был случайным. В этой работе рассказывалось, каким путем рабочие в Западной Европе улучшают свое экономическое положение. Особенно усиленно рекомендовалось организовывать производительные ассоциации среди рабочих, добиваться того, чтобы прибыль от труда шла не заводчикам и фабрикантам, а самим рабочим. Идеи производительных ассоциаций нашли отклик в России в 60—70-х годах. Думается, что и указанные «социалистические мастерские» возникли не без влияния этих идей. Важно отметить, что в приложении к упомянутой книге Бехера был помещен устав I Интернационала, написанный К. Марксом. Это позволяло членам кружка знакомиться с деятельностью Международного товарищества рабочих.

Наиболее выдающаяся роль в кружке принадлежала Гузенко и Шафранову, которые разъясняли своим товарищам причины социального неравенства. Гузенко «несколько раз говорил речи по своему содержанию революционного характера, указывал на необходимость борьбы против капитала и власти и необходимость равенства между всеми сословиями и лицами, естественное право на это всеобщее равенство каждого человека»¹⁵.

Выясняя причины тяжелого положения рабочего класса, участники «Рабочего союза» настойчиво искали правильных путей освобождения пролетариата от

¹³ ЦГИА Груз. ССР, ф. 39с/12, стол 3, 1889 г., д. 384, л. 12—13.

¹⁴ Э. Бехер. Рабочий вопрос в его современном значении и средства к его разрешению. СПб., 1869.

¹⁵ ЦГИА Груз. ССР, ф. 39с/12, стол 3, 1889 г., д. 384, л. 18.

эксплуатации, много размышляли об опыте массовых выступлений, изучали не только историю революционной борьбы в России, но и рабочее движение в Германии, Франции и других странах¹⁶.

Рабочие переставали верить в незыблемость угнетавших их порядков. На своих сходках они отвергали террористические действия, которые, по их убеждению, не принося пользы, «уносили за собой лишние жертвы». Участники «Союза» во главе с Гузенко и Шафрановым стремились расширить свои связи с передовыми рабочими, образовать среди них кружки «и в других городах»¹⁷.

Таким образом, Гузенко и Шафранову удалось образовать прочное ядро рабочей подпольной организации, которая направляла свои усилия к вовлечению в борьбу широких масс трудящихся.

Гузенко предложил всем членам «Союза» вести пропаганду среди рабочих, давать им для чтения легальную литературу, а потом знакомить и с революционными изданиями, и если затем они окажутся людьми надежными (такими, которые не донесут начальству), то вводить их в организацию рабочих. Но предварительно необходимо было «заявить об этом Гузенко, познакомиться с ним намеченное лицо и получить его согласие...»¹⁸

«Рабочий союз», организованный в Тифлисе, имел программу, составленную Гузенко¹⁹. Строго говоря, это была не программа, а скупой перечень основных вопросов, которыми должны заниматься участники подпольной рабочей организации. Эти вопросы были написаны карандашом на полулисте почтовой бумаги и содержали следующие пункты: «1) Устройство групповых касс и их употребление. 2) Устройство центральной кассы и ее употребление. 3) Устройство в разных городах центральных групп и отношение их к главному рабочему центру. 4) Устройство рабочего центра и назначение членов центра. 5) Основание рабочей боевой дружины. 6) Отношение между собой членов союза. 7) Принятие

¹⁶ Там же, л. 12.

¹⁷ Там же, л. 13, 17.

¹⁸ Там же, л. 13.

¹⁹ Там же.

новых членов, их отношение вообще к союзу. 8) Сходки и групповые занятия»²⁰.

Приведенный перечень вопросов представляет собой план действия «Союза». Выясняется прежде всего структура рабочей организации. «Союз» состоит из «главного рабочего центра» и примыкавших к нему «центральных групп», расположенных в различных городах. Рабочая организация, таким образом, должна была объединить рабочих не одного Тифлиса, а ряда южных городов страны. В данном случае повторяется то, что было уже в практике передовых рабочих России в 70-х годах, когда члены «Южнороссийского союза рабочих» и «Северного союза русских рабочих» стремились объединить в одну организацию пролетариат многих городов Российской империи. Из плана деятельности «Союза» видно, что его участники были знакомы с уставными документами «Народной воли». Об этом свидетельствует то, что «Союз» должен был организовать «рабочую боевую дружину». Такая формулировка широко употреблялась у народолюбцев. О влиянии «Народной воли» говорят и другие источники.

При обыске у Гузенко были найдены его собственноручные заметки, сделанные, как он объяснял, из разных революционных изданий. Их пока не удалось обнаружить в архиве. Судя по сохранившимся выпискам, эти заметки начинались словами: «Не изменяя основным принципам программы партии „Народной воли“...» Но далее в них говорилось о необходимости выработать новую программу деятельности для развития революционных групп среди рабочих, так как за последние 4—5 лет в борьбе с царским правительством революционная интеллигенция ослабла, что вынудило партию перейти от наступательного положения к оборонительному²¹. В заметках содержался призыв к рабочим «стать на помощь тем, кто рекою проливает кровь, помогая рабочим», и «с новой силой ударить на врага»²².

Анализ программы «Рабочего союза», заметок Гузенко и Шафранова, показаний участников «Союза»

²⁰ ЦГИА Груз. ССР, ф. 39с/12, стол 3, 1889 г., д. 384, л. 5, 6; ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 90, 1889 г., д. 10764, л. 7.

²¹ Там же, л. 6, ф. 153, оп. 2, 1888 г., д. 93, л. 32; ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 90, 1889 г., д. 10764, л. 7.

²² ЦГИА Груз. ССР, ф. 39с/12, стол 3, 1889 г., д. 384, л. 6.

дает возможность установить, что члены этой рабочей организации стремились извлечь уроки из борьбы «Народной воли» против самодержавия. Они, с одной стороны, признавали задачи политической борьбы, с другой — отрицали необходимость террора.

Особенно ясно выражены задачи политической борьбы в выступлениях Гузенко. Он, как видно из следственных показаний, «объяснял, что при конституционном образе правления все дела решаются общей подачею голосов и что большинство голосов принадлежит рабочему классу; достигнуть же всего этого можно только тогда, когда явится много людей, заботящихся об умственном развитии рабочих»²³. Испытывая влияние «Народной воли», руководители «Рабочего союза» искали новые пути борьбы. Террористические убийства, практиковавшиеся «Народной волей», не принесли пользы²⁴. Осуждая индивидуальный террор, «Союз» ставил перед собой задачу: подготовить массу рабочих к революционным действиям путем социалистической пропаганды.

Передовые рабочие во главе с Гузенко и Шафрановым стремились, как уже говорилось, расширить связи с рабочими и образовать среди них такие же кружки «и в других городах»²⁵. Как видно из материалов следствия, Гузенко и Шафранов старались «завлечь в кружок возможно большее число новых членов», стремясь постоянно «отыскивать среди рабочих благонадежных людей»²⁶. Но действовали они не только в этом направлении. В беседах с военнослужащим Липецким «о значении солдата» Гузенко говорил, что солдат есть «слепое орудие в руках правительства», и предлагал «искать среди своих товарищей-солдат надежных людей и вводить их в кружок»²⁷.

Видную роль играл в кружке Н. Ермолаев — деятель рабочей группы «Народной воли». Имея опыт революционной пропаганды в рабочих кружках Петербурга,

²³ Там же, л. 13.

²⁴ Там же, л. 12, 13, 17, 18.

²⁵ Там же, л. 13, 17.

²⁶ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 521, 1889 г., д. 432, л. 117; ЦГИА Груз. ССР, ф. 39с/12, стол 3, 1889 г., л. 384, л. 12—13.

²⁷ ЦГИА Груз. ССР, ф. 39с/12, стол 3, 1889 г., л. 384, л. 12, 13, 15, 18 и др.

он, сблизившись с Гузенко, стал снабжать его революционными изданиями для распространения среди своих товарищей.

В летние вечера после работы и в воскресные дни Гузенко и Шафранов приглашали своих товарищей «на прогулку, на гору за полотно железной дороги», «в поле», где и происходили чтения запрещенных книг²⁸.

С особым интересом читалась и толковалась в кружке литература, которая касалась «преимущественно рабочего вопроса». Популярностью пользовалась гектографированная брошюра о положении рабочего класса в Германии, во Франции и других странах²⁹.

Гузенко с Шафрановым читали и объясняли на сходках упомянутую книгу Бехера, «Политическую экономию» Милля с примечаниями Чернышевского³⁰, сочинения Лассалья по рабочему вопросу, революционную газету «Самоуправление». По рукам ходили «Листок „Народной воли“», известная «Сказка о четырех братьях» и другие популярные в ту пору нелегальные издания³¹.

Большое внимание уделялось на сходках чтению демократической литературы. В следственных материалах неоднократно упоминается журнал «Отечественные записки», который познакомил участников «Рабочего союза» с произведениями Некрасова, Успенского, Щедрина и других демократических писателей той эпохи.

Среди его участников большой популярностью пользовались революционные стихотворения, ходившие в рукописях. В одном из них, очевидно, относящемся к событиям 1 марта 1881 г., говорилось:

«О, страшный день! Да, день ужасный для России.
Не потому, что умер царь, а потому, что гибнут силы —
Для русской жизни лучший дар.
Те силы, что создать сумели б...»³²

Гузенко сам увлекался литературным творчеством, писал стихи, в которых говорилось о том, что «работ-

²⁸ ЦГИА Груз. ССР, ф. 39с/12, стол 3, 1889 г., д. 384, л. 15.

²⁹ Там же, л. 8, 12, 15.

³⁰ Там же, л. 12; ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 90, 1889 г., д. 10764, л. 14.

³¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 39с/12, стол 3, 1889 г., д. 384, л. 8, 12, 21, 22 и др.

³² На этом стихотворение обрывается (там же, л. 6, 7, 12).

ник, пока молод, должен работать, а когда придет старость, то умрет где-нибудь под забором»³³.

Интересно, что современники отмечали широкие интересы передовых рабочих России. Известный революционер, друг К. Маркса, Г. А. Лопатин, познакомившийся в 80-х годах XIX в. с передовыми рабочими Ростова-на-Дону, был поражен их «начитанностью и широтой мысли». Передавая В. С. Панкратову свои впечатления о них, он говорил: «я прямо восхищался их развитостью и широтой взглядов. Не преувеличивая, могу сказать, что даже за границей не встречал таких рабочих... Удивляюсь,— продолжал он,— как они, работая на заводах с утра до вечера, могли столько прочесть и русской, и иностранной литературы — не только беллетристики, но и научных книг?» Лопатин, по словам Панкратова, не раз повторял такие отзывы о рабочих и негодовал на самодержавие, которое «тупо и беспощадно уничтожало народные таланты»³⁴.

Из рассказов Панкратова о революционной работе среди ростовских рабочих известно, что они устраивали совместные чтения в обеденный перерыв. Читали стихотворения Некрасова, очерки и рассказы Успенского³⁵. Один из единомышленников и друзей Гузенко и Шафранова по Ростову-на-Дону Т. М. Романченко проявлял склонность к литературному творчеству. В 1888 г., находясь в тюрьме, он написал рассказ «Ночь под новый год». По свидетельству Рудометова, «на всех товарищей этот рассказ по своей художественности и красоте произвел большое впечатление». В. Г. Короленко, которому рассказ был послан из тюрьмы, считал, что «автор, несомненно, даровит», и советовал ему продолжать писать³⁶.

Глубокий интерес будущих членов «Союза» к передовой русской литературе подтверждает возможность появления адреса Успенскому именно из их среды. Все основные мысли и положения адреса были близки участникам кружка.

³³ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 90, 1889 г., д. 10764, л. 13.

³⁴ В. С. Панкратов. Воспоминания. Как приходилось работать среди рабочих в 1880—1884 гг. М., 1923, стр. 110—111.

³⁵ Там же, стр. 72.

³⁶ А. Геденовский. Т. М. Романченко.— «Каторга и ссылка», 1927, № 8, стр. 209.

В адресе Успенскому рабочие с грустью отмечали: «многие из нас не знают грамоты», но в то же время они подчеркивали, что и в их среде уже «стало больше грамотных, чем прежде, и больше понимающих пользу грамотности». Они выражали протест против унижения рабочих и презрительного отношения к ним. «Пора перестать говорить, что мы не нуждаемся в образовании и не нуждаемся в дешевых, умных развлечениях в праздничные дни и что мы не любим читать хорошие, дельные книги и газеты...», — писали они ³⁷.

С этим перекликаются высказывания участников «Рабочего союза» на допросах и их письменные заметки. Так, в «Рассуждении» по поводу закрытия доступа в гимназии и университеты людям простого сословия (написанном карандашом на одном листе бумаги), отобранном у Гузенко, содержался горячий протест против политики правительства в области образования. В «Рассуждении» проводилась мысль, что «правительством принимаются все возможные меры к тому, чтобы затормозить умственное развитие простого народа», указывалась польза литературных вечеров и чтения рабочими «более полезных книг» ³⁸. Читая вслух «Историю Рима», Гузенко проводил параллель с русской действительностью: в Риме, как у нас теперь, были образованными только богатые люди. Далее он указывал, что и «у нас теперь вышел приказ, запрещающий учиться простому народу» ³⁹.

В адресе тифлиских рабочих говорилось о появлении в России народных писателей, к их числу относили самого Успенского, а также Некрасова — певца «горя народного» ⁴⁰.

«В праздничные дни и по вечерам после работы, — писали рабочие Успенскому, — мы полюбили читать хорошие книги и часто читали ваши рассказы или другие хорошие книги; и вечер проходил незаметно, и довольные чтением расходились с волнением в душе, и забывалась на время тяжелая доля рабочего, жизнь на заводах и фабриках тяжелая, обидная, бесправная...» ⁴¹

³⁷ Г. Успенский. Указ. соч., т. I, стр. 368, 369.

³⁸ ЦГИА Груз. ССР, ф. 39с/12, стол 3, 1889 г., д. 384, л. 6.

³⁹ Там же, л. 11.

⁴⁰ Г. Успенский. Указ. соч., т. I, стр. 369.

⁴¹ Там же.

Передовые рабочие видели смысл в том, чтобы читать те книги, которые говорят правду, учат жить и бороться. В адресе Успенскому они с гордостью указывали, что из хороших книг они сумели извлечь для себя пользу, научились думать о своей жизни и о жизни товарищей, отличать добро от зла, правду от лжи. «Но,— говорилось в нем,— сколько прошло времени, сколько пролетело юных годов бесполезно, пока мы сами, да своим умом и желанием к развитию, да иногда с помощью добрых людей, добрались до хороших книг, которые открыли нам глаза, показали свет и правду»⁴².

Подобные мысли можно найти и в материалах следственных дел участников кружка. По словам Дьячкова, рабочий В. Герасимов, застав его «за чтением какой-то сказки», посоветовал ему заняться чтением других, лучших книг и через несколько дней принес ему книгу «Революция 1848 г.»⁴³

Окончание деятельности «Рабочего союза» представляется таким образом. Почувствовав угрозу, Гузенко и Шафранов в июле 1888 г. выехали внезапно из Тифлиса, чтобы и самим избежать ареста, и товарищей по «Союзу» избавить от преследований. Но уезжая, Гузенко стремился обеспечить деятельность революционного подполья в Тифлисе. С этой целью он, Черенков, Герасимов и другие «рассуждали о необходимости продолжать чтение и приискать человека, могущего стать во главе кружка». Ими был намечен токарь И. Чепурной, который, по словам Гузенко, «образовал такой же кружок саморазвития между рабочими г. Баку»⁴⁴.

Чтобы запутать полицию, Гузенко ушел с фабрики Котрини под предлогом, что ему предлагают большую заработную плату на заводе «Гулье и Бланшард» в Ростове-на-Дону; но сам туда не поехал, а отправился в Батуми. А Шафранов сумел так уехать (тоже в Батуми), что его след был совсем потерян властями.

Судя по всему, организаторы тифлисского «Рабочего союза» постоянно поддерживали отношения со своими товарищами в других городах. Так, по словам народо-вольца А. Гедеоновского, хорошо знавшего дела рево-

⁴² Там же, стр. 367.

⁴³ ЦГИА Груз. ССР, ф. 39с/12, стол 3, 1889 г., д. 384, л. 4.

⁴⁴ Там же, л. 14.

люционного подполья, в 1886 г. часть рабочих и мастеровых, уже втянутых в русло нелегальной деятельности, во главе с Т. М. Романченко «перекочевала» из Ростова-на-Дону на строительство Тихорецко-Екатеринодарской железнодорожной ветки «для продолжения своей революционной работы». При помощи железнодорожных машинистов и кочегаров ими была установлена связь с рабочими в Тифлисе и Ростове-на-Дону, с которыми «производился обмен всякой литературой, главным образом нелегальной»⁴⁵.

Романченко в своих воспоминаниях отмечает, что участники нелегальной революционной группы рабочих на строительстве железной дороги «все время поддерживали самую тесную связь с Ростовом. А благодаря тому, что часть ростовцев перешла в тифлиссские железнодорожные мастерские, у нас установилась связь с рабочими Тифлиса. Мы обменивались литературой. Это легко было сделать, так как железнодорожные рабочие тесно связаны с машинистами и кочегарами, а те легко перевозили нам литературу. Так мы работали»⁴⁶.

По утверждению Калоши, «Гузенко показывал ему два письма, полученные из Ростова-на-Дону». В одном из них с помощью тайнописи говорилось о возникновении в Ростове-на-Дону групповой кассы со взносом 3% с получаемого жалованья⁴⁷.

Имелись у «Рабочего союза» также связи с Баку и другими городами.

Все участники «Рабочего союза», кроме Ермолаева и Липецкого, были рабочими. Из 10 привлеченных к дознанию лишь двое — жители Тифлиса, остальные — из Ростова-на-Дону, Таганрога, Иваново-Вознесенска, Петровска (Дагестан), из Смоленской, Минской и Келецкой (Польша) губерний. «Союз» был интернациональным — в него входили русские, украинцы, поляки⁴⁸.

Царское правительство сурово расправилось с организаторами «Рабочего союза». Ермолаева, Гузенко и Шафранова «ввиду... выдающейся и первенствующей

⁴⁵ А. Геденовский. Указ. соч., стр. 208—209.

⁴⁶ «Народовольцы после 1 марта 1881 г.», т. 1, стр. 130.

⁴⁷ ЦГИА Груз. ССР, ф. 39с/12, стол 3, 1889 г., д. 384, л. 13.

⁴⁸ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 90, 1889 г., д. 10764, л. 4; ЦГИА Груз. ССР, ф. 39с/12, стол 3, 1889 г., д. 384, л. 16, 17.

роли в образовании и дальнейшей деятельности кружка саморазвития, а также ясно выразившегося преступного направления образа мыслей и воли и крайнего упорства и заpiresательства» прокурор тифлисской судебной палаты в своем заключении от 17 февраля 1889 г. предложил сослать в губернии Западной Сибири: Ермолаева на 4 года, а Гузенко и Шафранова на 3 года. Герасимова за его принадлежность к кружку Гузенко, в который он ввел еще и нового члена, а также за распространение сочинений революционного содержания предлагалось сослать в Западную Сибирь на год.

«Рабочий союз» в Тифлисе — одна из первых рабочих организаций 80-х годов XIX в. в России, когда рабочее движение делало первые шаги. Мировоззрение участников «Союза» еще сохраняло влияние народничества. Одним из идейных его руководителей был народоволец Ермолаев. В той нелегальной литературе, на которой воспитывались рабочие, значительную часть составляли народнические издания. Однако эта молодая и во многом несовершенная организация с первых шагов стремилась к самостоятельности, к сосредоточению внимания участников кружка на рабочем вопросе. При этом появились некоторые элементы критики народофильской тактики. Деятельность тифлисского «Рабочего союза» — интересный пример рабочей организации переходного периода русского освободительного движения, когда пролетарско-демократическая струя только начинала выделяться из общего потока народничества.

Н. А. Троицкий

ПРОЦЕСС «193-х»

Процесс «193-х» (иначе «Большой процесс») привлекает к себе внимание исследователей прежде всего своими масштабами: это был самый крупный политический процесс в истории царской России, «процесс-монстр», как называли его современники. Кроме того, ход процесса чрезвычайно интересен и поучителен: в поведении подсудимых выразилась последняя революционная акция героев знаменитого «хождения в народ», которое В. И. Ленин считал «расцветом действительного народничества»¹. Наконец, процесс «193-х» представляет интерес и с точки зрения его результатов. Вызвав широкий общественный отклик, он в то же время обозначил собой важный, отчасти даже поворотный момент в развитии освободительного движения 70-х годов, содействуя наряду с другими факторами переходу революционеров-народников от анархистского аполитизма к политической борьбе с самодержавием.

«Процесс-монстр» нашел отражение в большом числе разнообразных источников. Сохранился (к сожалению, до сих пор неопубликованный) полный стенографический отчет о процессе². Обвинительный акт и стенограммы некоторых заседаний процесса напечатаны в сборниках под редакцией В. В. Каллаша и В. Я. Богучарского³. Ценный материал о подготовке и особенностях процесса содержится в десятках томов дознания и след-

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 22, стр. 304.

² ЦГАОР СССР, ф. Особого присутствия Правительствующего сената (112), оп. 1, д. 788. Еще в 1878 г. на средства защитников был издан первый том Стенографического отчета о процессе «193-х», но по распоряжению правительства это издание было запрещено и уничтожено. Уцелело лишь около 10 экземпляров.

³ «Процесс „193-х“». С предисловием В. В. Каллаша. М., 1906; «Государственные преступления в России в XIX в.». Под ред. В. Я. Богучарского, т. 3. «Процесс „193-х“». Ростов-на-Дону, 1907.

ствия по делу «193-х»⁴, многочисленных опубликованных документах⁵ и воспоминаниях участников процесса и современников⁶.

Однако предметом специального исследования процесс «193-х» не был. Характеристика же его в общих трудах⁷ и биографических очерках⁸ схематична. Настоящая статья представляет собой попытку обобщить все опубликованные и наиболее важные архивные сведения о процессе «193-х», обрисовать ход процесса и вскрыть его политический смысл и значение.

* * *

На процессе «193-х» царизм судил «хождение в народ» 1874 г.⁹

Массовое «хождение в народ» заранее было обречено на неудачу, поскольку в его основе лежали ошибоч-

⁴ ЦГАОР СССР, ф. 112, оп. 1, д. 209—215, 221, 352, 357 и др.

⁵ «Письма участников процесса „193-х“». — «Красный архив», 1924, т. 5; «Неизвестный отклик на процесс „193-х“». — «Красный архив», 1928, т. 2; Ш. М. Левин. Финал процесса „193-х“. — «Красный архив», 1928, т. 30; Н. И. Сидоров. Статистические сведения о пропагандистах 70-х годов в обработке III отделения. — «Каторга и ссылка», 1928, № 38; «К истории процесса „193-х“». — «Исторический архив», 1962, т. 3.

⁶ Н. А. Чарушин. О далеком прошлом, ч. 1—2. М., 1926; С. Ф. Ковалик. Революционное движение семидесятых годов и процесс „193-х“. М., 1928; А. В. Якимова. «Большой процесс», или «Процесс „193-х“». — «Каторга и ссылка», 1927, № 37; С. С. Синегуб. Записки чайковца. Л., 1929; Л. А. Тихомиров. Заговорщики и полиция. М., 1930; С. Л. Чудновский. Из давних лет. М., 1934; Н. А. Морозов. Повести моей жизни, т. 2. М., 1947; О. В. Аптекан. Общество «Земля и воля» 70-х годов. По личным воспоминаниям. Пг., 1924; А. Ф. Кони. Избранные произведения, т. 2. Воспоминания. М., 1959.

⁷ В. Н. Богучарский. Активное народничество семидесятых годов. М., 1912; Б. Б. Глинский. Революционный период русской истории, 1861—1881, ч. 2. СПб., 1913; М. Н. Гернет. История царской тюрьмы, т. 3. М., 1961.

⁸ В. С. Антонов. И. Мышкин — один из блестящей плеяды революционеров 70-х годов. М., 1959; А. В. Клеянкин. Андрей Желябов — герой «Народной воли». М., 1959; Б. С. Итенберг. Дмитрий Рогачев, революционер-народник. М., 1960.

⁹ О «хождении в народ» 1874 г. см.: Р. В. Филиппов. Первый этап «хождения в народ» (1873—1874). Петрозаводск, 1960; Б. С. Итенберг. Начало массового «хождения в народ». — «Исторические записки», 1961, т. 69.

ные взгляды на крестьянство как класс, способный осуществить социалистическую революцию, и вера в «коммунистические инстинкты мужика»¹⁰. Ускорила гибель движения его неорганизованность. По словам Г. В. Плеханова, организация «хождения в народ» 1874 г. отличалась именно «отсутствием организации»¹¹. Участники «хождения» были молоды и бесстрашны, самоотверженны и благородны. «Люди с сердцами из золота и стали» — так отзывались о них современники¹². Весной 1874 г. эти люди впервые в истории попытались поднять крестьянство на социалистическую революцию против основ существующего строя. Но у них не было опыта, отсутствовала конспирация, действовали они распыленно и неосмотрительно, что называется, с открытым забралом.

31 мая 1874 г. в Саратове была обнаружена всероссийская явка деятелей «хождения в народ», неумело замаскированная под вид сапожной мастерской. При этом добычей жандармов стало множество конспиративных документов — адресов и шифров. Правительство напало на след чуть ли не всех революционных кружков. Оставалось только перехватать их участников, которые разбрелись по 37 губерниям Европейской России с целью пропаганды среди крестьян. В июне 1874 г. начался систематический арест пропагандистов, а к концу того же года движение почти полностью было разгромлено.

Общее число пропагандистов, арестованных по делу «193-х», достигало 1400 человек¹³. Из них к дознанию были привлечены 770. Поскольку суд над почти 800 «злумышленниками» произвел бы слишком сильное впечатление, власти освободили большинство привлеченных

¹⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 286.

¹¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. XXIV, стр. 126.

¹² С. М. Кравчинский (Степняк). Соч., т. I. М., 1958, стр. 440.

¹³ Там же, стр. 382; П. Л. Лавров. Народники-пропагандисты 1873—1878 гг. Л., 1925, стр. 207. По свидетельству начальника Киевского губернского жандармского управления В. Д. Новицкого, который осуществлял «проверку числа всех арестованных лиц по 26 губерниям», всего, считая свидетелей, к делу „193-х“ привлекалось более 4 тыс. человек (В. Д. Новицкий. Воспоминания.— «Былое», 1917, № 5—6, стр. 121).

под надзор полиции и начали следствие против 265 человек¹⁴.

Царизм задумал устроить громкий показательный процесс. Он стремился выставить революционеров в самом устрашающем виде как «закоренелых злодеев», чтобы настроить против них российскую и мировую общественность, вырвать с корнем всякие добрые чувства к ним со стороны русских людей и таким образом излечить страну от «заразной болезни», именуемой «революционной пропагандой». Высочайше утвержденный журнал Комитета министров от 18 и 26 марта 1875 г. отмечал, что общество не имеет даже представления о масштабах пропаганды. «При такой неизвестности,— говорилось в журнале,— нельзя ставить прямым укором обществу отсутствие серьезного отпора лжеучениям; нельзя ожидать, чтобы лица, не ведающие той опасности, которой лжеучения сии грозят общественному порядку, могли столь же энергично и решительно порицать деятельность революционных агитаторов, как в том случае, когда опасность эта была бы для них ясна и им были бы известны те пути, коими приверженцы революции, называющие себя друзьями народа, хотят прийти к нему на помощь»¹⁵. Комитет министров выражал уверенность в том, что ни революционные теории, которые квалифицировались как «бред фанатического воображения», ни нравственный облик революционеров, проникнутых, по характеристике властей, «неимоверным цинизмом», «не могут возбудить к себе сочувствия». Поэтому, заключали царские министры, политический процесс желателен, и его нужно устроить так, чтобы на нем была разоблачена «вся тлетворность изъясненных учений и степень угрожающей от них опасности»¹⁶.

Итак, установка была дана. Руководствуясь ею, следственные органы усердно подтасовывали факты, шельмовали революционеров и науськивали на них свидетелей. По этой причине следствие затянулось на 4 года, в течение которых арестованные томились в жутких условиях одиночных казематов, пагубно отражавшихся

¹⁴ «Успехи революционной пропаганды в России. Записка Министра юстиции гр. К. И. Палена». Женева, 1875, стр. 12.

¹⁵ С. С. Татищев. Император Александр II. Его жизнь и царствование, т. 2. СПб., 1911, стр. 550.

¹⁶ Там же, стр. 550—551.

на их здоровье и психике. К началу процесса власти насчитали среди узников 93 случая самоубийства, умопомешательства и смерти¹⁷.

Только осенью 1877 г. заключенным вручили обвинительный акт: суду предавались 197 наиболее опасных «крамольников». Из них четверо умерли, не дождавшись суда. Процесс, «умышленно раздутый „спасителями отечества“ до чудовищных размеров»¹⁸, был начат над 193 лицами.

Обвинительный акт по делу «193-х» был составлен в духе рекомендаций Комитета министров. В целях устрашения общества размерами пропаганды все привлеченные к суду лица, представлявшие примерно 30 кружков и отдельных революционеров-одиночек, изображались в виде единого «преступного сообщества», объединившегося для всероссийского «злодейского» заговора¹⁹.

«Организаторами» сообщества обвинительный акт называл четырех революционеров: И. Н. Мышкина, П. И. Войнаральского, С. Ф. Ковалика и Д. М. Рогачева, из которых на деле Ковалик был руководителем отдельного бакунистского кружка в Петербурге, Рогачев — сотрудником петербургской группы «чайковцев», а Мышкин и Войнаральский вообще не входили ни в одну из революционных организаций. Все «сообщество» обвинялось в том, что оно имело целью «в более или менее отдаленном будущем ниспровержение и изменение порядка государственного устройства»²⁰. Самих революционеров выдавали скорее за уголовных, чем политических преступников. С этой целью в обвинительном акте фигурировали такие обвинения, как готовность многих пропагандистов «к совершению всяких преступлений»²¹, а революционные теории поносились, как учение «возводящее невежество и леность на степень идеала и сулящее, в виде ближайше осуществимого блага, житье на чужой счет»²².

¹⁷ С. С. Татищев. Указ. соч. т. 2. СПб., 1911, стр. 549; Л. Э. Шишко. Собр. соч., т. IV. Пг., 1918, стр. 163.

¹⁸ А. Ф. Конн. Указ. соч., т. 2, стр. 43.

¹⁹ «Государственные преступления в России в XIX в.», т. 3, стр. 9.

²⁰ Там же, стр. 241.

²¹ Там же, стр. 9—10.

²² Там же, стр. 9.

Автор обвинительного акта В. А. Желеховский хвастался перед началом процесса: «Я покрою позором обвиняемых»²³. Устроители процесса всерьез рассчитывали, что после знакомства с таким обвинительным актом общество ужаснется и в страхе перед крамолой бросится в объятия правительства. Некоторые сановники во главе с вел. кн. Константином и К. П. Победоносцевым, трезво оценивая трудности внутреннего положения страны (в частности, удар по престижу правительства на процессе «50-ти») и неудачи в войне с Турцией (троекратный провал штурма Плевны), считали нужным прекратить дело «193-х», дабы оно не вылилось в «четвертую Плевну»²⁴.

Процесс «193-х» открылся 18 октября 1877 г. в Особом присутствии Правительствующего сената²⁵. Состав Особого присутствия был почти тот же, что и на процессе «50-ти»: первоприсутствующий К. К. Петерс, сенаторы К. К. Ренненкампф, Н. О. Тизенгаузен, М. Н. Медем, М. Н. Похвиснев и Б. Н. Хвостов; сословные представители — предводители дворянства: черниговский губернский Н. И. Неплюев и вышневолоцкий уездный П. И. Сназин-Тормасов, новгородский городской голова Я. И. Журавлев и стародеревенский волостной старшина П. С. Лукьянов; обер-секретарь В. В. Попов. Обвинителем выступал товарищ обер-прокурора Уголовного каскационного департамента Правительствующего сената В. А. Желеховский — «узкий, малообразованный правовед», «судебный наездник», «воплощенная желчь», по характеристике А. Ф. Кони²⁶.

Что касается состава защиты на процессе «193-х», то он оказался, пожалуй, самым выдающимся во всей истории политических процессов в царской России: Д. В. Стасов, В. Д. Спасович, П. А. Александров, Н. С. Таганцев, Е. И. Утин, Г. В. Бардовский, А. А. Оль-

²³ Л. А. Тихомиров. Указ. соч., стр. 89.

²⁴ А. Ф. Кони. Указ. соч., т. 2, стр. 44; «Письма Победоносцева Александру III», т. I. М., 1925, стр. 84—85.

²⁵ Л. А. Тихомиров следующим образом характеризовал суды Правительствующего сената: «В этих судах, как во всех судах исключительных, не было и тени независимости. Они судили согласно тем распоряжениям, которые получали заранее» (Л. А. Тихомиров. Указ. соч., стр. 85).

²⁶ А. Ф. Кони. Указ. соч., т. 2, стр. 44, 49.

хин, А. А. Черкесов, А. Л. Боровиковский, Е. В. Корш, Н. П. Карабчевский, В. О. Люстиг, В. Н. Герард, Е. И. Кедрин, А. И. Турчанинов, П. А. Потехин, Н. М. Соколовский, Н. И. Грацианский, В. С. Буймистров, Н. С. Тростянский, А. В. Михайлов, А. Н. Гернгросс, К. П. Леман, В. А. Кейкуатов, В. В. Самарский-Быховец, П. В. Макалинский, Б. Б. Дорн, В. А. Ден, А. А. Штукенберг, С. С. Соколов, Н. П. Мисюра, А. П. Куломнин, В. Ф. Леонтьев, Н. М. Щепкин и С. В. Небольсин²⁷.

²⁷ О составе защиты на процессе «193-х» см.: С. Л. Чудновский. Указ. соч., стр. 137. Уточнения сделаны по архивным документам (ЦГАОР СССР, ф. 112, д. 402). Все перечисленные адвокаты выступали на многих политических процессах 60—80-х годов: Д. В. Стасов — сын зодчего В. П. Стасова, брат выдающегося художественного и музыкального критика В. В. Стасова, отец революционерки-большевички Е. Д. Стасовой; видный общественный и музыкальный деятель, друг Глинки, Мусоргского, Г. Берлиоза, Р. Шумана; подвергался преследованиям за участие в революционном движении; выступал защитником на процессах: караказовском, нечаевском, И. М. Ковальского и др. П. А. Александров — замечательный русский юрист (прокурор, адвокат), блестящий судебный оратор; завоевал всемирную известность выступлением в качестве защитника на процессе Веры Засулич; был на подозрении у III отделения. В. Д. Спасович — одна из ярчайших звезд русской буржуазной адвокатуры, литературовед и общественный деятель; либерал; выступал защитником на процессах нечаевском, долгушинском, «50-ти», «20-ти», «17-ти», «14-ти» и др. Н. С. Таганцев — профессор Петербургского университета; крупнейший русский буржуазный криминалист, автор капитальных работ по уголовному праву; либерал. Е. И. Утин — брат одного из основателей и руководителей Русской секции I Интернационала Н. И. Утина; подвергался преследованиям за участие в революционном движении; выступал защитником на процессах по делу Н. П. Гончарова, нечаевском, долгушинском и др. Г. В. Бардовский — брат П. В. Бардовского (члена партии «Пролетариат», повешенного в 1886 г.); подвергался преследованиям за связь с революционными кругами; выступал защитником на процессах по делу об участниках Казанской демонстрации, «50-ти», И. М. Ковальского и др. А. А. Ольхин — автор известного стихотворения «У гроба» (по случаю убийства Н. В. Мезенцева); сотрудничал с землепользователями; подвергался репрессиям за связь с революционными кругами; выступал защитником на процессах по делу об участниках Казанской демонстрации, нечаевском, «50-ти» и др. А. А. Черкесов — участник революционного движения 60-х годов, зять декабриста В. П. Ивашова, дядя революционерки-народницы О. К. Булановой-Трубниковой, друг Н. А. Серно-Соловьевича; неоднократно подвергался преследованиям, в частности по нечаевскому делу. А. Л. Боровиковский — автор популярного стихотворения «К судьям» (посвящено героиням процесса «50-ти»); близкий друг М. Е. Салтыкова-Щедрина; выступал защитником на процессе «50-ти» и др. Е. В. Корш был близок

К началу процесса большая часть подсудимых уже согласовала линию своего поведения, поставив ее в зависимость от характера суда. В том случае, если суд будет гласным, открытым, подсудимые намеревались использовать его как трибуну для революционной агитации. Если же суд будет закрытым, они решили бойкотировать его²⁸.

Власти со своей стороны нашли способ закрыть доступ на заседания суда, хотя формально процесс был объявлен публичным: для него избрали такое помещение (петербургского окружного суда), где едва помещались судьи и подсудимые.

На обычные места для подсудимых (возвышение за барьером, прозванное подсудимыми «Голгофой») были усажены мнимые организаторы «сообщества»: Мышкин, Войнаральский, Рогачев, Ковалик и В. Ф. Костюрин (по некоторым сведениям, вместе с ними сидел и М. Д. Муравский), а все остальные подсудимые заняли места для публики.

На незначительное число оставшихся мест (10—12) допускались по особым билетам лишь проверенная «публика» и агенты III отделения. «Места за судьями,— вспоминал А. Ф. Кони,— вечно были полны сановных зевак; в залах суда были во множестве расставлены жандармы, и ворота здания судебных установлений, как двери храма Януса, закрыты накрепко, будто самый суд находился в осаде»²⁹.

Подсудимые решительно протестовали против нарушения гласности суда. Мышкин от имени своих товари-

к революционным кругам; весной 1878 г. содействовал укрывательству В. И. Засулич; в 1879 г. на его квартире проводились заседания центра «Земли и воли»; выступал защитником на процессе «50-ти» и др. Н. П. Карабчевский — один из талантливейших адвокатов в дореволюционной России, известный мемуарист, автор книг «Поднятая завеса» и «Около правосудия». В. О. Люстиг — брат народовольца Ф. О. Люстига; подвергался репрессиям за участие в революционном движении; выступал защитником на процессе «50-ти» и др. Турчанинов был защитником на процессах по делу Д. В. Каракозова и А. К. Соловьева; Грацианский — по делу о Казанской демонстрации на процессах «20-ти» и «17-ти». Кедрин защищал С. Л. Перовскую на процессе первомайцев и А. Д. Михайлова на процессе «20-ти», Герард — Н. И. Кибальчича на процессе первомайцев, Леонтьев — Веру Фигнер на процессе «14-ти» и т. д.

²⁸ Н. А. Чарушин. Указ. соч., стр. 196.

²⁹ А. Ф. Кони. Указ. соч., т. 2, стр. 48.

щей заявил первоприсутствующему: «Мы главным образом настаиваем на необходимости публичности и гласности. Правда, вы в прошлом заседании изволили объяснить, что судебное разбирательство производится публично, что публика и там и здесь (жест рукой вперед и назад). Да, действительно, за судейскими креслами есть несколько мест, вероятно, для лиц судебного ведомства; и здесь, за двойным рядом жандармов, примостились 3—4 субъекта. Неужели это та самая хваленая публичность, которая дарована новому суду на основании судебных уставов? Называть это публичностью — значит иронизировать, насмехаться над одним из основных принципов нового судопроизводства». Не обращая внимания на окрики первоприсутствующего, приказывающего ему замолчать, Мышкин продолжал свое выступление, которое закончил словами: «Мы глубоко убеждены в справедливости азбучной истины, что света гласности боятся только люди с нечистой совестью, старающиеся прикрыть свои грязные, подлые делишки, совершаемые келейным образом. Зная это и искренно веря в чистоту и правоту нашего дела, за которое мы уже немало пострадали и еще довольно будем страдать, мы требуем полной публичности и гласности!»³⁰

По личному указанию царя, это требование подсудимых было оставлено без внимания. Более того, чтобы облегчить расправу над подсудимыми, суд разбил их на 17 групп для раздельного разбирательства дела «ввиду недостаточности помещения»³¹.

Подсудимые ответили на это юридическое шулерство самым энергичным протестом. 120 из них бойкотировали суд, т. е. отказались являться на судебные заседания (они получили название «протестантов»³²), и только 73 человека, прозванные в отличие от них «католиками»,

³⁰ «Государственные преступления в России в XIX в.», т. 3, стр. 4.

³¹ ЦГАОР СССР, ф. 112, оп. 1, д. 788, л. 8.

³² По свидетельству Чудновского, душой бойкота были П. И. Войнаральский, Ф. В. Волховский, С. Ф. Ковалик, М. Д. Муравский, С. С. Синегуб, Л. А. Тихомиров, Н. А. Чарушин, И. Н. Чернявский (С. Л. Чудновский. Указ. соч., стр. 134, 135). В числе «протестантов» находились А. И. Желябов, С. Л. Перовская, Н. А. Морозов, М. Ф. Грачевский, Н. А. Саблин, Д. М. Рогачев и другие выдающиеся революционеры, а также будущий выдающийся физиолог Н. Е. Введенский (1852—1922 гг.).

согласились участвовать в суде. Бойкот суда «протестанты» мотивировали таким образом: «Всякий суд должен быть третейским, а нас судит не нейтральное в нашей борьбе общество с присяжными заседателями, а одна из борющихся сторон, так как все сенаторы состоят на службе у правительства, против которого мы шли»³³. При этом каждый из 120 «протестантов» не только заявлял о непризнании суда³⁴, но и сопровождал свое заявление смелыми обличительными репликами. Подсудимый В. Осташкин, например, в ответ на вопрос о его занятиях, отчеканил: «Готовился стать в ряды народа для борьбы с его вампирами!»³⁵ Ф. Лермонтов, отказавшись отвечать на вопросы суда, выразил презрительное недоверие к нему следующими словами: «Я просил бы Особое присутствие вместо всего другого лучше прочесть мне сегодня же окончательный приговор, который, вероятно, уже давно заготовлен у суда...»³⁶ М. Гейштор, обращаясь к суду, воскликнула: «Я говорю, что наш строй мне неприятен, так как в нем живетя всем очень гадко, не исключая и вас, господа судьи!»³⁷.

Характерным для поведения «протестантов» был следующий факт. Когда вызывающе дерзкое заявление подсудимого И. Чернявского первоприсутствующий прервал окриком «Довольно!», «протестанты» с мест потребовали: «Слушайте, когда вам говорят!» Петерс дослушал Чернявского до конца и только потом распорядился вывести его из зала. Тогда все «протестанты» дружно поддержали своего товарища возгласами: «Всех уводите! Мы все не признаем суда!»³⁸ Первоприсутствующий вынужден был удалить всех подсудимых и закрыть судебное заседание. Такие сцены продолжались до тех пор, пока «протестантов» вообще не перестали приводить в суд. Ничего подобного в истории царского судопроизводства еще не было.

Широкая общественность в России и за границей проявляла большой интерес к столь грандиозному и не-

³³ Н. А. Морозов. Указ. соч., т. 2, стр. 245.

³⁴ Там же.

³⁵ «Государственные преступления в России в XIX в.», т. 3, стр. 2.

³⁶ Там же, стр. 254.

³⁷ Там же, стр. 256.

³⁸ Там же, стр. 3.

обычному процессу. Поведение «протестантов» на процессе «193-х» служило главной сенсацией дня. «Самая разнообразная публика осаждала первоприсутствующего просьбами о входных билетах, набивалась в помещение суда с раннего утра, задолго до появления подсудимых, и оставляла зал заседания, как только протестанты удалялись отсюда. Защитники передавали нам, что иные из публики, опоздав и узнав, что „скандал уже кончился“ и „протестантов уже увели“, разочарованные, махали руками и удалялись домой»³⁹.

Правительство не решалось печатать подробные отчеты о заседаниях суда. «Известия о судебном следствии стали передаваться в совершенно бессмысленном по своей краткости виде»⁴⁰. Мышкин так высказал первоприсутствующему свое возмущение по этому поводу: «в отчете о заседании 20 октября мы, подсудимые, представлены в очень непривлекательном виде, как будто мы выслушали в благоговейном молчании ваше нравоучение, как будто в нашей среде не нашлось ни одного голоса, который решился бы возразить на это нравоучение»⁴¹. Положение сенаторов становилось весьма затруднительным. Расчеты использовать процесс для того, чтобы дискредитировать революционеров в глазах общественного мнения, рушились с самого начала; наступательная тактика активного бойкота, избранная подсудимыми, выбивала из рук судей их главное оружие. Перед бойкотом они оказались беспомощны, несмотря на огромные полномочия, поддержку всех реакционных сил и постоянное внимание к процессу самого царя⁴². Сенаторы начали роптать на свою миссию, жалуясь, что им приходится выслушивать от подсудимых оскорбления «по чай-

³⁹ С. Л. Чудновский. Указ. соч., стр. 144.

⁴⁰ А. Ф. Конни. Указ. соч., т. 2, стр. 47.

⁴¹ «Государственные преступления в России в XIX в.», т. 3, стр. 245.

⁴² Теперь установлено, что процесс «193-х» от начала и до конца проходил под негласным контролем Александра II. Царь получал агентурные сводки о каждом заседании, вмешивался в ход процесса, поощрял беззакония своего ареопага и журил его за соблюдение законности. Когда, например, первоприсутствующий позволил обвиняемому М. Г. Соловцовскому высказаться до конца, не прерывая его, немедленно последовало высочайшее внушение: «Государь император не одобрил этот способ действия. Об этом следует сообщить на словах г. ст. секр. гр. Палену» (В. С. Антонов. Указ. соч., стр. 51).

ной ложке» ежедневно и ежечасно⁴³. Первоприсутствующий Петерс, не выдержав напряжения, заболел. С 30 ноября его заменил Ренненкампф, который и довел процесс до конца.

После того как скандально провалился суд над «протестантами», сенаторы приступили к разбирательству дел «католиков». «Протестантов» же разместили в Доме предварительного заключения (ДПЗ). Здесь 28 октября подсудимые А. О. Лукашевич и М. Д. Муравский обратились к товарищам по заключению с воззванием⁴⁴, в котором указывалось, что «протестанты» должны составить сборник речей, подготовленных ими к началу процесса, но не произнесенных вследствие вынужденного бойкота суда. Сборник предполагалось снабдить объяснительной статьей и своевременно издать за границей. Все «протестанты» откликнулись на это предложение и начали собирать необходимый материал. Однако работа над сборником осталась незавершенной. Тюремному начальству стали известны намерения подсудимых с помощью такого высокопоставленного шпиона, как помощник петербургского градоначальника генерал А. А. Козлов, который пользовался одной из центральных камер, чтобы оттуда подслушивать, о чем говорят арестанты⁴⁵. Сравнительно мягкий режим ДПЗ позволял арестантам громко переговариваться между собой через окна камер⁴⁶. 11 ноября все «протестанты» были возвращены из ДПЗ в одиночные камеры Петропавловской крепости и полностью изолированы от внешнего мира.

Между тем ход суда над «католиками» тоже не оправдал надежд правительства. За исключением отдельных лиц, все подсудимые держались гордо и смело. Среди «католиков» были такие незаурядные личности (по разным причинам не примкнувшие к бойкоту суда), как И. Н. Мышкин, А. Я. Ободовская (Сидорацкая), О. Г. Алексеева (Дьякова), Е. К. Судзиловская, В. А. Жебунев. Представить их идейно-несостоятельными и морально опустошенными людьми не было никакой возможности. Серьезных улик, которые позволили бы уста-

⁴³ С. Л. Чудновский. Указ. соч., стр. 154.

⁴⁴ Текст воззвания впервые опубликован К. Г. Ляшенко («Исторический архив», 1962, т. 3, стр. 214—216).

⁴⁵ С. Л. Чудновский. Указ. соч., стр. 134.

⁴⁶ Н. А. Морозов. Указ. соч., стр. 249.

новить наличие всероссийского «злодейского» заговора, не хватало. В лучшем (для суда) случае выяснялось, что тот или иной подсудимый вел «предосудительные беседы» и распространял «запрещенные книжки». Даже свидетели, служившие главным козырем для обвинения⁴⁷, в большинстве своем (исключая лишь платных агентов) отказались чернить подсудимых, ссылаясь на то, что за долгие годы дознания и следствия они забыли все, что знали. Судьи оказались в затруднительном положении. Они пытались наводить свидетелей на желательные для следствия ответы, но и эти попытки потерпели неудачу: часть свидетелей продолжала стоять на своем («забыл и все тут»), другую же часть мастерски обезвреживали защитники⁴⁸.

Поведение защиты на процессе, как вспоминал Н. А. Чарушин, «было вполне достойное, она шла с подсудимыми все время рука об руку и немало содействовала увеличению политического значения нашего процесса и влияния его на общественные круги»⁴⁹. Защитники протестовали против узкой гласности суда, против разделения подсудимых на группы, против привлечения полицейских агентов в качестве свидетелей и т. д., а также оказывали посильную помощь обвиняемым в их сношениях друг с другом и с внешним миром. III отделение в докладе царю от 21 января 1878 г. жаловалось: «за-

⁴⁷ По официальным данным, на процесс «193-х» было вызвано 472 свидетеля, которым правительство выплатило только прогонных и суточных денег 7953 руб. 90 коп. (ЦГАОР СССР, ф. 112, оп. 1, д. 809, л. 51—73 об., 104—118).

⁴⁸ Вот характерная деталь, зафиксированная в стенограмме процесса. Защитник Б. Б. Дорн спрашивает свидетеля, который многократно показывал, что обвиняемые «занимались пропагандой»: «Как вы понимаете слово „пропаганда“? Что это такое: зверь или растение?». Свидетель под общий хохот присутствующих чистосердечно признается: «А, ей богу, не знаю» («Стенографический отчет по делу о революционной пропаганде в империи. Заседания Особого присутствия Правительствующего сената», т. I. СПб., 1878, стр. 49). Надо заметить, что обвинители полагались больше на «темных» свидетелей, считая, что их легко натравить на подсудимых.

В ходе процесса этот маневр обернулся против обвинения. Даже осведомители больше компрометировали суд, чем помогали ему. Когда, например, защитник Г. В. Бардовский спросил доносчика М. Симу: «Как вас рассчитывают за предательство: поденно или поштучно?» — тот проговорился: «Я получил от шефа жандармов 350 руб. за все» (там же, стр. 423).

⁴⁹ Н. А. Чарушин. Указ. соч., стр. 203.

щитники вместо того, чтобы сдерживать подсудимых, подстрекали их»⁵⁰.

Центральным событием процесса «193-х» стала речь подсудимого Мышкина 15 ноября 1877 г.— одна из самых замечательных в истории политических процессов⁵¹. Мышкин был великолепным оратором. Современники отмечали, что когда он говорил, то магнетизировал слушателей, и даже враги не могли не поддаться его обаянию⁵². В речи на процессе он ярко и страстно, голосом, который, по отзывам очевидцев, звучал, «как священный гром», изложил революционную программу народников⁵³. В частности, Мышкин сказал: «При всем различии взглядов по менее важным вопросам адепты революции сходились в одном, а именно — что революция может быть совершена не иначе, как самим народом, при сознании, во имя чего она совершается. Другими словами: существующий государственный порядок может и должен быть ниспровергнут только тогда, когда этого пожелает сам народ. Следовательно, если правительство блюдет интересы народа, то оно не может считать нас заговорщиками»⁵⁴. Разоблачив антинародный характер политики царизма, Мышкин подчеркнул неотвратимость социальной революции в России. «Не нужно быть пророком, — заявил он, — чтобы предвидеть неизбежный исход вещей, неизбежность восстания»⁵⁵.

Председатель суда то и дело прерывал Мышкина, одергивал его, грозил лишить слова. В ответ Мышкин

⁵⁰ ЦГАОР СССР, ф. III отд. (109), Секретный архив, оп. 1, д. 714, л. 13.

⁵¹ Мышкин с ведома товарищей не присоединился к бойкоту суда, чтобы выступить перед судьями и публикой с революционной речью. По свидетельству В. Н. Фигнер, подсудимые «сговорились выставить одного оратора и поручить ему сказать революционную речь, выработанную сообща. Выбор пал на Мышкина» (В. Н. Фигнер. Полн. собр. соч., т. 2. М., 1932, стр. 29).

⁵² Л. А. Тихомиров. Указ. соч., стр. 89—90. «По сравнению с ним, — писал Тихомиров о Мышкине, — наши знаменитости юридического мира стоили немного». Интересен отзыв И. С. Тургенева о Мышкине: «Вот человек — ни малейшего следа гамлетовщины» (П. А. Кропоткин. Записки революционера. М.—Л., 1938, стр. 267).

⁵³ Полный текст стенограммы речи И. Н. Мышкина впервые опубликован в сборнике «Революционное народничество 70-х годов XIX века», т. I. М., 1964, стр. 371—392.

⁵⁴ Там же, стр. 374.

⁵⁵ Там же, стр. 373.

бросал в лицо судьям убийственное обвинение: «Теперь я вижу, что у нас нет публичности, нет гласности, нет... даже возможности выяснить истинный характер дела, и где же? В стенах зала суда! ...здесь не может раздаваться правдивая речь... здесь на каждом откровенном слове зажимают рот подсудимому. Теперь я имею полное право сказать, что это не суд, а пустая комедия...⁵⁶ или... нечто худшее, более отвратительное, позорное, ...более позорное, чем дом терпимости: там женщины из-за нужды торгуют своим телом, а здесь сенаторы из подлости, из холопства, из-за чинов и крупных окладов торгуют чужой жизнью, истиной и справедливостью, торгуют всем, что есть наиболее дорогого для человечества»⁵⁷.

Друзья, защищая Мышкина от жандармов, дали ему возможность досказать речь до конца. В полицейском отчете сообщалось, что уже после того, как Мышкин умолк, вокруг него «более 5 минут происходила борьба с ужасным шумом, криком и бряцанием оружия. Наконец, Мышкин был вытасен со скамьи через головы других подсудимых, причем жандармы тащили его за волосы, руки и туловище несколько человек разом»⁵⁸. Когда Мышкина поволокли из зала, подсудимый С. Стопане бросился к барьеру, отделявшему его от судей, и в упор крикнул: «Это не суд! Мерзавцы! Я вас презираю, негодяи, холопы!»⁵⁹ Очевидцы вспоминали, что в этот момент в зале царило величайшее смятение: пер-

⁵⁶ При словах «пустая комедия» первоприсутствующий закричал: «Уведите его!» Жандармский офицер рванулся к Мышкину. Подсудимый М. А. Рабинович задержал его. Офицер оттолкнул Рабиновича, набросился на Мышкина и пытался зажать ему рукою рот, но Мышкин, вырываясь из рук офицера, продолжал все громче и громче начатую фразу (там же, стр. 391). Официальная стенограмма заседания 15 ноября прервана на словах Мышкина «пустая комедия». Далее следует приписка карандашом: «Затем произошел общий скандал, потребовавший вмешательства вооруженной силы» (там же, стр. 431).

⁵⁷ Там же, стр. 391.

⁵⁸ ЦГАОР СССР, ф. 112, оп. 1, д. 771, л. 66. Цит. по кн.: В. С. Антонов. Указ. соч., стр. 56. Защитник П. А. Потехин немедленно обратился к суду с просьбой записать в протоколе, что жандармы позволяют себе бить подсудимых. Первоприсутствующий ответил: «Я считаю это излишним» («Стенографический отчет...», стр. 506).

⁵⁹ «Революционное народничество 70-х годов XIX века», т. I, стр. 391.

воприсутствующий сбежал, забыв объявить о закрытии заседания, члены суда последовали за ним; подсудимые выкрикивали проклятья, публика металась по залу, несколько женщин упали в обморок. В конце концов многочисленная свора жандармов выпроводила публику из зала⁶⁰.

Речь Мышкина, сразу же опубликованная в журнале «Община» в Женеве, вызвала большую симпатию и сочувствие не только русской, но и международной общественности к революционерам-народникам⁶¹. Эта «страстная, боевая речь... прозвучала смертным приговором существующему общественно-государственному строю»⁶².

Последующие за речью Мышкина заседания суда также не принесли лавров царизму.

23 января 1878 г. процесс «193-х» закончился так же бесславно для его творцов, как и начался. «Четырехлетние усилия почти всего правительственного аппарата по искоренению крамолы, которую хотели было демонстрировать перед обществом в устрашающем и непривлекательном виде, таким образом не только пропали даром, но дали как раз обратные результаты, — заключал Н. А. Чарушин. — Демонстрация не удалась, и поругание крамолы и крамольников не состоялось. Фактически же все эти 3 месяца в этом устрашающем и непривлекательном виде демонстрировали себя не подсудимые, а правительственная власть и ее исполнительный орган — Особое присутствие сената!»⁶³

На одном из последних заседаний суда адвокат П. А. Александров имел смелость заявить, что «история пригвоздит к позорному столбу не сидящих на скамье подсудимых, а тех, кто их на эти скамьи посадил»⁶⁴.

Чтобы как-то сгладить невыгодное впечатление о суде, Особому присутствию не оставалось ничего другого, как значительно смягчить приговор по сравнению с тем,

⁶⁰ Там же.

⁶¹ А. Тун. История революционного движения в России. Пг., 1917, стр. 128; E. L a v i g n e. Introduction à l'histoire du nihilisme russe. Paris, 1880, p. 352—371; J. A r n a u d o. Le nihilisme et les nihilistes. Paris, [б. г.], p. 212.

⁶² О. В. Аптекман. Указ. соч., стр. 283.

⁶³ Н. А. Чарушин. Указ. соч., стр. 206—207.

⁶⁴ С. Л. Чудновский. Указ. соч., стр. 154.

на который рассчитывали правительственные верхи⁶⁵ и который следовало ожидать, судя по длительности следствия и масштабам процесса. Продолжая настаивать (по-видимому, только из соображений престижа суда) и в заключительном определении на существовании всероссийского «преступного сообщества», Особое присутствие дифференцировало степень участия подсудимых в этом сообществе в 11 параграфах со множеством оговорок⁶⁶. Из 190 подсудимых⁶⁷ 90 (включая 37 «протестантов»), многие из которых отсидели по 3—4 года в предварительном заключении, были оправданы; 39 человек приговорены к ссылке на поселение; 32 — к заключению на срок от 3,5 лет до... 5 дней, 1 — к отрешению от должности и штрафу и лишь 28 человек — к каторге на срок от 3,5 до 10 лет⁶⁸. Мало того, сформулировав приговор, суд перечислил обстоятельства, смягчающие вину подсудимых, и на этом основании ходатайствовал перед царем о смягчении наказания для половины осужденных, в том числе для всех приговоренных к каторге, исключая Мышкина, которому члены суда не могли простить его речи. Подсудимый Л. Тихомиров не без оснований утверждал, что «с тех пор, как Россия существует, никакой суд не выносил более независимого приговора»⁶⁹.

⁶⁵ Из официальных документов известно, что высшие жандармские власти до последних дней процесса были уверены в самом суровом наказании подсудимых. В частности, шеф жандармов Н. В. Мезенцев 9 января 1878 г. писал министру юстиции К. И. Палену о предстоявшем по окончании суда «отправлении значительного числа осужденных в центральные каторжные тюрьмы» («Красный архив», 1928, т. 30) (Разрядка наша.— Н. Т.).

⁶⁶ «Государственные преступления в России в XIX в.», т. 3, стр. 284—297.

⁶⁷ Трое умерли во время суда.

⁶⁸ «Государственные преступления в России в XIX в.», т. 3, стр. 297, 298. Здесь уместно напомнить следующее замечание В. Г. Короленко: «Во время суда обвинитель Желеховский сказал с идиотской откровенностью, что громадное большинство подсудимых посажено на скамью подсудимых только «для фона», на котором должны выступать фигуры главных злоумышленников» (В. Г. Короленко. Собр. соч., т. 6. М., 1954, стр. 195).

⁶⁹ Л. А. Тихомиров. Указ. соч., стр. 96. «Неожиданно мягким» считали приговор по делу «193-х» и другие подсудимые. «Чуть не пять лет мудрили над созданием процесса, спасая отечество,— иронически писал С. С. Синегуб,— создали процесс-монстр в 193 человека, нашумели на весь русский мир и вдруг: гора мышь родила»

Разумеется, реакционные круги подняли злобный вой против такого приговора. Князь В. П. Мещерский назвал его «фальшивым актом милосердия» с «растлевающими последствиями»⁷⁰. III отделение опротестовало приговор в специальном докладе царю, выразив особое возмущение тем, что сенаторы судили не лиц, как делалось ранее, а действия подсудимых и в результате освободили многих недостаточно уличенных, но заведомо «опасных» людей⁷¹. Шеф жандармов Н. В. Мезенцев и министр юстиции К. И. Пален настаивали на том, чтобы Александр II отклонил ходатайство суда⁷². Царь распорядился отправить на каторгу вместе с Мышкиным еще 11 человек⁷³. С санкции царя 80 человек из 90, оправданных судом, были отправлены в ссылку III отделением в административном порядке. Это был единственный пример в истории царской тюрьмы, когда монаршая прерогатива использовалась не для смягчения наказания (даже Николай I смягчил приговор декабристам!), а для его отягчения.

Никто из осужденных по делу «193-х» не просил о помиловании. Напротив, 23 «протестанта», рискуя еще более ухудшить свою участь, 25 мая 1878 г. перед отправкой на каторгу и в ссылку обратились к «товарищам по убеждениям», оставшимся на воле, с револю-

(«Былое», 1906, № 10, стр. 61, 62; см. также: Н. А. Чарушин. Указ. соч., стр. 207; Л. Э. Шишко. Собр. соч., т. IV, стр. 163). Тем не менее Р. В. Филиппов полагает, что на процессе «193-х» в безумном страхе перед растущим революционным движением «царский суд вынес беспощадно суровый приговор» (Р. В. Филиппов. Указ. соч., стр. 40).

⁷⁰ В. П. Мещерский. Мои воспоминания, ч. 2. СПб., 1898, стр. 400—401.

⁷¹ ЦГАОР СССР, ф. 109, Секретный архив, оп. 1, д. 714, л. 14. Действительно, среди оправданных по делу «193-х» оказались крупнейшие революционеры эпохи: А. И. Желябов, С. Л. Перовская, Н. А. Морозов, М. Ф. Грачевский, М. Р. Ланганс, Т. И. Лебедева, А. В. Якимов, которые, спустя каких-нибудь 3—4 года, были осуждены по другим процессам на виселицу или вечную каторгу.

⁷² Ш. М. Левин. Финал процесса «193-х» — «Красный архив», 1928, т. 30, стр. 184—199.

⁷³ П. И. Войнаральский, Д. М. Рогачев, С. Ф. Ковалик и М. Д. Муравский, так же как и И. Н. Мышкин, получили по 10 лет каторги; С. С. Синегуб, Н. А. Чарушин, Л. Э. Шишко, Т. А. Квятковский и И. О. Союзов — по 9 лет; М. П. Сажин и Е. К. Брешко-Брешковская — по 5 лет.

ционным завещанием, в котором говорилось: «Мы по-прежнему остаемся врагами действующей в России системы, составляющей несчастье и позор нашей родины, так как в экономическом отношении она эксплуатирует трудовое начало в пользу хищного тунеядства и разврата, а в политическом — отдает труд, имущество, свободу, жизнь и честь каждого гражданина на произвол «личного усмотрения». Мы завещаем нашим товарищам по убеждениям идти с прежней энергией и удвоенною бодростью к той святой цели, из-за которой мы подверглись преследованиям и ради которой готовы бороться и страдать до последнего вздоха»⁷⁴.

* * *

Процесс «193-х», «этот долгий поединок между правительством и революционной партией»⁷⁵, произвел сильнейшее впечатление на широкие слои российского общества. «Новости, приносимые из суда, — вспоминала Вера Фигнер, — находили широкий отклик в столице. Волновалась учащаяся молодежь, возмущались либеральные круги. Вокруг революционного дела возникали острые вопросы, создавалась атмосфера общественного сочувствия»⁷⁶. Все попытки реакции изменить ход процесса в свою пользу, оклеветать революционеров и возбудить общественность против них⁷⁷ оказались

⁷⁴ Завещание подписали П. И. Войнаральский, Ф. В. Волховский, С. А. Жебунев, С. П. Зарубаев, Т. А. Квятковский, С. Ф. Ковалик, В. Ф. Костюрин, Ф. Н. Лермонтов, А. И. Ливанов, А. О. Лукашевич, П. М. Макаревич, М. Д. Муравский, В. А. Осташкин, Д. М. Рогачев, М. П. Сажин, С. С. Синегуб, И. О. Союзов, В. А. Стаховский, С. А. Стопане, Н. А. Чарушин, И. Н. Чернявский, С. Л. Чудновский, Л. Э. Шишко и Е. К. Брешко-Брешковская. Фотокопия завещания хранится в Государственном историческом музее в Москве (ф. 282, бывший фонд Музея революции, д. 327, л. 290). Впервые текст его был опубликован в № 6—7 журнала «Община» за 1878 г. (стр. 1).

⁷⁵ Г. В. Плеханов. Русский рабочий в революционном движении. По личным воспоминаниям. М., 1940, стр. 51.

⁷⁶ «Народоволец А. И. Баранников в его письмах». М., 1935, стр. 27; ср.: П. А. Кропоткин. Указ. соч., стр. 269; В. Г. Короленко. Собр. соч., т. 6, стр. 196.

⁷⁷ Ради этого придворные и правительственные вельможи не гнушались распускать грязные сплетни (А. Ф. Конни. Указ. соч., т. 2, стр. 48).

тщетными. Процесс, задуманный оруженосцами царизма как посрамление крамолы, на деле вылился в яркую демонстрацию величия и притягательной силы революционного движения. «Нечего уже говорить о молодежи: для нее судившиеся были образцом величайших гражданских добродетелей, — свидетельствовал Н. С. Русанов. — Но и так называемое общество с каждым днем процесса проникалось к ним все большим и большим сочувствием. Такие речи, как Мышкина, нравственно опиравшиеся на столь бесстрашное поведение, которое обнаруживал перед судьями хотя бы тот же Мышкин, поражали даже самого тупочувственного обывателя удивительно душевной красотой»⁷⁸.

Впечатления от процесса выражались не только в росте симпатий и сочувствия лично к подсудимым. Процесс вызвал «известный подъем оппозиционного духа» в обществе⁷⁹. Революционные силы заметно активизировались. Народники во время процесса расширили пропаганду и агитацию среди интеллигенции. Усиленно работала нелегальная типография «Земли и воли», в которой печатались отчеты о заседаниях суда и прокламации (в частности, составленный Г. В. Плехановым проект адреса министру юстиции Палену от учащейся молодежи — протест против башибузукской расправы царизма с социалистами⁸⁰). Революционизирующее влияние оказал процесс на передовых рабочих Петербурга («Мы, — рассказывал рабочий-революционер П. Моисеенко, — ловили налету все, что выходило из зала суда, все это давало массу материала для пропаганды»⁸¹), а по некоторым сведениям, — и на «городских работников и крестьян» провинциальных губерний⁸².

Репрессии царского правительства, обрушившиеся на участников «хождения в народ», сыграли известную роль в преодолении анархистских иллюзий 70-х годов.

⁷⁸ Н. С. Русанов. На родине (1859—1882). М., 1931, стр. 152.

⁷⁹ Л. Э. Шишко. Собр. соч., т. IV, стр. 164; ср. Г. В. Плеханов. Русский рабочий в революционном движении, стр. 51.

⁸⁰ «Литературное наследие Г. В. Плеханова». Сб. 1. М., 1934, стр. 381.

⁸¹ П. А. Моисеенко. Воспоминания. 1873—1923. М., 1924, стр. 16.

⁸² Ш. М. Левин. Неизвестный отклик на процесс «193-х». — «Красный архив», 1928, т. 2, стр. 233—234.

Безусловно, решающим фактором, определившим переход народников от анархистского аполитизма к политической борьбе с царизмом, явилась неудача их революционной работы среди крестьянства. Народники увидели, что им не удалось разбудить «коммунистические инстинкты мужика» ни посредством «летучей пропаганды» 1874 г., ни путем устройства постоянных деревенских поселений пропагандистов 1877—1878 гг. Деятельность в деревне «перестала казаться им вернейшим и скорейшим средством повалить существующий порядок»⁸³. А поиски новых путей уже не были связаны с деревней и приводили к мысли о необходимости политической борьбы с самодержавием. Ускорили же этот переход правительственные репрессии, в первую очередь политические процессы «50-ти» и «193-х», которые столкнули народников лицом к лицу с царским правительством.

Однако самим народникам казалось, что именно процессы (особенно «193-х») «раскрыли глаза обществу» и «резко изменили настроение революционной партии», толкнув ее от пропаганды к терроризму⁸⁴. Эта сторона вопроса отмечена в известном резюме В. И. Ленина: народникам «на практике пришлось убедиться в наивности представления о коммунистических инстинктах мужика. Решено было, впрочем, что дело не в мужике, а в правительстве (т. е. не в отсутствии «коммунистических инстинктов» у мужика, а в правительственных репрессиях коренится первопричина неудачи «хождения в народ». — *Н. Т.*), и вся работа была направлена на борьбу с правительством»⁸⁵.

Тем не менее роль процесса «193-х» как фактора, ускорившего переход народников к политической борьбе, неоспорима и общепризнана⁸⁶. В этом отношении показательно, что с 1878 г. вслед за процессом и начался

⁸³ Г. В. Плеханов. Соч., т. XXIV, стр. 97.

⁸⁴ Ср.: О. В. Аптекман. Указ. соч., стр. 285; Л. Э. Шишко. Собр. соч., т. IV, стр. 164, 165; М. Р. Попов. Записки землевольца. М., 1933, стр. 106.

⁸⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 286.

⁸⁶ В. А. Твардовская. Кризис «Земли и воли» в конце 70-х годов. — «История СССР», 1959, № 4, стр. 61; П. С. Ткаченко. Революционная народническая организация «Земля и воля». М., 1961, стр. 263.

новый, террористический этап народнического движения. Самый крупный из первых террористических актов — убийство шефа жандармов Н. В. Мезенцева 4 августа 1878 г. — был отмщением Мезенцеву за его демарш перед царем об изменении приговора по делу «193-х»⁸⁷.

Участники процесса «193-х» А. И. Желябов, С. Л. Перовская, Н. А. Морозов, М. Ф. Грачевский, А. А. Франжоли, М. Р. Ланганс, Т. И. Лебедева, А. В. Якимова, Н. А. Саблин (оправданные судом) выступили в роли зачинателей и вождей политического направления в революционном народничестве 70-х годов. Остались в строю революционных борцов и многие из осужденных по делу «193-х» на каторгу и в ссылку. Откликаясь на их завещание, редактор народнического журнала «Община» Д. А. Клеменц в сентябре 1878 г. пророчески утверждал: «Суждено ли нашим товарищам погибнуть в тюрьме среди пыток и мучений, удастся ли им снова попасть на вольный свет — все равно: они будут жить между нами, будут жить, пока останутся на Руси живые люди, способные понимать живое слово... ни казни, ни осадные положения не остановят нас на пути исполнения завещания наших товарищей — и оно будет исполнено!»⁸⁸

⁸⁷ Л. Э. Шишко. Собр. соч., т. IV, стр. 163; С. С. Синегуб. Воспоминания чайковца. — «Былое», 1906, № 10, стр. 71; М. Ф. Фроленко. Собр. соч., т. 2. М., 1932, стр. 41—42.

⁸⁸ «Община», 1878, № 8—9, стр. 2, 4 (Разрядка наша. — Н. Т.).

В. С. Антонов

**К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОМ СОСТАВЕ
И ЧИСЛЕННОСТИ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ
70-Х ГОДОВ**

Вопрос о социальном составе и численности революционеров-семидесятников принадлежит к числу сравнительно малоизученных проблем в истории освободительного движения в России.

За более чем 30-летний период, прошедший с момента опубликования Н. Сидоровым выборочных данных III отделения¹, в нашей литературе почти не появлялось ничего нового. Единственным исключением был выход в свет первого тома сборника «Революционное народничество 70-х годов», в одном из примечаний которого сделана попытка на основе публикации Сидорова и других статистических материалов III отделения определить примерную цифру лиц, подвергшихся политическим репрессиям за весь период 70-х годов. В иностранной печати в 1959 г. появилась небольшая заметка И. Авакумовика², который, не выводя общей цифры участников движения, попытался с помощью сведений биобиблиографического словаря «Деятели революционного движения в России» и энциклопедии «Гранат» дать социальную характеристику репрессированных в 70-е годы.

Однако все эти попытки имеют недостатки. Они охватывают небольшой отрезок времени (публикация Н. И. Сидорова) или не включают лиц, подвергшихся таким видам репрессий, как обыски (без последующего ареста), исключение из учебного заведения и т. п.

Между тем в нашем распоряжении есть источник, который с большой полнотой может дать представление об

¹ Н. И. Сидоров. Статистические сведения о пропагандистах 70-х годов в обработке III отделения.— «Каторга и ссылка», 1928, № 1.

² J. A v a k u m o v i c. A Statistical Approach to the Revolutionary Movement in Russia. 1878—1887.— «The American Slavic and East European Review». April 1959, № 2.

истинном положении дела. Мы имеем в виду биобиблиографический словарь «Деятели революционного движения в России» (т. 2, вып. 1, 2, 3, 4 — «Семидесятые годы»). Составленные на основе архивных данных справки «Словаря», с одной стороны, включают лиц, подвергшихся всевозможным видам репрессий властей (аресты, судебное и административное преследование, обыски, исключение из учебных заведений, установление гласного и негласного надзора), с другой — дают исключительную возможность для правильной группировки деятелей по различным социальным категориям. Это особенно важно потому, что существовавшее в царской России официально узаконенное деление по сословиям не отражало действительной классовой дифференциации.

Подсчеты по «Словарю» числа лиц, подвергшихся политическим репрессиям, могут дать представление лишь о примерном общем числе участников революционного движения в России тех лет, но, разумеется, не могут быть исчерпывающими. Однако, по нашему мнению, здесь важны не абсолютные цифры, а те процентные соотношения и закономерности, которые выявляются при их анализе (табл. 1)³.

В статье «Роль сословий и классов в освободительном движении» В. И. Ленин на основе приведенных им расчетов Я. Бермана за 1884—1900 гг. подчеркнул «роль разночинца в эпоху народничества». В. И. Ленин писал о «выдающейся роли учащихся и интеллигентов» в период 1884—1890 гг.⁴ Процент участников движения, принадлежавших к «либеральным профессиям и учащимся», для 1884—1890 гг. был выше 53%⁵.

³ При группировке лиц по различным социальным группам мы принимали в расчет реальное положение того или иного лица, а не его сословную принадлежность. Подсчет по сословной принадлежности при наличии достаточных материалов о социальном положении и роде занятий (несомненным достоинством «Словаря» является то, что он в большинстве случаев такой материал дает), по нашему мнению, запутал бы истинную картину и искусственно увеличил бы процент крестьян. Очень многие пролетарии России, трудившиеся на крупных промышленных предприятиях, официально числились крестьянами или мещанами. При группировке лиц по различным категориям за исходное принималось их социальное положение в момент вступления в революционную деятельность.

⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 398.

⁵ Там же.

Таблица 1

Социальный состав участников революционного движения

Социальное положение	Число участников	% к общему числу
Рабочие	807	14,0
Ремесленники, кустари	101	1,7
Крестьяне	314	5,0
Солдаты, младшие военные специалисты	145	2,5
Мелкие служащие	269	4,7
Служащие	207	3,6
Земские служащие	65	1,0
Собственники предприятий, купцы . .	29	0,5
Священники	22	0,3
Адвокаты, актеры	53	0,9
Офицеры, военные чиновники	53	0,9
Литераторы	18	0,3
Учителя	433	7,6
Врачи, фельдшера, акушерки	178	3,0
Учащиеся низших и средних общеобразовательных и специальных школ	644	11,3
Семинаристы	266	4,6
Военные гимназисты, юнкера	37	0,6
Студенты и вольнослушатели высших учебных заведений	2023	37,5
Итого	5664*	100,0

* Наши подсчеты числа участников революционного движения 70-х годов весьма существенно расходятся с данными И. Авакумовика, который пришел к выводу, что университеты и другие высшие учебные заведения, а также низшие школы давали участников революционного движения более чем в 6 раз по сравнению с рабочими и более чем в 55 по сравнению с крестьянами. 449 интеллигентов он сопоставлял с 76 рабочими и лишь 9 с крестьянами. Такие результаты получились у Авакумовика, по нашему мнению, из-за некритического следования за материалами официальной статистики (Авакумовик сообщает, что его данные о социальном происхождении революционеров основываются «на узаконенных классовых подразделениях, которые существовали в России»).

Как показывают данные «Словаря», в 70-е годы одни только учащиеся составляли больше 50% участников движения, а вместе с лицами интеллигентных профессий — 60%.

Проведенный нами подсчет совпадает с выборочными расчетами статистика III отделения М. М. Меркулова, произведенными по секретным материалам III отделения за период с 1873 по 1877 г. По данным Меркулова «с лишком 50% вносят собою учащиеся и недоучившиеся...»⁶

Студенты (или бывшие студенты) играли ведущую роль почти во всех революционных кружках, сменявших друг друга в 60—70-х годах.

Значительная часть студентов при этом шла в революцию с младших курсов университетов и институтов⁷. Молодежь, покинувшая школы и университеты, была главной силой революционных народнических организаций, из ее рядов вышли многие руководители революционной борьбы того периода.

Статистические данные показывают и определенную разницу в степени вовлечения в революционное движение студентов и вольнослушателей различных высших учебных заведений. «Словарь» дает об этом следующие сведения (табл. 2).

Эти подсчеты (при всей их неизбежной неполноте) показывают весьма любопытную тенденцию: географически революционное движение студенчества в 70-е годы разворачивалось в двух основных районах. Это прежде всего столицы Российской империи Петербург и Москва, дававшие свыше 70% участников, а также университет-

⁶ Н. И. Сидоров. Указ. соч., стр. 32. Меркулов насчитал за 3,5 года 1611 человек, привлеченных к дознанию. Он разбил их на четыре категории: 1) преданных суду; 2) высланных в отдаленные губернии под надзор полиции; 3) подвергнутых полицейскому надзору по месту жительства и административным взысканиям; 4) лиц, в отношении которых следствие прекращено без всяких последствий. Следовательно, вопрос о фактическом участии того или иного лица в революционном движении Меркулов решал исключительно по результатам следствия и рассмотрения его дела в царском суде.

⁷ Это даже дало возможность Низовкину в своих показаниях на следствии утверждать, что «либерализм этот всегда резче проявляется на низших курсах (на первом и втором) и значительно умеряется или вовсе исчезает на высших (на четвертом и пятом)» («Революционное народничество 70-х годов XIX века», т. I. М., 1964, стр. 248) (Разрядка наша.— В. А.). Однако утверждение Низовкина об «исчезновении» революционных настроений у студентов-старшекурсников было явной передержкой: много студентов арестовывалось царской полицией именно с выпускного, 5-го курса.

Таблица 2

Участие студентов и вольнослушателей в революционном движении

Учебное заведение	Число участников	% к общему числу
Академии		
Медико-хирургическая	366	25,9
Петровская земледельческая и лесная	105	7,5
Университеты		
Варшавский	17	1,2
Казанский	16	1,1
Киевский	134	9,5
Московский	103	7,3
Новороссийский	55	3,9
Петербургский	152	10,8
Харьковский	65	4,6
Институты		
Горный	37	2,6
Инженеров путей сообщения	22	1,6
Казанский ветеринарный	5	0,3
Константиновский межевой	4	0,2
Петербургский земледельческий . . .	31	2,2
Петербургский лесной	5	0,3
Технологический	177	12,6
Харьковский ветеринарный	55	3,9
Цюрихский университет и политехни- ческая школа	53	3,7
Ярославский Демидовский лицей . .	12	0,8
Итого	1414*	100,0

* Из всего числа студентов и вольнослушателей, о которых говорится в «Словаре», имеются точные сведения, в каком именно учебном заведении они обучались, только для более 2/3 общего числа.

ские города Украины — около 22%. Остальное распределялось между университетами и институтами Поволжья, Польши и Эстонии, где движение было развито слабо.

Среди всех учебных заведений первенство бесспорно принадлежало Петербургской Медицино-хирургической академии (около 26%). Затем идут Технологический инсти-

тут (12,6%), Петербургский университет (10,8%), Киевский университет (9,5%), Петровская академия (7,5%), Московский университет (7,3%) и др.⁸

Следующей большой и быстрорастущей общественной группой участников движения в 70-е годы стали уже рабочие. Крупные стачки этого периода, волной прокатившиеся по промышленным предприятиям России, вовлекли в революционное движение большое число новых борцов. Не случайно поэтому, что именно в этот период возникали первые самостоятельные рабочие организации — рабочие союзы, объединившие наиболее сознательных пролетариев, некоторые из них уже начали знакомиться с работами К. Маркса. Кроме получивших громкую известность организаторов рабочих союзов и групп, таких, как В. Обнорский, Ст. Халтурин, П. Алексеев, в этот период выдвигаются менее известные, но уже глубоко интересовавшиеся социальными вопросами И. Союзов, В. Герасимов, Д. Александров и др. Как свидетельствует Н. С. Русанов, в петербургских революционных кружках, например, пользовался известностью рабочий Шмидт, который «прочитал и понял всего Маркса»⁹.

Правда, как указывал В. И. Ленин, в 70-е годы пролетарская струя из общего потока народничества выделяться еще не могла.

Общий процент репрессированных в судебном и административном порядке рабочих в 70-е годы, по нашим подсчетам, был уже сравнительно высок (14%), а вместе с близкими к ним по имущественному положению

⁸ Для сравнения приведем данные Меркулова относительно лиц, причисленных им к первой группе (наиболее активных участников движения в 1873—1877 гг.). Из них 34% приходится на учащихся Медико-хирургической академии, 12 — Петровской академии, 11 — Петербургского университета, 8% — Технологического института и т. д. (Н. И. Сидоров. Указ. соч., стр. 32). По общему же подсчету (в отношении 1054 лиц) на Медико-хирургическую академию падало 23%, Технологический институт — 14, Петровскую академию — 13,5, Петербургский университет — 11,5, Московский, Киевский и Харьковский университеты — 6% (там же, стр. 42).

Все эти цифры убедительно показывают, что ведущим центром движения в 70-е годы был Петербург, а студенты и вольнослушатели Петербургской Медико-хирургической академии по степени активности прочно занимали первое место в общероссийском движении.

⁹ Н. С. Русанов. На родине. 1859—1882. М., 1931, стр. 124.

категориями «лиц в услужении» — мелких служащих (приказчиков, половых, счетоводов, дворников, прислуги) он приближался к 20% ¹⁰.

Значительное число участников освободительного движения (почти 12%) было и среди интеллигенции (учителя, врачи, литераторы).

Об отсутствии открытой массовой борьбы крестьян (подобно, например, крестьянской борьбе периода первой революционной ситуации) свидетельствует сравнительно небольшой (около 5%) удельный вес репрессированных крестьян, занимавшихся земледелием. Здесь большую группу составили репрессированные по Чигиринскому делу. Многие привлеченные к суду крестьяне обвинялись в тех или иных «пассивных» формах сопротивления властям: возбуждении слухов о переделе земли, контрабандном провозе революционной литературы в пограничной местности и т. д.

Небольшой процент участников движения дворян-офицеров (всего около 1) показывает закономерное снижение роли дворянства в разночинский период освободительного движения. В то время известность получила только одна организация в военной среде — «кружок артиллеристов», существовавший в начале 70-х годов в Михайловском артиллерийском училище (Н. Н. Теплов, В. А. Усачев и др.), тесно связанный с «чайковцами». В 70-е годы передовые офицеры, усвоившие прогрессивные взгляды, как правило, предпочитали выходить в отставку. Они или прямо вступали в революционные кружки, или поступали студентами и вольнослушателями в высшие учебные заведения. Группа солдат и младших военных специалистов (2,5%) значительно больше группы дворян-офицеров, что свидетельствует о дальнейшей демократизации движения.

В заключение необходимо прокомментировать общую полученную нами цифру участников движения — 5664 человека. Как известно в опубликованных Н. И. Сидоровым подсчетах статистика III отделения, за 3,5 года об-

¹⁰ В публикации Сидорова процент рабочих по трем главным группам (подвергнутых судебному преследованию, высланных под надзор в отдаленные губернии и подвергнутых полицейскому надзору по месту жительства) составил 14,5 (Н. И. Сидоров. Указ. соч., стр. 42).

щее число активных участников определялось в 1054 человека¹¹.

В. Кармалина и К. Ляшенко в «Обзоре документальных материалов по истории революционного народничества», приводя общие данные III отделения за 1873 — март 1879 г., указывают 2564 человека¹². Однако, по нашему мнению, и эта цифра неполна; данные «Словаря» более точно отражают истинную картину. Ведь сами статистики III отделения оговаривали, что они не включают в свой подсчет крестьян, проходивших по Чигиринскому делу, а также лиц, высланных за участие в беспорядках на фабриках и в высших учебных заведениях без привлечения к дознанию (последняя категория была весьма многочисленна).

Статистические материалы позволяют сделать вывод об отсутствии в 70-е годы широкого движения народных масс, которые все еще слабо были вовлечены в борьбу. Несмотря на участие рабочих-передовиков и части крестьян, движение остается еще в основном движением революционной интеллигенции. Решительное изменение его характера произошло только впоследствии, уже на новом, пролетарском этапе освободительной борьбы в России.

¹¹ Некоторые советские исследователи (например, О. Д. Соколов) уже обращали в печати внимание на сомнительность этой цифры в условиях роста массового движения 70-х годов.

¹² «Революционное народничество 70-х годов XIX века». т. I, стр. 480.

В. Г. Серебrenникова

**ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА
ПЕРИОДА ВТОРОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ
СИТУАЦИИ**

Журналы «Отечественные записки» и «Дело»

Демократические журналы «Отечественные записки» и «Дело» были в конце 70-х и начале 80-х годов наиболее распространенными легальными народническими органами. Хотя наряду с революционно-демократической тенденцией в журналах была представлена и либерально-народническая, но в целом они способствовали революционизированию общественного сознания. Это было обусловлено прежде всего сотрудничеством в них многих видных революционных деятелей тех лет: П. Л. Лаврова и В. В. Берви (в «Отечественных записках» и «Деле»), Н. К. Михайловского (в «Отечественных записках»), П. Н. Ткачева, Л. А. Тихомирова, С. М. Кравчинского, Н. В. Шелгунова, Л. И. Мечникова (в «Деле»), а также деятелей зарубежного революционного движения Ш.-В. Жаклара, Г. Лефрансэ, Ж. Валлеса и др.

В журналах сотрудничали также крупнейшие публицисты и беллетристы демократического направления. В «Отечественных записках» публиковалось большинство сатирических произведений М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. Н. Островского, Г. И. Успенского, В. М. Гаршина. На страницах «Дела» также выступали авторы демократического направления: К. М. Станюкович, А. К. Шеллер-Михайлов, Н. Ф. Бажин, П. В. Быков. В обоих журналах печатались и многие беллетристы-народники: Н. И. Наумов, Н. Е. Петропавловский, И. А. Салов и др., которых В. И. Ленин ценил «за правильное изображение жизни, за проникновение в жизнь и быт народа»¹.

¹ В. Д. Бонч-Бруевич. Ленин о книгах и писателях.— «Литературная газета», 21 апреля 1955 г.

Эти демократические журналы в период второй революционной ситуации отражали рост общественно-политической активности масс и передовой народнической интеллигенции, а также различные тенденции в народничестве. Но эти стороны их деятельности недостаточно отражены в имеющейся литературе².

О революционном воздействии демократических журналов на разночинную интеллигенцию свидетельствуют в своих воспоминаниях многие общественные деятели того времени. Современники отмечали постоянный «обмен мыслями», происходивший «между двумя отделами печати, между надпольем и подпольем»³. Члены военной организации «Народной воли» прямо заявляли, что легальная литература того времени сильно способствовала поддержанию в них «революционного духа» и что «многие статьи, помещенные в журналах с радикальным направлением, пели прямо в унисон партии»⁴. В. Н. Фигнер, говоря о влиянии прогрессивной литературы на военную среду, указывала, что даже в полковых библиотеках имелись такие журналы, как «Отечественные записки», «Дело», «Слово»⁵. По словам Н. Русанова, С. Халтурин очень внимательно читал внутренние обозрения «Отечественных записок» и излагал их содержание на занятиях в рабочих кружках⁶.

Популярность демократических журналов неуклонно возрастала, о чем свидетельствуют следующие цифры: число подписчиков главного революционно-демократического органа 1850—1860 гг. — «Современника» — с 3000 в 1854—1856 гг. возросло до 6500 в 1861 г.⁷; тираж журнала «Дело» возрос с 4 тыс. экземпляров в 1870 г.⁸ до 6 тыс. в 1880 г.⁹; еще больше увеличился тираж «Оте-

² Если по «Отечественным запискам» конца 70 — начала 80-х годов имеется несколько работ (В. Е. Евгеньева-Максимова, Д. И. Заславского, Б. П. Козьмина, Н. П. Емельянова), то о журнале «Дело» рассматриваемого периода нет никаких монографий.

³ Н. С. Русанов. Из литературных воспоминаний. — «Былое», 1906, № 12, стр. 38.

⁴ «Каторга и ссылка», 1925, № 5, стр. 221.

⁵ В. Н. Фигнер. Полн. собр. соч., т. IV. М., 1932, стр. 217.

⁶ Н. С. Русанов. На родине. 1859—1882. М., 1931, стр. 128.

⁷ «Русская периодическая печать в России 1702—1894 гг.». М., 1959, стр. 249.

⁸ Б. И. Есин. Демократический журнал «Дело». М., 1959, стр. 16.

⁹ Архив ИРЛИ, ф. А. В. Старчевского (583), д. 332, л. 34.

чественных записок» — с 5 тыс.¹⁰ в 1868 г. до 10 тыс. в 1882 г.¹¹

Широкая популярность демократических журналов усиливала подозрительное отношение к ним со стороны правительства и местных властей. В воспоминаниях рабочего-революционера В. С. Панкратова сообщается, что обнаруженные при обысках книжки «Отечественных записок» забирались жандармами как «вещественное доказательство» неблагонадежности¹². М. Е. Салтыков-Щедрин в одном из писем Елисееву писал, что министр внутренних дел Игнатьев объяснял ему цензурные строгости по отношению к журналу тем, что «подследственные политические беспрестанно ссылаются на статьи из „Отечественных записок“»¹³. Цензурные учреждения оценивали деятельность демократических журналов как «социалистическую пропаганду» и требовали обращать на них более строгое внимание¹⁴. Главную тенденцию «Отечественных записок» они видели в явном глумлении над действующими в стране законами, в осуждении «правительства и администрации, для которых будто бы не существует закона, а руководством служит один произвол»¹⁵. Журнал «Дело» цензура рассматривала как «настольную книгу той части молодежи, которая является поборницей и последовательницей нигилизма и всех вредных и опасных учений этого рода»¹⁶.

В циркуляре министра народного просвещения от 1 февраля 1880 г. указывалось: «Ввиду появившихся в последнее время в нашей периодической прессе статей о системе образования, имевших вредное влияние на учащуюся молодежь..., государь император повелеть изволил, чтобы воспрещено было обсуждение в периодической печати высочайше утвержденной системы образования учебных заведений и ее применения, равно и проекта нового университетского устава»¹⁷. В то же время сек-

¹⁰ «Русская периодическая печать в России 1702—1894 гг.», стр. 284.

¹¹ ЦГИА СССР, ф. С.-Петербургского цензурного комитета (777), оп. 2, д. 60, л. 405.

¹² В. С. Панкратов. Воспоминания. М., 1923, стр. 7.

¹³ Н. Щедрин. Полн. собр. соч., т. XIX, 1939, стр. 236.

¹⁴ ЦГИА СССР, ф. Главного управления по делам печати (776), оп. 3, д. 89, ч. II, л. 80.

¹⁵ Там же, д. 53, л. 245, 314.

¹⁶ Там же, д. 89, ч. II, л. 4-а.

¹⁷ Там же, оп. 8, д. 13, л. 1.

ретный циркуляр Главного управления по делам печати предписывал, чтобы «при настоящих обстоятельствах в печати не появлялось решительно никаких сведений и известий об арестах по политическим делам»¹⁸. Обобщая многочисленные примеры такого рода, свидетельствующие о жестокости цензуры, Г. З. Елисеев писал в «Отечественных записках»: «стали запрещать говорить обо всем, о чем вздумается администрации и когда вздумается..., на все бывали запрещения, положительно на все. Нельзя писать о полиции, нельзя писать об урядниках, нельзя писать о гимназиях, об университетском уставе, о бедности мужика, о голодовании народа, о молодом поколении, об угнетении рабочих капиталом, о народных школах и т. д.»¹⁹

Однако демократические журналы умудрялись все же обходить все рогатки цензуры и доносить до читателя свои взгляды. Это качество народников-публицистов отмечалось В. И. Лениным, который высоко оценивал умение Чернышевского проводить революционные идеи на страницах легальной печати²⁰ и ставил в заслугу Михайловскому «...его сочувствие и уважение к „подполью“, выраженное намеками в его статьях»²¹. Насколько это было мучительно трудно для журналистов, можно судить по тому, что писал об этом М. Е. Салтыков-Щедрин в очерке «Похороны»: «писатель не знает, в какие чернила обмакнуть перо, чтобы выразить ее (свою мысль.— В. С.), не знает в какие ризы ее одеть, чтобы она не вышла уж чересчур доступной... Ужели есть на свете обида более кровная, нежели это нескончаемое эзопство»,—с сокрушением заключал Салтыков-Щедрин²².

* * *

Главным для журналов «Дело» и «Отечественные записки» была борьба против всех остатков «крепостничества и средневековья», против самодержавия и бюрократии, за широкие демократические преобразования; эта борьба сочеталась с утопическим стремлением добиться того, чтобы Россия миновала капиталистический путь

¹⁸ Там же, оп. 7, д. 6, л. 1.

¹⁹ «Отечественные записки», 1880, № 10, отд. II, стр. 262.

²⁰ См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 20, стр. 175.

²¹ См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 24, стр. 334.

²² «Отечественные записки», 1878. № 9, отд. I, стр. 249.

развития. Но у каждого из журналов были и свои особенности, отразившие различные течения внутри народничества.

В журнале «Отечественные записки» начала 80-х годов получил отражение тот перелом, который произошел в революционном народничестве по отношению к политической борьбе и который обусловил деятельность народовольцев. В «Литературных заметках» Н. К. Михайловский рассматривает «развитие, минуя политические формы», лишь как «теоретическую возможность», которая на практике «обращается в простую иллюзию»²³. Он подчеркивал необходимость завоевания политической свободы. «Нужен прежде всего свет,— писал Михайловский,— а свет есть безусловная свобода мысли и слова, а безусловная свобода мысли и слова невозможна без личной неприкосновенности, а личная неприкосновенность требует гарантий»²⁴. В нелегальной печати он формулирует свою мысль еще конкретнее. Обосновывая в сущности линию народовольческой партии, он писал в ее органе «Народная воля» в 1879 г., что нельзя отказываться от политической борьбы, что «Александр II не даст конституции; ее можно только вырвать у него»²⁵.

«Делу», находившемуся под предварительной цензурой, было труднее прямо высказываться по таким острым политическим вопросам, как отношение к политической борьбе и конституции. Но журнал находил способы сказать свое слово. В международной «Политической и общественной хронике», которую вел активный деятель Парижской Коммуны Ш.-В. Жаклар (Жика), на примере республиканской Франции того времени достаточно ясно раскрывалось, какое благотворное влияние на жизнь страны оказывает завоевание демократии²⁶.

Ряд ведущих сотрудников журнала проводил через рогатки цензуры идеи демократической революции. Именно революцию имел в виду Салтыков-Щедрин, когда страстно восклицал: «Заря опять придет... и не только заря, но и солнце!»²⁷ Демократические журна-

²³ «Отечественные записки», 1880, № 9, отд. II, стр. 139.

²⁴ Там же.

²⁵ «Литература партии „Народная воля“». М., 1930, стр. 28.

²⁶ «Дело», 1880, № 9, отд. II, стр. 197—198.

²⁷ «Отечественные записки», 1878, № 1, отд. I, стр. 307.

лы, чтобы обойти бдительность цензуры, зачастую обращались к историческому опыту, к истории революций в других странах. Они находили способы выражать свое отношение и к революционной борьбе народовольцев, к их «единоборству» с самодержавием.

Основное ядро сотрудников журналов сочувственно относилось к самоотверженной борьбе народовольцев с самодержавием, приобретающей весьма важное политическое значение в годы второй революционной ситуации. Некоторые сотрудники журналов были связаны с народовольческим подпольем.

В неопубликованной рукописи участницы революционного движения того времени писательницы П. С. Ивановской-Волошенко «Очерки истории революционного движения в России 1870—1880-х гг.» указывается, что в редакциях журналов «Дело», «Отечественные записки» и «Слово» перед 1 марта 1881 г. знали и говорили о предстоящем событии. Михайловский, Кривенко, Шелгунов, Успенский ждали его и накануне 1 марта на квартире у Шелгунова обсуждали политический момент²⁸. О сочувствии революционерам и об оппозиции правительству можно судить также и по тону журнальных сообщений о покушениях на Александра II в 1879 и 1880 гг. Главное управление по делам печати отмечало, что эти информации печатались «как ничего не значащее происшествие» там, где помещаются объявления, и «не сопровождалась ни осуждением, ни порицанием»²⁹.

В ряде беллетристических произведений, публиковавшихся в «Деле» (романы А. К. Шеллера-Михайлова, К. М. Станюковича и т. д.), за которыми цензура следила менее пристально, чем за публицистикой, с большим сочувствием выводились образы революционеров.

Но нужно отметить, что в этих же журналах содержалось и осуждение индивидуального террора как метода политической борьбы. В одном из «Внутренних обзоров» «Отечественных записок» говорилось: «Повторяющиеся покушения... не имеют никаких корней ни в народе, ни в обществе»³⁰. Отрицательно относился к

²⁸ ЦГАЛИ, ф. 1207, д. 42, л. 10.

²⁹ ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 3, д. 53, л. 294.

³⁰ «Отечественные записки», 1879, № 12, отд. II, стр. 209.

террору и редактор журнала М. Е. Салтыков-Щедрин. В одном из своих писем к А. Энгельгардту он писал о террористических актах, как о «бессмысленных убийствах и покушениях»³¹.

Отношение Михайловского к террору было непоследовательным. Н. Рusanов в статье «Политика Н. К. Михайловского» писал, что тот увлекся Дюрингом, его идеями о господствующей роли «политики» и «насилия» в человеческом развитии и находил в них «эффектное философское обоснование» терроризму³². Но одновременно Михайловский приходил к выводу, что «маломальски принципиальные люди пытаются принимать решение..., осуществление которого могло бы произойти совершенно мирно»³³.

В сущности в этом же духе высказывался Михайловский и в 1881 г. в «Политических письмах социалиста» («Народная воля», № 3), охарактеризовав террор как политическую борьбу, но «отрывочную, бессистемную, неосознанную». Он восклицал: «Нет, не Гейкинг и Кропоткин (царские чиновники, убитые террористами, — В. С.) должны быть убиты, а идея самодержавия». Эти слова редакция «Народной воли» сопроводила следующим замечанием: «Мы не вполне понимаем взгляд автора на политические убийства. Во всяком случае, не берем ответственности за его мнения»³⁴.

Одним из проявлений политической борьбы против царизма и всех остатков крепостничества служило всестороннее обличение самодержавно-крепостнического строя и политики правительства в период «кризиса „верхов“». Демократическая печать, в том числе и легальная, продолжала славную традицию 60-х годов. Самым острым разоблачителем этой политики был М. Е. Салтыков-Щедрин.

В первый период революционной ситуации (до начала 1880 г.), когда царизм пытался укрепить свое положение дальнейшим усилением репрессий, Салтыков-Щедрин прямо выступал с резкой критикой режима самодержавия. Он отмечал, что всюду господствует тупая

³¹ Н. Щедрин. Полн. собр. соч., т. XIX, стр. 121.

³² «Былое», 1907, № 7, стр. 130.

³³ «Отечественные записки», 1878, № 9, отд. II, стр. 173.

³⁴ «Литература партии „Народная воля“», стр. 53.

и жестокая бюрократия, дающая своей «глупости» и «безалаберщине» название «идеи» и «системы»³⁵. А после покушения А. К. Соловьева в очерках «Круглый год», передавая гнетущую атмосферу того времени, писал: «Разве я один боюсь? Нет, все боятся, все до единого»³⁶.

В 1880 г., когда правительство было вынуждено изменить свою тактику, основное ядро сотрудников демократических журналов не дало себя обмануть. Салтыков-Щедрин зло высмеивал программу Лорис-Меликова, говоря о ней как о «новой теории умиротворения» действующей, однако, «не без участия строгости и скорости»³⁷. Успенский насмешливо называл период диктатуры Лорис-Меликова временем, когда «повеял зефир»³⁸, Михайловский в нелегальной прессе метко охарактеризовал политику Лорис-Меликова как тактику «лисьего хвоста» и «волчьего рта»³⁹. На страницах «Отечественных записок» он высказывался скептически в отношении надежд, возлагаемых либеральным обществом на нового диктатора. «В наше трудное время, с усложнением всех общественных отношений Гарун-аль-Рашид (т. е. Лорис-Меликов.— В. С.) стал невозможностью», и доверять такого рода деятелям «безумно»⁴⁰.

В журнале «Дело» Станюкович охарактеризовал политику Лорис-Меликова как сочетание «Уложения о наказании» с подкупом «недовольных». В противовес восторженному оптимизму либералов, журнал отрицал возможность «императорского прогресса»⁴¹.

Но нужно сказать, что в этом важном вопросе в журналах не было полного единодушия. Г. З. Елисеев, например, сочувственно оценивал программу Лорис-Меликова и даже пытался уверить представителей прессы, что «теперь работы ее будут встречаться властью полным пониманием»⁴². А Салтыков-Щедрин заклеил

³⁵ «Отечественные записки», 1879, № 1, отд. I, стр. 301.

³⁶ Там же, № 10, отд. I, стр. 243.

³⁷ Там же, 1880, № 11, отд. I, стр. 256.

³⁸ Там же, 1881, № 1, отд. I, стр. 307.

³⁹ «Литература партии „Народная воля“», стр. 77.

⁴⁰ «Отечественные записки», 1880, № 11, отд. II, стр. 136.

⁴¹ «Дело», 1880, № 2, отд. II, стр. 145—147; там же, № 4, отд. II, стр. 135.

⁴² «Отечественные записки», 1880, № 11, отд. II, стр. 241.

российский либерализм формулой «применительно к подлости». Станюкович в «Деле» бичевал лицемерие забот либералов о народе, их добрые намерения, которыми «вымошен ад и сердце всякого либерала, имеющего возможность получить хороший доход за сокращение человеческой жизни»⁴³.

Период второй революционной ситуации характеризуется резким обострением нужды и бедствий угнетенных классов. Демократические журналы на своих страницах отражали это ухудшение положения народных масс. Можно сказать, что нет ни одного номера журналов «Отечественные записки» и «Дело», где бы не говорилось о тяжелом положении народа, главным образом крестьянства. Так, в «Отечественных записках» писалось: «Скот мрет и мельчает, неудобряемая земля истощается, вырубка лесов отразилась роковыми последствиями. Голодовки захватывают из года в год все более и более широкие полосы»⁴⁴. Особое внимание журналы обращали на малоземелье, как на важнейшую причину упадка крестьянского хозяйства. Русанов в журнале «Дело» отмечал, что фактический крестьянский надел составлял в среднем 2 десятины, в то время как официально установленным размером земельного надела, способным обеспечить крайний минимум жизненных потребностей крестьян, был признан участок в 4,5 десятины⁴⁵. В журналах на конкретных примерах показывались вся разорительность для крестьян отработочной системы, тяжесть налогового обложения. Подводя итоги 1879 г., обозреватель «Дела» писал: «Нищета, разорение и упадок — таковы характерные черты русской действительности»⁴⁶, а зима 1880 г. признавалась исключительно тяжелой для русского крестьянства⁴⁷.

Но журналы писали не только о крестьянской нужде, но и об усилившейся борьбе крестьян за землю. В конце 70-х годов среди крестьян стали распространяться слухи о якобы предстоящем общем переделе земли, весьма взволновавшие их. В очерке писателя

⁴³ «Дело», 1878, № 2, отд. II, стр. 463.

⁴⁴ «Отечественные записки», 1880, № 10, отд. I, стр. 585.

⁴⁵ «Дело», 1880, № 10, отд. II, стр. 68.

⁴⁶ Там же, № 1, отд. II, стр. 109.

⁴⁷ Там же, № 8, отд. II, стр. 413.

Н. Наумова, названном самим автором «Экскурсия в область крестьянской жизни», старик крестьянин говорит: «Теперя в одно только и веру питаем. Скоро передел земли будет!... Силы нет терпеть»⁴⁸. В отзыве цензора на этот очерк справедливо отмечалось, что «слова крестьянина проникнуты злостью к помещикам»⁴⁹.

В «Отечественных записках» отмечалось, что охватившее крестьян брожение выливалось порой в крестьянские бунты, что «слухи о бунтах против помещиков по случаю подложных известий о царских указах упорно держатся»⁵⁰.

Особенно большое внимание общества и печати привлекли волнения бывших помещичьих крестьян с. Люторичи Тульской губернии в 1878—1879 гг. Демократические журналы решительно встали на сторону крестьян. Г. Елисеев в «Отечественных записках» писал, что действия люторических крестьян есть не что иное, как «болезненные крики, до которых доводятся крестьяне рядом невыносимых притеснений, жестоких мер, разорений»⁵¹. В «Отечественных записках» приводились многочисленные факты о «так называемых бунтах крестьян», возникших в период летней страды и выразившихся в отказе крестьян работать по контрактам, заключенным зимой⁵². В журналах также помещались сведения о крестьянских волнениях в Тамбовской, Полтавской и других губерниях.

Журнал «Отечественные записки» в 1879 г. отмечал, что «настоятельность немедленного разрешения вопроса о недостаточности крестьянских земельных наделов остается невыясненной правительству и его органам», подводя читателей к мысли, что нужно решать земельный вопрос, минуя правительство⁵³. То же мы видим и в журнале «Дело», где в анонимной статье «Современный сельскохозяйственный кризис в России» высказывалась уверенность, что переход земли от землевладельцев к крестьянам «будет совершаться с возрастающей

⁴⁸ Там же, 1881, № 6, отд. I, стр. 166—167.

⁴⁹ ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 3, д. 89, ч. II, л. 84.

⁵⁰ «Отечественные записки», 1881, № 10, отд. II, стр. 138.

⁵¹ Там же, № 1, отд. II, стр. 93—94.

⁵² Там же, № 10, отд. II, стр. 137—138.

⁵³ Там же, 1879, № 12, отд. II, стр. 214—215.

быстротой» и приведет к удалению помещичьего дворянства от земли. Автор не говорил о крестьянской революции, которая только и могла удалить дворянство от земли, но статья наводила читателей на эту мысль⁵⁴.

Такого рода статьи в легальной демократической прессе давали повод либералам и реакционерам обвинять ее в пропаганде идеи уничтожения частной собственности, преимущественно поземельной. Автор анонимного доноса в Главное управление по делам печати требовал «изъятия такой более или менее замаскированной проповеди социализма и революционных идей из вопросов, допущенных к обсуждению в периодической печати..., как могущей порождать в среде крестьян и других лиц волнения и опасения»⁵⁵.

В «Деле» и в «Отечественных записках» помещались статьи о положении крестьян во Франции накануне французской революции XVIII в., в которых подчеркивалось, что вопрос этот «самый любопытный для нас» и «связан с насущными интересами нашего общества»⁵⁶. Публицисты «Дела» (Русанов, Станюкович и др.) отмечали некоторые черты сходства в положении крестьян предреволюционной Франции и пореформенной России (малоземелье, отработки, тяжелые повинности и т. д.). Это подводило читателя к выводу, что и для России единственный выход в том пути, который прошла Франция, т. е. в революции и ликвидации помещичьего землевладения. Подобные же идеи проводились и в «Отечественных записках» в статьях П. Л. Лаврова, Н. Ф. Анненского и др., касавшихся тех же вопросов, наталкивая читателей на мысль об аналогии с российской действительностью.

Характерным для второй революционной ситуации является подъем рабочего движения. В этих условиях революционная деятельность народников среди городского пролетариата усиливается, народническая легальная пресса более систематично начинает публиковать материалы по рабочему вопросу. Так, в «Отечественных записках» была опубликована статья Я. Абрамова «Хлу-

⁵⁴ «Дело», 1880, № 7, отд. II, стр. 47—51, 57.

⁵⁵ ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 3, д. 53, л. 272.

⁵⁶ «Дело», 1879, № 4, отд. II, стр. 8, 10.

довщина», содержащая верную характеристику рабочего быта и крупной забастовки текстильщиков на фабрике Хлудова в 1880 г.⁵⁷ «Мы слишком долго игнорировали рабочий вопрос, — писал С. Приклонский в журнале «Дело», — и не успели обстоятельно и систематически изучить нужды и потребности наших рабочих так, чтобы иметь наготове полную программу существенно необходимых мероприятий»⁵⁸. Журнал ставил одной из своих задач восполнить этот пробел. В 1881 г. в «Деле» была опубликована работа С. Шашкова «Русский рабочий», содержащая богатый фактический материал о положении рабочего класса. Автор использовал результаты ряда исследований условий труда и быта российского пролетариата, проведенных в конце 1870 г. И. Янжулом, Ф. Эрисманом и другими земскими деятелями. Такого рода статьи имели серьезное общественное значение; в отличие от статистических сборников и монографических исследований они были вполне доступны для широкого круга читателей.

Правдивое изображение жизни рабочих очень беспокоило цензурные учреждения. В статье Шашкова были усмотрены «вредные тенденции», и пропустившие ее цензоры получили взыскание⁵⁹.

Систематической информации о стачках и рабочих волнениях мы, по понятным причинам, в «Отечественных записках» и в «Деле» не найдем. Но отдельные сведения о выступлениях рабочего класса все же появлялись, в частности в «Хронике рабочего труда в России». Однако сотрудники «Дела» и «Отечественных записок», как и вообще все народники, не могли правильно понять и оценить исторической миссии пролетариата.

Нужно отметить еще одну черту демократических органов печати времени второй революционной ситуации — большую широту их международных политических и исторических интересов. Особенно ярко это проявилось в журнале «Дело» в статьях исторического характера, политической хронике и беллетристике. В эти годы, в частности, появилась историческая статья известного народнического публициста В. Зайцева «Сред-

⁵⁷ «Отечественные записки», 1882, № 3, 4.

⁵⁸ «Дело», 1883, № 1, отд. II, стр. 86.

⁵⁹ ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 3, д. 89, ч. II, л. 85.

невековая демократия» (1878 г.), в которой освещалось революционное движение флорентийских рабочих (чомпи). Годом позже в 1879 г. была напечатана статья Л. Мечникова (В. Басардина) «Долгий парламент и короткая республика в Англии», посвященная истории английской буржуазной революции XVIII в., а затем статья С. Шашкова «Паны и холопы в XVIII в.» (1880 г.) о борьбе крестьянства Чехии, Польши, Литвы, Украины и Белоруссии против своих поработителей.

В «Деле» был помещен первый русский перевод знаменитого романа Р. Джованьоли «Спартак», сделанный С. Степняком-Кравчинским. В журнале появились и первые переводы исторических романов известного испанского писателя Переса Гольдоса из эпохи испанской революции 1820—1823 гг.: «Волонтер» (1879 г.) и «Хамелеон» (1880 г.), а также исторический роман В. Оталини «Гарибальдийцы», отображавший знаменитый поход Гарибальди.

Наибольшее внимание журнал «Дело» уделял истории революционного движения во Франции XIX в. Во многих статьях очень высоко оценивалась роль рабочего класса во французской революции 1848 г., хотя авторы их и не могли еще полностью оценить историческое значение июньского восстания 1848 г., явившегося, по определению В. И. Ленина, «первой великой гражданской войной между пролетариатом и буржуазией»⁶⁰. Интерес к революционным событиям во Франции 1871 г. особенно возрос в начале 80-х годов, когда по амнистии начали возвращаться на родину многие осужденные на каторгу коммунары. Все статьи и воспоминания о Коммуне, публиковавшиеся в «Деле», проникнуты симпатией к ее участникам. В 1879 г. в журнале впервые на русском языке была опубликована первая часть автобиографической трилогии «Жак Вентра» писателя Жюля Валлеса — члена I Интернационала и участника Парижской Коммуны; в 1881 г. были напечатаны «Воспоминания ссыльного» — мемуары участника Парижской Коммуны Симона Майера. Особый интерес представляют воспоминания Г. Лефрансэ (Гальфранка), относящиеся к 1848—1871 гг., в которых он писал, что клич коммунаров «Да здравствует социальная респуб-

⁶⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 38, стр. 305.

лика!» становится лозунгом будущего⁶¹. О судьбе коммунаров сообщалось и в «Политических и общественных хрониках», присылаемых ежемесячно из Парижа бывшим участником Парижской Коммуны Жакларом.

Большое место отводили демократические журналы, главным образом «Дело», и национально-освободительной борьбе народов современной им эпохи. В журнале «Дело» в изучаемые нами годы был помещен ряд статей, характеризующих тяжелое положение угнетенных народных масс Индии, Китая, Индонезии, Афганистана, Ирана, Алжира, Центральной и Южной Африки, французских колоний в Америке, в Полинезии и др. и разоблачающих английскую и французскую колониальную политику. Касаясь положения в Южной Африке, захваченной англичанами, Жаклар в одной из своих хроник писал, что придет день, когда «черные на Мысе» и в соседних колониях приобретут сознание своего могущества, и тогда придет «конец господству англичан на африканском юге»⁶².

Освещая освободительное движение и борьбу пролетариата за рубежом, журнал таким путем пропагандировал свои политические взгляды и свое отношение к русской действительности. Шелгунов писал, что часто приходилось для дезориентации цензуры печатать «статью о французских углекопах по французским фактам и приглашать составить заключение об углекопах русских»⁶³. Ту же мысль мы находим и в журнале «Отечественные записки», на страницах которого отмечалось, что обращение его к иностранной тематике часто бывало вынужденным и имело место «вовсе не потому, ...что мы не находим ничего более интересного для обличения у нас дома, а потому, что о том, что дома, писать нельзя»⁶⁴.

Таковы многообразные проявления революционно-демократического направления, господствовавшего в легальной демократической прессе конца 70-х и начала 80-х годов, отражавшей политические настроения народнического лагеря того времени.

⁶¹ «Дело», 1881, № 9, отд. I, стр. 173.

⁶² Там же, № 4, отд. II, стр. 158.

⁶³ Б. П. Козьмин. Незданная записка Н. В. Шелгунова.— «Каторга и ссылка», 1929, № 8—9, стр. 165.

⁶⁴ «Отечественные записки», 1880, № 10, отд. II, стр. 246.

Однако на страницах журналов «Отечественные записки» и «Дело» находило свое отражение и либерально-реформистское направление, зародившееся еще в 60-х годах. Мы уже приводили некоторые выступления Елисеева на страницах «Отечественных записок», выдержанные в этом духе. Елисеев нередко подвергался полицейским репрессиям за критику правительственных мероприятий, но в то же время для него характерны несогласие с революционными методами борьбы и проповедь мирных преобразований. Елисеев проводил резкую грань между порицанием и отрицанием существующего порядка. «Порицание выражает только критическое отношение к существующему порядку, — писал он в 1879 г., — и если это делается с желанием улучшить этот порядок, то оно ничего, кроме похвалы, не заслуживает». Наоборот, Елисеев резко осуждал то политическое направление, «когда те или другие порядки подвергаются не порицанию, а полному отрицанию... с целью учредить вместо них новые»⁶⁵.

Либеральные колебания по ряду вопросов испытывал и Михайловский. Даже на страницах «Народной воли» он писал, что не верит в народное восстание и не отказывается от союза с либералами⁶⁶.

Но не эти либеральные настроения характеризовали общий дух демократической прессы того времени, в которой решительно преобладали революционно-демократические тенденции.

* * *

В. И. Ленин, считая постановку вопроса о капитализме исторической заслугой народников, указывал вместе с тем, что разрешение ими этого вопроса оказалось неудовлетворительным, поскольку основывалось «на отсталых теориях..., на игнорировании крупнейших фактов русской истории и действительности»⁶⁷.

Наряду с такими типично либерально-народнически-

⁶⁵ «Отечественные записки», 1879, № 10, отд. II, стр. 213 (Рядка наша.— В. С.).

⁶⁶ «Литература партии „Народная воля“», стр. 29, 53.

⁶⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 531.

ми взглядами, как взгляды, изложенные в статье «Новые всходы на народной ниве»⁶⁸, подвергшиеся, как известно, бичующей критике В. И. Ленина⁶⁹, в журналах «Отечественные записки» и «Дело» помещались и статьи, отличавшиеся большей трезвостью суждений и отсутствием идеализации общинных порядков. Успенский, например, подчеркивал, что буржуазные элементы в народном хозяйстве России представляют собой не случайное явление. Он, правда, как и все народники, видел в капитализме, в кулачестве огромное общественное зло, но считал, что капитализм является продуктом органического общественного развития. Так, в очерке «Малые ребята» он писал: «Беда именно в том и состоит, что кулачество — явление не наносное, а внутреннее, что это не пятно, которое можно стереть, а язва, органический недуг»⁷⁰.

Салтыков-Щедрин также не считал капиталистических хищников искусственным наростом на народном теле, а видел в их появлении закономерную смену «крепостного мучительства» «мироедским периодом»⁷¹. Ему была чужда и идеализация общины. Не отрицал развития капиталистических отношений в России и Михайловский, но он считал возможным предотвратить дальнейшее их развитие в стране и призывал к этому.

Большой интерес представляет отношение журнала «Дело» к вопросу о путях дальнейшего развития России. В журнале неоднократно отмечалось, что Россия прочно вступила на путь капиталистического развития, по которому шел Запад. «Попад в водоворот европейской политики и живя солидарной жизнью с Европой, мы должны вертеться в том же водовороте»⁷², — писал Шелгунов. П. Никитин (П. М. Ткачев) отмечал, что община «оказалась абсолютно неспособной предохранить крестьянство от бедности... и самое главное — от пролетариев»⁷³.

⁶⁸ «Отечественные записки», 1879, № 2, отд. II.

⁶⁹ См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 354—412.

⁷⁰ «Отечественные записки», 1880, № 5, отд. I, стр. 26.

⁷¹ Там же, 1879, № 11, стр. 269—270.

⁷² «Дело», 1878, № 10, отд. I, стр. 142—143.

⁷³ Там же, 1879, № 11, отд. II, стр. 317.

Журнал ратовал за ликвидацию экономической отсталости страны, за индустриальный прогресс России. Шелгунов скорбел «за наше черепашее путешествие по пути экономического прогресса»⁷⁴ и призывал «выносить в самом себе все те идеи, которые создавал европейский прогресс»⁷⁵.

Однако позиция демократических журналов в этом вопросе была непоследовательной. Так, публицисты «Дела», в том числе и Шелгунов, нередко вступая в противоречие с собственными утверждениями, противопоставляли крестьянскую общину и «кустарные» промыслы как некое «народное производство» капиталистическому производству и выражали уверенность, что «народное производство» устоит в борьбе с капитализмом и сумеет его преодолеть⁷⁶. Даже такой прогрессивный мыслитель, как Салтыков-Щедрин, оказался совершенно неспособным оценить значение рабочего класса не только в России, но и в Западной Европе, где пролетариат становился в то время грозной силой. В очерках «За рубежом» Салтыков-Щедрин писал: «В Париже уже начинается движение, имеющее положить конец владычеству буржуазии», но он не видел в этом движении «той жизненности и страстности, которые одни могут дать начало действительному движению»⁷⁷.

В 80-х годах начала усиливаться либеральная тенденция в народничестве, наиболее проявившаяся в решении экономических вопросов. Она сказалась прежде всего в идеализации крестьянской реформы. В. И. Ленин писал по поводу статьи «Новые всходы на народной ниве»: «В реформе 1861 г. народник видит санкцию народного производства»⁷⁸.

Именно в то время на страницах «Отечественных записок» начал сотрудничать и В. Воронцов (В. В.). В 1880 г. была опубликована его статья «К вопросу о развитии капитализма в России», а затем ряд других работ, в которых впервые были изложены некоторые положения либеральной народнической доктрины 90-х

⁷⁴ «Дело», 1880, № 2, отд. II, стр. 96.

⁷⁵ Там же, № 4, отд. II, стр. 115.

⁷⁶ Там же, № 12, отд. I, стр. 206.

⁷⁷ «Отечественные записки», 1881, № 1, отд. I, стр. 278.

⁷⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 390.

годов. В. В. ставил в этих статьях задачу экономически обосновать народническую доктрину некапиталистического развития России, подорванную, по его словам, признанием многими народническими писателями и публицистами фактов распада общинных устоев под напором капитализма⁷⁹. В. В. утверждал, что в русском сельском хозяйстве нет «неизбежных результатов капиталистического обобществления земледельческого труда — сокращения мелких хозяйств, ...превращения крестьян в батраков»⁸⁰. Он считал, что в России не существует условий для развития капитализма из-за недостаточности не только внутреннего, но и внешнего рынка. Все рынки уже захвачены, — писал он, — «опытными и ловкими противниками»⁸¹. Он пытался также доказать сокращение числа рабочих в России⁸². Как известно, Ленин показал, что народничество в писаниях В. В. и ему подобных превратилось окончательно из революционного в либеральное, объективно выражавшее интересы не трудового крестьянства, а кулачества.

Либеральное перерождение народничества проявилось и в беллетристических произведениях писателей-народников. Б. Мейлах в работе «Ленин и литературное народничество» писал о чертах реакционной идеализации деревни в творчестве Н. Златовратского, относя переход Златовратского к защите интересов зажиточного крестьянства и кулачества ко времени работы над романом «Устой» (1882 г.)⁸³. Нам представляется, что типично либерально-народническая концепция проявилась у Златовратского в полной мере уже в 1881 г. в его художественно-публицистических «Очерках деревенского настроения», где автор делает попытку теоретически обосновать свои новые позиции. Здесь Златовратский в отличие от «Деревенских будней» (1879 г.) совершенно искусственно отрывает кулаков, в которых по-прежнему видит хищнический элемент деревни, от «хозяйственных мужиков», являющихся в глазах автора

⁷⁹ В. В. Судьбы капитализма в России. СПб., 1882, стр. 4.

⁸⁰ «Отечественные записки», 1880, № 9, отд. II, стр. 15.

⁸¹ Там же, стр. 3.

⁸² Там же, стр. 33—35; 1881, № 3, отд. II, стр. 19; № 8, отд. II, стр. 136.

⁸³ Б. Мейлах. Ленин и проблемы русской литературы конца XIX — начала XX в. Л., 1956, стр. 70.

опорой и основой общины⁸⁴. Как известно, эта либерально-народническая точка зрения была раскритикована Лениным в «Развитии капитализма в России».

Усиление либеральных тенденций в экономической доктрине народничества в начале 80-х годов явилось отражением тех глубоких изменений, которые к тому времени явно обозначились в русской деревне. С расколом крестьянства начало раскалываться и народничество. К 90-м годам это привело к либеральному переждению народничества, программа которого была рассчитана на то, «чтобы заштопать, „улучшить“ положение крестьянства *при сохранении основ современного общества*»⁸⁵.

Но в период второй революционной ситуации господствующим еще было то направление в народничестве, которое стояло на революционных позициях.

* * *

Большой интерес представляет трактовка в легальных народнических журналах проблемы роли масс и личности в истории. Так, Михайловский в конце 70-х годов выступил в «Отечественных записках» со статьей, в которой он подверг критике лассальянский тезис о реакционности крестьянства и доказывал, что крестьянские войны XVI в. отстаивали интересы не землевладения, как считал Лассаль, а земледельческого труда и имели прогрессивное значение⁸⁶.

Но наряду с этим в том же журнале помещались и такие статьи, в которых возвеличивалась роль революционного меньшинства и принижалась роль масс. В работе «Герои и толпа», опубликованной в «Отечественных записках» в первой половине 1882 г., Михайловский резко противопоставлял «критически мыслящих личностей», делающих историю, — народу, рассматриваемому как пассивная и слепая толпа.

Близкие к этим взгляды высказывал и Л. Тихомиров в статье «В защиту интеллигенции», в которой интел-

⁸⁴ «Отечественные записки», 1881, № 5, отд. II, стр. 91—92.

⁸⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 272.

⁸⁶ «Отечественные записки», 1879, № 8, отд. II, стр. 284.

лигенция представлена как «герои, убежденные в правоте дела», а народ противопоставлен этим «избранным людям» как «толпа», которая может «закидать их камнями»⁸⁷.

Салтыков-Щедрин, оставаясь в понимании общественной жизни на позициях идеализма, считая мысль, умственное развитие «величайшим двигателем общественного прогресса», отразил в своих взглядах и некоторые материалистические тенденции. В «Убежище Монрепо» он писал: «История имеет свои повороты, которые невозможно изменить, а тем менее устранить... Это закон, и именно закон последовательного развития одних явлений из других»⁸⁸. Салтыков-Щедрин вскрывал эксплуататорскую сущность современного ему строя, видел закономерность смены одних эксплуататоров другими. Но и для него правящие классы — это только «объегоривающая шайка людей»⁸⁹. Он понимал важнейшую роль масс в истории и считал, что «одна только эта сила (т. е. народ.— В. С.) и произвела всю реформу» (речь идет о крестьянской реформе 1861 г.)⁹⁰. Вместе с тем ему был чужд идеалистический культ личностей героев. Он подчеркивал, что именно народ способен «выделить из себя великих и гениальных людей» и тогда личность становится исторической⁹¹.

Эти же черты свойственны и многим сотрудникам «Дела». Шелгунов протестовал против субъективного социологического метода народников 70-х годов, отмечая «ошибочность нового направления русской мысли», возводившей отдельные выдающиеся личности в главную движущую силу истории. Он писал, что это «заблуждение... может принести вред многим, начинающим думать о социальных явлениях»⁹². Шелгунов подчеркивал значение материальных условий жизни, а позднее даже объявил знаменитое положение Маркса о первичности общественного бытия «историческим законом»⁹³. Таким образом, Шелгунов в вопросе о ведущей роли ма-

⁸⁷ «Дело», 1882, № 4, отд. II, стр. 4.

⁸⁸ «Отечественные записки», 1879, № 11, отд. I, стр. 269—270.

⁸⁹ Там же, стр. 268.

⁹⁰ Там же, т. VI, стр. 109.

⁹¹ Там же, т. VII, стр. 130.

⁹² «Дело», 1879, № 1, отд. I, стр. 152.

⁹³ Там же, 1883, № 6, отд. II, стр. 48.

териальных условий жизни сделал определенный шаг вперед по сравнению со своими взглядами 60-х годов, когда он в прокламации «К молодому поколению» писал, что «не идеи идут за выгодами, а выгоды за идеями»⁹⁴.

Высоко оценивая роль народных масс в истории, публицист-историк С. С. Шашков в очерке «Падение Рима и Византии» приходил к выводу, что в основе развития и падения римского рабовладельческого общества лежала борьба рабов против рабовладельцев, подрывающая самые основы римского общества⁹⁵. В остро критической рецензии на переводную работу Ван-ден-Берга «Краткая история Востока» рецензент «Дела» высмеивает «историков, полагающих, что историю делает не народ, а лица, изображения которых гравированы на пирамидах и монетах»⁹⁶.

Важной стороной деятельности демократических журналов «Отечественные записки» и «Дело» являлось их участие в ознакомлении русской общественности с произведениями Маркса и Энгельса. В рассматриваемые нами годы в «Отечественных записках» сотрудничал известный популяризатор экономического учения Маркса Н. Зибер; в то же время «Отечественные записки» приняли участие во второй дискуссии, посвященной «Капиталу» Маркса. В журнале «Дело» в ряде статей и в библиографическом отделе также освещались некоторые стороны учения Маркса, причем приводились обширные выдержки из его трудов. Журнал «Дело» представил также к опубликованию статью, посвященную жизненному пути Маркса, которая, однако, не была пропущена цензурой⁹⁷.

Всем статьям демократических журналов по этим вопросам было свойственно непонимание революционной сущности марксизма, его принципиального отличия от предшествующих общественных учений. В них проявлялась общая для народников тенденция — использовать критику Марксом капиталистического строя для обоснования идеи некапиталистического развития России.

⁹⁴ «Прокламации шестидесятих годов». М.—Л., 1926, стр. 45.

⁹⁵ «Дело», 1878, № 5, отд. I, стр. 71.

⁹⁶ Там же, 1880, № 8, отд. II, стр. 351.

⁹⁷ ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 2, д. 76, ч. VIII, л. 30.

Таковы политические, социально-экономические и социологические позиции журналов «Дело» и «Отечественные записки» в рассматриваемый период. Являясь народническими органами, журналы отражали с достаточной полнотой основные черты этого направления, его положительные и слабые стороны и либеральные колебания. Но бесспорная заслуга журналов в том, что они пропагандировали те прогрессивные идеи, которые господствовали в русской демократической общественности, способствуя их более широкому распространению.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ХРОНИКА ЗАСЕДАНИЙ ГРУППЫ ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД ПРИ СЕКТОРЕ ИСТОРИИ СССР ПЕРИОДА КАПИТАЛИЗМА ИНСТИТУТА ИСТОРИИ АН СССР

1961 год

30 января 1961 г. состоялось учредительное заседание Группы, на котором был заслушан доклад Б. С. Итенберга (Институт истории АН СССР) «О некоторых проблемах изучения истории общественного движения в пореформенной России», еще ждущих своего исследования, о задачах, стоящих перед исследователями в этой области. Е. Г. Плимак (Москва, редакция журнала «История СССР») сделал сообщение об изучении истории русского общественного движения второй половины XIX в. в современной буржуазной историографии.

В марте на заседании Группы М. И. Хейфец (МГУ) рассказал об итогах своего исследования революционной ситуации в России на рубеже 70 — 80-х годов. Тогда же был заслушан доклад В. С. Антонова (Москва, изд-во «Мысль») «Общественно-политические взгляды И. Н. Мышкина», в котором на основании новых материалов были раскрыты многие не исследованные ранее черты мировоззрения этого крупнейшего деятеля 70-х годов.

С интересным сообщением о том, как русское революционно-народническое движение отразилось в польской публицистике, выступила в апреле М. И. Ваврыкова (Варшава, Государственный университет).

В мае обсуждался доклад С. Л. Эвенчик (МГПИ им. Ленина) «Из истории деятельности „Народной воли“ после 1 марта 1881 года». Исследовательница попыталась проследить те изменения, которые намечались в народовольческой программе и тактике после убийства царя. Внимание слушателей привлекли новые материалы о деятельности народovolьцев среди военных и крестьян.

В конце 1961 — начале 1962 г. Группа обсудила цикл докладов на тему о государстве и революции в идеологии революционного народничества. Обсуждение открылось докладом Э. С. Виленской (Институт истории АН СССР) «Проблема революции в мировоззрении революционеров 60-х годов», показавшим характер связи революционных и утопически-социалистических идей в ранний период развития народнической идеологии.

В. Ф. Захарина (Институт истории АН СССР) рассказала в ноябре о своем исследовании вопросов революции в нелегальной популярной литературе 70-х годов. Источники, большинство из которых

впервые вводилось в научный оборот в этой работе, убедительно раскрывают революционно-демократический характер движения 70-х годов. Выступивший с сообщением «Вопросы государственности во взглядах П. Л. Лаврова» Х. С. Гуревич полемизировал с некоторыми существующими в нашей литературе взглядами на этого идеолога народничества.

В декабре Группа заслушала доклад Г. С. Ульмана (Львов, Государственный педагогический институт) «П. Н. Ткачев о государстве и революции». Историк стремился раскрыть черты мировоззрения видного идеолога 70-х годов, сближающие его с движением 70-х годов, и показать существенные отличия его взглядов от господствовавших в движении того времени.

1962 год

В январе 1962 г. В. А. Твардовская (Институт истории АН СССР) продолжила обсуждение вопросов революции и государства в понимании народничества, выступив с докладом «Проблема государства в идеологии народничества (1879—1883 гг.)». Она попыталась показать, в чем состоял вклад народovolьцев в решение этой проблемы по сравнению с их предшественниками и что дали теоретические искания народovolьцев в этой области и опыт их борьбы русскому освободительному движению.

Вопросы внутренней политики царизма в 60—70-х годах, ее периодизации в зависимости от методов, форм и приемов борьбы с революционным движением послужили темой выступления А. С. Нифонтова (Институт истории АН СССР) на очередном заседании группы в марте.

В мае на совместном заседании Группы и Сектора истории СССР периода капитализма обсуждался доклад Б. С. Итенберга «Революционные народники 70-х годов и их понимание развития капитализма в стране». Докладчик критиковал статью А. Ф. Смирнова и Г. И. Ионовой «Революционные демократы и народники» («История СССР», № 5) по вопросам о степени развития капитализма в пореформенной деревне и отражении этого процесса в идеологии революционеров.

Из сообщения профессора М. Маля (США, Калифорнийский университет) Группа познакомилась с состоянием изучения русской общественной мысли в Англии и США.

Очередное заседание Группы было посвящено обсуждению вопросов периодизации «хождения в народ». Прения развернулись по докладу Р. В. Филиппова (Петрозаводск, Государственный университет Карело-Финской АССР) «Основные этапы хождения в народ».

В октябре на заседании Группы с докладом «Общественно-политическая деятельность Н. К. Михайловского» выступил М. Г. Седов. В центре внимания докладчика оказались основные этапы эволюции мировоззрения видного теоретика народничества.

В ноябре на заседании Группы Е. К. Жигунов (ЦГАЛИ) сделал обзор материалов по истории общественного движения, находящихся в фондах Центрального литературного архива.

Затем было заслушано сообщение Б. Внучкова о работе Музея им. Н. А. Морозова.

Деятелю 60—70-х годов Г. З. Елисееву посвятила свой доклад, состоявшийся в декабре, В. Р. Лейкина-Свирская (Ленинград). Она исследовала общественно-политические взгляды Елисеева в период его деятельности в «Отечественных записках» в 70-х годах, сделав попытку показать его близость к демократическим традициям 60-х годов.

Выступивший на заседании С. А. Макашин (редакция «Литературного наследства») рассказал о подготовке специального тома «Литературного наследства», посвященного истории революционного народничества.

1963 год

1963 г. в Группе начался обсуждением в январе проблем русской демократической журналистики. В. Г. Серебренникова на материалах журналов «Дело» и «Отечественные записки» показала преемственную связь передовых русских журналов 60—70-х годов, а также новые идеи в публицистике пореформенного периода.

На следующем заседании в марте обсуждались два доклада, посвященные революционно-практическому движению 80-х годов и его организационным формам: В. П. Крикунова (Грозный, Государственный Чечено-Ингушский педагогический институт) «А. И. Ульянов и кружок кубанцев-донцов» и Г. Н. Хаита (Москва) «В. И. Ленин и выступление студентов Казанского университета в 1887 г.». Свежий архивный материал позволил исследователям осветить малоизвестные страницы освободительной борьбы 80-х годов.

Итогом интересных архивных находок явилось сообщение Г. М. Лифшица (ЦГАОР СССР) «Московский съезд народников в 1875 г.», восполнившее некоторые пробелы в наших представлениях о том периоде народнического движения, который последовал за «хождением в народ» 1874 г.

«Соотношение рабочего и народнического движения в разночинский период освободительной борьбы» — такова была тема совместного заседания Группы по изучению общественного движения пореформенной России и Группы по изучению истории пролетариата. Дискуссия развернулась по докладу Р. В. Филиппова, раскрывавшего взаимодействие, взаимовлияние пролетарской и народнической тенденции в общедемократическом движении того периода.

В ноябре Группа заслушала выступления Е. А. Таратуты (Институт мировой литературы им. Горького) об истории создания и общественном значении произведения С. М. Степняка-Кравчинского «Подпольная Россия».

1964 год

Заседания Группы в 1964 г. открылись в январе докладом С. С. Волка (ЛОИИ АН СССР) «Маркс и Энгельс о „Народной воле“». Большой круг материалов позволил докладчику обстоятельно осветить характер отношения вождей пролетариата к революционерам-народовольцам, их программе и практической революционной борьбе с самодержавием. В докладе был поднят вопрос и об отношении к марксизму русских революционеров, об их дружеских связях с Марксом.

На очередном заседании в марте Е. Р. Ольховский рассказал об итогах своего исследования революционно-народнической орга-

низации «Черный передел». Его доклад был посвящен петербургским кружкам чернопередельцев, состав которых и характер деятельности были впервые восстановлены в этой работе.

Поискам и находкам новых документов по истории общественного движения в пореформенный период было посвящено специальное заседание Группы в апреле. С сообщением о неизвестных воспоминаниях деятеля начала 80-х годов Булгаревича выступил П. С. Ткаченко (МГУ). Г. М. Лифшиц и К. Г. Ляшенко (ЦГАОР СССР) рассказали о найденных ими в архиве новых документах по истории «Земли и воли», позволяющих уточнить дату ее возникновения и ее программу в первой редакции.

В октябре Группа снова вернулась к обсуждению мировоззрения виднейшего идеолога народничества Н. К. Михайловского. На этот раз предметом разговора были философия и социология Михайловского, освещенные в дискуссионном докладе профессора А. М. Ладыженского «Н. К. Михайловский и его „формула прогресса“».

«Молодая партия „Народная воля“» — первая работа начинающего исследователя О. А. Сайкина — обсуждалась в декабре. Докладчик рассказал об истории возникновения и основных этапах деятельности этой малоизученной организации.

На этом же заседании К. Г. Ляшенко сделала сообщение, в котором доказала, что воспоминания о кружке «чайковцев», опубликованные в первом томе сборника документов «Революционное народничество 70-х годов XIX века», принадлежали перу видного революционера Н. А. Морозова.

1965 год

В январе 1965 г. было заслушано сообщение А. М. Валицкого (Варшава) об изучении русского общественного движения пореформенного периода польскими историками. Докладчик обстоятельно рассказал о подготавливаемой им к печати «Антологии русского народничества», осветил основные проблемы предисловия к книге, автором которого он является.

Февральское заседание было посвящено сообщению Е. А. Таруты «Ф. Энгельс и С. М. Степняк-Кравчинский», в котором автору удалось показать в новом свете взаимоотношения русского революционера с Энгельсом.

В апреле Г. М. Лифшиц выступил с докладом «Неизвестный съезд народников в Петербурге в 1875 г.», основанном на новых архивных документах, касающихся мало освещенного периода революционного движения,

ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ
РЕВОЛЮЦИОННОГО НАРОДНИЧЕСТВА
70—80-х ГОДОВ XIX в.,
ВЫШЕДШАЯ В 1956—1964 гг.*

*Литература об оценке народничества
классиками марксизма-ленинизма*

- Евсеев М. П. К вопросу о ленинской методологии истории русской общественной мысли.— «Труды Томского ун-та», т. 136. Томск, 1957.
- Козлов К. А. В. И. Ленин о характере рабочего движения 70-х годов XIX века в России.— «Ученые записки Череповецкого гос. пед. ин-та». Серия «Общественные науки», т. 3, вып. 1. Вологда, 1962.
- Кузнецов Ф. Ленин о народничестве (К вопросам методологии истории литературы).— «Вопросы литературы», 1960, № 4.
- Куликов Е. С. Борьба В. И. Ленина за материалистическое понимание истории против идеологии народничества.— «В помощь изучающим марксистско-ленинскую теорию. Сборник статей». Сталинград, 1961.
- Левин Ш. М. Революционное народничество 70-х годов в освещении В. И. Ленина.— «История СССР», 1962, № 2.
- Малаканов П. О. и Михайлов В. В. I. Ленин про економічний зміст народництва і причини його переродження в буржуазний лібералізм.— «Торжество ленинських ідей (Збірник статей, присвячений 90-річчю з дня народження В. І. Леніна)». Львів, 1960.
- Ниценко Я. Борьба В. И. Ленина против реакционных взглядов народников на роль трудящихся масс в развитии общества.— «Ученые записки Псковского пед. ин-та», вып. 4. Псков, 1957.
- Пирумова Н. М. В. И. Ленин о народничестве 70-х годов XIX века.— «Преподавание истории в школе», 1956, № 5.
- Полевой Ю. З. В. И. Ленин о домарксистском периоде революционного движения в России.— «Коммунист», 1958, № 6.
- Соколов Н. И. В. И. Ленин о народничестве и проблемы истории русской литературы.— «Вестник Ленинградского ун-та», 1961, № 8. Серия истории, языка и литературы, вып. 2.
- Филиппов Р. В. В. И. Ленин о письме Исполнительного Комитета «Народной воли» от 10 марта 1881 г.— «Вопросы истории. Сборник статей», вып. 1. Петрозаводск, 1961.

* Библиография составлена сотрудниками Государственной публичной исторической библиотеки в Москве М. Л. Борухиной и С. М. Мейлер.

- Фохт У. Ленинская концепция народничества и народническая литература.— «Вопросы литературы», 1960, № 7.
- Хворостухин М. Н. Об оценке В. И. Лениным взглядов революционных народников по аграрному вопросу.— «Труды Ставропольского с.-х. ин-та», 1963, вып. 13 (Социально-экономический).
- Черный М. И. Критика Марксом и Энгельсом антинаучных теорий русского народничества.— «Сборник научных работ кафедр общественных наук вузов г. Харькова», вып. 2. Харьков, 1957.
- Шестаков М. Г. Борьба В. И. Ленина против идеалистической социологии народничества. М., 1959.

-
- Левин Ш. М. Г. В. Плеханов как историк революционно-народнического движения 70-х годов.— «Труды Ленинградского отделения Ин-та истории АН СССР», 1963, вып. 5.

Общая литература о народничестве

- Жилінська Л. В. Революційне народництво 70-х — початку 80-х роки в ХІХ століття. Київ, 1959.
- «История русской экономической мысли», т. 2, ч. 1. М., 1959.
- Итенберг Б. С. К вопросу о влиянии революционеров эпохи падения крепостного права на народников первой половины 70-х годов XIX века.— «Исторические записки», т. 67. М., 1960.
- Итенберг Б. С. К вопросу о формировании революционных взглядов первых русских рабочих-революционеров.— «Вопросы истории», 1958, № 10.
- Итенберг Б. С. Некоторые вопросы изучения истории общественного движения пореформенной России.— «Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС». М., 1962.
- Итенберг Б. С. Связи передовых рабочих России с революционным движением Запада (70-е годы XIX в.).— «Вопросы истории», 1956, № 9.
- Козлов К. А. Экономическая программа народничества 70-х годов в России.— «Ученые записки Ошского пед. ин-та», 1959, вып. 3.
- Козьмин Б. Из истории революционной мысли в России. Избр. труды. М., 1961.
- Козьмин Б. П. Народничество на буржуазно-демократическом этапе освободительного движения в России.— «Исторические записки», т. 65. М., 1959.
- Лекаренко Д. М. Из предьстории русской революционной социал-демократии (К вопросу о роли и месте революционного народничества в освободительной борьбе русского народа).— «Ученые записки Красноярского пед. ин-та», 1959, т. 14.
- Меркулов А. Ветераны мечты и бессмертия (О революционерах-народовольцах).— «Молодой коммунист», 1962, № 9.
- Новиков П. Г. Революционные демократы и народники. Первые рабочие организации. М., 1959.
- «Очерки истории исторической науки в СССР», т. 2. М., 1960. Гл. 3. Народническая историография 70—90-х годов.
- Підлісний М. П. Ставлення революційного народництва Росії до квітневого повстання 1876 р. в Болгарії.— «Учені записки

- Харьківського університету ім. О. М. Горького», т. 100. «Труди історичн. факультету», т. 7, 1959.
- «Революціонне народничество 70-х годов XIX века. Сборник документов и материалов в двух томах», т. I—II. М., 1964—1965.
- Рязанцев Т. С. Революционное народничество в русском освободительном движении.— «Ученые записки Коми пед. ин-та», вып. 7. Сыктывкар, 1959.
- Седов М. Г. Предшественники русской социал-демократии. М., 1964.
- Седов М. Г. Революционное движение в России 60—70-х годов XIX века. М., 1959.
- Семенова Т. Г. Аграрный вопрос в трудах революционных народников.— «Ученые записки Московского финансового ин-та». М., 1963.
- Твардовская В. А. Проблема государства в идеологии народничества (1879—1883 гг.).— «Исторические записки», т. 74. М., 1963.
- Ткаченко П. С. О некоторых вопросах истории народничества.— «Вопросы истории», 1956, № 5.
- Федоров А. В. К вопросу о предшественниках русской социал-демократии.— «Вопросы истории КПСС», 1963, № 4.
- Швелидзе З. Л. Содружество русских и грузинских революционных народников в 70—80-х годах XIX века.— «Вопросы истории», 1957, № 12.

* * *

- Пирумова Н. М. Новое о революционном народничестве. Обзор научно-популярной исторической литературы.— «Преподавание истории в школе», 1960, № 2.
- Твардовская В. Научно-популярная литература о революционерах-народниках.— «Новый мир», 1960, № 12.

Дискуссия о народничестве

- Козьмин Б. «Народники» и «народничество».— «Вопросы литературы», 1957, № 9.
- Захарина В. Ф. Теоретическая конференция по народничеству (Москва, октябрь 1959 г.).— «История СССР», 1960, № 1.
- Колесниченко Д. А., Твардовская В. А. Научная конференция о революционном народничестве (Москва, октябрь 1959 г.) — «Вопросы истории», 1960, № 2.
- Белкин А. Народники и революционные демократы.— «Вопросы литературы», 1960, № 2.
- Виленская Э., Итенберг Б. Действительно, не надо упрощать.— «Вопросы литературы», 1960, № 10.
- Эльсберг Я. Упрощенные решения (Ответ А. Белкину).— «Вопросы литературы», 1960, № 2.
- Эльсберг Я. Лавров — предшественник социал-демократии и марксизма? — «Вопросы литературы», 1961, № 2.
- Деметьев А. Народничество и народническая литература.— «Вопросы литературы», 1961, № 2.
- Ионова Г. И., Смирнов А. Ф. Революционные демократы и на-

- родники (Развитие движения разночинцев в 1860—1870-х годах).— «История СССР», 1961, № 5.
- Широкое В. В. Еще раз о революционных демократах и народниках.— «История СССР», 1962, № 3.
- Захарина В. Ф. Революционные народники 70-х годов — идеологи крестьянской демократии.— «История СССР», 1963, № 5.
- Ткаченко П. С. О спорных проблемах истории народничества.— «История СССР», 1963, № 6.
- Эльсберг Я. Проблема поступательного исторического развития у великих революционных демократов и народнических теоретиков 70-х годов в свете ленинского анализа.— «Ленин и литература. Сборник статей». М., 1963, стр. 240—270.

*Россия и международное революционное движение
в 70-х годах XIX века*

- Ваврыкова М. Отражение революционного народнического движения в польской публицистике 70—80-х годов.— «Краткие сообщения Ин-та славяноведения АН СССР», т. 37. М., 1963; см. также: «Русско-польские революционные связи. Сборник статей». М., 1963.
- Волошин А. Г. О некоторых архивных документах в связи с историей борьбы царизма против влияния I Интернационала в России.— «Вестник Московского ун-та». Серия «История», 1965, № 1.
- Жуйков Г. С. Новое о деятельности Русской секции I Интернационала.— «История СССР», 1964, № 4.
- Инглези Р. М., Мендельсон В. И. I Интернационал, Парижская Коммуна и русское революционное движение 60—70-х годов XIX в. Указатель советской литературы.— «История СССР», 1964, № 4.
- Итенберг Б. С. Парижская Коммуна и русские революционеры 70-х годов XIX века (К 90-летию провозглашения Парижской Коммуны).— «История СССР», 1961, № 2.
- Итенберг Б. Первый Интернационал и революционная Россия. М., 1964. Рец.: И. Аграновский. Первый Интернационал и Россия.— «Московский комсомолец», 2 сентября 1964.
- Киперман А. Я. Русская эмигрантская колония в Цюрихе и ее связи с Россией в начале 70-х годов XIX в.— «Ученые записки Шуйского гос. пед. ин-та», вып. 10, 1963.
- Книжник-Ветров И. С. К вопросу о связях Русской секции I Интернационала в России.— «История СССР», 1964, № 4.
- Книжник И. С. Русские деятельницы Первого Интернационала и Парижской Коммуны. Е. Л. Дмитриева, А. В. Жаклар, Е. Г. Бартенева. М.— Л., 1964.
- Колпинский Н. Ю., Твардовская В. А. Бакунин в русском и международном освободительном движении.— «Вопросы истории», 1964, № 10.
- Коротеева А. Е. Отклики русской печати на деятельность I Интернационала.— «Новая и новейшая история», 1964, № 5.
- Лещенко Н., Парасунько О. Первый Интернационал и революционное движение в России.— «Коммунист Украины», 1964, № 9.

- Селезнев К. Л. I Интернационал и революционное движение в России в XIX веке.— «История СССР», 1964, № 4.
- Соколов О., Филиппов Р. Первый Интернационал и Россия.— «Коммунист», 1964, № 14.

«Чайковцы»

- Троицкий Н. А. Большое общество пропаганды. 1871—1874 гг. (так называемые «чайковцы»). Саратов, 1963.
- Троицкий Н. А. Большое общество пропаганды. 1871—1874 гг. (так называемые «чайковцы»).— «История СССР», 1962, № 5.
- Троицкий Н. А. Народническая организация т. н. «чайковцев» и революционная пропаганда среди рабочих России в начале 1870-х годов.— «Ученые записки Московского пед. ин-та», 1962, т. 187.
- Филиппова Р. В. Идеология Большого общества пропаганды (1869—1874). Учебное пособие по специальному курсу. Петрозаводск, 1963.

«Хождение в народ». «Земля и воля»

- Базанов В. Александр Ливанов и его трактат «Что делать?» — «Русская литература», 1963, № 3.
- Итенберг Б. С. Начало массового «хождения в народ». — «Исторические записки», т. 69, М., 1961.
- Итенберг Б. С. Революционные народники и вопросы религии (Из истории «хождения в народ»). — «Вопросы истории религии и атеизма», вып. XI. М., 1963.
- Твардовская В. А. Воронежский съезд землевольцев (июнь 1879 г.). — «Научные доклады высшей школы. Исторические науки», 1959 г., № 2.
- Твардовская В. А. Кризис «Земли и воли» в конце 70-х годов. — «История СССР», 1959, № 4.
- Ткаченко П. С. К вопросу о возникновении и составе «Земли и воли» 70-х годов XIX века. — «Ученые записки Московского гос. ун-та», 1952, вып. 156.
- Ткаченко П. С. Революционная народническая организация «Земля и воля» (1876—1879 гг.). М., 1961.
Рец.: В. П. Крикунов. — «Вопросы истории», 1963, № 7.
- Троицкий Н. А. О первой программе революционного народничества. — «Вопросы истории», 1961, № 6.
- Филиппов Р. В. О некоторых вопросах проблематики «хождения в народ» революционеров 70-х годов. — «Ученые записки Петрозаводского ун-та», т. II, вып. 1, 1962.
- Филиппов Р. В. Первый этап «хождения в народ» (1873—1874). Петрозаводск, 1960.

«Народная воля» и «Черный передел»

- Бушканец Е. Южная организация «Народной воли» и В. Г. Короленко. — «Русская литература», 1963, № 3.
- Волк С. С. Деятельность «Народной воли» среди рабочих в годы второй революционной ситуации (1879—1882). — «Исторические записки», т. 74. М., 1963.

- В о л к С. С. Письмо Исполнительного Комитета «Народной воли» к заграничным товарищам— «Труды Ленинградского отделения Ин-та истории АН СССР», вып. 7, 1964.
- В о л к С. С. Программные документы «Народной воли» (1879—1882 гг.).— «Труды Ленинградского отделения Ин-та истории АН СССР», вып. 5, 1963.
- Г о р я к и н а В. С. Деятельность народников среди рабочих Петербурга в период революционной ситуации 1879—1881 гг.— «История СССР», 1961, № 3.
- Л е в и н Ш. М. «Черный передел» и проблема политической борьбы.— «Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. Сборник статей к 75-летию академика Н. М. Дружинина». М., 1961.
- Т в а р д о в с к а я В. А. Возникновение революционной организации «Народная воля» (1879—1881). Автореферат диссертации, представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1960.
- Т в а р д о в с к а я В. А. Организационные основы «Народной воли».— «Исторические записки», т. 67. М., 1960.
- «Четыре уставных документа „Народной воли“».— «Исторический архив», 1962, № 3.
- Ш и р о к о в а В. В. К вопросу об оценке деятельности «Народной воли».— «Вопросы истории», 1959, № 8.
- Ш и р о к о в а В. Організаційна і пропагандистська робота «Народної воли».— «Наукові записки Луцького держ. пед. ін-та». Львів, 1961, т. 9.

Местные народнические организации

- А ш у р к о в В. Попытки народнической пропаганды среди оружейников в 1860—70-х годах.— «Литературная Тула», кн. 12. Тула, 1956.
- Б у д а е в Д. И. Деятельность революционных народников в Смоленской губернии в 70—80-х годах XIX века.— «Материалы по изучению Смоленской области», вып. 5. Смоленск, 1963.
- Г и н е в В. Н. Об одном источнике по истории революционной пропаганды 70-х годов.— «Труды Ин-та истории АН СССР», 1964, вып. 7.
- Г и н е в В. Н. Революционная деятельность народников 70-х годов среди крестьян и рабочих Среднего Поволжья.— «Исторические записки», т. 74. М., 1963.
- Г и н е в В. Н. Революционная пропаганда в Поволжье накануне «хождения в народ».— «Вестник Ленинградского ун-та», 1963, № 2. Серия истории, языка и литературы, вып. 1.
- Г и н е в В. Н. Революционное народническое движение в Среднем Поволжье в 70-х годах XIX в. Автореферат диссертации, представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1964.
- Г у г у ш в и л и П. В. Карл Маркс в грузинской публицистике и общественности до 1898 года. Тбилиси, 1963.
- К и п е р м а н А. Я. Деятельность народников во Владимирской губернии первой половины 70-х годов XIX века.— «Ученые записки Шуйского пед. ин-та», 1959, вып. 8.

- Киперман А. Я. Народническая пропаганда среди иваново-вознесенских рабочих в 1874—1875 гг.— «История СССР», 1961, № 3.
- Крикунов В. П. Революционные разночинцы на Северном Кавказе. Нальчик, 1958.
Рец.: Х. Г. Берикатов.— «История СССР», 1960, № 4.
- Мунтян М. П. К вопросу об участии бессарабских народников в революционном движении России в 60—70-х годах XIX в.— «Ученые записки Кишиневского гос. ун-та», 1958, т. 33.
- Рабинович Я. Б. Екатеринбургский революционно-народнический кружок (1871—1875 гг.).— «Ученые записки Пермского ун-та», 1961, т. 17, вып. 4.
- Рабинович Я. Б. Пермский кружок революционных народников (1880—1883 годы).— «Из истории Урала. Сборник статей». Свердловск, 1960.
- Соколов О. Д. Революционная пропаганда на железных дорогах России в 70-х годах XIX в.— «История СССР», 1958, № 6.
- Швелидзе З. Л. Из истории революционно-народнического движения в Закавказье (60-е и первая половина 70-х годов XIX в.). Тбилиси. 1964. На груз. яз.
- Широкова В. В. Возникновение народовольческой организации в Харькове.— «Из истории общественной мысли и общественного движения в России». Саратов, 1964.
- Ярневский И. З. Народовольцы в Тунке.— «Краеведческий сборник», вып. 6. Улан-Удэ, 1961.

Политические процессы. Тюрьма и ссылка

- Антонов В. С. К процессу «193-х».— «Вопросы архивоведения», 1961, № 1.
- Владимиров В. Процесс пятидесяти (Из истории революционного движения в России. 80-е годы XIX в.).— «Огонек», 1963, № 29.
- «К истории процесса «193-х» (1877—1878 гг.).— «Исторический архив», 1962, № 3.
- Сенченко И. А. Революционеры России на Сахалинской каторге. Южно-Сахалинск, 1963.
- Фруменков Г. Г. Участники Казанской демонстрации в остроге Соловецкой крепости.— «Ученые записки Архангельского пед. ин-та», 1964, вып. 16.
- Яковлев О. Ф. Революционеры 70-х годов XIX в. в Вышневолоцкой политической тюрьме № 2.— «Ученые записки Калининского гос. пед. ин-та», 1964, т. 38.

Печать

- Веревкин Б. П. Русская нелегальная революционная печать 70-х и 80-х годов XIX века. М., 1960.
- Григорьев И. К. Неизвестный комплект журнала «Народное дело».— «История СССР», 1964, № 4.
- Захарина В. Ф. Революционная пропагандистская литература 70-х годов XIX в.— «Исторические записки», т. 71. М., 1962.
- Кузнецов Ф. Ф. Журнал «Русское слово» и народничество.— «Из истории русской журналистики. Статьи и материалы». М., 1959.

- Рейфман П. С. Тартуская народовольческая типография (Из истории русской бесцензурной журналистики).— «Ученые записки Тартуского ун-та», 1961, вып. 114.
- Твардовская В. А. Ценные памятники марксистской агитационной литературы.— «Вопросы истории КПСС», 1963, № 10.
- Теплинский М. О народничестве «Отечественных записок» (1868—1884).— «Русская литература», 1964, № 2.

Революционные народники и художественная литература

- Бушканец Е. Неизвестные памятники революционной поэзии 1880-х годов (С публикацией текстов стихотворений).— «Русская литература», 1962, № 1.
- Гаркави А. М. Н. А. Некрасов и революционное народничество. М., 1962.
Рец.: Б. Яранцев «Н. А. Некрасов и революционное народничество».— «Вопросы литературы», 1963, № 7.
- Гаркави А. Революционное народничество в поэтическом освещении Н. А. Некрасова.— «Русская литература», 1960, № 4.
- Двинянинов Б. Н. И. С. Тургенев и П. Ф. Якубович.— «Ученые записки Орловского пед. ин-та», 1963, т. 17.
- Зенкова К. В. Зарубежные романы о «людях будущего» в оценке русской критики 70-х годов XIX века (журнал «Дело»).— «Ученые записки Карельского пед. ин-та», т. XVI. Гуманитарные науки, 1964.
- Костылев О. Л. Крах «хождения в народ» и его отзвуки в неопубликованной повести С. Каронина.— «Вестник Ленинградского ун-та», 1962, № 14. Серия истории, языка и литературы, вып. 3.
- Левита Р. Я. Общественно-экономические взгляды М. Е. Салтыкова-Щедрина. Калуга, 1961.
Рец.: В. Твардовская. Новое исследование о Салтыкове-Щедрине.— «Новый мир», 1962, № 4.
- Маевский М. На исходе ночи (К истории террористической организации «Народная воля»).— «Дон», 1963, № 4.
- Осьмаков Н. В. Поэзия революционного народничества. М., 1961.
Рец.: Н. Гайденов. Поэзия борьбы и страданий.— «Вопросы литературы», 1962, № 5; Е. Бушканец.— «Октябрь», 1962, № 8.
- Смолко М. С. Глеб Успенский и революционное движение середины семидесятых годов. Пржевальск, 1960.
- Шарапов Г. Реализм писателей-народников.— «Вопросы литературы», 1961, № 2.

Литература об отдельных деятелях народничества

Лавров и Ткачев—идеологи
 народничества

- Булатов Г. П. Общественно-экономические взгляды П. Л. Лаврова и П. Н. Ткачева.— «Ставропольский гос. пед. ин-т. Сборник трудов», вып. 21, 1963.
- Дьяков В. А. Был ли Лавров революционером 1860-х годов? — «Вопросы архивоведения», 1962, № 3.

- З а м я т н и н В. Экономические взгляды П. Л. Лаврова.— «Научные доклады высшей школы. Экономические науки», М., 1961, № 3.
- К и р и ч е н к о Т. М. К вопросу об общественно-политических взглядах П. Л. Лаврова в 70—80-х годах XIX в.— «Труды Московского гос. историко-арх. ин-та», т. 18. М., 1963.
- М а р к и н а Н. Л. Социологические взгляды П. Л. Лаврова.— «Труды Ин-та философии», вып. 1. Минск, 1958.
- П а и н а Э. С. Из письма А. А. Кропоткина П. Л. Лаврову (декабрь 1874 г.).— «История СССР», 1958, № 2.
- С е м е н к о в а Т. Г. Экономические взгляды идеологов революционного народничества (Бакунин, Лавров и Ткачев). Автореферат диссертации, представленной на соискание ученой степени кандидата экономических наук. М., 1963.
- Т р о и ц к и й Н. А. Основание журнала П. Л. Лаврова «Вперед».— «Из истории общественной мысли и общественного движения в России». Саратов, 1964.
- М о р е н е ц ь В. Г. Погляди П. М. Ткачева на російську общину.— «Вісник Київського ун-ту», 1958, № 1. Серія економіки та права, вип. 2.
- Р е у э л ь А. Л. Социально-экономические воззрения Ткачева.— «Научные записки Московского финансового ин-та», вып. 8, М., 1957.

* * *

В а л к и н М. Х. Александр Сергеевич Бутурлин (Народник. 1845—1916) (Материалы к биографии). Ульяновск, 1961.

Т р о и ц к и й Н. А. О дате рождения А. И. Желябова (Публикация документа).— «Исторический архив», 1959, № 4.

К л е я н к и н А. В. Андрей Желябов — герой «Народной воли». М., 1959.

К л е я н к и н А. В. А. И. Желябов и рабочая организация партии «Народная воля».— «Научные доклады высшей школы. Исторические науки», 1961, № 4.

К л е я н к и н А. В. Революционная деятельность и политические взгляды А. И. Желябова. Автореферат диссертации, представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1962.

П р о к о ф ь е в В. А. Андрей Желябов. М., 1960.

Рец.: А. Мельников. Корифей революционной борьбы.— «Молодая гвардия», 1961, № 8; В. Т в а р д о в с к а я. Книга о Желябове.— «Нева», 1961, № 12.

Б а р а б а н о в а А. И. О месте заключения Н. И. Кибальчича.— «Вопросы истории», 1964, № 7.

И в а щ е н к о В. Подвиг Кибальчича.— «Советская Украина», 1961, № 3.

«Неопубликованное письмо Н. И. Кибальчича».— «Исторический архив», 1961, № 6.

Ч е р н я к А. Николай Кибальчич — революционер и ученый. М., 1960.

Рец.: Э. И. Б а к с т.— «История СССР», 1961, № 3; А. К р а в е ц. Революционер-ученый.— «Нева», 1961, № 7.

- Антонов В. Ф. Русский друг Маркса Герман Александрович Лопатин (1845—1918). М., 1962.
- Раппопорт Ю. М. Из истории связей русских революционеров с основоположниками научного социализма (К. Маркс и Г. Лопатин). М., 1960.
- Савицкий А. Герман Лопатин в Ташкенте (К биографии революционера 70-х годов XIX в.).— «Звезда Востока», 1960, № 2.
-

- Морозов Н. А. Повести моей жизни. Мемуары, т. 1—2. М., 1962.
- Шмишкис С. Николай Александрович Морозов — революционер-народоволец и ученый-химик.— «Ученые записки Куйбышевского гос. пед. ин-та», 1963, вып. 45.
-

- Антонов В. С. И. Мышкин — один из блестящей плеяды революционеров 70-х годов. М., 1959.

- Антонов В. С. Общественно-политические взгляды И. Н. Мышкина.— «Исторические записки», т. 72. М., 1962.

- Базанов В. Ипполит Мышкин и его речь на процессе «193-х» (К биографии революционера-народника).— «Русская литература», 1963, № 2.

- Гандкина Я. А. Новые материалы к биографии Ипполита Мышкина.— «Новгородский исторический сборник», вып. 9. Новгород, 1959.

- «Новые документы об Ипполите Мышкине».— «Исторический архив», 1961, № 6.

- Ольховский Е. Каронин или Мышкин (К вопросу об авторе статьи «Отрывочные заметки одного из осужденных по процессу «193-х»» в газ. «Начало», 1878, № 4. Из истории русского освободительного движения второй половины XIX века).— «Русская литература», 1960, № 1.

- Островер Л. И. Ипполит Мышкин. М., 1959.

- Рец.: Ю. Нагибин. Жизнь Ипполита Мышкина.— «Знамя», 1960, № 1; В. Твардовская. Книга об Ипполите Мышкине.— «Новый мир», 1960, № 4; Л. Ратушняк. Человек идет на смерть.— «Молодая гвардия», 1959, № 11.
-

- Прозоров Н. Н. И. Наумов в 60—70-е годы.— «Ученые записки Енисейского гос. пед. ин-та», 1960, вып. 4.

- Пугачев А. Человек души богатырской (О сибирском революционере В. С. Осипанове, члене террористической фракции партии «Народная воля»).— «Сибирские огни», 1958, № 12.

- «К истории побега С. Л. Перовской».— «Исторический архив», 1961, № 3.

- Павлюченко Э. А. Софья Перовская. М., 1959.

- Сегал Е. А. Софья Перовская. М., 1962.
-

- Дмитриев Ю. «Смело, товарищи, в ногу!» (Из биографии революционера-народника Л. П. Радина).— «Знание — сила», 1961, № 4.
-

Итенберг Б. С. Дмитрий Рогачев, революционер-народник. М., 1960.

Степняк-Кравчинский С. М. Подпольная Россия. М., 1960.
Степняк-Кравчинский С. М. Россия под властью царей. М., 1964.

Самарин Ф. К биографии народовольца А. Л. Теплова.— «Земля родная». Альманах. Пенза, 1959, № 22—23.

«Александр Ульянов под наблюдением Петербургского охранного отделения». — «Исторический архив», 1960, № 2.

Итенберг Б. С., Черняк А. Я. Александр Ульянов (1866—1887). М., 1957.

Канивец В. В. Александр Ульянов. М., 1961.

Рец.: И. Браинин. Книга о старшем брате Ленина.— «Новый мир», 1962, № 6.

Крикунов В. П. А. И. Ульянов и революционные разночинцы Дона и Северного Кавказа. Нальчик, 1963.

«Новые документы об Александре Ульянове». — «Вопросы архивоведения», 1960, № 5.

Семанов С. Н. Во имя народа. Очерк жизни и борьбы А. Ульянова. М., 1961.

Трофимов К. А. Отражение дела 1 марта 1887 года на родине Александра Ильича Ульянова (К 75-летию со дня казни А. И. Ульянова). — «Ученые записки Ульяновского пед. ин-та», 1963, т. 18, вып. 3.

Матвеева И. Е. Вера Фигнер (1852—1942). М., 1961.

Павлюченко Э. А. Вера Фигнер. М., 1963.

Фигнер В. Н. Запечатленный труд. Воспоминания. В двух томах. М., 1964.

Каминский В. И. К вопросу о роли В. В. Берви-Флеровского в русском общественно-литературном движении 70—80-х годов XIX века. — «Ученые записки Выборгского пед. ин-та», 1957, т. I, вып. I.

Рязанцев Т. С. Флеровский В. В. в русском революционном движении. — «Ученые записки Коми пед. ин-та», 1958, вып. 6.

Михайлов Б. Андрей Афанасьевич Франжоли в Вологодской ссылке. — «Вологодский архив. Сборник документов и материалов», вып. 2. Вологда, 1963.

Волк С. Юношеские тетради П. Ф. Якубовича. — «Русская литература», 1964, № 3.

Якубович П. Ф. В мире отверженных. Записки бывшего каторжника, т. 1—2. М.—Л., 1964.

Янко М. Народовец в Кургане. — «Урал», 1960, № 11,

Рабочие-революционеры в эпоху народничества

- Рожин П. М. Корифей рабочего движения. Очерк о выдающемся рабочем-революционере П. А. Алексееве. М., 1961.
- Трофимов А. С. Выдающийся деятель рабочей демократии (К 115-летию со дня рождения П. А. Алексеева).— «Вопросы истории КПСС», 1964, № 1.
- Егоров В. А. Обнорский Виктор Павлович (1851—1919). Вологда, 1962.
- Мирошников И. Я. Виктор Обнорский — выдающийся рабочий-революционер. М., 1960.
- Полевой Ю. З. Степан Халтурин. М., 1957.
- Рец.: А. Вещиков. Литература о выдающихся рабочих-революционерах.— «В помощь политическому самообразованию», 1958, № 11.
- Соболев В. А. Степан Халтурин. Киров, 1957.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
С. С. Волк. Карл Маркс, Фридрих Энгельс и «Народная воля»	7
В. А. Твардовская. Вторая революционная ситуация в России и борьба «Народной воли»	61
С. Л. Эвенчик. Из истории народовольческой пропаганды среди крестьянства после 1 марта 1881 г.	94
Е. Р. Ольховский. К истории «Черного передела» (1879—1881 гг.).	124
М. Г. Седов. К вопросу об общественно-политических взглядах Н. К. Михайловского	179
Р. В. Филиппов. Соотношение революционно-народнического и рабочего движения в России в 70-х годах XIX в.	211
Г. М. Лифшиц. О трех вариантах программы журнала «Вперед»	241
Е. К. Жигунов, Е. Б. Рашковский. Из истории русско-польских революционных связей 1878—1880 гг.	275
В. П. Крикунов. «Рабочий союз» в Тифлисе (1887—1888 гг.)	300
Н. А. Троицкий. Процесс «193-х»	314
В. С. Антонов. К вопросу о социальном составе и численности революционеров 70-х годов	336
В. Г. Серебренникова. Демократическая журналистика периода второй революционной ситуации	344

Приложения

Хроника заседаний группы по изучению истории общественно-го движения в России в пореформенный период при Секторе истории СССР периода капитализма Института истории АН СССР	366
Литература по истории революционного народничества 70—80-х годов XIX в., вышедшая в 1956—1964 гг.	370

**Общественное движение
в пореформенной России**

Утверждено к печати

Институтом истории Академии наук СССР

Редактор *В. Ф. Захарина*
Редактор издательства *М. М. Медведев*
Художник *В. А. Алексеев*
Технический редактор *А. П. Ефимова*

Сдано в набор 17/III 1965 г.
Подп. к печ. 10/VI 1965 г. Формат 84×108¹/₃₂.
Печ. л. 12(24)+1 вкл. (0,07 печ. л.).
Усл. л. 19,68, уч.-изд. л. 21.
Г-08511. Тираж 1400 экз. Изд. № 4244/65.
Тип. зак. № 5611. Св. темплан 1965 г. № 1021.

Цена 1 р. 41 к.

Издательство «Наука», Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука»,
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

**ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ КНИГИ,
ВЫПУЩЕННЫЕ ИЗДАТЕЛЬСТВОМ
«НАУКА»**

- Археографический ежегодник за 1962 г.** (к. 70-летию академика М. Н. Тихомирова). 1963 г. 499 стр. 2 р. 80 к.
- Археографический ежегодник за 1963 г.** 1964 г. 432 стр. 2 р. 73 к.
- БУДОВНИЦ И. У. Общественно-политическая мысль Древней Руси [XI—XIV вв.].** 1960 г. 488 стр. 1 р.
- Восстание 1662 г. в Москве.** Сборник документов. 1964 г. 307 стр. 35 к.
- ГОРОДЕЦКИЙ Е. Н. Рождение Советского государства. 1917—1918.** 1964 г. 531 стр. 2 р.
- ЕРЕМЕНКО А. И. В начале войны.** 1965 г. 512 стр. 2 р.
- ИГНАТЬЕВ Г. С. Октябрь 1917 года в Москве.** 1964 г. 144 стр. 44 к.
- Исторические записки, т. 75.** 1965 г. 324 стр. 1 р. 80 к.
- Исторические записки, т. 76.** 1965 г. 320 стр. 1 р. 83 к.
- Исторические записки, т. 77.** 1965 г. 296 стр. 1 р. 70 к.
- ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ. Историография истории СССР.** 1965 г. 472 стр. 2 р.
- КЛЯЦКИН С. М. На защите Октября.** 1965 г. 476 стр. 1 р. 92 к.
- КОЗЬМИН Б. П. Из истории революционной мысли в России.** 1961 г. 767 стр. 2 р. 68 к.
- Краткая история СССР. Ч. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции.** 1963 г. 536 стр. 2 р.
- Краткая история СССР. Ч. 2. От Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней.** 1964 г. 632 стр. 2 р.
- ЛИНКОВ Я. И. Революционная борьба Герцена и Огарева и тайное общество «Земля и Воля» 1860-х годов.** 1965 г. 475 стр. 2 р. 10 к.
- Полное собрание русских летописей, т. 29.** 1965 г. 391 стр. 2 р. 70 к.
- УЛАЩИК Н. Н. Предпосылки крестьянской реформы 1861 г. в Литве и Западной Белоруссии.** 1965 г. 480 стр. 2 р. 12 к.

**ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАКАЗЫ НА ЭТИ КНИГИ
СЛЕДУЕТ ПРИСЫЛАТЬ ПО АДРЕСУ:**

Москва, Центр, Б. Черкасский пер., 2/10, магазин «Книга-почтой»
конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига».

АДРЕСА МАГАЗИНОВ «АКАДЕМКНИГА»:

Москва, ул. Горького, 8 (магазин № 1); Москва, ул. Вавилова, 55/5 (магазин № 2); Ленинград, Д-120, Литейный проспект, 57; Свердловск, ул. Белинского, 71-в; Новосибирск, Красный проспект, 51; Киев, ул. Ленина, 42; Харьков, Уфимский пер., 4/6; Алма-Ата, ул. Фурманова, 139; Ташкент, ул. Карла Маркса, 29; Ташкент, ул. Шота Руставели, 43; Баку, ул. Джапаридзе, 13; Уфа, 55, Проспект Октября, 129.

«АКАДЕМКНИГА»

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
13	3 св.	нередо	нередко
110	7 сн.	ф. 1405, оп. 80, 1881 г., д. 8250, (1879—1881 гг.)	ф.1410, оп. 1, 1881 г., д. 290, (1879—1888 гг.)
124	3 св.	критики	критик
187	5 св.	т. III,	т. II,
220	2 сн.	и потому	«потому
239	16 сн.	«Программы	«Проекта устава
290	7 св.	В ответ	Ответ
296	15 св.	адрес	на адрес
296	16—17 св.	№ 11,	№ 10,
351	1 сн.	(П. М. Ткачев)	(П. Н. Ткачев)
359	11 сн.	Там же,	Н. Щедрин. Полн. собр. соч.,
363	4 сн.	XIV в.)	XIX в.)
376	18 св.	1881 гг.	1888 гг.
332	9 св.		

«Общественное движение в пореформенной России».

